

Терри Гудкайнд

Сердце из черного льда

«Хроники Никки. Том 4»



Топор рубит древесину! Меч рубит кости!

Terry Goodkind

Heart of Black Ice

The Nicci Chronicles

Перевод с английского *Татьяны Алексеевой и Dr. Pertseff*

Под редакцией *Дмитрия Великого и Татьяны Алексеевой*

Компьютерный дизайн и обложка *Дмитрия Великого*

Корректоры *Дина Зайцева и Валерия Невдах*

Руководитель группы перевода *Дмитрий Великий*

Старший переводчик *Татьяна Алексеева*

В Древнем мире вновь бушует война, а на побережье появилась новая угроза. Лила и Бэннон, попавшие в плен к своему врагу, королю Скорбь, обнаруживают ужасающую силу, которая стремится разрушить Древний мир.

Норукайцы — варвары, налетчики и работорговцы — построили внушительный флот на суровых каменистых островах. Численность этого врага больше, чем кто-либо подозревает, и норукайцы готовы начать свою последнюю и самую смертоносную войну.

Информационные ресурсы:

vk.com/mord.sith.club — Группа перевода «Клуб Морд-Сит»

terrygoodkind.ru — Поклонники Терри Гудкайнды

Группа перевода «Клуб Морд-Сит», 2025

Колдунья спасет мир

Глава 1

Из поросших лесом холмов Натан наблюдал за огромной армией генерала Утроса. Потрепанный волшебник стоял в тени от раскидистых дубов и тонких сосен. Некогда белый балахон, надетый поверх черных штанов и изящной рубашки, теперь был покрыт грязью и сажей. Натан продолжит сражаться с древним врагом. Ильдакар исчез, но он и ополченцы еще живы.

Сто пятьдесят тысяч воинов, заполонивших долину, пробудились и готовились пройти маршем через Древний мир. Пятнадцать столетий назад легендарный генерал Утрос осадил Ильдакар — город с высокими стенами, великолепными зданиями и прекрасными садами. Городские волшебники при помощи уникального заклинания окаменения обратили армию в статуи, но теперь оно развеялось, и непобедимая армия возобновила атаку. Отчаявшись спасти легендарный город, выжившие волшебники накрыли Ильдакар саваном вечности... а Натан и его спутники остались снаружи. Теперь лишь они стоят на пути армии, способной завоевать континент.

— Добрые духи... — он выдернул сухую травинку из своих длинных белых волос.

Невероятная военная мощь напомнила ему войско Имперского Ордена, вставшего на равнинах Азрита под Народным Дворцом. Натан не терял надежды, ведь армия Джеганя потерпела поражение — но тогда с Натаном был Ричард Рал. И Никки...

Аббатиса Верна поправила юбки и села на покрытый лишайником валун.

— Уходя из Твердыни, мы не ожидали встретить армию на своем пути. Мы лишь надеялись отыскать Ильдакар.

— Ильдакар исчез, — простонал волшебник Ренн, с шумом шагая к ним через подлесок. Он схватился за узлова-

тую сосновую ветку и посмотрел на то место, где совсем недавно был его славный город. Отстраненно нахмурившись, он стер пятно смолы с потрепанного бордового балахона. — Волшебники укрыли Ильдакар от самого времени. Они даже не подумали о тех, кто остался снаружи. — Его обвисшие щеки были прочерчены глубокими морщинами. — Во всяком случае, теперь они в безопасности... я полагаю.

— Нужно по максимуму использовать что имеем, — сказал Натан.

Он чувствовал одиночество острее, чем остальные, потому что потерял не только город. Выжженная полоса на поле боя мучительно напоминала о том, как дорогая Эльза пожертвовала собой, погибнув в пекле магии переноса и уничтожив тысячи солдат генерала Утроса. Эта победа далась слишком большой ценой. Вместо торжества в новом сердце Натана поселилась мрачная печаль.

Пока вражеская армия не пришла в себя, Натан и его спутники отступили в холмы, где натолкнулись на экспедицию из Твердыни — аббатису Верну, нескольких сестер Света, многочисленных ученых и отряд д'харианских солдат во главе с генералом Зиммером. Однако их объединенные силы не могли противостоять гигантской армии.

Натан так упорно и так долго сражался, что у него даже не было возможности осмыслить потери.

— Как Никки вернется к нам? Если Ильдакар исчез, то куда она отправится? Куда сильфида переместит ее из Серримунди?

Никки спешно отправилась в прибрежный город, чтобы предупредить об угрозе для Древнего мира. Из-за исчезновения Ильдакара она застряла на другом конце страны.

— Помощь Никки нам не помешала бы, — призналась Верна. — Но мы и сами на кое-что способны. Не забывай об этом.

Натан погладил подбородок:

— Не забываю, дорогая аббатиса, но колдунья не единственная, кого мы потеряли. — Он не знал, что случилось с Бэнноном, который сражался в Ильдакаре, когда город исчез. Натан надеялся, что пылкий молодой мечник сейчас в безопасности под саваном. — Не так я представлял нашу встречу. — Он сел рядом с Верной на валун. — Я столетиями пытался освободиться от сестер Света, и вот мы снова вместе.

— Да, снова. — Аббатиса устало улыбнулась и заправила за левое ухо прядь каштановых с проседью волос. — Но нам нужно двигаться дальше.

— И куда? — спросил Ренн, метавшийся среди сосен. — Просто сбежим? Мы не сможем победить генерала Утроса.

Лорд Орон с надменным видом подошел к ним; его толстая светлая коса была перекинута через плечо, а узкое лицо покрывали крапинки свежей крови.

— Как лучше действовать? Мы не какая-то шайка. Может, стоит создать свой совет одаренных для борьбы с Утросом?

— Довольно маленький совет, — кисло сказал Ренн.

— Ты забываешь, как много среди нас одаренных, — сказала Верна. — Не стоит недооценивать сестер Света и ученых Твердыни.

К обсуждению присоединилась леди Ольгия, завернутая в маскировочный шелк, который произвели ее шелковичные черви.

— Не стоит недооценивать никого из нас. Но мы не можем прятаться в кустах и смотреть на армию. Какой выберем план?

Натан осознал, что все смотрят на него:

— Теперь я ваш лидер? Назовите меня главнокомандующим волшебником? — Он нашел это забавным, поскольку совсем недавно вообще не мог использовать дар. — Никогда не желал такой должности.

Бывший раб Ренделл тем временем распределял дорожную еду:

— Лучшего предложить не могу, ведь разжигать костер опасно.

Старик сражался за свой город вместе с другими освобожденными рабами и рисковал жизнью, чтобы Эльза могла начертить смертоносную руну переноса. Теперь Ренделл оказался за пределами Ильдакара.

Орон нахмурился при виде скудной пищи — он привык к изысканным обедам знати.

— Как и все, я люблю вкусную еду, чистую одежду и мягкую постель, но в данных обстоятельствах готов терпеть неудобства. — Натан без жалоб принялся жевать сухофрукты и вяленое мясо.

— Разработаем смелый план разгрома гигантской армии? — спросил Лео, один из волшебников Ильдакара. Глаза его блестели, но улыбка казалась вымученной. — С чего начнем?

— Лани могла бы предложить неожиданную идею. — Ренн вздохнул, с тоской смотря туда, где раньше был большой город. — Я больше ее не увижу. Когда я уходил, она была статуей, в которую ее превратила властительница Тора, но заклинание должно было уже рассеяться. Я скучаю по ней... — За время долгого и трудного путешествия тучный волшебник сбросил вес, его лицо похудело, а кожа обвисла. — Хотел бы я снова поговорить с ней. Прошло немало столетий. — Он вздохнул с надеждой. — Может, если сумеем вернуться под саван вечности...

— Лани мертва. Ее убили колдуньи генерала, — бесцеремонно сказал Орон. — Тебе никто не сказал?

— Мертва? — Ренн побледнел так, что кожа его стала похожа на мрамор. Орон будто говорил с ним на другом языке. Он повернулся к Натану: — Что он такое говорит?

Бывшему пророку хотелось поджечь волосы Орона за такую бестактность.

— Мне очень жаль, Ренн. Ее убили... — Он прочистил горло и постарался говорить как можно спокойнее: — Лани при помощи разлитой воды шпионила за лагерем генерала, но Ава и Рува обратили магию против нее. Они... утопили ее. — Он покачал головой. — Мы с Эльзой пытались помешать, но не смогли.

Ренн закрыл лицо руками:

— Это была моя единственная ниточка надежды. — Плечи волшебника вздрагивали от рыданий. — Я ждал ее. Я защищал ее. Я оплакивал ее... Она... — он с трудом подбирая слова, — она очень много значила для меня.

— Мне горестно от того, что ты ее больше не увидишь, — сказал Натан. — Она была храброй и сильной. Я никогда не забуду, что она сделала.

— Нет времени кого-то оплакивать, — голос Ольгии звучал мрачно и раздражительно. — Очень многие погибли, и нам тоже нелегко. Подумай о моем сыне Броке, сыне Орона Джеде, о тысячах бойцов. Все они были для кого-то важны.

— И все равно это больно, — сердито глянул на нее Ренн.

— Да, больно, друг мой, — согласился Натан, думая об Эльзе и о том, что она значила для него. — И мы должны сполна отплатить врагу за эту боль.

Из леса неподалеку донеслись крики, и Натан вскочил, хватаясь за меч. Отдыхавшие солдаты генерала Зиммера

обнажили оружие и выстроились для обороны. Из леса бежали люди.

— Всем приготовиться! Они уже здесь! — В голосе Зимера прозвучало жестокое предвкусение.

Три человека бежали по подлеску во всю прыть. Это были послушница сестер Света Эмбер и молодые ученые из Твердыни — Оливер и Перетта.

— Они прямо за нами!

— Мы привели их сюда, — крикнула Перетта изумленным ученым. — Теперь ваша очередь! — Ее узкое лицо разругалось, в глазах промелькнула озорная искра.

Громкий треск прокатился по редкому лесу, послышались грубые выкрики. Два десятка вражеских солдат ввалились в лагерь, на ходу ломая ветки. Одеты они были в древние кожаные доспехи с символом пламени императора Кергана. Оливер, Перетта и Эмбер ускорились, заманивая своих преследователей в ловушку.

— Их тут еще больше! — проревел один из вражеских солдат, подняв изогнутый меч. — Уничтожить!

Две свирепые женщины стремительно рванули к ним с разных сторон, пронзительно крича. Морасит точно выждали момент для атаки. Женщины были облачены в черные кожаные полосы на груди и бедрах, а их кожа была покрыта выжженными символами.

— Мы позволим вам убить нескольких, — крикнула Торн Натану и остальным. — Но не всех. — В одной руке она держала короткий меч, а в другой — кинжал. Морасит вонзила меч в живот ближайшего солдата и рассмеялась, когда тот рухнул на землю. — Один!

Не желая отставать, Лайес щелкнула кнутом с колючками, и тот обернулся вокруг толстой шеи противника. Резко дернув, она разорвала ему горло.

— У меня тоже один!

Вытянув руку, Натан метнул шар огня волшебника, поразив врага в грудь. Кожаные и пластинчатые доспехи солдата были словно бумагой для смертоносного огня, прожигавшего все на своем пути.

Издав боевой клич, солдаты Зиммера бросились в бой. Вражеские разведчики столкнулись с д'харианскими войнами со звоном клинков, стонами боли и криками гнева. Бойцы смешались, и Натан не рискнул снова использовать огонь волшебника. Аббатиса Верна при помощи дара оторвала от дерева тяжелый сук и бросила в солдата. Орон, Ольгия, Лео и Ренн призвали порыв яростного ветра, обрушив стволы деревьев на мужчин в доспехах. Оказавшись в настоящем бою, вражеские солдаты воспользовались своей военной подготовкой, но две Морасит атаковали так, словно сами были армией, а д'харианские солдаты старались не отставать от женщин, убивая и убивая.

Пока враги падали, истекая кровью, Натан заметил кое-что неожиданное. Прежде солдаты генерала Утроста были полукаменными, с твердой и бледной кожей, но теперь у них была настоящая плоть! У него перехватило дыхание: ведь если враги снова станут людьми, их будет легче убить. Д'харианская сталь пробивала броню, рассекала кожу и кости, и древние враги умирали, как обычные люди.

Лео и Перри сбивали солдат с ног магией и насаживали на острые ветки. Даже Ренделл ринулся в атаку с ножом, сорвал шлем с оглушенного солдата и перерезал ему горло. Натан заметил мужчину, стоявшего поодаль, и применил огонь волшебника, чтобы поджечь его голову, превратив ее в жуткий фонарь.

Вскоре все двадцать древних разведчиков лежали мертвыми в подлеске. Торн и Лайес ухмылялись, а их бронзовую кожу покрывала кровь.

— Трое! — сказала Лайес.

— У меня тоже трое, — откликнулась Торн.

— Двадцать погибших, — сказал Натан. — Вражеская армия сократилась на двадцать бойцов.

— Армия даже не заметит этих потерь, — сказала Верна. — Увы.

— Генерал Утрос еще не закончил подсчитывать погибших после нашей предыдущей атаки, — сказал Орон.

— Мертвые есть мертвые, — с мрачным удовлетворением сказал Ренн.

Д'харианские солдаты вытирали кровь с мечей и доспехов. Зиммер одобрительно кивнул им.

— Пока нет хорошего плана, мы будем вырезать врага постепенно.

— Пусть будет так, — сказала Ольгая.

Натан вложил в ножны меч, который ему совсем не пригодился. Он все еще наслаждался использованием магии после того, как долгое время был лишен дара.

— Для начала неплохо.

Глава 2

Вокруг Никки возвышался пустынный город, тихий и таинственный. Она попыталась сориентироваться, разглядывая темные строения, внушительные каменные стены, толстые колонны и затейливые орнаменты... все было очень мрачным. Это точно не Ильдакар.

Луна заливала руины серебристым светом, но Никки нигде не видела фонарей или факелов. Окна и двери были черными и пустыми, как глазницы мертвецов. В разреженном воздухе ощущалась прохлада. Колдунья заметила силуэты черных скал вокруг города — должно быть, она оказалась высоко в горах.

Никки в сердитой растерянности отступила от колодца сильфида. После неудачного путешествия ее тело болело и походило на выжатую тряпку.

— Сильфида! — крикнула она, но тишина была такой глубокой и напряженной, что у нее звенело в ушах.

Своевольное серебристое создание принесло ее сюда и бросило.

Посреди площади находился загадочный каменный колодец высотой по пояс. Сильфида, повздорившая с колдуньей, отступила в глубину колодца. Никки осталась в одиночестве и понятия не имела, где находится.

Отдышавшись и справившись с головокружением, колдунья отметила непривычную слабость и опустошенность. Она никогда не чувствовала себя так после путешествия в сильфиде.

— Вернись! — крикнула она в пустоту колодца. — Это не место назначения. Я хочу путешествовать.

Ее слова отозвались эхом в глубоком черном зеве и отразились от высоких каменных зданий, но больше не было никаких звуков. Серебристое создание отказывалось отвечать. Сильфида, преданная делу императора Сулакана, теперь поняла, что Никки не служит ее господину. Когда колдунья сообщила, что Сулакан мертв, — побежден, причем дважды, — серебристая женщина нарушила свой долг и забросила Никки в это забытое место.

— Сильфида! Где я? — Голос Никки затерялся в бесконечной глубине. Она не сможет помочь в борьбе с генералом Утросом, если застрянет... здесь.

Голова пульсировала от боли, в ушах звенело, и Никки задумалась, как сильно она пострадала от путешествия. Она вспомнила, что перед уходом сильфида сказала кое-что любопытное: «Ильдакар исчез. Ильдакара больше нет. Я не могу доставить тебя туда». Очевидно, что сильфида тоже

пострадала, когда безуспешно пыталась добраться до места назначения.

Как это — «Ильдакара больше нет»? Возможно, колодец на нижних уровнях легендарного города разрушен или запечатан. Что еще могло помешать сильфиде?

Затем Никки вспомнила кое-что еще. Прежде чем она убила норукайского капитана Кора, он рассказал, что король Скорбь предпринял грандиозную атаку на Ильдакар. Мог ли город защититься и от непобедимой армии генерала Утреса, и от норукайцев? Быть может, палата волшебников прибегла к крайним мерам и укрыла город саваном вечности? Неужели они могли бросить весь остальной мир на произвол судьбы? Да, волшебники Ильдакара поступили бы именно так.

В таком случае Никки сама по себе. Первым делом она должна выяснить, где находится. Ее коротко остриженные светлые волосы запылились, на коже и черном платье остались следы крови после битвы с норукайцами в гавани Серримунди. В теле ощущались боль и слабость — последствия путешествия в сильфиде. Ее дар ослаб.

Никки внимательно рассматривала толстые колонны, каменные здания, огромные монументы, храмы и правительственные палаты. Когда она шла через площадь, ее ступни шуршали по неровным каменным плитам. Город изобиловал накренившимися башнями, полуразрушенными арками, высохшими фонтанами и замысловатыми деталями архитектуры, почти стертymi воздействием погоды.

Претенциозные строения были призваны внушать благоговейный трепет. Величием и размером здания напоминали дворец императора Джеганя в Алтур'Ранге или Замок Волшебника в Эйдиндриле. Этот город когда-то был столицей или центром торговли. Но все дверные проемы и окна были

заколочены или заложены кирпичом, как в склепах. Это был город мертвых.

Обернувшись на шорох, она увидела пару диких оленей, которые бродили по пустому парку, поедая листья кустарника и цветы. Олень заметил Никки и ринулся прочь, но остановился неподалеку и снова принялся за еду.

На другой великолепной площади оказалась огромная статуя мужчины, поваленная на каменные плиты. Высокий мраморный постамент размером походил на фундамент здания. Когда-то статуя возвышалась на три этажа, но теперь на постаменте остались лишь сапоги. Кто-то опрокинул памятник. Никки впитывала в себя эту картину, чувствуя отголоски насилия и разрушения. Каменные руки лежали в стороне, заросшие лозой.

Никки подошла к поваленной статуе и осмотрела ее, стараясь не замечать мха и пыли. У мужчины было надменное лицо с тяжелым лбом и крючковатым носом, из-под увесистой короны свисали заплетенные в косы волосы, вызывая ассоциацию со змеями. Источенный ветром рот был открыт в улыбке, демонстрируя заостренный зуб, явно искусственный. С растущим подозрением Никки обошла поваленную статую и приблизилась к постаменту. Надпись еще можно было разобрать.

ИМПЕРАТОР КЕРГАН.

Никки снова повернулась к голове статуи. Этот заостренный зуб, вероятно, и был железным клыком, при помощи которого Керган наводил страх на свое окружение. Он был жестоким и капризным императором, который заживо содрал кожу со своей жены и скормил ее жукам-мясоедам, когда узнал о ее связи с генералом Утрсом. Возмущенный деянием народ сверг Железного Клыка и протащил тело по улицам города. Досталось и его статуе.

Даже сейчас, спустя пятнадцать столетий, Никки испытывала мрачное удовлетворение при виде свидетельства краха императора. Сопоставив разбитую статую, огромные здания и монументы, Никки догадалась, где находится. Наверняка это Ороганг, столица необъятной империи Кергана, которая пришла в упадок после его свержения.

Теперь картинка сложилась, но по-прежнему было неясно, почему город превратился в кладбище. Да, Керган был мертв, а империю раздирали политические волнения, но почему мегаполис оказался покинут? Почему люди оставили величественные здания крысам и паукам? Куда ушли жители города? Неужели их уничтожили чума, голод или засуха? И почему двери заколочены, а окна заложены кирпичом, словно внутри что-то запечатано?

Она миновала амфитеатр — огромную круглую чашу со сценой в центре, от которой поднимались ярусы сидений. Керган, должно быть, оттуда обращался к людям, и чаша амфитеатра усиливала его голос. Теперь скамьи были пусты, многие из них разрушились, а сцена заросла сорняками. Позади амфитеатра оказалась еще одна высокая статуя; она хорошо сохранилась, будто кто-то ухаживал за ней на протяжении столетий. Это была фигура мускулистого широкогрудого воина в шлеме и богатых доспехах; символ пламени Кергана был убран со статуи, и от него остался лишь белый рубец на камне. Нащечники не скрывали красивое широкое лицо с крепкой челюстью, пронзительными глазами, выраженными скулами и благородным носом.

Никки знала этого человека и встречалась с ним на поле боя. Генерал Утрос — величайший военачальник Железного Клыка, посланный на завоевание Древнего мира от имени императора. Утрос принял эту миссию, не сомневаясь в достоинстве своего лидера и беспрекословно подчиняясь его приказам.

Судя по состоянию статуи, жители Ороганга почитали генерала. Никки показалось странным, что памятник Утросу даже сейчас выглядит чистым и не обветшал, как все остальное в заброшенном городе. Она замерла, когда заметила свежие цветы на углу постамента.

Кто-то был здесь, причем совсем недавно.

Она настороженно огляделась. Здания оставались безмолвными; одни были разрушены, в то время как другие — обманчиво невредимы. Быть может, какой-нибудь отшельник или последователь возложил цветы к статуе своего героя. Никто здесь не мог догадываться, что Утрос жив спустя полторы тысячи лет.

Никки уже не чувствовала себя одинокой, а ощущала чье-то присутствие и взгляды. Возможно, Ороганг вовсе не был заброшенным и покинутым. Вглядываясь в тени, куда не доставал свет луны, она слышала шорох. Сначала она подумала, что это снова олень, но потом различила человеческие шаги.

Никки развернулась, простирая свой дар, хотя странная слабость еще не отступила.

— Кто там?

После ее слов снова воцарилась тишина. Она повернулась к самому большому строению на главной площади — с высокими каннелированными колоннами у главного входа. Теперь двери были открыты, хотя внутри была лишь темнота. За статуей Утроса она заметила еще одно движение; чья-то тень метнулась в еще более глубокую тень. Одетые в серое человеческие фигуры растворились во мраке.

Никки осторожно повернулась:

— Покажитесь! Выходите и сразитесь со мной. — Голос ее прозвучал гонгом в пустынном городе. Она коснулась кинжалов у бедер и приготовилась защищаться.

Наконец она смогла различить человеческие силуэты, возникающие из укрытий, темных дверных проемов, узких переулков. Незнакомцы двигались с тревогой и перешептывались, но ей не отвечали.

— Кто вы такие? — Никки медленно повернулась и поняла, что люди окружают ее со всех сторон, но она едва ощущает их — будто это духи. Их было гораздо больше, чем она ожидала.

Посмотрев на окраину города, она увидела слабое зарево рассвета, которое очертило горные кряжи. Все новые фигуры появлялись из каменных нор и приближались к ней.

Никки угрожающе положила ладони на кинжалы:

— Я не хочу нападать на вас, но сделаю это.

Рассвет встревожил их. Они беспокойно переговаривались, но Никки не могла разобрать смысл разрозненных фраз. Колдунья попятилась к постаменту статуи Утроса и подняла взгляд на каменное лицо, которое смотрело вперед.

Затем, будто по безмолвному сигналу, люди-тени бросились вперед и окружили ее.

Глава 3

Генерал Утрос взирал на опустошенное поле битвы. Волна огня испепелила тысячи его храбрых солдат. Терпкий дым от сожженной травы и горелой плоти держался в воздухе уже несколько дней, и он сомневался, что когда-нибудь избавится от этого привкуса в горле. Потеря стольких верных солдат была как горячий нож в сердце.

Магия переноса Эльзы оказалась гораздо сильнее, чем он мог себе представить. Ава и Рува слишком поздно поняли, что защитники создают пограничные руны, чтобы высвободить ужасающую магию. Слишком поздно Утрос увидел,

что отдельные ударные силы оцепили часть долины вокруг его армии. Слишком поздно заметил, как Эльза заложила якорную руну в центре лагеря и запустила сокрушительное заклинание. Близнецы едва успели прикрыть его самого.

У тысяч его солдат не было ни единого шанса.

Но даже несмотря на ошеломительные потери, его армия все еще насчитывала более сотни тысяч воинов, разгневанных, жаждущих крови и готовых завоевать все земли от горизонта до горизонта. И он поведет их к победе. Именно в этом он поклялся императору Кергану, пусть тот уже давно мертв.

Поздним вечером тревожного дня Утрос поправил золотую маску, закрывавшую половину лица. Шлем его украшали рога огромного ильдакарского быка, убитого им лично. Он стоял снаружи возведенного солдатами шатра, который заменил сгоревший штаб командования. Ткань представляла собой лоскутное покрывало из спасенных обрезков, а деревянные столбы были грубо вытесаны из обуглившихся деревьев. Но генерал Утрос не нуждался в показной атрибутике, которую затребовал бы Железный Клык. Палатка давала укрытие и тень, а большего ему и не требовалось.

Стоя на открытом воздухе, он чувствовал запах пепла на ветру. Ава и Рува стояли рядом, поглаживая его сильные мускулистые руки и медные браслеты.

— Мы готовы принять короля норукайцев, возлюбленный Утрос, — сказала Ава.

— И готовы завоевать весь мир, — отозвалась сестра-двойняшка.

Внешне схожие колдуньи были прекрасны в своих голубых платьях. Они выбрили тела дочиста, а затем разрисовали кожу плавными кривыми линиями и угловатыми узорами, призывающими тайные силы. Вместо обычных разно-

цветных красок Ава и Рува использовали сажу и засохшую кровь — они были действеннее краски.

— Мы впечатлим наших новых союзников силой армии, — сказала Ава, — но не сможем оказать должного гостеприимства.

— Мы не можем устроить королю Скорбь пиршество, — добавила ее сестра.

Утрос стиснул челюсть, понимая, что положение их гораздо серьезнее. Как только Ильдакар исчез у них на глазах, у него не осталось надежды забрать из города продовольствие и ресурсы, от которых зависело выживание армии.

Утрос посмотрел туда, где равнина резко обрывалась у реки Киллрейвен. На другом берегу простирались болотные топи.

— Король Скорбь и его флот обеспечат нас провизией. Пока этого достаточно. — В эти слова даже он сам не верил. — Владетель и духи, — прошептал он себе под нос.

Он наблюдал за отрядом норукайских налетчиков, которые с трудом шагали от обрыва с таким видом, словно намеревались захватить долину. Он знал, что со змеиных кораблей на реке к нему идет лишь небольшая делегация. Рослые налетчики, покрытые страшными шрамами, были облачены в жилеты из акульей кожи и шкур рептилий. Даже издали он узнал короля Скорбь и его гарцующего шамана-альбиноса, долговязого человека со шрамами, известного как Мелок.

За ними тянулась группа с ящиками, бочонками и мешками — достаточным количеством припасов для небольшой армии. К несчастью, армия у Утроса была большая, и теперь, когда каменное заклятие полностью развеялось, она стала еще и голодной.

Сразу после исчезновения Ильдакара последние проявления каменного заклятия растворились, и его солдаты сно-

ва стали обычными людьми из плоти и крови. Поначалу армия радовалась тому, что снова может чувствовать, но Утрос быстро понял, что вернувшаяся человечность также принесла и уязвимость. Будучи полукаменным, многочисленное войско не ощущало ни голода, ни жажды; но теперь все они испытывали человеческие потребности. Сто тысяч ртов требовали пищи, но в огромной долине не было ни города, ни обоза с припасами.

Первый командующий Енох прибыл в командный шатер с докладом. Лицо его было мрачно. Утрос хотел, чтобы его мажордом присоединился к дискуссии касательно их нового союза. Ветеран прижал кулак к сердцу, а затем посмотрел на норукайцев. Для оценки ситуации ему хватило одного беглого взгляда:

— Этих запасов хватит, чтобы накормить офицеров вплоть до командиров отделений. При весьма умеренных порциях.

— Но на всех нас не хватит, — тихо сказал Утрос.

Король Скорбь, Мелок и еще шесть капитанов устало брели к шатру по выжженной траве. Встретившись лицом к лицу с генералом, Скорбь щелкнул челюстями. Щеки его когда-то были рассечены до самых висков, лицо покрывала татуировка чешуи змеинного бога. Грудь короля была неимоверно широка, будто у него имелись дополнительные легкие, чтобы глубоко нырять и драться с акулами. Из плеч выпирали вживленные костяные шпоры. Вместо пояса талию обвивала железная цепь.

— Мы принесли еду, как ты и просил. — Скорбь указал на сгорбленных рабов, которые служили вьючными животными. — Устроим праздничное пиршество!

Рабы сложили ящики, мешки и бочонки снаружи шатра, возле больших костров.

— Мои охотники также снабдили нас тремя оленями, убитыми в горах, — предложил Утрос. — Зажарим и их.

— Ты можешь взять всю рыбу, — проворчал Скорбь. — Меня от нее тошнит. Я забираю оленину.

— Рыба, рыба! — скакал вокруг Мелок. — Высасывайте кости и жуйте головы. Мне нравится, как лопаются глаза. — Он сгибал локти под странными углами, прыгая с ноги на ногу. — Мой Скорбь, король Скорбь! Они все будут скорбеть! — На нем была только набедренная повязка из рыбьих шкур, будто шаман хотел продемонстрировать следы укусов от тысяч крошечных клыкастых ртов. Изуродованная губа жутко искривляла его ухмылку.

Ава и Рува с неудовольствием рассматривали шамана. В унисон они подняли подбородки; надменные и красивые колдуньи словно подчеркивали неполноценность спутника короля.

— Это будет не просто пир. — Утрос старался говорить дипломатично, ведя норукайцев под натянутую ткань шатра. Он использовал все свои навыки дипломатии, потому что нуждался в воинах и кораблях. — Мы должны спланировать нашу войну. Моя армия должна двигаться, поскольку у нас множество ртов, которые нужно кормить. — Генерал указал на почерневшую долину, где солдаты расставили грубые палатки и лежанки. — Наша численность может быть и невелика, но мы непобедимы. Моя армия завоюет все земли, которые встретит на пути.

Скорбь напыщенно и громко рассмеялся.

— Только те земли, которые норукайцы оставят для тебя!

— Древний мир наш, — твердо проговорил Утрос.

— Да, наш. Мой и твой.

— Вместе нам стоит обдумать стратегию, — твердо и деловито продолжил Утрос. — Мы не можем просто прене-

стись по всему континенту. Мы должны завоевать его и воспользоваться им.

Норукайский король был нетерпелив:

— Как пожелаешь, но мы можем немного разделить континент. Мне нужно размяться.

Ава и Рува пристально смотрели на Скорбь и его альбиноса. Норукайский король открыто пялился на двух женщин, но те не реагировали. Утрос знал, что близнецы не нуждаются в защите. Колдуньи могли убить любого, кто их беспокоит.

Пока туши оленей жарились на костре, а на небольших вертелах готовилась рыба, первый командующий Енох следил за распределением норукайских припасов среди армии, растягивая пищу как мог.

Позже, грызя сочный кусок мяса, король Скорбь хмуро смотрел на пустые ящики.

— Это остатки наших припасов с кораблей. — Он вовсе не казался расстроенным. Скорее, в его голосе звучали оскорбительные нотки. — Ты слишком много заботишься о еде.

— Мои солдаты должны есть, — сказал Утрос. — Моя задача — добыть и распределить провизию и припасы.

— Тогда твои солдаты слабы. — Король норукайцев сунул руку в свой широкий рот и кончиком пальца выковырял кусок мяса из дальнего моляра. — Мы не беспокоимся о припасах. Мы совершаем набеги, чтобы взять то, что нам нужно, а затем двигаемся дальше.

— Они все будут скорбеть! — сказал Мелок.

— Нам придется последовать вашему примеру, — согласился генерал, хотя пустынные предгорья и долина давали мало ресурсов.

Король Скорбь наклонился вперед, изучая полумаску генерала:

— Быть может, я и сам захочу такую штуковину. Мне нравится, как она выглядит.

Утрос снял золотую маску, показывая обезображенное лицо. К этому времени рана уже зажила, темные мышцы покрылись струпьями и затвердели.

— Это не было моим выбором. Так было нужно для заклипания.

Норукаец одобрительно кивнул и потрогал пальцами шрамы на своих щеках.

— Иногда мы делаем то, что необходимо. — Он положил локти на грубый деревянный стол. — Итак, расскажи мне о своем плане завоевания мира.

Утрос бросил взгляд на свою огромную армию:

— У меня тысячи вооруженных бойцов, готовых выступить. Остались ли у тебя корабли после того, как их сковало речным льдом?

Мелок заерзал за грубо тесаным столом.

— Корабли и рыба, лед и огонь, великие змеиные корабли. — Он ухмыльнулся. — Змеиные корабли! Теперь разбитые корабли!

— Не разбитые! — Скорбь грубо толкнул альбиноса в плечо, а затем смягчился, обхватив тощего мужчину за плечи. Он встретился взглядом с Утросом. — Когда река замерзла, на ней стояли на якоре сотни кораблей, многие были у причалов, чтобы мы могли взобраться на утесы и вторгнуться в Ильдакар. Лед раздавил несколько корпусов, сломал кили. — Он грохнул тяжелым кулаком по столу. Костяшки пальцев с маленькими железными пластинками громко звякнули от удара. — Но мы починим. Норукайцы — великие кораблестроители. — Скорбь оглянулся туда, где местность резко обрывалась к реке. — Болота обеспечат нас необходимым материалом. У нас есть инструменты. И рабы.

— Нам понадобятся корабли и норукайские бойцы, чтобы вести войну. Ты говорил, на островах у тебя еще много кораблей, — поймал его на слове генерал. — Нам понадобятся и твой флот, и вся моя армия. — Он стал более серьезным. — Ваши корабли пойдут вниз по реке и выйдут в море. Даже при быстром марше моей армии потребуется больше времени, чтобы добраться до побережья.

— Часть змеиных кораблей уже почти отремонтирована, и мне тоже не терпится выступить, — сказал Скорбь. — Я поплыву обратно на Норукайские острова, где к этому времени должна быть готова еще сотня кораблей. Мои налетчики жаждут побед и грабежей. В ожидании ваших солдат мы атакуем прибрежные города, словно шторм из стали и крови.

Расчетливый ум Утроса манипулировал фигурами, расставляя их на общей тактической схеме.

— Если норукайские налетчики атакуют побережье, а моя армия пронесется по суше, мы захватим весь Древний мир, точно клещами.

Скорбь вгрызся в кость, с которой только что содрал мясо:

— Мы раздавим эту землю, как виноградину меж пальцев. Это хороший план.

— Как только наши силы объединятся, — добавил Утрос, — мы выступим вместе, захватим Танимуру и Алтур'Ранг, а затем двинемся на Новый мир.

— Король Скорбь! — воскликнул Мелок. — Все будут скорбеть.

— Да, они все будут скорбеть, — подхватил генерал Утрос.

Норукайцы не любили пустых бесед. Закончив с яствами, налетчики торопились вернуться на корабли. Как и генерал Утрос, они надеялись завоевать Ильдакар, но город исчез, и

ни у одной армии не было причин оставаться здесь. Король Скорбь удалился, будто оба командира тщательно спланировали всю войну в деталях, и Утрос понял, что норукайцы не слишком сильны в стратегии. Они просто нападали, двигались дальше, а потом возвращались, когда считали нужным.

Он подозревал, что Скорбь будет еще худшим лидером, чем Железный Клык, но Утрос побеспокоится об этом дикаре позже, когда тот станет проблемой. Он использует этих жестоких норукайцев для достижения своих целей. Он поклялся растоптать весь континент своей пятой — из верности императору и тайной любви к Мэджел. Теперь его внутренний стержень надломился, и поэтому Утрос должен сделать это для себя, а не по какой-то другой причине.

Норукайцы вернулись на утесы над рекой и спустились к своим поврежденным кораблям. Когда уродливые налетчики ушли, первый командующий Енох подошел к Утросу, глубоко обеспокоенный.

— Мы распределили еду, генерал, но хватило далеко не всем.

— Это ожидаемо, — сказал Утрос. — Норукайский король кое в чем прав. Недавно наши разведчики нанесли на карту несколько новых поселений. Мы знаем, где можно взять провизию, — хоть сколько-то, — и должны сделать это. Разошлите отряды повсюду. Зайдите в каждый городишко и вычистите все до крохи. — Он опустил голову. — Для нас это единственный способ выжить.

Глава 4

Когда лучи рассветного солнца разлились по речной равнине, норукайские надсмотрщики забили в барабаны, поднимая стонущих рабов и пиная самых нерасторопных.

— Время работать! — взревела корабел Гара — мускулистая женщина с седыми косами, напоминавшими утонувших гадюк. — Работать, пока не закровотчат пальцы. — Она открыла свою змеиную пасть и шелкнула зубами.

Бэннон, привязанный к наклонной палубе разбитого норукайского корабля, скорчился, чтобы избежать жестокого пинка. Один из налетчиков разрезал его путы, и юноша присоединился к работе.

Пленники приступили к ремонту в тусклом предрассветном сумраке. Гара молотила киянкой, подбивая доски и колышки, но Бэннон видел, как уродливая женщина этой же киянкой разбила череп раба, который работал слишком медленно.

Пока Бэннон почесывал ободранные запястья, за ночь натертые веревкой, к нему подкрался призрачно-бледный шаман и схватил за плечи своими паучьими пальцами.

— Работай молотком или стань гвоздем!

Бэннон лишь отмахнулся. Его раздражало странное поведение изуродованного альбиноса. Он еще мог понять неотесанных норукайцев, но Мелок сильно действовал на нервы. По какой-то причине шаман нашел его занятым.

Бэннон был в плену уже несколько дней. Его избитое тело болело, а многочисленные порезы и ушибы после сражения на утесе Ильдакара еще только начали заживать. Он едва не убил Мелка и короля Скорбь, но они все вместе рухнули с утеса на грудь тел и оружия.

Бэннон не погиб, но стал рабом. Сбылся самый большой кошмар, мучивший юношу с тех пор, как работоторговцы попытались схватить его на острове Кирия. Тогда в рабство

попал его лучший друг Ян, а Бэннон бежал. За тот момент трусости его терзала совесть. И вот, много лет спустя, он все-таки стал рабом.

Мелок снова потряс его за плечи, и Бэннон инстинктивно замахнулся, вспомнив, что они сделали с Яном.

— Не трогай меня, мерзкий норукаец!

Альбинос хихикнул, восхищенный реакцией Бэннона. При ярком свете дня король Скорбь заметил происходящее и шагнул вперед. Выражение его лица походило на бурю, прокатившуюся по морю.

— Прояви уважение или умри, раб! — Скорбь схватил Бэннона за шею и поднял над палубой. — Стоишь ли ты воздуха, которым дышишь? Стоишь ли ты воды, которой мочишься?

Бэннон отбивался, хотя знал, что за это его жестоко избьют или убьют. Он не был трусом, но и примерной жертвой для этих монстров быть не собирался.

Нахмурившись, корабел Гара шагнула вперед, чтобы вмешаться.

— Сломаете его позже, мой король. Для починки корабля нужны рабочие. Вчера мы потеряли троих, а новых из города уже не получим. — Корабел взглянула на обрыв над рекой. Вершина утеса, где недавно стоял Ильдакар, выглядела как чисто срезанный пень. — Нужно использовать всех, кто есть, и закончить ремонт.

Скорбь ослабил хватку и позволил Бэннону плюхнуться на наклонную палубу. Он угрожающе поднял тяжелый боевой топор, вызвав у Мелка восторг.

— Топор рубит древесину! Меч рубит кости! — прокричал шаман.

Бэннон не знал, что имеет в виду шаман, но его болтовня часто не имела смысла. Мелок взглянул на Бэннона и кивнул, словно ожидая, что юноша согласится с ним.

— Топор рубит древесину! Меч рубит кости!

Скорбь не воспринял всерьез слова своего странного друга.

— Мой топор тоже может рубить кости. Он снесет эту голову с плеч после завершения ремонта кораблей.

— Отнюдь, мой Скорбь. Отнюдь. — Мелок погладил длинные рыжие волосы Бэннона, отчего по коже юноши пробежали мурашки. — Только не эту голову.

Группы рабов ремонтировали поврежденные корабли. Норукайский флот в сотню змеиных кораблей дошел по реке Киллрейвен до Ильдакара. Налетчики намеревались взобраться на утесы и захватить город, но они ничего не знали об армии генерала Утроса. Бэннон, Морасит Лила и сотни защитников города оборонялись на утесах, сбрасывая снаряды, сражаясь копьями и мечами. Но в итоге норукайцы смяли их.

Бэннон упал со скалы, потерял сознание и попал в плен. Он не знал, что случилось с Лилой. Даже если он сбежит от сотен бдительных норукайцев, то вряд ли воссоединится с друзьями. Когда город скрылся под саваном вечности, Натан возглавлял масштабную атаку на войско генерала Утроса, а Никки и вовсе находилась в Серримунди. У Бэннона не было никакой надежды снова встретиться с кем-либо из них, поэтому придется рассчитывать только на себя — если ему вообще удастся сбежать.

Когда магия переноса заморозила реку, лед зажал корабли и повредил их. Разгневанные норукайцы теперь трудились как муравьи, восстанавливая суда. Пленникам досталась самая тяжелая работа: рубить деревья в болотах, подтаскивать бревна и распиливать их.

Часть змеиных кораблей теперь покоилась на илистом речном дне. С них сняли канаты, чтобы починить оснастки других кораблей, перетащили полотнища темно-синей па-

русины, спилили мачты и сняли с корпуса уцелевшие доски. Опытные норукайские корабли, такие как Гара, переходили с судна на судно, руководя группами рабов.

Бэннон, постоянно выискивая возможность побега, с неохотой перетаскивал длинные канаты с одной палубы на другую, переносил инструменты и припасы. Страдая от жары во время бесконечной работы, он подумывал использовать киянки и гвоздодеры в качестве оружия. Он мог ранить нескольких работарговцев, но против него были тысячи безжалостных норукайцев — в итоге он просто погибнет. Юноша ломал голову над тем, что ему делать.

Вчера один из ильдакарских рабов взбунтовался и напал на норукайца со спины. Бэннон мысленно аплодировал рабу, но его атака не была спланирована, и норукайцы тут же схватили непокорного мужчину. Они не торопились убивать его. Налетчики заставили Бэннона и других пленников смотреть, как они ломают рабу руки, а затем и ноги. После норукайцы принялись накладывать на грудь раба тяжелые камни, один за другим, выдерживая длительные паузы, пока у мужчины не затрещали ребра, а из глаз и изо рта не выступила кровь. Когда бедняга взмолился о пощаде, один из норукайцев наступил на камни, медленно надавливая, пока грудина не треснула.

Бэннон хотел убить этих извергов, он не собирался тратить свою жизнь напрасно. Он наблюдал и выжидал шанса; он надеялся, что сможет помочь не только себе, но и другим пленникам.

Угрюмые рабы разбирали затонувшее судно, при помощи гвоздодеров отрывая от корпуса доски. Измученных рабочих мало кормили и не позволяли отдыхать. Пить им давали только зеленоватую речную воду.

— Хочу отплыть как можно скорее, — проревел король Скорбь с носа почти готового корабля. — Заканчивайте ре-

монт, чтобы мы могли вернуться на Норукайские острова и начать войну.

— Мы убили немало норукайцев, поэтому кораблей для возвращения понадобится меньше, — пробормотал Бэннон.

Корабел Гара отвесила Бэннону тяжелую оплеуху, разбив губу и оставив на щеке ярко-красный след.

Мелок рассмеялся, будто замечание молодого мечника было неимоверно смешным. Шаман присел на корточки перед Бэнноном и с ухмылкой кивнул. К несчастью, король тоже услышал его слова. Скорбь снова вцепился в юношу, собираясь убить.

— Нам нужно, чтобы он работал! — прошипела Гара.

Король поднял Бэннона и швырнул в реку.

— Он может работать на ватерлинии, выпитывая грязь и слизь.

Бэннон с воплем плюхнулся в воду. Отплевываясь, он отчаянно пытался за что-нибудь ухватиться. Удержавшись на плаву, юноша посмотрел вверх; его рыжеватые волосы свисали грязными прядями, напоминая водоросли.

— В следующий раз привяжу груз к твоим лодыжкам! — прорычал Скорбь, перегнувшись через перила. — И тогда сможешь чинить днище корабля, пока не потонешь.

Мелок с необъяснимым беспокойством глядел из-за перил на Бэннона. Гара бросила юноше киянку, и та с плеском упала в воду. Четверо других рабов были привязаны к накренившемуся кораблю; поблизости находились доски для ремонта и деревянные ведра с гвоздями. Их окружал плеск реки и душный влажный воздух. Мимо проплывали шлюпки с норукайскими стражниками, которые перевозили материалы и людей с одного змеиноного судна на другое, а также следили за рабами у ватерлинии.

Бэннон понял, что дальнейшее сопротивление ничего не даст, поэтому неохотно взял из воды киянку и последовал

распоряжениям. На этот раз. Взяв одну из досок, он сунул руку в подвешенное ведро с гвоздями и начал латать корпус. Другой раб погрузил руки в горшок с теплой смолой и замазал щели между досками.

— Ужасная работа, но все же лучше, чем в трюме, — почувствовал соседний раб.

Бэннон видел, как другие рабы спускались на темные и душные нижние палубы поврежденных кораблей и вычерпывали ведрами воду, чтобы суда могли всплыть.

— Полагаю, всегда есть что-то хуже.

Оптимизм часто выручал Бэннона, и он цеплялся за надежду — нередко глупую. Но таков уж его характер. Он найдет способ сбежать от отвратительных тюремщиков, и все наладится. Он не сдастся.

Раб рядом с ним издал горький смешок:

— Это гораздо лучше, чем трюм...

Внезапно лицо мужчины исказилось от боли и ужаса. Он ухватился за свою веревку, но что-то утянуло его под воду раньше, чем он успел закричать. Веревка туго натянулась и лопнула, а вода расцвела кровью.

Бэннон инстинктивно протянул руку, пытаясь спасти мужчину, но до жертвы было не достать. Остальные рабы поспешили выбраться из реки, когда на поверхности показалась бугристая спина болотного хищника. Рептилия быстро поплыла прочь, сжимая мощными челюстями почти перекушенное пополам тело. Болотный дракон нырнул под воду и принялся за еду.

Рабы в воде закричали, пытаясь подняться по веревкам на палубу. Бэннон схватил оборванную веревку и забрался повыше, помогая остальным. Норукайцы бросились к перилам с баграми и копьями, отталкивая рабов.

— Назад в воду. Возвращайтесь к работе!

— В реке чудища! — вскричал один из рабов. — Нас всех убьют.

— Больше бойтесь нас, чем кого-то там внизу, — сказала Гара.

Бэннон все еще держал деревянную киянку, жалея, что при нем нет его верного Крепыша. Он хотел убить этих омерзительных людей, но, глянув на лес зазубренных накопечников копий, кривых мечей и гневные лица в шрамах, он понял, что лишь напрасно погибнет. Мелок наблюдал за ним, качая головой и грозя пальцем.

Презирая норукайцев еще сильнее, Бэннон спустился в реку, выглядывая на воде рябь и чешуйчатые спины болотных монстров. Вскоре он понял, что ему придется кого-то убить.

* * *

Лила пряталась в зарослях на берегу реки, находясь достаточно близко, чтобы метнуть копьё и убить норукайца на открытом месте. Но прямо сейчас это было бы напрасной тратой ее преимущества — неожиданности. Она уже бесшумно убила девятых под покровом темноты и с удовольствием скормила тела хищникам. Сейчас она затаилась, наблюдая и выжидая. Она нужна Бэннону.

Когда Ильдакар исчез посреди битвы, она упала с обрыва. Это падение должно было стать фатальным, но она приземлилась в мягкую речную грязь на мелководе. Оглушенную женщину несло вниз по течению, пока она не застряла в зарослях. Ей удалось выползти на берег, и норукайцы ее не видели.

С тех пор прошло уже несколько дней. Ее короткие каштановые волосы были грязными, а лицо обгорело на солнце. На ней было только минималистичное облачение из черной кожи. Руны защищали ее от магии, но не от укусов насеко-

мых или опасных колючек. У нее остался только кинжал — короткий меч она потеряла при падении. Но само тело Морасит было оружием. Она полагалась на свои мускулы и рефлексy. Она выжидала и атаковала каждый раз, когда ей попадался одинокий норукаец...

Ли́ла и ее сестры-Морасит поклялись защищать Ильдакар, но он исчез. А еще она взяла на себя ответственность за Бэннона, пообещав оберегать его. Она тренировала юношу в боевых ямах, заставляла его выполнять самые тяжелые упражнения. Она даже иногда брала его в постель в качестве награды за старания, и делала это все чаще. Ли́ла не понимала, почему молодой мечник не ценил всего, чему она его учила. Ее суровые уроки, несомненно, не раз спасали ему жизнь.

Во время нападения на армию генерала Утроса, Бэннон попал в плен и едва не погиб. В тот момент она поняла, что не хочет потерять его, и дело не только в ее гордости. Бэннон самоуверенно считал себя хорошим бойцом — которым и был, — но Ли́ла была лучше. Они хорошо сражались вместе, но она сомневалась, что юноша выживет без нее.

Когда он рухнул с утеса вместе с королем Скорбь и Мелком, Ли́ла решила, что он мертв, но потом она подобралась достаточно близко, чтобы шпионить за захваченными рабами, и мельком увидела Бэннона, узнав его по длинным рыжим волосам и знакомому телу. Он жив, а значит, у нее еще есть шанс.

В течение нескольких дней после исчезновения города Ли́ла кралась сквозь заросли, перелезая через узловатые корни и свисающие лианы и не упуская из виду норукайцев. Она не могла сразиться с тысячами врагов, как бы ей ни хотелось. Ей следовало быть разумной.

Весь день она пряталась среди колючих кустарников, а медленная река плескалась о грязный берег. Жаждущие

крови мошки жужжали у лица. Вражеский флот был повержен, но Лила видела, что налетчики скоро восстановят несколько змеиных кораблей. Ей придется мыслить шире.

Лила пробралась к основанию утесов, где обнаружила остатки ильдакарских доков, расколотые доски, причальные столбы — все это было разрушено норукайцами. В скалах наверху виднелись туннели, которые теперь уходили в никуда.

Она заметила какой-то блеск среди досок и сломанных веток. Лила спряталась в тени, пока не убедилась в безопасности, а затем скользнула вперед, чтобы рассмотреть предмет.

Это была простая рукоять, обмотанная кожей. Морасит сдвинула сломанные доски, стараясь не шуметь, и увидела меч. Она вытащила его из грязи, плеснула водой на лезвие и перекрестье гарды. Это был скромный меч из бледного металла, но вполне пригодный. Она узнала это оружие — меч Бэннона, Крепыш.

Лезвие все еще было острым, и она знала, что лучше этого клинка она и пожелать не могла. Теперь она вооружена и найдет способ спасти Бэннона, даже если придется сразиться со всем норукайским флотом.

Глава 5

Главнокомандующий волшебник Максим выглядел великолепно. Адесса приподняла его голову и запустила пальцы в короткие темные волосы. При виде его мертвого лица на нее накатывала волна удовольствия, похожая на теплый мед.

Обезглавленное тело Максима лежало в грязи перед хижиной, из расколотой груди сломанными ветками торчали

ребра. Шум ветра в ветвях темных елей походил на ликование толпы. Стоя в лунном свете, лидер Морасит подняла голову волшебника перед своим лицом.

Когда-то главнокомандующий волшебник, надменный правитель Ильдакара, был очень красив, но теперь лицо его обмякло, а веки закрывали глаза безвольными складками кожи. Рот раскрылся, и по козлиной бородке стекала кровь, запекаясь на обрубке шеи. После того как сработала ее ловушка, жить ему оставалось мало, но Адесса не хотела дожидаться смерти Максима. Владетель так или иначе заберет его, поэтому она перерубила ему шею и торжествующе подняла голову.

— Моя миссия завершена. — Жесткий шепот Адессы был приглушен шумом еловых ветвей. — Я всегда знала, что убью тебя, но ты был слишком самонадеян, чтобы поверить в это.

Мертвец не ответил, но на его щеке дернулся мускул, напугав ее. Рот Максима раскрылся еще шире — мышцы челюсти расслабились в посмертной судороге.

Адесса глубоко вздохнула. Она выполнила приказ владетельницы Торы. Наконец-то она сможет вернуться домой, в Ильдакар.

Главнокомандующий волшебник Максим предал Ильдакар, подняв волнения среди низших классов, спровоцировав восстание, — просто от скуки! Подобное предательство было немыслимо для Адессы. Она и ее Морасит были всецело преданы городу и совету. В ночь восстания, когда толпы рабов убивали хозяев и разрушали идеальное общество, Максим со смехом бежал из города. Поскольку хаос продолжал расти, Тора послала Адессу вслед за волшебником с приказом выследить его и принести в качестве трофея голову. Долгими неделями она выслеживала этого человека по болотам, двигаясь вниз по течению реки Киллрейвен, пока

не поймала в этой одинокой хижине. Она вспомнила восхитительный удар своего меча по его шее и хруст перерубленного позвоночника. По ее спине пробежала дрожь.

Отточенным движением она резко повернулась на звук, похожий на треск льда. На краю сада стояли бледные статуи: широкогрудый мужчина в латаной одежде и крутобедрая женщина в лоскутной юбке и с подвязанными шарфом волосами. Рядом были трое детей: девочка лет пяти, мальчик лет восьми и мальчик постарше — лет одиннадцати-двенадцати. Окаменевшие фигуры начали медленно двигаться, глубоко вдыхая воздух и возвращаясь к жизни. Все они удивленно разглядывали свои руки.

Адесса расслабилась. Она должна была ожидать, что это случится, как только она убьет Максима. В этой хижине на лесистых холмах над речным городком жила семья Фэри. По всей видимости, добрые люди приютили главнокомандующего волшебника, но, когда попытались бежать, он превратил их всех в статуи. Со смертью Максима развеялось и заклинание. Плоть снова обрела мягкость и цвет. Они помнили, как ночью убегали от напугавшего их Максима, а потом все померкло. Теперь же словно оборвалась струна: ночь была другая, и все изменилось. Они даже не знали, сколько прошло дней и что случилось в мире. Пред ними стояла окровавленная женщина с отрубленной головой в руке. Маленькая девочка закричала. Мать в растерянности схватила младших детей. Отец стоял рядом со старшим сыном, готовый защищать семью. Адесса поняла, что выглядит ужасающе — мускулистая женщина, облаченная в черную кожу и покрытая клеймами рун.

Она опустила голову и хрипло произнесла:

— Вам больше не нужно бояться главнокомандующего волшебника. Он мертв. — Она перевела взгляд на голову в своей левой руке. — Теперь вы в безопасности.

Люди уставились на нее во все глаза, а затем посмотрели на обезглавленное тело, лежавшее на сухих еловых иголках.

— Я Адесса, лидер Морасит из Ильдакара. Меня послали убить Максима, и я успешно справилась с задачей.

Родители и дети жались друг к другу, боясь пошевелиться, хотя им явно хотелось бежать, как напуганным оленям.

— Я не представляю для вас опасности. — Адесса специально не делала угрожающих жестов. — Главнокомандующий волшебник больше не причинит вам вреда. — Она повернулась к маленькой девочке, увидев, как испуг на ее лице сменился интересом к истекающей кровью голове. — Мне нужно доставить трофей в Ильдакар.

Хотя отец семейства все еще был настороже, плечи его расслабились. Он обнял жену.

— Если ты убила этого ужасного человека, то спасла нас.

— Что с нами случилось? — спросила женщина. Несмотря на молодость, на ее лице было немало морщин. — Мы выскользнули из дома ночью, надеясь спасти детей, пока Максим спит. Мы собирались бежать в город и просить о помощи.

— Он превратил вас в камень, — сказала Адесса. — У вас не было ни единого шанса против его заклинания.

— Я помню, как бежал, — произнес старший мальчик. — Я обернулся и увидел, как он выходит из дома. Я пытался предупредить, но... — он с трудом сглотнул.

— Мы были статуями? — спросил мужчина. — Каменными фигурами среди деревьев?

— А теперь вы невредимы и можете жить как обычно, — сказала Адесса, бесцеремонно пнув обезглавленное тело. — Я выследила его и устроила ловушку. — Она повернулась и взглянула на тяжелый ствол дерева, все еще висевший на веревках, который смертоносным тараном ударил в грудь волшебника. — Я использовала молодое деревце, бревно и

веревку. Он сосредоточился на мне, потому что считал опасной только меня... — На ее лице возникла мрачная улыбка. — Теперь вы в безопасности.

Семья Фэри неуверенно обошла обезглавленное тело, направляясь к своей хижине. Отец подгонял детей.

— Мы должны отблагодарить. Можем что-нибудь для тебя сделать? — спросила женщина.

Адесса не сдвинулась с места.

— Мне предстоит долгий обратный путь до Ильдакара, куда я обещала доставить свой трофей.

— Заходи и поешь с нами, — сказал мужчина в дверях хижины. — Мы снабдим тебя едой, чтобы были силы для путешествия.

— Твое наивное сердце и гостеприимство уже принесли нам достаточно невзгод! — рассерженно прошептала ему хозяйка.

— Все будет хорошо, — прошептал он в ответ. — Она убила этого плохого человека.

Адессе хотелось отправиться в дорогу, но она понимала, что сейчас некуда спешить. Максим мертв. Внезапно она почувствовала усталость. Охота на главнокомандующего волшебника давала ясную цель, и Морасит преодолела немало трудностей для ее достижения. Теперь ее путеводная звезда погасла. Но миссия не завершится, пока она не доставит голову властительнице. Было бы глупо отказываться от предложенной трапезы, которая поможет ей бежать дальше и быстрее.

— Хорошо, я поем. — Держа в руках отвратительную голову, она последовала за семейством в дом.

— Ты понесешь это внутрь? — в ужасе спросила женщина.

— Да. Это мой долг.

Пока дети тревожно смотрели на Адессу, отец зажег свечи и развел огонь в выложенном камнем очаге. Вскоре дом наполнился теплым, успокаивающим светом.

Младшие дети подбежали к своим кроватям и уселись там, прижавшись друг к другу. Старший брат, поколебавшись, остался с отцом, в то время как мать осмотрела кухню и открыла кладовую в поисках съестного. Женщина в отчаянии вздохнула.

— Этот человек съел почти всю нашу еду. Остался кусок окорока, копченый сом и немного сыра. — Она осмотрела твердую, как камень, горбушку хлеба. — Хлеб старый и черствый.

— Я съем его, — сказала Адесса. — Не знаю, как долго Максим жил здесь один, но он никогда не удосужился бы испечь хлеб.

— Я могу поймать во дворе курицу и свернуть ей шею, — предложил отец семейства. — Мы устроим настоящий пир, если подождешь.

Адесса задумалась, но покачала головой:

— Мне нужно отправляться в путь.

Мужчина чувствовал себя обязанным предложить ей это, но был рад ее отказу.

Хозяйка разложила все, что ей удалось отыскать, и позвала детей к деревянному столу. Адесса положила отрубленную голову на угол стола рядом с собой.

— В бочке есть вода. — Мужчина смущенно посмотрел на нее. — Можешь помыться перед трапезой. На тебе... кровь.

Адесса посмотрела на свою кожу со шрамами защитных рун, выжженными раскаленным железом. Кровь Максима покрывала руки и живот, ржаво-красные крапинки стеклись на черную кожаную повязку на груди. Эти крапинки обра-

зовали таинственные узоры, послание, смысл которого она не могла понять.

— Кровь жертвы — знак чести. Чего ради мне это смы-
вать?

Хозяйка быстро нарезала окорок, рыбу и сыр, и разлила по кружкам воду. Разговор не клеился. Адесса ела с жадно-
стью, почти не обращая внимания на вкус; она просто вос-
полняла энергию. Главкомандующий волшебник был мертв; она попыталась ощутить внутри себя магию крови, но та была полностью использована. Неродившийся ребен-
нок дал магическую силу, необходимую для убийства мо-
гущественного волшебника, и теперь она вернулась к свое-
му обычному состоянию — Адесса всегда была очень силь-
на.

Члены семьи Фэри ели в напряженном молчании, не в
силах отвести взгляд от жуткой головы на углу стола. Шей-
ный обрубок оставил на дереве багровое пятно. При виде
этой отметины они всегда будут вспоминать об Адессе.

— Вы можете похоронить его тело во дворе, — сказала
Морасит, доев черствый кусок хлеба.

Отец пристально посмотрел на нее, затем кивнул:

— Мы от него избавимся.

Младшие дети захныкали.

— Мне пора. — Адесса запила еду остатками воды из
кружки. — Нужно пройти много миль вверх по реке.

— Мы поможем, — чересчур поспешно выпалил отец,
хотя до рассвета было еще несколько часов. — Может,
возьмешь еду? Что нужно?

— В Гантовом броде можно запастись необходимой про-
визией, — предложила хозяйка.

— Мне много не нужно. — Адесса проверила кинжал и
короткий меч, которые были при ней с Ильдакара, а также
нож-эйджаил, способный причинить сильнейшую боль од-

ним касанием. Подняв голову Максима за волосы, она передумала и спросила: — Есть одна вещь, которую вы могли бы мне дать. Мешок.

Хозяйка засуетилась и вскоре нашла холщовый мешок из-под проса. Адесса поблагодарила ее, сунула в него голову, накрутила конец на запястье и шагнула к двери.

— Все, теперь я ухожу.

Глава 6

Странные серые люди Ороганга окружили Никки, протягивая к ней руки и словно намереваясь подавить численностью. Их одежда шуршала, но двигались они неестественно тихо. Она потянулась к своему дару, и на нее накатила дурнота — следствие прерванного путешествия в сильфиде. Серебряное создание ранило ее, то ли случайно, то ли намеренно. Где же сильфида? Никки нужно уходить!

Когда странные бормочущие люди приблизились, она достала кинжалы из ножен и угрожающе выставила перед собой.

— Я не вражду с вами, но буду защищаться. — Она попыталась к основанию высокой статуи Утроста. — Я не хочу вас убивать.

Один из людей в капюшонах закричал на диалекте, который Никки не понимала. Другие тоже заговорили, их голоса звучали отчаянно. Еще один сказал с сильным акцентом нечто похожее на:

— Взять ее! Времени мало.

У людей не было оружия: ни мечей или кинжалов, ни даже кнутов или дубинок; но их число увеличилось вдвое за считанные мгновения. Они приближались к Никки.

— Солнце всходит! — прозвучал еще настойчивее третий голос. — Прячемся.

Никки рубанула воздух кинжалами, отгоняя людей. За горами разгорался рассвет, и странные люди впали в неистовство. Появились новые серые люди, размахивавшие древними на вид мечами. Они встревоженно завопили. Госпожа Смерть безо всяких колебаний просто испепелила бы их огнем волшебника, но эти худощавые суетливые люди явно чего-то боялись. Прямо сейчас ее контроль над магией казался неустойчивым, но все же это был лучший способ отогнать толпу, никого не убивая.

Она сунула один кинжал в ножны и выставила перед собой ладонь. Несмотря на пульсирующую головную боль, она призвала дар и сформировала защитную стену из воздуха. Невидимый боевой таран отшвырнул пятерых наступавших бойцов, и те повалились на товарищей, но толпа уже подступала с противоположной стороны. Их речь стала более разборчивой, хотя они говорили на искаженном диалекте.

— Взять ее! Отвести в здание!

— Торопитесь! Солнце всходит!

Несмотря на дрожь в ногах, слабость и головокружение, Никки нашла в себе достаточно сил, чтобы снова ударить воздухом, оттолкнув еще больше нападавших. Ее схватили сзади за плечи. Четверо молчаливых чужаков перелезли через постамент статуи Утреса, чтобы застать ее врасплох. Серые люди накинулись на нее, как волки на раненого оленя, пытаясь повалить на землю.

Никки развернулась, призвав крутящийся вихрь, который разметал их всех по сторонам.

— Не подходить! — Бросившись вперед, она вонзила кинжал между ребер костлявой женщины, и та рухнула, истекая кровью, к ногам каменного генерала. Раненую немед-

ленно подхватили и унесли в одно из зданий. Темные пустые дверные проемы напоминали беззубые рты.

Глаза колдуньи метались от цели к цели, а толпа колебалась, но все же напирала, выискивая возможность атаковать. Почему она так нужна им? Терпение Никки закончилось, она не могла позволить себе ни мягкости, ни сострадания. Она сосредоточилась на своей твердости, на сердце из черного льда — оно было мощью Никки, в отличие от уязвимости эмоций. Это был ее щит против любви, хотя Ричард учил, что сама любовь может быть силой. Благодаря ему Никки прониклась уважением к помощи людям и борьбе за большее благо, но не могла забыть о других своих сильных сторонах.

Когда руки отчаянно потянулись, чтобы схватить ее, она призвала дар, готовая выпустить более разрушительную магию.

— Оставьте меня в покое, иначе вы все умрете.

— Все умирают! — выкрикнул кто-то из толпы. — Жисс не должны заполучить ее!

Люди двинулись вперед, будто услышав призыв. Никки обрушила молнию на каменные плиты площади — предельно ясное предупреждение. Молния проделала длинную борозду и отбросила в сторону сразу четырех людей в серых одеждах. Колдунья повернулась, и подол черного платья хлестнул ее по ногам. Она была готова встретить следующего противника. Когда дневной свет стал ярче, она смогла разглядеть выражение их лиц — они были полны испуга и тоски, но не жажды крови. Это снова заставило задуматься: нужно ли их убивать?

— Возьмите ее! — крикнула одна женщина. — Поторопитесь.

Люди ринулись вперед, будто позабыв о демонстрации сил колдуньи, и Никки пришлось разметать еще дюжину

вторым ударом молнии. Но людям в капюшонах, похоже, было все равно; они хотели схватить ее. Застав Никки врасплох, они набросили ей на спину грубую сеть. Утяжеленная камнями сеть повалила Никки на колени, но она выпрямила спину и выпустила поток жара, испепелив опутавшие ее пряди. Поднявшись на ноги, Никки стряхнула с себя пепел.

Новая атака колдуньи заставила землю задрожать, и каменные плиты зашатались. На другом конце площади повалилась колонна. Колдунья выбросила вперед руку и направила на толпу стену воздуха, но люди подступали с разных сторон. Их было много. Слишком много!

Когда Никки сражалась с полчищами полулюдей Сулакана, она, глядя в их пустые кровожадные глаза, не испытывала ни малейшего сомнения, никогда не видела в них ничего человеческого. Но у этих незнакомцев в серых одеждах было другое выражение глаз. Это был не голод, а скорее нужда, тоска.

— Я не хочу убивать вас. Зачем вы это делаете? — Она держала окровавленный кинжал в одной руке, а другую ладонь выставила вперед, призывая дар. Она могла продолжать сражаться, но определенно чувствовала себя слабее. Ей нужно отдохнуть и восстановиться после пагубного путешествия в сильфиде.

Какой-то мужчина схватил ее сзади, но Никки раздавила его горло своим даром и отбросила тяжелое тело в сторону. Она больше не могла осторожничать, ведь ее атаквали. Все больше и больше бесстрашных людей окружало ее, а Никки, разозлившись еще сильнее, отбрасывала их во все стороны. Она не единожды предупредила, но это было все равно что пинать ногами морские волны.

Кто-то схватил ее за запястье, заставив выронить кинжал.

— Мы должны забрать тебя! — настаивал закутанный в плащ человек. — Прекрати сражаться!

Другой ударил Никки по затылку, и у нее перед глазами вспыхнуло красное пятно. Она слышала крики, возбужденный шепот, испуганные стоны. Десятки рук схватили ее за руки и ноги, подняли и понесли прочь. Оглушенная Никки поняла, что они тащат ее к высокому дворцу на краю большой площади.

Она старалась не потерять сознание и дотянуться до своего дара, но в ушах звенело. С криком Никки выпустила едва контролируемую волну магии и обожгла двух похитителей. Они отшатнулись, руки их дымились, но другие продолжали тащить сопротивляющуюся Никки.

— Солнце появилось из-за горизонта, — крикнул кто-то.
— Скорее!

Когда рассветные лучи растворили мрак на площади, эти безумцы исчезли — как жуки, разбегающиеся из-под поднятого камня. Они бросились к разным строениям и нырнули внутрь темных помещений. Пытаясь вырваться, Никки услышала, как по всей площади захлопали двери, и тяжелый стук перекадин запечатал их внутри. Неистовая толпа рассеялась, как дым на сильном ветру.

Хватка на ее руках и ногах была железной. Похитители втащили ее через арочный дверной проем в здание, где ее поглотили тени. Обратив свой гнев в силу, Никки боролась с удвоенной энергией, царапаясь и брыкаясь.

— Не заставляйте убивать вас!

— Идем с нами!

Из раны на голове сочилась кровь, и Никки больше не могла позволять себе милосердия. Она отбросила людей волной магии и упала на пол в закрытом холле. Вскочив на ноги, она призвала сферу огня волшебника и швырнула в переполненный людьми коридор у входа. Она должна избавиться от этих людей. Смертоносное пламя прошло сквозь восемь нападавших, и Никки почувствовала запах горелой

плоти и волос. Обугленные трупы ударились о стену и сползли на пол. Горящие тела рассеяли тени у входа во дворец.

Никки вырвалась из последних цепких рук и развернулась, чтобы выбежать на площадь, но ей преградила путь старуха в серых одеждах. На ее морщинистом лице застыла мольба.

— Стой! Мы пытаемся спасти тебя! — Слова ее прозвучали с сильным акцентом, но были вполне понятны. В голубых глазах Никки вспыхнули гневные вопросы, но женщина настаивала: — Не выходи наружу. Ты умрешь. Мы все умрем. Пожалуйста!

Золотой солнечный свет озарил город Ороанг. Острые как бритва тени простирались по земле, и каменные плиты накрыла искаженная тень статуи генерала Утроста. Древний город вновь выглядел абсолютно покинутым. Никки знала: если она выйдет на улицу, эти люди не смогут преследовать ее. По какой-то причине они боялись солнца.

Она стояла лицом к ним у двери, тяжело дыша.

— Я не знаю, кто вы и что собирались делать. Почему вы напали?

— Мы спасали тебя! — Старуха сжала ладони в кулаки. — Это было для твоей же безопасности.

Другие серые фигуры осторожно двинулись вперед, не обращая внимания на все еще горящие трупы павших товарищей.

— Жисс близко! Ты должна оставаться внутри.

— Мы готовы убить тебя, лишь бы не отдать им.

— Кто я для вас? — спросила Никки. — О чем вы говорите?

Старуха осторожно приблизилась:

— Можешь наблюдать из теней, но мы должны запереть дверь. Если мы позволим жисс схватить тебя, если позво-

лим рою напитаться свежей кровью... — она умолкла, словно ей было слишком страшно закончить фразу.

Бледные люди тихо забормотали, покрытые пеленой страха. Никки поняла, что они боятся не ее, и это очень тревожило. Она повернулась лицом к зарождающемуся дню, глядя на пустой город.

Снаружи, следуя за золотистым утренним светом, клубился зловещий черный туман. Он состоял из тысяч крапинок, крошечных кусочков тьмы, точно рой черной саранчи. Черные миазмы мерцали и искрились чернильными тенями, протягивая щупальца и исследуя руины Ороганга.

Никки почувствовала пронзившую до костей зловещую опасность.

— Во имя Владетеля, что это?

— Жисс, — сказала старуха.

Черное облако расползлось по Орогангу, будто смертоносная чума, и затаившиеся люди дрожали от ужаса.

Глава 7

— Мы мало на что можем повлиять, — заговорил Натан, — но, добрые духи, на что-то мы все же способны.

Группа отступила в лес, продолжив наблюдать за огромной армией врага.

Сидя на покрытом мхом бревне, аббатиса Верна выглядела столь решительной, будто наложила на себя чары. Ее блузка и дорожная юбка были потрепанными и грязными после долгого путешествия.

Она повернулась к сестрам Света и ученым Твердыни:

— Враг кажется слишком большим, но мы сосредоточимся на маленьких победах, и шаг за шагом победим генерала Утреса.

Две Морасит одарили друг друга решительными ухмылками.

— Каждая стычка — это возможность поразить как можно больше врагов, — сказала Торн.

— Сначала сотня, потом еще сотня, затем тысяча, — кивнула Лайес. — В конце концов мы изменим ситуацию.

— Аплодирую вашей уверенности, дамы, — сказал Натан. — Вы столь же смертоносны, сколь и привлекательны.

— Мы усердно трудимся над обоими качествами, — фыркнула Торн.

У нее были короткие черные волосы, густые брови и ярко-карие глаза. Натан почти не видел в ней мягкости, хотя и не ожидал этого.

Он стряхнул муху с шелкового рукава и посмотрел на отряд защитников.

— Вы все видели: убитые нами солдаты были обычными людьми. Если заклинание сошло, это облегчит нашу работу.

— Они будут испытывать голод, — заметил генерал Зиммер. — Теперь они не смогут взять в Ильдакаре припасы. Более ста тысяч солдат, отрезанных от обеспечения. Им придется разграбить все деревни и городки на своем пути.

— Мы не можем оставить мирных жителей без защиты! — тревожно воскликнула Эмбер.

— Нужно предупредить все близлежащие деревни, чтобы люди подготовились к грядущему. — Натан указал подбородком на группу. — Мы можем двигаться быстрее, чем вражеский отряд разведки.

К ним подошел взволнованный волшебник Ренн:

— Из старых записей у нас, хм, есть общее представление о здешних местах, хотя лишь некоторые одаренные дворяне решались выйти за пределы городских стен. — После стольких дней пути он был похож на лошадь, которую

бросили под дождем. — Ильдакарцы не обращали особого внимания на бедные примитивные деревни.

— Утросу потребуются все города, какие сможет найти, — сказал Зиммер. — Он полностью разграбит их, не сомневаюсь.

Капитан Тревор взглянул на группу городских стражников у высоких темных сосен. Их мундиры были потрепаны и заношены, но они оставались верны городу, которого больше не существовало.

— Много лет назад саван вечности спал с города, и главнокомандующий волшебник Максим отправил разведывательные отряды. Он хотел узнать о внешнем мире. Я изучал отчеты и могу вспомнить несколько ближайших городков, так что мы найдем их раньше Утроса.

Тревор расчистил ровный участок земли от еловых иголок и острием кинжала набросал окрестности Ильдакара, отметив города.

Зиммер стоял над картой, пытаясь сориентироваться.

— Мы должны разделиться на несколько отрядов, чтобы как можно быстрее распространить известия.

— У Утроса тысячи ртов, — добавила Верна, — и совсем нет еды. Голод может убить их вернее, чем мечи.

— Мне нравится убивать их своим клинком, — сказала Торн, касаясь рукояти короткого меча.

— У тебя еще будет немало возможностей, дорогая, — сказал ей Натан. — Не беспокойся.

* * *

Разделившись на группы и выбрав поселения, защитники двинулись к выходу из леса. Ренн попросился сопровождать Натана, и два волшебника отправились на поиски городка под названием Ханавир.

У Натана под белым балахоном с золотой отделкой были надеты черные дорожные штаны, белая рубашка с рюшами и черные кожаные сапоги. Он считал себя одновременно и волшебником, и искателем приключений. У бедра висел в ножнах изысканный клинок — на случай, если он окажется в традиционном сражении.

Ренн шел рядом с ним по холмам и лесам. Его каштановые волосы, когда-то уложенные в локоны, сейчас были лохматыми; подбородок зарос щетиной, глаза покраснели. Несмотря на изнурительное отступление из Ильдакара, Натан старался поддерживать свой внешний вид, брея подбородок острым ножом и сохраняя чистоту шелкового балахона при помощи дара или просто воды из ручья. Ренн выглядел сломленным и изможденным, его больше не волновал внешний вид. Уныние просто сокрушило его.

— Пока есть возможность, я хотел бы поговорить с тобой, — сказал Ренн, шагая вслед за Натаном по охотничьей тропе. Бывший пророк придержал низко свисающую ветку, и другой волшебник нырнул под нее, даже не заметив. — Когда я покинул Ильдакар, чтобы отыскать Твердыню, Лани была статуей. — Он глубоко вздохнул, опустив взгляд. — Она была прекрасна, даже в камне. Я приходил в башню властителей, когда там никого не было, и просто любовался ею. — Он выставил перед собой руку и стал задумчиво ее разглядывать. — Иногда я гладил холодное твердое лицо Лани и вспоминал, как целовал ее.

Лани успела произвести на Натана впечатление, хотя он знал ее совсем недолго.

— Я знаю, что она любила тебя. Лани была очень решительной.

Ренн вздохнул:

— Жаль, что меня не было рядом, когда она так храбро погибла. Я мог бы защитить ее.

Натан положил руку на плечо волшебника:

— Понимаю, друг мой, но там были я, Квентин и дорогая Эльза. Ава и Рува обратили магию слежения против Лани так быстро, что мы не успели ей помочь.

Покрасневшие глаза Ренна наполнились слезами.

— И все же я должен был быть рядом. По крайней мере, я мог бы в последний раз обнять ее.

Натан сглотнул комок в горле, разделяя боль Ренна.

— Эльза использовала последние силы, чтобы отбросить меня и остальных на безопасное расстояние, а потом активировала свое заклинание. Я тоже не смог спасти ее. — Он расправил плечи. — Но мы можем сделать кое-что, чтобы все было не напрасно — внести свой вклад в спасение мира.

После нескольких часов пути по необитаемым холмам они наткнулись на дорогу. Волшебники ускорили шаг и вскоре увидели жилища, пасущихся овец и старые яблоневые сады. Большое скопление домов, амбаров и лавок образывало оживленный городок. Натан приметил зерновые хранилища, кладовые, коптильни. Люди возились на садовых участках; мужчина ехал в повозке, запряженной мулом.

— Должно быть, это и есть Ханавир, — сказал Ренн.

Горожане приветствовали их, нисколько не удивившись незнакомцам.

— Мы пришли предупредить вас, — крикнул Натан. — Этот городок в опасности. Огромная армия придет, чтобы отобрать у вас все и, возможно, убить вас. Вам нужно подготовиться.

Вперед вышел хромой старик. У него было квадратное лицо, густые седые волосы и борода.

— Довольно странный способ представиться, господа. Я — мэр Ханавира.

— Эмм, мы думали, что вы оцените предупреждение, — сказал Ренн. — Армия генерала Утроса пробудилась. Сотни тысяч солдат намерены пройти по всему Древнему миру.

— И им нужна еда, — продолжил Натан. — Они выслали отряды разведчиков. Они найдут Ханавир, и заберут все, что у вас есть.

— Но мы и сами небогаты. — Мэр скорее был растерян, чем встревожен.

Натан хмыкнул:

— Полные желудки и спокойная жизнь мешают вам осознать, как много вы имеете. В этом городе есть что грабить.

— Но прежде нас никогда не беспокоили, — сказал каретник, стоявший у мастерской.

— Все когда-нибудь случается впервые, — произнес Натан.

Мэр любезно предложил им присоединиться к общей трапезе, чтобы все обсудить. У Натана при мысли об обеде потекли слюнки, но он чувствовал раздражение из-за такого пренебрежения опасностью. Он взглянул на амбары, склады, мясную лавку и коптильню.

— Мы должны начать прямо сейчас. Схороните ваши припасы в пещерах или закопайте в лесу, где никто не сможет найти их. Уведите с пастбищ овец. Иначе налетчики заберут все.

Хромой мэр цокнул языком.

— Нам нужно созвать собрание, чтобы все обсудить. У вас есть доказательства, что эта великая армия идет сюда? Нам не следует действовать поспешно.

Ренн в раздражении вскинул руки.

— Борода Владетеля, Ильдакар исчез, а генерал Утрос уже на подходе! Вот почему мы пришли предупредить вас.

Натан видел, что жизнь в Ханавир слишком долго была спокойной; никто здесь не ожидал кризиса. К несчастью, у

него не осталось времени для убеждения: по дороге, ведущей в город, застучали копыта, и в облаках пыли появился отряд из нескольких сотен солдат. Воины были облачены в древние доспехи с символом пламени императора Кергана. Когда налетчики ворвались в городок, мэр и его люди подняли тревогу. Родители в панике хватали детей и бежали в дома, чтобы запереться там, в то время как другие хватались за любое оружие.

Натан узнал первого командующего Еноха, который возглавлял отряд. Старый ветеран прямо сидел в седле, а рядом на гнедой кобыле ехала одна из близнецов-колдуний, тело которой покрывали завитки черной и алой краски — экзотичная, красивая и смертоносная.

Енох громко обратился к испуганным горожанам:

— Именем генерала Утроса мы требуем продовольствия. Мы конфискуем зерно, скот, мясо, хлеб. И заодно фургоны для перевозки.

— Но мы будем голодать! — воскликнул мэр.

— А мы нет, — сказал Енох. — Солдатам пища нужнее, чем вам.

Сопровождавшая его колдунья скривила губы в легкой усмешке.

Два волшебника пробрались через толпу горожан и вышли вперед. Натан почувствовал, как внутри пробуждается дар.

— Боюсь, нам придется остановить вас, первый командующий.

Енох узнал волшебника, который участвовал в первых переговорах с генералом Утросом. Колдунья громко рассмеялась, на ее лице появился жадный восторг.

— Я знаю тебя, старик. Натан, не так ли?

— Может, я и прожил тысячу лет, но я не стар, — возразил он. — Кто ты, Ава или Рува? Я думал, вы неразлучны.

— В детстве нас разделил нож, — сказала она, неосознанно касаясь длинного шрама на ноге, — но мы все еще связаны. Я Рува.

Лицо Ренна исказилось от гнева, и он призвал свой дар.

— Ты убила Лани! — С его пальцев сорвалась молния и полетела в колдунью. Зазубренное копьё энергии издало обжигающее шипение, но Рува отразила его щитом, и оно ударило в землю у копыт ее кобылы. Лошадь встала на дыбы, но женщина вцепилась пальцами в гриву, чтобы удержаться в седле.

Она нанесла ответный удар волной горячего воздуха, и Натан едва успел поднять свой щит. Ее атака была резкой, и отраженные щитом всполохи жара сбили с ног хромого старого мэра и нескольких горожан. Пять сотен солдат въехали в город вслед за Енохом, преследуя застигнутых врасплох жителей, с криком разбежавшихся по улицам. Ситуация быстро вышла из-под контроля.

Ренн швырял в древних солдат стены воздуха, но Натан сосредоточился на своем главном противнике — колдунье. Он сотворил шар огня волшебника и поднял его, собираясь метнуть в Руву.

Первый командующий Енох привстал на стременах и проревел:

— Стой, волшебник, я приказываю тебе!

Натан попридержал шар огня волшебника и повернулся к покрытому шрамами ветерану.

— Я могу испепелить тебя в одно мгновение, так не пора ли тебе сдаться? Прикажи солдатам отступить.

Енох даже не вздрогнул.

— Напротив, это ты должен прекратить сопротивление. — Он пронзил Натана стальным взглядом и заговорил еще громче: — Или мои солдаты убьют всех жителей до последнего, а потом мы все равно заберем продовольствие. У

меня пятьсот солдат. Можете сразиться, даже многих убить, но я уверен, что мы сможем зарезать каждую семью в городке, прежде чем вы остановите нас — и ты знаешь, я могу это. — Его тон стал более рассудительным. — Сейчас нам нужны только припасы, но все может закончиться резней, если вынудите.

Топот копыт перемежался криками — всадники рассредоточились по узким улочкам между зданиями. Два волшебника колебались, глядя друг на друга, и Енох выкрикнул приказ:

— Воины! Покажите, что мы настроены серьезно!

Копыта коней безжалостно топтали матерей и их детей, солдаты рубили лавочников и ремесленников, пытавшихся защитить свой город. Жители Ханавира не были воинами, и кровопролитие было незамедлительным и драматичным.

Объединив усилия, Натан и Ренн сшибали древних воинов волнами ветра, блокируя атаку, но по всему городу продолжалась резня. Удары молний поражали по пять-шесть солдат за раз, но воины усиливали натиск, сея хаос. Ханавир заполонили враги, грабившие все здания без разбору. Два волшебника не могли сражаться против пятисот кровожадных воинов, смешанных с толпой мирных жителей.

— Прекрати! — вскричал Натан, призывая большой шар огня волшебника и метя в Еноха. — Я испепелю тебя, первый командующий.

Ветеран лишь рассмеялся, по-прежнему сидя в седле.

— Тогда кто помешает моим людям сеять хаос в городе? Я могу отозвать их сейчас, если капитулируете. — Слова его были тише, чем крики и лязг клинков. Древние солдаты бросали факелы, поджигая дома и лавки. Он повторил твердо, но рассудительно: — Нам нужна лишь провизия. Люди

не должны умирать. Но если заставите нас сжечь поселение дотла, то вина ляжет на ваши плечи.

Натан изо всех сил пытался найти какое-то другое решение, и еще дюжина людей погибла за время паузы. Девочка с плачем подбежала к матери, а в следующий миг солдат убил их обеих, и они умерли в объятиях друг друга.

— Остановитесь! — взвыл Ренн. — Прошу, остановитесь!

Рува обратила на него ядовитый взгляд:

— Я могу сразиться с вами обоими, если желаете. Я бы с удовольствием извлекла ваши кости одну за другой.

Натан жаждал спасти Ханавир, но не мог сражаться со всей армией разом. Сколько жителей погибнет за это время?

Солдаты окружили сотню напуганных мужчин и женщин, включая старого мэра, и все они подняли руки, сдаваясь. Солдаты подняли мечи для массовой казни, и Енох повернулся к Натану и Ренну, подняв руку и готовясь подать сигнал.

— Стойте! — простонал Натан. — Не убивайте больше никого.

— Тогда прекратите сопротивление, — сказал Енох. — Сейчас же.

— Отдай приказ, — взмолился Ренн под продолжающиеся крики. — Скажи им, чтобы прекратили убивать!

Первый командующий взмахнул рукой, и по строю прокатилась волна передаваемого приказа.

— Пока хватит кровопролития! Нам нужны рабочие, чтобы грузить припасы. — Он фыркнул. — Не стоит все усложнять.

В ярости от своей неудачи, Натан изо всех сил пытался сдерживать дар, зная, что за применение магии Енох отомстит убийствами. Он выждет и испепелит старого ветерана

в тот момент, когда это не сможет привести к еще большему количеству смертей.

— Заберем волшебников с собой, — сказала Рува, гордо восседая на кобыле. — Генералу Утросу понравятся такие пленники. Мы с сестрой можем выпотрошить их, чтобы поискать внутри магию.

— Я убью тебя и твою сестру! — выкрикнул Ренн. — За Лани!

Натан, однако, мыслил более практично.

— Мы не можем позволить захватить нас, — прошептал он Ренну.

С улиц Ханавира он призвал ветер, управляя им, словно ткач тонкими шелковыми нитями. Он вытягивал дым из горящих зданий, подтаскивая его ближе, будто плотный и едкий занавес. Прежде чем Енох успел отдать приказ, Натан закрутил вихрь дыма, скрыв себя и Ренна ядовитой завесой. Он схватил волшебника за бордовый рукав.

— Давай, надо бежать.

Они помчались по улице, а дым все сгущался, прикрывая их отступление. Яростные крики обманутой Рувы остались позади.

На сердце у Натана было тяжело, оттого что они не смогли спасти Ханавир. Два волшебника едва унесли ноги.

Он надеялся, что другие отряды добьются большего успеха.

Глава 8

Бэннон, выдержав очередной день изнурительной работы на реке безо всяких шансов спастись, рухнул на носовую палубу корабля короля Скорбь. С наступлением ночи над головой заискрились звезды, но незнакомые созвездия каза-

лись очень далекими и не могли помочь ему. Бэннон должен позаботиться о себе и спасти как можно больше людей. Он держался за эту идею.

Почти пятьдесят рабов из Ильдакара стонали и скулили, когда их привязывали или приковывали к палубе. В темноте звуки с болота становились громче: хищники покидали илистые берега и густые заросли.

Бэннон не оплакивал свое положение, а испытывал гнев и чувство решимости. Его избитое тело покрывали синяки, мышцы болели. Голод зверем вцепился в живот. Он знал, что другие рабы тоже страдают.

После нескольких дней интенсивной работы многие корабли частично восстановили: заменили мачты и реи, перетянули такелажные канаты, залатали поврежденные корпуса и осушили трюмы. Непригодные для ремонта судна разобрали, оставив лишь деревянные скелеты. Бэннон искал возможности саботировать починку и даже оставил изъяны в некоторых судах, но этого было недостаточно, чтобы потопить их.

За это время погибло семь рабов, и Бэннону казалось, что многие скоро умрут от истощения. Он сам был в лучшей форме, чем остальные. В тренировочных ямах Ильдакара Бэннона обучили и закалили для битв, но остальные ильдакарские пленники привыкли к спокойной и благополучной жизни. В качестве норукайских рабов они долго не протянут.

Сгорая от нетерпения ввязаться в войну, король Скорбь вымещал гнев на своих.

— Быстрее! Корабли нужны уже сейчас. Мы должны отплыть к Норукайским островам! — накричал он днем на Гару и еще двух корабельных плотников.

— Четыре судна будут подготовлены и загружены провизией сегодня ночью, мой король, мой Скорбь, — сказала

Гара, почтительно поклонившись, и ее косы качнулись из стороны в сторону. — Обещаю.

Бэннон скорчился на палубе; его запястья были связаны веревкой, а лодыжки прикованы к штырю в палубе. Починка змеиных кораблей была ужасной работой, но его положение сильно ухудшится, когда флот налетчиков отправится вниз по реке. Бэннон уже не сможет отыскать путь в Ильдакар.

Его сердце болело из-за потери города и друзей. Несмотря на свои темные пороки и уродливые тайны, Ильдакар обладал огромным потенциалом. После свержения владычицы Торы он мог снова стать великолепным городом. Лила хотела, чтобы Бэннон остался, но теперь ее не было рядом, и сердце юноши терзала боль. Он понял, что не просто скучает по своей защитнице и воительнице. Сначала она заботилась о нем из чувства долга, но со временем их отношения переросли в нечто большее.

Натан тоже пропал, но Бэннон надеялся, что волшебник все еще жив. Теперь к нему вернулся дар, и никто не посмеет шутить с Натаном Ралом. А Никки... она осталась где-то далеко после исчезновения Ильдакара.

Бэннон сомневался, что снова увидит кого-то из них. Он был в ловушке, один, прикованный цепью к палубе норукайского корабля.

— Пресвятая Мать морей, — пробормотал он.

Но он не поддастся унынию. Должен быть способ выжить и одолеть ненавистных норукайцев.

Когда обманчиво успокаивающие звуки болота стали громче, у Бэннона заурчало в животе. Рабам приходилось пить из ведер грязную речную воду. Некоторых тошнило, и тогда грубые норукайцы выливали на них целое ведро воды, чтобы смыть рвоту и не дать вони задержаться на палубе.

В стущающей темноте Бэннон видел зажженные фонари на палубах дрейфующих кораблей, связанных между собой канатами. Судно короля и еще три стояли на якоре у берега, готовые к отплытию, и Скорбь не собирался ждать. Часть флота он решил оставить позади.

Двое норукайцев шли по освещенной факелами палубе, неся деревянную кадку. Они остановились у первой группы связанных рабов и поставили ношу на палубу. Один мужчина поднял черпак, с которого капала жижа из рыбьих потрохов и речной воды.

— Ужин!

Первый раб с отвращением отвернулся, но норукаец выплеснул содержимое черпака ему в лицо. Мокрые внутренности потекли по его подбородку, и когда раб понял, что другой еды не будет, то попытался проглотить часть. Усвоив урок, следующий раб открыл рот, когда норукаец плеснул тошнотворное месиво ему в лицо.

Мелок за их спинами скакал с ноги на ногу.

— Ужин, ужин! Моя рыба, ваша рыба! — Он запустил длинные пальцы в деревянную кадку, выловил рыбью голову, подбросил ее в воздух и поймал ртом, как дрессированная собака. Захрустев чешуей, он подошел ближе к Бэннону. — Рыбы пытались съесть меня, и теперь я ем их!

Свет восходящей луны подчеркивал шрамы на его белой коже. Бэннон задумался, что пережил шаман, какое испытание оставило такие шрамы и довело его до грани безумия.

— Они недостаточно тебя поели, — буркнул себе под нос Бэннон.

Мелок подскочил к нему и сел на корточки.

— Они съели достаточно. Рыбы-бритвы обгрызли мне руки, ноги и то, что между ними. — Он прижал ладонь к промежности, прикрытой набедренной повязкой. — Они многое отняли, но и кое-что дали. — Шаман склонился так

близко к Бэннону, что юноша почувствовал запах протухшей рыбы из его рта. — Мою силу! Я многое вижу. Я знаю будущее, вижу города в огне, кровь на мечях, слышу крики. Думаю, это хорошие крики.

— Может, это крики умирающих норукайцев? — спросил Бэннон, но шаман не обратил внимания на сарказм.

Мелок склонил голову набок, словно прислушиваясь к шепоту.

— Да, некоторые крики принадлежат норукайцам. — Голос его прозвучал так, словно он делился секретом.

Шаман явно находил Бэннона занимательным и считал, что юноша отличается от других пленников из Ильдакара. Двое норукайцев поставили зловонную деревянную кадку на палубу, и Бэннон собрался с духом. Он поднял голову, чтобы принять пищу, поклявшись сохранить силы до того момента, когда они действительно понадобятся, но едва не задохнулся, когда на лицо вылили рыбы потроха. Он заставил себя проглотить.

Съежившись и подражая ему, Мелок тоже поднял голову, как птенец, просящий червяка. Норукаец плеснул месиво из рыбьих потрохов шаману в лицо, доставив тому удовольствие. Мелок оторвал голову маленькой рыбки и сжал ее двумя пальцами.

— Ты не получил рыбью голову. Особое угощение.

Прежде чем парень успел возразить, Мелок сунул рыбью голову в рот Бэннона. Тот поморщился, но проглотил отвратительный кусок. Почему альбинос уделяет ему столько внимания?

С кормы змеинового корабля донеслось эхо барабанного боя, и на свет фонаря вышел король Скорбь. Замолчали все — рабы и норукайцы. Голос короля слышали на ближайших судах.

— Четыре змеиных корабля готовы к отплытию, и четырех достаточно, чтобы посеять ужас, когда мы пойдем вниз по реке. Сегодня ночью мы отправимся в бастион, а потом сможем начать войну.

Мелок вскочил на ноги:

— Мой Скорбь, король Скорбь! Они все будут скорбеть.

Король поднял тяжелую деревянную дубину и снова ударил в барабан надсмотрщика за гребцами — громче, чем раньше. Утробные голоса сотен норукайцев донеслись с бортов других кораблей, находившихся на различных стадиях ремонта.

— Мы будем грабить деревни по пути к открытому морю. Другая часть флота уже собирается на Норукайских островах, и я должен быть их королем и полководцем. — Скорбь пренебрежительно крикнул через воду другим судам: — Заканчивайте ремонт и возвращайтесь к нам. — Он поднял руку с железными костяшками. Цепь на его поясе зазвенела, когда он повернулся и отдал приказ поднять якорь. — Первые корабли отправляются в путь. Сейчас же!

Норукайские моряки подняли полуночно-синие паруса на четырех отремонтированных кораблях и разрубили канаты, которые их связывали. Бэннон почувствовал слабость, зная, что стоит им отплыть от Ильдакара, и он уже едва ли сможет сбежать. Он с тоской взирал на густую растительность на берегу, натягивая свои веревки и цепи. Он не знал, как выбраться с корабля, но продолжит искать способ.

* * *

Из колючего тростника Лила следила за кораблями налетчиков, зная, что некоторые — включая корабль Бэннона — уже отремонтированы и готовы отплыть. В темноте она услышала барабанный бой и отдаленные грубые выкрики. Морасит узнала голос короля Скорбь.

Ли́ла выжидала уже несколько дней. Пока норукайцы чинили корабли, она строила планы и готовила ловушку из лоз и деревьев, росших вдоль реки, тихо работая под покровом ночи. Ее самым большим преимуществом было то, что норукайцы о ней не знали.

Она отвергла десятки замыслов, которые вели к провалу. Ли́ла не могла проиграть. Если б дело было только в ней, она безрассудно бросилась бы в атаку и убила минимум дюжину норукайцев, прежде чем погибнуть. Но у нее была более важная задача — освободить Бэннона.

Когда четыре отремонтированных корабля были готовы отплыть вниз по реке, Ли́ла поклялась остановить их. Она уже несколько дней готовила западню, при помощи лиан сгибая тонкие болотные деревья и превращая их в импровизированные катапульты. Тайная работа делала ее уязвимой для болотных драконов, больших змей и хищных пауков размером с крысу. Одних Ли́ла убивала, других избегала. Теперь все было готово, а она лежала в засаде.

Подняв якоря и расправив темные паруса, четыре змеиных корабля двинулись в ночь. Ли́ла знала, что есть только один шанс.

Она не была уверена в точности прицела, так как не могла испытать свои грубые катапульты, поэтому приходилось полагаться на расчеты. Бэннон был на борту корабля короля Скорбь, и она не собиралась случайно убить юношу во время атаки.

Ли́ла собрала пучки сухих веток и мертвых лоз в горячие тюки, которые скоро станут метательными снарядами, и нагрузила три упругих молодых деревца, привязанных к земле. Согнутые деревца дрожали и были готовы к запуску. Когда корабли начали отходить, Ли́ла ударила кинжалом по кресалу, которое носила в сумке, и высекла искру, чтобы зажечь первый тюк. Пламя разгорелось, и она подошла

снаряд во второй катапульте, затем в третьей. Она чувствовала терпкий запах горящего зеленого дерева.

Затем она перерезала веревку, удерживающую первое согнутое дерево. Со стоном оно выпрямилось и запустило огненный шар в сторону норукайских кораблей. Лила перерезала вторую веревку, чтобы запустить следующий снаряд. Огненная комета с ревом пронеслась по небу, и первый снаряд ударил в корабль — не Бэннона, с некоторым облегчением заметила она. Команда бросилась тушить пламя, пока оно не охватило весь корабль.

Второй шар просвистел над следующим судном и упал в реку. Пламя с шипением потухло.

Третий же снаряд угодил в судно, следующее за флагманом, и пламя расплескалось по палубе, охватывая оснастку. Норукайцы бросились тушить огонь, но пожар быстро вышел из-под контроля. Судно на реке Киллрейвен превратилось в факел.

Другие три корабля тут же отплыли от горящего судна, в то время как король Скорбь и норукайцы выкрикивали оскорбления своему невидимому противнику на берегу реки.

Лила вышла из зарослей на илистом берегу, чтобы посмотреть на вызванный ею хаос. Она улыбнулась, а потом снова нырнула под тень деревьев. Три корабля уплывали по реке.

* * *

Ни король Скорбь, ни его команда не могли спасти охваченное огнем судно, поэтому флагманский корабль устремился прочь от разлетающихся на ветру искр.

Связанный и прикованный к палубе Бэннон едва сдерживал радость, наблюдая, как норукайцы прыгают за борт, спасаясь с горящего судна. Он гадал, кто запустил огненные

снаряды, которые пролетели над головой, как падающие звезды. Кто-то еще пытался сопротивляться! Кто-то еще остался на свободе! Несколько рабов на палубе смеялись и ликовали, приветствуя эту неожиданную победу, пока норукайцы-хозяева не избили их до бесчувствия.

Пока они отплывали от утесов, Бэннон продолжал наблюдать за зарослями, и мельком увидел гибкую девушку. Не может быть! Лила! Змеинный корабль быстро уплывал прочь, но Бэннон чувствовал огромную радость, просто зная, что она рядом.

Глава 9

Никки стояла в каменном дверном проеме дворца и наблюдала, как черное облако вползает в Ороганг.

— Жисс... — с дрожью в голосе произнесла старуха рядом.

Закутанные в ткань люди толпились, больше боясь того, что было снаружи, чем присутствия Никки. Некоторые выглядывали на дневной свет, другие прятались во мраке лишенных окон коридоров.

Разумное облако кружило, как грозовая туча, разбившаяся на обсидиановые осколки. Каждая крапинка была размером с кусачую черную муху, но вместе они представляли собой бесформенную хищную массу. Воздух наполнился жужжанием тысячи ульев, и звук становился все громче, пока масса пролетала мимо заброшенных зданий.

— Что это такое? — прошептала Никки.

— Смерть, — ответила старуха. За ее спиной, во мраке закрытого дворца, люди хранили абсолютное молчание.

Из черной массы вытягивались щупальца, обшаривая все в поисках добычи. У жисс была цель.

Никки заметила движение в кустах, которыми заросла площадь. Два оленя щипали нежные зеленые листики. Стало уже почти совсем светло. Самка наострила уши и подняла голову, а молодой самец с короткими мягкими рогами продолжал жевать цветы, но вскоре и он заметил жужжащее облако.

Жисс двигались в сторону животных. Черные точки кружились в воздухе, вытягиваясь в расплывчатое щупальце, которое походило на свечной воск, стекающий по наклонной поверхности. Встревоженные олени отскочили, но не распознали угрозу.

Никки хотела спугнуть оленей из своего укрытия, но старуха крепко, будто тисками, сжала ее плечо.

— Молчи! Мы не смеем привлекать к себе внимание.

Черное облако с жужжанием двинулось вперед, окружив оленей. Животные попытались убежать, но было уже поздно: одно из щупалец жисс накрыло их облаком кровожадных комаров. Олень, задыхаясь, рухнул на каменные плиты. Бедные животные дергались и метались, но в конце концов затихли.

Вскоре отдельные крапинки поднялись, словно захмелевшие шмели, и отлетели от жертв. Теперь они походили на набухшие шарики размером с виноградину и сменили цвет с черного на пурпурно-красный. Остальная часть облака парила и разрасталась, все еще голодная. Жисс продолжали исследовать древний город в поисках добычи.

Никки, испытывая отвращение от увиденного, повернулась к старухе. Теперь она понимала, что сделали для нее эти странные люди. А она еще и убивала их!

— Вы спасли меня. Вы знали, что скоро произойдет. Если бы я оставалась там после восхода солнца...

— Мы спасли тебя, а быть может, и весь мир, — ответила женщина. — Мы не могли позволить им забрать тебя. Кровь одаренной колдуньи невероятно сильна.

Никки была расстроена тем, что не смогла вовремя их понять. Их древний диалект и настойчивость привели к трагедии, но они отчаянно пытались удержать ее подальше от черного облака. В тишине голоса людей звучали громко, и жисс уловили этот звук снаружи. Часть роя устремилась к высокому дворцу, где прятались Никки и остальные. Затаившиеся люди в унисон вздохнули и отступили глубже в тень. Старуха и еще несколько человек навалились на толстую дверь. Никки тоже ее легонько подтолкнула и захлопнула как раз в тот момент, когда жисс с жужжанием ударили в массивную конструкцию. Сквозь твердую как камень древесину она слышала вибрирующий гул — разгневанная сила извергала свое разочарование.

Никки подождала, пока ее глаза адаптируются к неровному свету факелов на каменных стенах. Люди запечатывали все щели и трещины, чтобы ни свет, ни хищные черные мошки не проникали внутрь.

Это был внушительный дворец со сводчатыми потолками и настолько большими залами, что факелы не могли их толком осветить. Внутри толпились сотни бледных людей. Их оказалось гораздо больше, чем ожидала Никки. Все они были в неброских серых одеждах. Они выглядели вполне здоровыми, но затравленными.

Поток вопросов в ее голове все не унимался.

— Объясните, что здесь происходит, — потребовала она. — Что такое жисс и кто вы сами?

Пока люди перешептывались, старуха откинула капюшон, под которым оказались седые волосы с несколькими каштановыми прядями. Через ее тонкую бледную кожу просвечивали кровеносные сосуды.

— Я Кора. Мы называем себя Прячущимися людьми, потому что именно это мы и делаем — прячемся.

— И чего вы добились? Такая стратегия редко бывает пригодной.

— Мы контролируем жисс, — ответила Кора. — Мы оберегаем Ороганг. Оберегаем мир.

Люди зашептались громче. Никки была рада, что ее догадка подтвердилась.

— Так это Ороганг, столица империи императора Кергана.

— То, что от нее осталось, — сказала Кора.

— Император Керган давно мертв, — мрачно произнес мужчина с квадратной челюстью. — Он уничтожен мстью своего народа, но генерал Утрос еще вернется. Так гласит древнее пророчество.

Никки удивилась его словам, но не стала указывать на то, что желание этого человека может сбыться, хотя и не так, как он ожидал. Мужчина представился как Сайрус.

— Город пал много столетий назад, — продолжила рассказ старуха, — после свержения Железного Клыка. Простой народ жаждал провозгласить генерала Утроса своим следующим императором, и уже тогда один безумный пророк утверждал, что Утрос вернется в Ороганг. Но шли годы, а он так и не возвращался. Империю поглотила гражданская война. Люди сражались под разными флагами, разбившись на фракции и полностью сосредоточившись на конфликтах. — Она глубоко вздохнула. — Тогда пришли жисс.

— Утрос вернется! — настаивал Сайрус.

— Думаю, мы ждали достаточно, — фыркнув, девушка с каштановыми волосами бросила раздраженный взгляд на Сайруса.

— Что такое жисс? — спросила Никки, думая об истинной опасности. — Откуда они взялись?

Прячущиеся люди слушали свою историю с беспокойством, но позволили старухе продолжить рассказ.

— Огненная звезда упала с небес и ударила в горы. Внутри она была наполнена жисс, словно яичный мешок с пауками. — Ее морщинистое лицо стало хмурым. — Они стали питаться людьми. Поначалу жисс были всего лишь небольшим черным сгустком, но с каждой жертвой рой увеличивался. Твари использовали нашу кровь для размножения, и облако удваивалось вновь и вновь. Некоторые из нас научились прятаться. — Кора закрыла глаза, и в тусклом свете факела Никки увидела слезы.

Колдунья задумалась.

— Но Кергана свергли полторы тысячи лет назад. Вы не можете быть такими древними. — Она вспомнила заклинания сохранения, которые пронизывали Дворец Пророков и предотвращали старение. Самой Никки было больше ста восьмидесяти лет. — Или можете?

— Нет, — покачала головой Кора, — это было много поколений назад, но мы остались, потому что таков наш долг. Нам нужно удерживать жисс. Если уйдем, облако разыщет другие деревни, поселения, города, и тогда жисс будет уже не остановить.

Девушка, которая высказала колкость в адрес Сайруса, подошла ближе и даже улыбнулась.

— Рой выходит только днем, так что мы в безопасности, если остаемся в зданиях до темноты. — Девушка была миловидной и могла разбить сердце любому юноше, но ее портила бледность. — Я Аша. По ночам мы занимаемся охотой и собирательством. У нас есть запасы еды по всему городу, которой хватит на десятилетия, но мы не осмеливаемся покинуть Ороганг.

— Мы ждем, — сказал Сайрус. — У нас есть предназначение.

— Но жисс убили двух оленей, — сказала Никки. — Разве рой не увеличился?

Кора покачала головой:

— Жисс поддерживают себя кровью животных, но в человеческой крови есть некое свойство, которое позволяет им размножаться. — Старуха понизила голос: — А кровь одаренных — самая сильная.

Никки поняла, насколько уязвимой она была в руинах города.

— Как вы узнали, что я колдунья, когда увидели меня ночью?

— Мы не знали, — сказала Кора. — Мы просто пытались спасти тебя, но ты сопротивлялась при помощи дара, и мы поняли, что необходимо увести тебя от жисс, даже если многие из нас погибнут. Если бы черное облако настигло тебя... — Она замолчала и вздрогнула.

Никки задумалась, сможет ли ее дар противостоять голодному черному рою. Она бы не стала на это рассчитывать.

— И потому мы остаемся, — продолжила старуха, — и кормим рой ровно столько, чтобы держать под контролем. Он не уходит, но и мы не можем уйти. Никак.

— Если только не остановим его, — вмешалась Аша.

Оглядев просторный вестибюль дворца, Никки нахмурилась при виде обгоревших тел. Пытаясь избежать плена, она воспользовалась огнем волшебника.

— Простите, что я причинила вам столько вреда, — огорченно повторила она. — Я не понимала ваших действий.

— Мы сделали это не только ради твоего спасения, — усмехнулся Сайрус. — Если б жисс выпили твою кровь, наше положение стало бы намного хуже. — Голос его стал

резче. — Если бы мы не успели увести тебя, то нам бы пришлось тебя убить.

Никки взглянула на него в мерцающем свете факелов.

— Вы бы попытались.

Глава 10

Верна и ее спутники пробирались через лес в поисках маленькой горной деревушки, надеясь опередить налетчиков. Ее сопровождали розовощекая послушница Эмбер, Морасит Лайес и пятеро д'харианских солдат.

Лорд Орон с суровым выражением лица шагал рядом с аббатисой. Он был недоволен своим нынешним положением.

— Прежде я был уважаемым членом палаты волшебников и главой гильдии кожевников. Теперь я продираюсь через чащу в надежде отыскать несколько лачуг.

Впереди послышалось блеяние овец, и деревья расступились, открывая широкий луг. Тридцать солдат в доспехах гнали вниз по травянистому склону перепуганное стадо.

Верна бросила взгляд на могущественного волшебника из Ильдакара.

— А я была аббатисой сестер Света. Теперь, похоже, мы оба станем овечьими пастухами.

Лайес ускорила шаг:

— Этого мяса хватит накормить многих вражеских солдат. Мы не можем позволить забрать животных. Ну же, давайте остановим их.

Пока Верна смотрела на солдат, подгонявших овец, ее голос перешел в низкое хрипкое рычание:

— По крайней мере, мы заставим их заплатить за то, что они сотворили с семьей пастуха.

Часом ранее они учуяли запах дыма и наткнулись на горящий домик на лугу. Там же они нашли тела женщины и ее дочери — у обеих было перерезано горло. Ничего съестного в доме не осталось, все было съедено или унесено. На пастбище они обнаружили палатку, в которой были пастух, его сын-подросток и собака — все мертвые. Палатка была поожжена, трупы наполовину обгорели. Теперь древние солдаты гнали стадо к основной армии.

— Всего лишь тридцать солдат, — сказала Лайес, остановившись на опушке леса. — Наши мечи быстро справятся. Я бы убила всех сама, но тогда Торн может не поверить моим подсчетам. — Ее губы изогнулись в улыбке, когда она посмотрела на д'харианских солдат. — Я позволю моим товарищам поучаствовать в стычке.

— Мы с аббатисой обладаем магией, — заметил Орон. — Несколько мы можем взять на себя.

Солдаты на лугу били мечами по своим щитам с изображением пламени, подгоняя овец и не подозревая, что за ними наблюдают.

Д'харианцы выхватили оружие и пригнулись, прячась за деревьями. Ветерок покачивал ветви и шелестел листьями. Лайес сжала короткий меч и глянула через плечо на своих спутников, вопросительно выгнув густые темные брови.

— Чего же мы ждем?

— Я ждать не собираюсь. — Орон поднял руку и призвал дар.

Небо над лугом потемнело, порывистый ветер усилился. Мародеры подняли головы, недовольные внезапной грозой. Одинокая черная туча исторгла ливень точно на луг, промочив солдат насквозь. Овцы с блеянием продолжали идти.

Орон с улыбкой переплел пальцы, и тонкая молния вонзилась в гущу вражеских солдат, убив двоих и разбросав остальных. Овцы в ужасе бросились врассыпную.

Аббатиса Верна и остальные не нуждались в приказах. Улыбаясь, Эмбер создала хлыст из воздуха, которым ударила и захватила одного из вражеских солдат, сбив с ног. Он вскрикнул от удивления.

Из леса выскочили д'харрианские солдаты под предводительством худошавой Морасит. Из-за проливного дождя и завывающего ветра древние воины не понимали, сколько противников их атакует.

Из черной тучи Орона прогремел гром. Очередная молния превратила одного из вражеских воинов в обугленные куски плоти. Лайес с быстротой ягуара прыгнула в гущу испуганных солдат. Взмахом короткого меча она обезглавила одного, а обратным ударом вспорола живот второму.

— Двое! — вскрикнула она и бросилась на следующую жертву.

Верна с криком побежала вперед, и Эмбер последовала за ней:

— Я с вами, аббатиса!

Верна чувствовала себя старой и усталой после долгого путешествия, но была крепкой женщиной. Она обучила немало юных волшебников во Дворце Пророков, и ей даже удалось навязать свою волю Ричарду Ралу. Она была ученым, лидером и могущественной колдуньей.

И она уже бывала на войне.

Верна сотворила воздушный карман над мечущимися перепуганными овцами, затем резко сжала его, соединив ладони. Раздался громкий хлопок, и этот безвредный шум заставил испуганных овец броситься к деревьям.

Женщина посмотрела на Орона:

— Теперь мародеры не поймают этих овец.

— Эффективно, аббатиса, — слабо кивнул волшебник, — хотя я предпочел бы убивать врагов, а не пугать. — Он под-

нял обе руки и крутанул запястьями, изменяя свое заклинание.

Капли дождя превратились в длинные острые ледяные снаряды и пронзили вымокших солдат. Затем на них накнулись д'харианцы.

Разведывательный отряд Утроса не ожидал сопротивления, когда направлялся грабить незащищенные деревни и жившее на отшибе семейство пастуха. Захваченные врасплох древние солдаты оказались легкой мишенью, и были быстро и методично устранены.

Лайес, верная своему слову, убила шесть врагов. Трое д'харианских воинов были ранены в схватке, и теперь сидели под прояснившимся небом и перевязывали друг друга. Самые тяжелые ранения исцелили Верна и Орон.

До захода солнца группа успела разбить лагерь рядом с разгромленным домом. Двое мужчин вытащили тела пастуха и его сына из обгоревшей палатки и принесли к дому. Верна и спутники похоронили несчастных, сочтя это своим долгом, и теперь вся семья покоилась рядом.

— Владелец забрал их слишком рано, — сказала аббатиса. — Но, по крайней мере, в подземном мире они будут вместе.

— Лучше бы он забрал остатки древней армии, — жестко сказал Орон. — Хотел бы я отправить их всех в подземный мир.

Тела древних воинов они оставили гнить на склоне холма.

Когда наступила ночь, они развели костер, чтобы рассеять темноту. На лугу появилась Лайес, неся на плечах выпотрошенную овечью тушу.

— Остальное стадо разбежалось, — сказала она. — Нам хватит и одной, а Утросу не достанется ничего. — Морасит

бросила тушу рядом с огнем, а затем кинжалом отрезала куски самого сочного мяса. — Это был хороший день.

— Да, вполне, — сказала Верна.

Они убили три десятка врагов, но оставалось еще несметное количество древних солдат, и эта мысль давила на нее. Сегодня была лишь тренировка? Заметив довольную улыбку Эмбер, она решила позволить послушнице наслаждаться победой. Верна пообещала себе не считать войну непосильной задачей. Будет много поражений и утрат, прежде чем все будет сказано и сделано, но сегодня они победили...

Глава 11

Сколь велика была армия Утроса своим числом, столько же в ней было и тактических вопросов. Поскольку генерал планировал завоевание Древнего мира, главными его задачами были управленческие.

Поздним вечером он стоял у своего шатра и в задумчивости смотрел на раскинувшийся лагерь, пока солнце опускалось за горы на западе. Его тактический ум походил на сложную последовательность вращающихся шестеренок, одна мысль сменяла другую, пока он обдумывал последствия своих действий. Он коснулся золотой маски, закрывавшей левую часть лица, — он был вынужден заплатить эту цену. Последствия...

Он понимал тяжелое положение армии лучше, чем кто-либо из его солдат, но не позволял отчаянию толкнуть его на еще один поспешный шаг. Он тщательно все спланирует, используя интуицию, опыт и стратегию. Утрос прислушивался к звукам лагеря, пока голодные солдаты устраивались на ночь. Они собирались вокруг костров, чтобы поговорить

о потерянных близких или поиграть в древние азартные игры.

После сокрушительных неудач — атаки гигантских воинов Иксакс, возвращения серого дракона, огненной магии переноса — командиры докладывали о фактических потерях только Утросу. Он не мог позволить войску понять, какой страшный урон они понесли. Его армия никогда не должна узнать, что действительно может потерпеть поражение. Тела павших спешно сожгли в погребальных кострах, чтобы скрыть истинный масштаб потерь. А чтобы солдаты реже вспоминали о погибших товарищах, Утрос перевел выживших в новые роты и назначил новых командиров. Воины даже не успели осознать, сколько товарищей они потеряли. Впрочем, самым большим ударом была потеря самого Ильдакара.

Утрос повернулся к отвесному обрыву на краю долины. Целый город исчез, как будто никогда и не существовал. Завоевание Ильдакара было его предназначением, выжженным в нем императором Керганом. Именно по этой причине он и его огромная армия выступили из Ороганга и преодолели горы. Теперь их главная цель была утрачена.

Утрос знал, что времени у него немного. Он прижал маску к грубому шраму на щеке. Боль в ране отдавалась где-то в черепе. Его люди все еще верили в него. Они доверяли своему генералу, их преданность ему была сильнее, чем Железному Клыкку. Утрос не подведет их, но он должен дать им опору, какую-то новую надежду, достижимую цель. Он сплотит их, укрепит их решимость.

Ава вышла из тени шатра. Ее грудь и плоский живот покрывали странные узоры, нарисованные сажей и темно-красной краской. Прозрачное голубое платье мало что скрывало. Она была поразительно красива, как и ее сестра,

и столь же сильно внушала страх. Она протянула руку и погладила его мощные бицепсы.

— Моя сестра возвращается, возлюбленный Утрос. — Ее пальцы задержались на рельефном узоре медного браслета. — Я чувствую ее.

Его взгляд остановился на шраме на внешней стороне бедра колдуньи. Сестры родились со сращенными ногами, и только потом отец разделил их — физически. Их хань оставался связанным.

Ава указала подбородком на несколько сотен всадников, рысью спускавшихся с северных холмов по выжженной траве. Они вели за собой вереницу повозок и вьючных мулов, нагруженных мешками зерна и бочонками эля, а также гнали овец, коров, коз и нескольких яксов. Еще издали Утрос узнал первого командующего Еноха и бледный раскрашенный силуэт Рувы во главе отряда.

Солдаты у костров, увидев подводы, разразились радостными криками. В течение дня десятки отрядов возвращались с разнообразной провизией, которую набрали в деревнях или хуторах в холмах. Этого небольшого количества еды пока хватало успокоить армию.

Утрос был уверен, что ни один из его солдат не сможет подсчитать точного количества зерна, коров, овец, коз, кур, оленей или кабанов, необходимого, чтобы прокормить более сотни тысяч ртов. Он должен найти решение, прежде чем армия осознает масштаб проблемы.

Утрос снял шлем, украшенный двумя изогнутыми рогами безобразного быка, которого повелители плоти Ильдакара послали против его армии.

Когда вернувшийся отряд проезжал через ликующий лагерь, Ава взяла генерала под руку и пошла рядом, защищая его своей красотой и могущественным даром. Енох и Рува подъехали к генералу для доклада. У первого командующе-

го было серое грубое лицо с многочисленными боевыми шрамами, которые придавали грозный вид. Енох снял шлем и провел ладонью по взъерошенным седым волосам.

— Наша миссия была успешной, генерал.

— Вижу. — Утрос наблюдал, как повозки едут через лагерь. Захваченные припасы и скот распределяли по отрядам. Он понизил голос. — Все животные должны быть забиты сегодня же. У нас нет возможности содержать их. Накормите всех вдоволь.

Енох помрачнел:

— Этой еды надолго не хватит, сэр.

— Мне это известно. У вас были какие-нибудь трудности?

— Нет, — со странной злорадной улыбкой ответила Рува.

Когда Утрос с любопытством посмотрел на первого командующего, Енох пояснил:

— В городке Ханавир было много припасов, но мы столкнулись с неожиданным сопротивлением.

— Горожане сопротивлялись? Против пятисот вооруженных воинов?

Старый ветеран покачал головой:

— Нет, там были два заплутавших волшебника. Помните того, с белыми волосами, Натана Рала?

Утрос поджал губы:

— Да, он вообразил себя историком и сообщил мне, что мое имя легендарно. — Он ощутил горечь сарказма в горле. — Именно Натан рассказал мне о падении императора Кергана и о том, что случилось с моей дорогой Мэджел. — Желчь подступала к горлу каждый раз, когда он думал об этой милой женщине, о том, как ее же муж ради мести живьем содрал с нее кожу. — Золотая маска давила на лицо, и

Утрос поправил ее. — Но дар Натана исчез, разве нет? Кажется, он был бессильным волшебником. Как он сражался?

— Его дар вернулся, — ответила Рува. — Он и еще один волшебник из Ильдакара по имени Ренн пытались защитить город. Но мы одолели их.

Утрос был доволен, но озадачен.

— Ты одолела двух волшебников? Каким образом?

— Сострадание было их слабостью, — сказал Енох. — Мы не могли бороться с ними напрямую, но убили нескольких невинных горожан и пригрозили поубивать всех, если они не уступят. Волшебники сбежали, и мы забрали все припасы.

— Мы все равно должны были убить жителей, чтобы наказать их, — надменно фыркнув, сказала Рува.

— Такого приказа у меня не было, — с намеком на гнев ответил Енох. — Основной задачей было добыть припасы, чтобы накормить наши войска, а не мстить за какую-то мелочь.

— Это не отняло бы много времени, — легкомысленно сказала колдунья, но уступила.

Они смотрели, как воины под руководством вторых командующих Халдерса и Арроса разгружают повозки и делят припасы.

— Солдаты будут следовать приказам до тех пор, пока голодные животы не убедят их в обратном. — Утрос покачал головой. — Мы не можем и дальше стоять лагерем в этой никчемной долине. Ильдакар исчез, как и все его припасы. Нет никаких причин оставаться здесь. Наша армия должна двигаться, и скорее.

— Нас ждет целый континент, — сказала Ава.

— Мы не можем позволить королю Скорбь забрать все, — добавила Рува.

От этой мысли Утросу стало не по себе. Он взглянул на долину:

— На рассвете сворачиваем лагерь и выступаем на запад быстрым, даже стремительным маршем. Еда скоро закончится. — Он понизил голос. — В полукаменном состоянии желудки нас не беспокоили. Мы не оценили благо, которое шло рука об руку с этим проклятием. Теперь армия должна продержаться достаточно долго, чтобы переправиться через горы.

— Ты удержишь армию, — сказала Рува.

Утрос не мог избавиться от холодного кома в груди. За прошедший месяц он уже направил десятки экспедиционных отрядов водрузить повсюду знамя Утроса. Теперь придется собирать по пути все ресурсы, что удастся найти, лишь бы огромная армия не останавливалась.

Но он с нетерпением ждал марша.

Глава 12

Когда Адесса двинулась вверх по течению реки, возвращаясь в далекий Ильдакар, ее единственной компанией была отрубленная голова Максима, которую она несла в окровавленном мешке. Морасит шла твердым шагом, но без спешки, так как охота завершилась. Ее жертва была мертва, но задание не было закончено. Она должна принести трофей домой.

Домой. Адесса редко позволяла себе такие мысли. Будучи Морасит, она полностью отдавала свое тело и способности Ильдакару. У Адессы не было ни радостей, ни сомнений, только служение. Она будет сражаться и одолеет любого противника на боевой арене; она убьет любого врага, который угрожает городу, даже самого главнокомандующе-

го волшебника. Она не считала пролитую кровь — ни свою, ни чужую.

Перед смертью Максим поддразнил ее, сказав, что Ильдакар может быть осажден военным флотом норукайцев. Он также утверждал, что разрушил заклинание окаменения и освободил гигантскую армию генерала Утроса. У Адессы не было причин ему верить, поскольку волшебник имел привычку лгать. Как только она вернется в город, то сама увидит правду и будет сражаться, если понадобится.

Проходя милю за милей, Адесса предвкушала, как увидит прекрасный город, его зеленые улицы, башню властителей и пирамиду жертвоприношений, боевую арену, пропитанную кровью и славой. Адесса обучила многих бойцов, и некоторые, как Ян, даже стали чемпионами, что было редкой честью. Она позволила Яну стать ее любовником и оплодотворить. Несмотря на то, что Адесса убила Яна, когда он предал Ильдакар, она не могла отрицать привязанность к нему. Если бы только он не был развращен...

У Гантова брода, покинув семейство Фэри, она подумывала найти лоцмана, который переправил бы ее вверх по реке в Ильдакар, но у Адессы не было настроения для компании. Она могла довольно быстро передвигаться в одиночку и была одна с тех пор, как властительница послала ее на охоту. Восстание в Ильдакаре уже наверняка подавлено, Тора и палата волшебников восстановили порядок и наказали преступников. Адесса вернется домой с триумфом.

Она шла вдоль реки Киллрейвен по грунтовой дороге, которая по мере удаления от городка превращалась в еле заметную тропинку среди деревьев. Опасные болота далеко на севере доставили бы больше проблем.

После тяжелого дня пути она поела вяленого мяса и фруктов из дорожного мешка и остановилась разбить лагерь. Адесса собрала хворост на поляне и села на повален-

ное дерево со сгнившей корой. Костер из сухих ивовых прутьев, травы и дубовых веток потрескивал, источая струйки дыма. Она отпила из бурдюка и снова достала дорожную еду. Через несколько дней придется охотиться, но сегодня она просто отдохнет, а затем двинется дальше, как только взойдет солнце.

Неподалеку шептали волны, плескаясь о берег. В уютной темноте щебетали ночные птицы и гудели насекомые.

Адесса подняла мешок с жутким содержимым и поставила голову Максима на пень напротив костра. Она приспустила ткань, обнажив обесцвеченную опухшую кожу. Одутловатые глаза главнокомандующего волшебника были полуоткрыты, студенисты, с молочной белизной. Рот был открыт, а губы обмякли, обнажая зубы. Раньше на этом лице часто появлялась плутовская улыбка, наполненная скорее ядом, чем юмором. Теперь кожа имела маслянистый зеленоватый отпечаток разложения, а шейный обрубок покрывали ржаво-коричневые пятна.

Пытаясь удержать голову в вертикальном положении, она надавила на нее, чтобы сплюснуть мягкую плоть.

— Этим вечером ты составишь мне компанию, — сказала Адесса. — Но при жизни компаньон из тебя был скверный. Властительница Тора презирала тебя. Теперь ты будешь молчалив и почтителен.

Адесса сидела на бревне напротив мертвой головы и размышляла, заканчивая трапезу. Сидевшие на деревьях вороны закричали и разлетелись. Она подняла глаза, гадая, что же их так встревожило.

Когда прозвучал насмешливый голос, по ее позвоночнику пробежал холод.

— Ты думаешь, что победила.

Рука Адессы метнулась к короткому мечу на бедре, пока она вставала. Костер снова затрещал. Она огляделась.

— Ты не победишь, — сказал голос, и она повернулась к голове Максима. Его распухшие глаза теперь были открыты, а белки сфокусированы на ней. — Ильдакар уже пал.

— Во имя Владетеля! — воскликнула она.

— Да, во имя Владетеля. — Губы Максима раздвинулись и потрескались, из них сочился гной. Распухший язык мелькал между зубами, когда челюсти двигались, формируя слова. — Ты еще не закончила работу, Морасит.

Уверенная, что это плод воображения, Адесса уставилась на голову:

— Молчать!

Голова на пне закачалась, когда Максим засмеялся.

— Завеса истончилась, границы стали ненадежны. Многие души проходят сквозь трещины. — Голова снова хихикнула. — А я довольно изворотлив.

— Замолчи!

Сжимая короткий меч, она обошла вокруг костра и нависла над отрубленной головой. Глаза Максима смотрели на нее с насмешливой невинностью.

— Я отделила твою голову от тела, — сказала Адесса. — Я пробила твою грудь деревом и разорвала сердце. Ты мертв.

— Быть может, меня не так легко убить. — Он снова рассмеялся.

— Я разрублю твою башку надвое, а потом рассеку на множество кусочков.

Он только усмехнулся.

— Думаешь, избавившись от этого сосуда, ты сможешь уничтожить мой дух? Можешь попробовать. — Губы его кривились в презрительной ухмылке. Гниющие глаза зажмурились, и когда он снова открыл их, из глазных яблок потекла жидкость. — Разве ты не обещала дорогой Торе,

что принесешь мою голову? Если разрубишь меня на куски, как объяснишь свою неудачу?

Адесса колебалась, глядя на него сверху вниз.

— Ну же, — продолжал зловещий голос, — мы будем спутниками в долгом путешествии в Ильдакар! Но уверяю, от города ничего не осталось. — Он снова хихикнул. — Хотя откуда тебе знать? Тебя так долго не было.

— Ты лжешь.

— Как дух, я вижу многое.

— Ты ничего не знаешь. Ты моя жертва. Ты мертв.

— Да, — ответил Максим. — И все же я еще здесь.

В отчаянии и отвращении она натянула мешок на отрубленную голову и туго его завязала. Теперь голос Максима был просто шепотом, но не смолкал. Она положила сверток по другую сторону упавшего дерева. Аппетит пропал, и Адесса не могла уснуть на протяжении всей долгой и шумной ночи.

Глава 13

В светлое время суток Прячущиеся люди занимались повседневными делами в полумраке зданий Ороганга. Они затыкали каждую щель, заделывали каждую трещину, чтобы ни единый луч солнечного света не мог проникнуть в их убежище. Бледные мужчины и женщины зажигали факелы, фонари и свечи, чтобы осветить коридоры дворца. Даже находясь в безопасности массивных стен, они все равно двигались украдкой.

Никки посмотрела на высокие арки; каменные колонны терялись в тених высоко над головой. Кора вела ее через большие темные залы с холодными каменными стенами, покрытыми пятнами мха.

— Зачем ты пришла к нам? — спросила старуха. — В Ороганге почти не бывает путешественников. Что привело тебя сюда?

— Ты пришла по горной дороге? — добавила юная Аша, едва не наступавшая ей на пятки. — Мы стережем ее, но наши ночные охотничьи патрули тебя не видели.

Их сопровождало еще несколько человек, слушая разговор и шурша серыми одеждами. Они тихо переговаривались, будто привыкли общаться исключительно шепотом.

— Я пришла не по дороге, — сказала Никки. — Меня принесла сильфида. Если вы так долго живете в этом городе, то наверняка о ней знаете.

Прячущиеся люди нервно зашептались, а Кора задумалась.

— Мы слышали рассказы о серебряной женщине в колодце, но на нашей памяти никто не видел ее. Говорят, она впала в спячку еще за тысячу лет до императора Кергана.

— Сильфида была создана для перемещения шпионов и диверсантов императора Сулакана задолго до рождения Железного Клыка. — Никки выпрямилась. — Я разбудила ее. Я хотела, чтобы она доставила меня в Ильдакар, но она выбросила меня здесь. Во время путешествия произошло нечто странное. Она думает, что я предала ее. — На сердце у нее было тяжело — возможно, она никогда не сможет призвать это создание; сильфида пропала. — Но мне нужно вернуться к друзьям. Идет ужасная война, и я не могу здесь оставаться.

Кора помедлила, ведя Никки за собой.

— Еще одна ужасная война, очередная ужасная война.

Они вошли в просторный зал с гигантскими мраморными колоннами, на которые опирался купол. Никки остановилась, чтобы оценить размеры — может, это большой тронный зал Железного Клыка?

— Ильдакар во многих днях пути отсюда. — В голосе сопровождающего их Сайруса звучало сомнение. — И ты проделала этот путь в сальфиде?

— Сначала сальфида доставила меня в Серримунди и в Танимуру. Эти места гораздо дальше Ильдакара. Расстояние для такого существа ничто. — Никки помолчала. — Но если я не смогу призвать ее вновь, то не смогу вовремя добраться туда, где я должна быть. Ильдакар в осаде, а может уже пал.

— Мы бы помогли, но наши люди не могут покинуть Ороганг, — сказала Кора. — Из-за жисс мы обязаны оставаться здесь, чтобы оберегать остальной мир.

Никки оглядела похожих на тени людей, снующих туда-сюда по коридорам и исчезающих в темных проходах.

— Сколько вас здесь? — На городской площади ее пытались схватить несколько сотен человек, и она видела еще больше силуэтов в дверных проемах и арках. Были ли они существенной боевой силой?

— Много, — сказала Кора. — Наши люди живут в зданиях и катакомбах, которые соединяют самые большие строения, а также в горных пещерах. Мы повсюду в Ороганге, но не допускаем, чтобы нас видели.

Факелы в грандиозных залах походили на огненные глаза. В древнем дворце императора Кергана было несметное число пристроек и комнат, а также подземные этажи, но они скрывали величие этого места. В древней столице было много внушительных сооружений. Железный Клык построил все это при помощи огромных налогов и рабского труда; он не считался с людскими жизнями, чтобы укрепить власть. Он был убит своим же народом, но монументы Кергана простояли пятнадцать столетий.

Прячущиеся люди занимались своими делами. Из больших общественных залов доносился стук ткацких станков, скрежет напильников и грубый резкий скрип небольших

пил. Ремесленники делали заготовки для стульев, сколачивали столы и прочую мебель. Другие ткали или пряли, а швеи шили одежду. Внутри города царила тишина, но Никки ощущала уверенность, а не страх.

— Как кормите столько людей? — спросила она. — Видела на улицах склады и амбары. Вы вправду по ночам занимаетесь хозяйством?

— Мы выращиваем зерновые, — пояснила Кора. — Дневной свет заботится о них, а жисс нет дела до растений. Ночью мы возделываем землю и собираем урожай. Наши охотники приносят мясо. — Она довольно улыбнулась. — Нам хватает.

Аша взволнованно вырвалась вперед:

— Но это еще не все! Наша самая важная культура находится под землей. Пойдем, я покажу. — Девушка подошла к арке, за которой оказалась ведущая вниз каменная лестница. Она резво сбежала по ступенькам, ведя их в темный нижний уровень под дворцом.

Никки последовала за Ашей по вызывающей клаустрофобию тесной лестнице в подземное помещение с грубыми каменными стенами. Комната была освещена жутким серебристо-голубым светом, исходящим от мясистых наростов на стенах. Никки почувствовала тягучий болотный запах, который, впрочем, нельзя было назвать неприятным.

Десять человек, в том числе дети, работали среди булавовидных наростов. Одни собирали в корзины серо-белые грибы, в то время как другие раскладывали бурую мульчу для удобрения ростков. Аша оторвала кусочек бесформенной массы со стены и сунула в рот, явно наслаждаясь вкусом.

Сайрус с суровым видом встал у плеча Кору.

— Мы культивируем и возвращаем эту субстанцию, — благоговейным тоном заговорила старуха, — делая ее

нашим величайшим оружием против жисс. Вот почему рой не распространился по всей земле.

Двое детей, собиравших грибы, время от времени откусывали кусочки.

Сайрус тоже набил полный рот, словно это было его обязанностью.

— Мы потребляем этот особый гриб каждый день, чтобы он пропитывал нашу плоть. Это... помогает нашей работе.

Никки поняла, как сильно она проголодалась после пережитых испытаний, и потянулась к грибам, но Кора резко отдернула ее руку.

— Нет, колдунья! Только не для тебя.

Никки попяtilась:

— Я не понимаю ни тебя, ни твоих людей.

Старуха казалась дружелюбной.

— Мы все объясним, это важно. — Она сорвала один из бесформенных грибов, раздавила в ладони и показала получившуюся кашицу Никки. Колдунья сделала глубокий вдох. При помощи дара и обостренных чувств она ощутила зловещий оттенок в пряном запахе: какое-то отвратительное вещество, которое она прежде не замечала. — Гриб смертелен для всех, кто не привык к нему, — сказала Кора. — Яд такой же сильный, как у губельного цветка. Он убьет тебя, едва положишь его в рот.

Пока они стояли в мерцающем сиянии комнаты, Никки наблюдала, как другие люди приходят за своим ежедневным рационом, срывают быстро растущие грибы и жуют их на обратном пути к двери.

— Этот гриб делает нас смертельными для жисс, — продолжила Кора. — Мы выработали способность переносить его воздействие, с раннего детства приучая организм к этому яду. Мы подвергаем свое тело воздействию химикатов,

наращивая сопротивляемость до тех пор, пока кровь, кожа, каждая наша частичка не наполнится ядом.

Сайрус хмуро взглянул на Никки:

— Ты не выживешь, колдунья, каким бы великим ни был твой дар.

Никки доводилось испытывать на себе действие яда, но она не хотела пробовать этот, особенно после тяжелого путешествия в сильфиде, от которого еще не оправилась.

— Мне нужно восстановить силы, а не тратить их. Если сильфида не откликнется на зов, то мне предстоит трудный путь... если смогу найти дорогу назад.

— Мы знаем, где Ильдакар, — сказала Кора. — Мы покажем путь к горным перевалам. Мне знакомы и города на побережье, которые ты называешь Серримунди и Танимура, хотя наши записи очень древние.

— Откуда ты знаешь о побережье, если никогда не покидала этот город? — спросила Никки. — Органг столетиями был изолирован.

Старуха загадочно улыбнулась:

— Это не значит, что мы позабыли.

Покинув комнату с грибами, Кора повела ее и остальных в закрытое надземное крыло, которое служило переходом к другому величественному строению. Они вошли в зал для собраний, где их встретили ярусы пустых скамеек и большое открытое пространство для лектора. Здесь могли проходить совещания и политические дебаты.

На полу стоял солидный стол на ножках толщиной со ствол дерева. На столешнице находилась большая детализированная рельефная карта Древнего мира, вылепленная из глины и раскрашенная естественными красителями — будто кто-то уменьшил настоящие горы, долины и реки, чтобы поместить их здесь. Яркие светильники на четырех углах массивного стола походили на солнца, освещающие ланд-

шафт. Прежде Никки видела лишь небольшие фрагменты карт Древнего мира, но эта трехмерная репродукция охватывала весь Древний мир, от побережья до гор, и даже дальше.

Кора протянула руку и коснулась низменности в скалистых горах, окруженной труднопроходимыми перевалами, но соединенной с внешним миром тонкими линиями добротных имперских дорог.

— Это Ороганг, центр великой империи Железного Клыка.

Старуха провела кончиками пальцев вдоль горных хребтов, следуя по дорогам на юг, спускаясь по рекам в широкие долины, где сходящиеся потоки образовывали верховья реки Киллрейвен, которая вела на юг к другому известному городу — Ильдакару. Оттуда река текла дальше, к широкому устью в том месте, где впадала в море. Отыскав Ильдакар, Никки отследила маршрут, по которому прошла вместе с Натаном и Бэнноном: высокий перевал Кол Адаир, пустынные каньоны, скрывающие Твердыню, и через хребты на запад, к морю и бухте Ренда. Она проследовала вдоль береговой линии на север, увидев множество прибрежных городов вплоть до Серримунди и Танимуры.

— Эта карта была создана давным-давно по приказу императора Кергана. Он хотел видеть весь мир, потому что приказал генералу Утросу завоевать его.

— И генерал Утрос когда-нибудь вернется, — вставил Сайрус, приняв уверенную позу и выставив вперед бледный подбородок. — Вспомни старое пророчество! Мы так долго ждали, хотя он наверняка давно мертв...

— О, генерал Утрос все еще жив, — удивила их Никки. — Он и его гигантская армия многие столетия назад были обращены в камень волшебниками Ильдакара, но теперь они пробудились. — Сайрус выглядел потрясенным этой

новостью, но она предупредила его: — Послушай меня, он не спаситель. Несмотря на то, что Железный Клык давно мертв, Утрос намеревается подчинить себе Древний мир. Не жди, что он станет твоим героем.

— Из поколения в поколение мы передаем легенды. — Сайрус так и стоял, расправив плечи. — Он великий человек. Пророчество гласит, что он вернется за нами.

— Может, у вас и есть легенды, но я лично столкнулась с ним. Я знаю, сколько разрушений принесет его армия, сколько людей погибнет из-за его амбиций. Ты должен его бояться, а не надеяться на возвращение.

— Я буду верить в то, во что хочу верить, — усмехнулся Сайрус.

Кора поправила свой серый плащ:

— Я бы не придавала большого значения легендам или так называемым пророчествам, Сайрус. Твой народ слишком долго держался за бесплодную надежду. Вспомни про глупые рассказы о Железном Клыке, про мифы, которые преподносят Кергана как храброго и благородного императора. Он определенно не был достоин легенд или надежд. Откуда тебе знать, достоин ли генерал Утрос?

— Потому что я знаю, — сказал Сайрус с растущим пренебрежением. Его серые глаза не выказывали никакого интереса к истине. — Я верю пророчеству.

Никки не раз видела такое же пустое и фанатичное выражение лиц у последователей Имперского Ордена. Она тоже верила в их учение и отказывалась признавать, что могла заблуждаться или ошибаться. До тех пор, пока Ричард...

— Но я-то знаю правду, — сказала Никки, — веришь в нее или нет.

Глава 14

Огромная армия двинулась вперед: более ста тысяч солдат, а также многочисленные повара, плотники, кожевники, оружейники, конюхи и ремесленники. Каждый солдат сам отвечал за свои доспехи, оружие и сапоги. Каждому приходилось чинить свой плащ, разводить костер, рубить дрова, рыть отхожие места. Войско было огромным городом, находящимся в движении в поисках новых завоеваний.

Первые отряды выступили на рассвете. Они двинулись через долину прочь от пустоши, которая была Ильдакаром, и направились к предгорьям и горам на запад. Вторые командующие Халдерс и Аррос оседлали боевых коней и поехали во главе больших батальонов, которые привычно выстроились в шеренги.

Генерал Утрос наблюдал за всем из командного шатра, а рядом находились Ава и Рува. Он был доволен, что война возобновилась.

— Моя армия подобна огромному валуну на склоне холма. Его нужно подтолкнуть, чтобы он начал движение, но тогда он понесется по склону, неизбежно разрушая все на своем пути. — Золотая маска скрывала половину его улыбки. — Я стану непреодолимой силой, которая сокрушит Древний мир и заставит подчиниться.

Ава посмотрела на него так, словно была очарована магией его притягательности.

— А как насчет короля Скорбь? Разве вы не поделите землю с норукайцами?

— Они едва ли лучше животных. Посмотрим, сколько норукайцев выживет после победы в войне.

Под топот копыт, грохот сапог и скрип колес армия двинулась на запад, к подножию холмов, поднимая облака пыли и пепла над выжженной долиной. Солдаты съели все изъятые припасы, так что каждый лег спать с полным живо-

том и минимумом вопросов. Они будут идти маршем до тех пор, пока генерал Утрос не скамандует другое.

Он отправил еще шесть экспедиционных отрядов по две тысячи солдат в каждом; они двинулись в разные стороны в поисках городов, где можно пожить припасами, совершая набеги от его имени. Утрос таким образом увеличивал масштабы вторжения, а также на двенадцать тысяч сокращал количество ртов, которые требовалось кормить. Между тем основные силы неустанно двигались через горы.

Первый командующий Енох, зная ситуацию, мрачно сидел в седле. Он подъехал к генералу и колдуньям, глядя на них сверху вниз. Пока оставшиеся отряды выстраивались в шеренги, снимаясь с места, шатер разбирали и упаковывали в подводы с припасами. Утрос и близнецы верхом на лошадях последуют за основной армией.

— Теперь солдаты настроены решительно, генерал, и они сосредоточатся на марше, — сказал Енох. — Но скоро их будут заботить стертые ноги и неудобства походной жизни. Днем позже они будут думать только о том, как голодны и, что еще хуже, как долго это продлится. — Он почесал тонкий белый шрам на щеке. — Они почитают вас, сэр, я в этом не сомневаюсь, но долгая боль в пустом желудке может сломить даже самую сильную преданность.

— Я знаю цену преданности. — Утрос подумал о том, что сказал ему Железный Клык, узнав о романе с императрицей Мэджел. Преданность сильнее любви. После ее ужасной казни в реальном мире дух дорогой Мэджел веками подвергался пыткам в мире подземном; она была запугана и сломлена властным духом жестокого мужа.

Преданность сильнее любви.

— Разграбив ближайший город, я раздам все припасы солдатам, — сказал Утрос. — Я не знаю другого способа накормить их.

Рува говорила шепотом, глядя на бредущую к подножию холмов армию.

— У нас с сестрой есть способ поддерживать их, возлюбленный Утрос. Опасное заклинание. Мы должны будем сделать это тайно, потому что людям это не понравится — они только вернули себе привычный облик из плоти и крови. Но без нашей помощи армия распадется, и солдаты погибнут.

Ветерок колыхал тяжелую ткань шатра, взметая пыль.

— И что вы задумали? — спросил Утрос.

— Мы с сестрой знаем заклинание, которое может снизить потребности организма, притупить аппетит и изменить обмен веществ, чтобы они продолжали жить, но это не продлится долго. Они будут переваривать самих себя.

— Заклинание также будет воздействовать на функционирование их тел, — добавила Рува. — Они смогут есть все, что угодно, переваривать все — траву, деревья, кости, любую пищу, которую найдут. Армия будет подобна рою саранчи, опустошающей землю.

— Но выживет, — отметила Ава.

Когда Енох нахмурился, его многочисленные шрамы стали похожи на корчащихся червей.

— Звучит как нечто унижительное.

— Если они истощат силы и падут замертво, они не принесут пользы в моей войне, — сказал генерал.

— Если кто-то все же упадет в голодный обморок или рухнет замертво на марше, — с улыбкой сказала Ава, — то благодаря этому заклинанию остальные смогут съесть эти тела и получить новые силы.

Утросу больше не нужно было ничего слышать.

— Они будут жить и продолжат сражаться за меня. Этим же вечером в лагере, после того как мы вступим в предгорья, я хочу, чтобы вы сотворили свое заклинание. — Он

вздыхнул. — Если понадобится, я возьму на себя всю вину, когда солдаты узнают, что с ними сделали. Я обещал сохранить жизнь моим людям, и таким образом они выживут. — Он посмотрел на колдуний-близнецов. — Спасите их любыми доступными средствами.

* * *

Армия двигалась в полной темноте, вытаптывая травянистые холмы на пути к лесам. Позади оставалась ровная и безжизненная земля, утрамбованная бесчисленными сапогами.

Опытные солдаты знали, как быстро и эффективно разбить лагерь или сняться с него. Разведывательные отряды рассредоточились, чтобы нарубить деревьев и развести костры. Вторые командующие Халдерс и Аррос распределяли скудные пайки, обещая рядовым, что у них будет больше еды после набегов на города. Солдаты им пока что верили. Каждый нашел себе клочок земли, где мог разложить одеяло и лечь, глядя на звезды. Солдаты думали о том, что они когда-то были другими людьми, и как много потеряли. Они опоздали на встречу с Владетелем на пятнадцать столетий.

Когда стемнело, у командного шатра Ава и Рува принялись за подготовку к заклинанию. Самый большой костер в лагере являл собой маяк из потрескивающего пламени и дыма от горящего сырого дерева. Утрос сидел рядом с недавно возведенным шатром, откуда наблюдал за лагерем и прислушивался к происходящему. Любопытствуя, первый командующий Енох присоединился к генералу, пока близнецы готовились к темному заклинанию.

Ава и Рува наполнили глиняные горшочки различными порошками, высохшей кровью, смешанной с солью, пеплом от костей, измельченными корнями, лепестками цветов и собранными ягодами.

Вскоре женщины объявили, что готовы. Обе сбросили голубые платья, оставшись нагишом; вся растительность на их телах была сбрита: на голове, включая брови, в подмышках, и даже между ног. Их тела покрывали вьющиеся узоры из темно-красного, интенсивно-черного и ярко-белого цветов, и Утрос едва замечал их наготу. Каждая из колдуний прижимала к плоскому животу горшочек с порошком.

— Мы начнем, возлюбленный Утрос.

Ава опустила руку в один из горшков и подняла палец, покрытый жирной желтой субстанцией, похожей на топленое сало, смешанное с медом и серой. Она нанесла отметину на центр лба генерала возле края золотой полумаски.

— Для чего это? — спросил он.

— Чтобы защитить вас.

— Ваша магия опасна? Мои люди под угрозой?

— Это спасет вас, — ответила Рува.

Ава мазнула свой лоб и лоб сестры.

— Это сведет на нет заклинание. Магия не изменит вас.

Вы останетесь человеком.

Енох обеспокоенно поднялся на ноги:

— Если мы просим солдат принести эту жертву, разве мы не должны сделать то же самое?

— Было время, когда я именно так бы и поступил, — сказал Утрос, — но сейчас все слишком неопределенно. Мы должны возглавить их, первый командующий. — Он указал на Еноха. — Отметьте и его.

Когда Ава шагнула к нему с горшком, Енох поднял руку, чтобы остановить ее.

— Я не хочу.

Но когда Утрос одарил его стальным взглядом, ветеран со вздохом опустил руку.

— Если это необходимо.

— Заклинание обратимо? — спросил он, когда Ава дотронулась до его лба. — Если вы отметите всех солдат, сможете ли вы сделать их прежними? После того как одержим победу, найдем пропитание, смогут они снова стать нормальными?

Близнецы-колдуньи ответили, уклончиво пожав плечами: — Это то, что мы должны сделать.

Солдаты расположились вокруг костров, обмениваясь историями и увиденными снами, похваляясь тем, как они разбогатеют на военных трофеях, скольких врагов убьют.

Ава и Рува кружили вокруг главного костра, бросая на угли порошки. Вспыхивали искры, дым сгущался, меняя цвет, и расплзался по лагерю подобно миазмам. Солдаты у своих костров не замечали таинственного дыма. Колдуньи стали тихо напевать, бросая в огонь смесь из высушенной крови, костного пепла, горючего порошка, грибов и измельченных клубней. Пьянящий дым рассеивался среди солдат, изменяя их, сжимая желудки и перенаправляя кровотоки.

— Мне нужно, чтобы они выжили, пока мы не доберемся до крупных городов, где будет достаточно еды, чтобы снова накормить их всех, — сказал Утрос.

— Ваша армия может прорубить путь через горы до самого побережья, генерал, — сказал Енох. — Ничто не может остановить их.

— Хорошо. — Утрос скрестил мускулистые руки на груди и удивил остальных неожиданным решением:

— Ближайшие несколько дней армия в твоих руках, первый командующий. Ты возглавишь марш, ну а мне пока нужно отправиться в другое место. — Он тщательно обдумывал дальнейшие действия, но сначала нужно было сделать кое-что еще. — Я возьму тысячу всадников и поскачу на север. Ава и Рува поедут со мной.

Встревожившись, Енох вытер жирное желтое пятно со лба после того, как заклинание было приведено в действие.

— Вы оставляете армию под моим командованием? Куда направляетесь, сэр? Солдаты захотят узнать.

Утрос медленно кивнул:

— Император Керган давно мертв, но от его империи должно что-то остаться, а я служу империи. — Он взгляделся в темные силуэты холмов, закрывавшие небосвод. — Предстоит долгий путь до столицы, Ороганга, чтобы я мог сообщить обо всем тем, кто там остался.

Глава 15

Отряды защитников выполнили свои задания и встретились в лесу под выступом из песчаника. Одни выглядели испуганными, у других от возбуждения кружилась голова. По грубым подсчетам Натана были убиты несколько сотен древних воинов, но также в стычках пали четыре д'харианских солдата. Большинство полевых командиров сочли бы эти потери приемлемыми, но потеря даже четверых была серьезным ударом для их разношерстной команды.

Вернулась последняя группа, в составе которой были капитан Тревор и волшебник Лео. Лео был худощавым мужчиной с узким лицом, лохматыми черными волосами с проседью и темной козлиной бородкой. Он управлял двумя яксоновыми скотобойнями в Ильдакаре, но те времена остались в прошлом. Он сел рядом с другими под выступом из песчаника, выглядя испуганным. Руки его были покрыты спекшейся кровью.

— Я убивал людей. Я использовал свой дар, и я... Я разорвал их на куски. Я смотрел, как они умирают.

— Они были нашими врагами, — сказал Зиммер. — Они это заслужили. Вы уже убили многих на поле боя, пока помогали Эльзе наложить ее магию переноса.

Лео кивнул, по-прежнему выглядя потрясенным.

— Только так мы выживем, — спокойно сказала ему Верна. — И убить потребуется гораздо больше.

Оливер и Перетта вернулись в лагерь с водой из ближайшего ручья, а Эмбер и несколько сестер Света отправились на поиски ягод и диких овощей. Они не рискнули разводить костры, и Натан при помощи дара нагрел плоскую каменную плиту, на которой Ренделл приготовил пристойный ужин, сварив сушеные бобы вместе с диким луком. Во время еды все делились своими впечатлениями.

Слушая рассказ Ренна о Ханавире, Натан рассеянно потирал шрам на груди. Хотя новое сердце билось ровно, он чувствовал, как темная месть пытается овладеть мыслями. Чужая часть сознания, тень главного укротителя Айвена в его сердце, отчитывала за то, что он сделал, оказавшись перед ужасным выбором. Мрачное присутствие Айвена считало, что Натан и Ренн не должны были проявлять милосердия, что слабые горожане Ханавира были необходимой жертвой, чтобы остановить набег. Они заслужили это. Сколько еще погибнет теперь, когда генерал Утрос накормит армию? Натан стиснул зубы. Его сердце — сердце Айвена — билось в груди, как гулкой утробный барабан.

Пытаясь заглушить непрошенные мысли, он вскочил, напугав остальных. Он тяжело дышал, подавляя боль.

— Ханавир мог бы выбрать другой путь, — сказал он, перебив Ренна и не обращая внимания на встревоженные лица вокруг, — но тогда было бы больше кровопролития. Мы должны спасать людей, где можем и когда можем! — Пульс его успокоился, когда он взял под контроль мятущее-

ся сердце. Он снова сел, заверив остальных, что с ним все в порядке, и спокойно доел бобы.

Торн, сопровождавшая отряд генерала Зиммера, с гордостью рассказала, как они одолели сто двадцать вооруженных солдат у деревни рудокопов. Она и ее сестра-Морасит Лайес сравнивали число своих жертв. Натан нашел их обсуждение странной смесью хвастовства и практических советов по уничтожению врага.

Верна с озабоченным видом предложила ему горсть ягод, собранных Эмбер.

— Неужели такова теперь наша жизнь, Натан? Прятаться в лесу, нападая на подавляющую числом армию и постоянно убегая?

Лайес услышала это замечание и возразила:

— Мы более проворны, чем эта армия. Наш небольшой отряд может атаковать и убежать, атаковать и убежать. Через несколько лет мы их истребим.

— Добрые духи... — Натан покачал головой. — В этом я не сомневаюсь, но дураки обычно излишне самоуверенны — а мы не можем позволить себе быть дураками.

Зиммер сидел на камне напротив, жадно поглощая свою порцию. Будучи военным командиром, большую часть жизни он довольствовался походной едой.

— Генерал Утрос сейчас на марше. Вчера мы видели, как они свернули лагерь и направились в сторону предгорий. Наша задача — остановить их.

Натан задумался о том, какой огромный путь он проделал по Древнему миру вместе с Никки и Бэнноном. Он не преуменьшал значение опасностей, с которыми они столкнулись в путешествии — Поглотитель жизни, колдунья Виктория, смертельные тайны самого Ильдакара — но неуправляемая армия генерала Утроса могла оказаться самой большой угрозой.

— Мы не можем бесконечно атаковать и ретироваться. Можно причинять им вред или просто досаждать, но нужен план получше.

Орон хрустнул пальцами и с сарказмом произнес:

— Да, может, нам найти непобедимое оружие или собрать свою собственную огромную армию? Что предлагаешь, Натан?

— Мне не по душе твой настрой. — После возвращения Натан успел умыться и почистить одежду, приведя себя в приличный вид и снова почувствовав себя волшебником. — На самом деле у меня есть идея. Очевидно, мы можем двигаться гораздо быстрее огромной армии, и путь приведет нас обратно к Твердыне. Тамошние ученые, порыскав в архиве, могут найти мощную магическую защиту. Возможно, это наш шанс. Мы доберемся туда раньше генерала Утроса.

— Да! — Перетта ткнула в бок сидевшего рядом Оливера. — А еще мы можем научить сражаться одаренных ученых Твердыни.

Аббатиса Верна подумала о том же.

— Когда укроемся в Твердыне, мы на какое-то время будем в безопасности. Утрос даже не додумается туда пойти.

— Значит, решено, — сказал Зиммер. — Нужно как можно быстрее попасть в Твердыню.

Лайес и Торн посмотрели друг на друга, а затем странным синхронным движением извлекли кинжалы и принялись точить их о ближайший камень.

— Но мы все равно будем беспокоить их, и по дороге убьем как можно больше.

— Да, — согласилась Торн. — Только это и имеет смысл.

Глава 16

После целого дня вынужденного заточения в древних зданиях Никки ощущала беспокойство. Она понимала тяжелое положение Прячущихся людей в борьбе с кровожадными жисс, но больше всего ее беспокоила армия генерала Утроса и угроза целому континенту. Он, должно быть, уже выступил в поход! Она не могла скрываться в тених, пока солдаты штурмуют стены Ильдакара. Или сам Ильдакар исчез, если она правильно поняла загадочную реплику сильфиды перед уходом. Амбициозный генерал не остановится на одной победе или одном поражении. Завоевания были образом его жизни, и Никки должна помочь остановить его. Она оставила Натана и Бэннона, а также одаренных членов палаты волшебников, и ей нужно было найти способ вернуться.

Никки отдыхала в бывших гостевых покоях императорского дворца, чтобы избавиться от странной слабости после последнего путешествия в сильфиде. Большая часть предметов интерьера была давно убрана, а оставшиеся гобелены и драпировки выцвели. Прячущиеся люди вели унылое существование, лишённые солнечного света, красок и радости.

Юная Аша принесла воды, хлеба и мяса. Никки попыталась восстановить силы, но сон не шел. У нее было слишком много забот и разочарований.

Ее чуткий слух уловил тихие шаги в коридоре, и в дверном проеме появилась Кора.

— Солнце зашло, — сказала старуха, — и мы можем отказаться выйти в темноту. Если хочешь выйти на городские улицы, сейчас самое время.

— Значит, я не ваш пленник? — спросила Никки.

— Вообще нет, — изумилась Кора. — Мы пытались защитить тебя, а не держать в плену! Ты могущественная колдунья.

ня. Если бы ты хотела вырваться на свободу, мы не смогли бы тебя остановить.

— Это точно. Хорошо, что вы не пытаетесь.

Кора, освещенная факелами из-за спины, поправила серую одежду:

— Мы надеемся, что теперь ты понимаешь опасность. Солнце село, в городе темно, и жисс вернулись в логово. Ты можешь идти, куда пожелаешь. Если решишь, что должна покинуть Ороганг, уходи до рассвета как можно дальше, иначе жисс найдут тебя.

Никки пересекла континент вместе с Натаном и Бэнном, а много раньше, когда она похитила Ричарда, они вдвоем проделали путь из Вестландии до Алтур'Ранга. Она видела рельефную карту в зале собраний и имела представление, как добраться от этих гор до Ильдакара, который находился южнее. Однако такой поход требовал подготовки, и Никки передумала.

— Я еще не готова к этому. Сначала я попробую другой способ передвижения. — Быть может, удастся заставить сильфиду выслушать...

Она последовала за Корой по извилистым коридорам огромного дворца к главной деревянной двери, широко распахнутой в ночь. Никки глубоко вздохнула, позволяя прохладному воздуху обдувать лицо. Слабый ветерок взъерошил неровно остриженные светлые волосы. На шпалерах вился цветущий виноград, распространяя сладкий аромат, а мотыльки пили нектар из белых соцветий.

Прячущиеся люди рыскали по окрестным холмам. Некоторые уже возвращались с тележками дров, другие перевозили припасы из разрозненных складов. Молчаливые мужчины и женщины работали на огородах и ухаживали за фруктовыми садами. Если не считать постоянной опасности жисс, город казался почти мирным.

Кора присоединилась к сборщикам урожая овощей, а Никки пошла по улицам Ороганга, зная, что должна вернуться в убежище до восхода солнца. Она помнила, как черное облако окружило двух несчастных оленей и высосало досуха.

Она бродила между упавших колонн, разглядывая рухнувшие арки и огромный заглубленный амфитеатр. Она прошла мимо возвышающейся статуи генерала Утроса, где угрюмый Сайрус почтительно поклонился давно потерянному военному герою. Другие члены его группы усыпали гранитный постамент ночными лилиями. Нежные бледные цветы засохнут в солнечном свете следующего дня, но Прячущиеся люди, почитающие древнего генерала, каждую ночь будут приносить свежие. Хотя Никки и не восприняла всерьез сомнительное пророчество о том, что их великий герой вернется, она решила не мешать. У нее были другие дела. Она направилась к пустому колодцу сильфида.

Поваленная статуя Кергана распростерлась на площади, голова была отделена от плеч, а каменная рука отломана чуть выше локтя. Лик императора сохранял надменное выражение. Даже не зная она жестокую историю Железного Клыка, то все равно испытала бы к нему неприязнь из-за его каменной ухмылки.

Однако Никки мало интересовал забытый тиран. Сейчас важнее всего была сильфида... сильфида, которая служила императору Сулакану и презирала всех, кто не следовал целям этого злодея. Во время Великой войны три тысячелетия назад сильфида была создана с помощью ужасной магии: пылкого добровольца превратили в существо из жидкого металла. Эта отчаянная молодая женщина отдала жизнь, чтобы стать нечеловеческим существом, обладающим силой переносить клиентов по тайной сети тоннелей. Никки не знала настоящего имени этой женщины, но та ставила свой

долг перед императором Сулаканом выше собственного счастья, своей семьи, любви, и даже жизни.

Никки подошла к стенам колодца высотой по пояс, за которыми была бездна. Камни были скреплены друг с другом и подогнаны так плотно, что она едва могла разглядеть швы. Из глубины доносился запах сырости.

Она уже много раз путешествовала в сильфиде, погружаясь в аморфную серебристую субстанцию и мчась по незримым коридорам. Сильфида доставила ее сюда, в Ороганг, и сказала, что Илдакар исчез. Они обе пострадали из-за неожиданного отклонения от цели.

Хуже того, Никки нечаянно обмолвилась сильфиде о поражении Сулакана, сказав, что древний император давно мертв. Капризное создание ушло, поклявшись никогда больше не помогать ей.

Перегнувшись через низкую стену, Никки ощутила гулкую тишину в глубине колодца.

— Сильфида! Я желаю путешествовать.

Слова повторялись эхом, как брошенные камни, отскакивающие от стен и не способные достичь дна. Не ожидая немедленного ответа, она прислушалась, но шипения приближающегося существа не было слышно. Никки всматривалась в глубину и думала о той черноте, что таилась в ее собственном сердце. Теперь она была сильнее, выше этого.

— Сильфида! — снова позвала она. — Я приказываю тебе. Я желаю путешествовать. Ты была создана переносить путников, и ты переносила меня раньше. Доставь меня обратно в Серримунди. — Она повысила голос. — Верни меня обратно! Сейчас же!

Слова гулко отражались от стен, падая в пустоту. Она ухватилась за край колодца, крепко сжимая холодный камень. Она добавила к крику темную сторону своего дара — магию Ущерба, — при помощи которой когда-то служила

Владетелю, присовокупив также магию Приращения. Она призывала сильфиду, используя все способности. Только тот, у кого были обе стороны дара, мог призывать сильфиду, и теперь Никки умоляла ее.

Серебряная женщина ее проигнорировала.

Если она не убедит сильфиду перенести ее в один из крупных городов, Никки придется идти пешком. Но если Ильдакар исчез, то путешествие через континент может занять месяцы, а то и больше. Куда она пойдет? Вернется в Серримунди?

— Сильфида! — крикнула она еще более отчаянно. У Никки не было способа заставить или подкупить существо; она даже представления не имела, чего может хотеть сильфида.

И тут Никки поняла, что ей есть что предложить! Она расстроила серебряное создание, сказав, что Сулакана больше нет, но более ничего не объяснила. Эта женщина отказалась от человечности, потому что была предана древнему делу. Сильфида захочет узнать ответы о своем священном лидере, а Никки была ее единственным источником информации. Рискованно, но может сработать. Неплохая приманка для сильфиды.

Никки склонилась над колодцем:

— Если доставишь обратно в Серримунди, я расскажу, что случилось с Сулаканом. Все, каждую деталь. Я поведаю историю о том, как он потерпел поражение в своей первой войне, как вернулся из мертвых, чтобы снова возглавить армии — и это было всего год назад. Можешь ли ты существовать, пребывая в неведении? Я многое расскажу. — Помолчав, она сказала громче: — Спустя три тысячи лет Сулакан вернулся как повелитель мертвых и снова почти завоевал мир — пока ты спала. Я расскажу, как ты могла ему помочь. Разве не хочешь знать?

Она согнулась над колодцем и ждала, прислушиваясь. Неужто соблазн недостаточно велик? Она не слышала ничего, кроме шуршания Прячущихся людей в темноте города.

— Дело твое, сильфида, — крикнула Никки громче, — и только у меня есть ответы! Я могу все рассказать. Если не можем добраться до Ильдакара, тогда доставь обратно в Серримунди. Я могу многое тебе открыть. Разве не хочешь узнать? — Она была уверена, что сильфида услышала, но ответа не последовало. — Разве тебе не нужно знать?

Всю ночь луна по дуге медленно двигалась по небу. Никки провела несколько часов, уговаривая сильфиду, завлекая ее, но безрезультатно. Когда ночь закончилась, Прячущиеся люди двинулись обратно к темным убежищам. Никки была уверена, что потерпела неудачу. Она застряла в самом сердце империи, которой больше не существовало.

Глава 17

Челюсти болотного дракона были так же сильны, как подъемные механизмы на главных воротах Ильдакара. Лила боролась с чудищем в лучах полуденного солнца. Она чувствовала, как острые зубы впиваются в ее кожу — монстр пытался откусить руку. Запах разлагающегося мяса в неровных рядах его зубов вызывал тошноту.

Она напрягла все мускулы, чтобы противостоять существу. Подлесок захрустел, когда покрытая чешуей рептилия зарылась когтистыми лапами в грязь в поисках опоры, но Лила оттолкнула соперника. Взметнулся бронированный хвост. Они были равны по силе, но болотный дракон был обычным тупым животным, а она — Морасит.

Лила поднажала, выдернула руку из его челюстей и повернулась, когда он удивленно отпрянул. Она сделала вы-

пад кинжалом в широко раскрытую пасть и погрузила в нее руку, пронзая розовую глотку. Лила продолжала давить, пока не достала до позвоночника.

Болотный дракон дергался в конвульсиях и вырывался, уже мертвый, но все еще смертельно опасный. Задыхаясь от усталости, Лила вытащила руку из клыкастой пасти и перекатилась на спину в грязную осоку. Болотный дракон хрипло выдохнул и задрожал в агонии. Лила поднялась на ноги вся в крови, слизи и грязи. Она пнула покрытую броней тушу подошвой сандалии, столкнув тварь в жижу.

Притоки и боковые течения вились среди растительности, напоминая змей. Мертвая рептилия плыла по мелководью, уносимая течением. Лила уже слышала всплески и шелест волн — все больше болотных драконов направлялось к источнику шума. Чешуйчатые хищники жаждали полакомиться человечинной, но были не против сожрать тушу и одного из сородичей. Мясо было мясом в смертельных болотах Киллрейвен.

Лила предпочла бы отдохнуть и поесть сама, но времени не было. Болотный дракон и так уже достаточно задержал ее. Она побежала по траве, шлепая по неглубокой грязи и подныривая под свисающие лианы и плети мха. Борьба наделала много шума, и Лила не хотела, чтобы ее выследили норукайские разведчики — хотя и была уверена, что сможет убить их всех. И она сделает это, когда придет время.

Лила ровной трусцой бежала вдоль реки. Три змеиных корабля уже скрылись из виду, и ей пришлось их нагонять. К счастью, на ночь налетчики вставали на якорь, чтобы в темноте ни на что не напороться. Она боялась не болотных хищников, а того, что потеряет Бэннона.

Многие годы она сражалась на арене с боевыми животными. В юности, когда еще только обучалась, Лила побеж-

дала любого противника, оттачивала навыки и получала защитные руны, которые наставники выжигали на ее гладкой коже. Умение сражаться пришло к ней так же инстинктивно, как умение дышать и есть. Она в одиночку с ножом могла убить колючего волка или кабана с бритвенно-острыми клыками. Ее спину до сих пор покрывали длинные шрамы после схватки с боевым медведем. Лила тогда убила его, хотя ее кожа висела клочьями.

Став полноправной Морасит, Лила начала обучать рабов арены. Некоторые хватались за возможность прославиться, в то время как другие ненавидели ее за это. Лила не испытывала ни к кому из них симпатии. Ее работой было превратить учеников в умелых воинов, нравится им это или нет. Она гордилась тем, чего достигла.

Бэннон был одним из самых трудных учеников, и она была особенно довольна им. Вот почему она защищала юношу, вот почему вознаграждала своим телом и почему испытывала к нему привязанность вопреки здравому смыслу. Бэннон был искренним и преданным, в отличие от любого другого раба, которого она могла встретить в Ильдакаре. Из-за своего рвения он часто казался наивным, иногда до абсурда, но за оптимизмом скрывалась глубокая тьма, шрамы от невыразимой боли, которую он пережил. Лила помогла ему обрести равновесие, чтобы он мог стать лучшим бойцом, лучшим убийцей.

Еще недавно она воспитывала бойцов арены для развлечения ильдакарской знати, но теперь она понимала, что есть и более важные дела, которые она и Бэннон могли бы сделать вместе. Но сначала ей предстояло освободить его.

У нее все еще был его меч. Этого оружия было достаточно для достижения цели. Бэннон с Крепышом в руках сражался против нее в тренировочных ямах, поэтому она знала,

что клинок был твердым и острым. Она рубила им колючие лозы на своем пути.

Лила выбежала на болотистую поляну у излучины реки. Впереди, в широком русле, виднелись пятнышки — норукайские корабли. Она знала, куда они идут, и продолжила бег. Кусачие мошки вились у ее лица, привлеченные потом и запахом крови, и приходилось отмахиваться. Опасности болота были просто неудобством. Она должна нагнать змеиные корабли. Лила отказывалась терять надежду. Они не уйдут от нее.

* * *

Корабли короля Скорбь шли вниз по реке, и на их пути стояла маленькая прибрежная деревушка. Лила знала, что норукайцы не смогут устоять перед такой добычей.

Она бежала все время от полудня до заката. В стущающей темноте впереди она увидела горящие хижины, разбитые причалы, лежащие повсюду тела. Даже сквозь шум болота она слышала слабые крики и вопли. Лила прибавила скорости, но к тому времени, как она добралась до деревни, живых осталось совсем немного.

Три змеиных корабля бросили якорь в рукаве реки; уродливые налетчики подплыли к берегу на лодках и напали на рыбацкое поселение. Подбежав ближе, уверенная, что опоздала, Лила взглянула на последствия и вдохнула горький дымный воздух. Вдоль берега стояли два десятка хижин из тростника и ивы, а в воду от них уходили шаткие причалы. Другие дома расположились дальше от реки, среди деревьев. Рыбацкие каноэ были разбиты, потоплены или дрейфовали на воде. На возвышенности над берегом стояли хранилища. Все они горели. Норукайцы грабили деревушку уже несколько часов.

Ли́ла подкрадывалась, придерживаясь кустов. Она слышала гортанные выкрики налетчиков, стоны и всхлипывания пленников. Несколько домов на окраине поселения были объяты пламенем, и она слышала крики людей, запертых внутри. Пробегая мимо костров, она видела раскиданные трупы жителей, изрубленных на куски — старух и детей, которых сочли бесполезными. Сильных мужчин и женщин, должно быть, утащили на змеиные корабли, чтобы продать в рабство.

Поодаль от берега реки полыхала хижина, и Ли́ла услышала детский плач. Безжалостные норукайцы подперли дверь перевернутой телегой, чтобы никто не мог сбежать. Возле двери лежал мертвый мужчина с выпотрошенными внутренностями, все еще сжимая в руке треснутый багор. Ли́ла сразу все поняла: отец пытался защитить детей и свой дом, но норукайцы убили его, а затем заперли жертв внутри и подожгли. Она представила себе, как гоготали налетчики.

Крики становились все громче, все отчаяннее. Испуганные вопли продолжали доноситься из деревни, но Ли́ла не могла спасти всех. В голове Ли́лы звучал голос Бэннона, настаивающего на том, чтобы она старалась изо всех сил и спасла как можно больше людей. Не раздумывая, она бросилась к перевернутой телеге, забаррикадировавшей хижину. Ударом ноги Ли́ла оттолкнула ее и дернула хлипкую дверь.

Три девочки, покрасневшие, покрытые сажей, стояли на коленях и кашляли. Поток свежего воздуха рассеял клубы дыма. Старшая из девочек переступила через порог и уставилась на распростертое тело отца, лежащего лицом вниз, но Ли́ла схватила ее за руку, развернула и подтолкнула всех троих в другую сторону, прочь от горящего дома.

— В лес! — прошипела она. — Бегите и спрячьтесь среди деревьев. — Она уловила краем глаза другие фигуры,

бегущие из деревни. — Там найдете других. Оставайтесь с ними.

Прежде чем три девочки успели убежать, из соседнего амбара появился здоровенный норукаец. Он заметил девочек, Лилу и его покрытое шрамами лицо исказила голодная усмешка.

— Живо! — крикнула она девочкам, и те бросились к деревьям.

Она осталась стоять лицом к лицу с головорезом. Лила вытащила Крепыша, схватив меч за обтянутую кожей рукоять и прыгнула вперед, удивив налетчика. Его разрезанный рот открылся в вызывающем реве, но не успел он ничего понять, как Лила сделала боковой выпад и вспорола ему живот. Норукаец издал булькающий звук, когда его внутренности выпали, будто расползающиеся из корзины змеи.

Лиле хотелось бы, чтобы он медленно умирал от ужасной раны, но норукаец производил слишком много шума. Она отрубила ему голову и двинулась дальше, радуясь, что спасла трех девочек, но желая сделать больше.

Она увидела четыре лодки, плывущие к стоявшим на якоре судам. На некоторых теснились пленники, другие были нагружены мешками с зерном, грудями копченой речной рыбы, бочонками, украденными из деревни. Лила сжала рукоять меча, желая убивать норукайцев.

К счастью для нее, несколько налетчиков все еще грабили и жгли дома. Они отстали от основной группы и просто развлекались. Ей тоже будет весело. Один мужчина издевался над рычащей собакой, привязанной к столбу, пока наконец не потерял терпение и не отрубил ей голову. Двое других повалили и насильовали рыдающую женщину средних лет. Лилу охватила ярость. Она отбросила осторожность и побежала к ним.

Когда один из норукайцев закончил с женщиной, он недовольно хмыкнул, потому что та обмякла. Раздраженный, он ударил обнаженную женщину ножом в сердце, а потом высвободил оружие, поправляя на себе пояс из акульей кожи. Ее предсмертный вздох прозвучал как облегчение.

Все случилось до того, как подросла Лила. Она не привлекала внимания криком, потому что это было бы пустым сотрясанием воздуха. Вместо этого она бросилась вперед с поднятым мечом Бэннона. Она не могла оставить этого человека в живых после того, что он сделал. Когда насильник повернул к ней свое отвратительное лицо, демонстрируя разрезанный рот, Лила так яростно полоснула ему по горлу, что чуть не отрубила голову. Он с бульканьем рухнул на свою жертву.

Второй налетчик, ожидавший очереди, держал теперь уже мертвую женщину. Он издал удивленный крик, отшатнулся, схватил боевой топор и отвел руку для удара, но расстегнутый пояс спутал его ноги. Он споткнулся.

Лила не позволяла эмоциям возобладать. Она ткнула его мечом в живот и провела лезвием вбок, как сделала это с мужчиной у горящей хижины. Падая, налетчик потянулся к ней одной рукой.

— Я позволю тебе умереть не сразу. — Она отпихнула его ногой в клубок его собственных внутренностей.

Пожары продолжали бушевать, и Лила услышала стоны и панические крики из другого забаррикадированного дома. Она откинула препятствие, освобождая людей, и побежала дальше, пока спасенные выходили на воздух, шатаясь и кашляя.

Пробираясь через деревню, она бросала короткие взгляды на лежавшие повсюду окровавленные тела. Один старик лежал возле обломков стеллажа для сушки рыбы, на его боку была глубокая рана. Старик потянулся к Лиле, когда Мо-

расит опустилась на колени рядом с ним, но она много времени провела на боевой арене, и знала, что его рана смертельна.

Она взгляделась в темный низкорослый лес, в ивовые заросли и увидела еще несколько бегущих вглубь леса фигур — выжившие семьи, отчаянно ищущие убежища. Хорошо. Может быть, выжило даже больше.

— Норукайцы, — сказал мужчина, шевеля пальцами.

Она стиснула его руку. Ей казалось, что он хотел этого.

— Я знаю, кто они. Я убью их столько, сколько смогу. —

Она уже приняла решение, но старик желал это услышать.

— Убей их всех, — сказал он и испустил дух.

— Да. — Она встала и двинулась дальше.

К единственному уцелевшему причалу была привязана лодка налетчиков. На носу стоял норукаец, которому не терпелось отчалить. Остальные лодки уже плыли обратно к змеиным кораблям.

— Заканчиваем! — прорычал он своим невидимым товарищам в горячей деревне. — Король Скорбь не станет нас ждать, и я не хочу торчать здесь с этим сбродом.

Лила вышла из дыма на причал. Мужчина недоверчиво окинул ее взглядом. Несмотря на окровавленный меч в ее руке и кинжал на бедре, налетчик, казалось, счел ее подарком, а не угрозой. Он шагнул из длинной лодки на причал.

— Они отправили тебя ко мне?

— Владелец послал меня за тобой, и я отправлю тебя в его объятия. — Она сжала Крепыша обеими руками и нанесла удар.

Мужчина ошарашенно отскочил, едва избежав острия ее меча. Он потерял равновесие и упал в реку. Налетчик ревел и плескался, хватаясь за доски, силясь подняться и сыпля проклятиями. Лила замахнулась и отрубила ему обе руки по запястья. Когда он издал глубокий горловой крик и замахал

обрубками, из которых хлестала кровь, Лила вонзила Крепыша ему в шею. Его тело скользнуло на мелководе и поплыло по течению.

На середине протоки три змеиных корабля снялись с якоря и подняли темные паруса. Она не удивилась, что король Скорбь забрал добычу и ушел, даже не дождавшись всех своих людей.

Она стояла на краю причала и смотрела, как уплывают корабли. Она намеревалась сделать именно то, о чем просил ее незнакомый умирающий старик. Она убьет их всех и освободит Бэннона.

Глава 18

Вражеская армия пробиралась через предгорья, следуя по тому же пути, что и Натан со спутниками. Солдаты шли не единым строем, а рассредоточились, топча все на пути, разбивая лагерь для ночлега всего на несколько часов и двигаясь дальше, едва рассвет заливал небо. Отряд Натана спешил, но никак не мог оторваться от неутомимой армии.

— Мы уже убили очень много, а они продолжают идти, — тревожно сказал Ренн.

Оба волшебника стояли рядом. Натан думал о своих потерях, а не о потерях врага.

— Магия переноса Эльзы испепелила тысячи врагов на поле боя, но даже так они не заплатили достаточно высокую цену. — Натан покачал головой, краснея от гнева. — Она стоила больше, чем вся эта проклятая армия.

У другого волшебника были покрасневшие веки, а губы скривились в недовольной гримасе.

— А Лани? Она хорошо сражалась перед смертью?

— О да! — просиял Натан. — Добрые духи, во время нашей первой вылазки против генерала Утроса Лани своим даром заставила землю содрогнуться, в одиночку сровняв целые вражеские роты. Она произвела на меня большое впечатление.

Растрепанный волшебник вздохнул.

— Да, моя Лани была хорошим бойцом. Жаль, что меня не было рядом.

Торн и Лайес часто отлучались, чтобы поохотиться на вражеских разведчиков и отставших. Морасит тщательно подсчитывали убитых ими врагов. Хотя эти потери мало ослабляли войско, тела, обнаруживаемые каждое утро, вызывали немалое волнение в большой армии.

У генерала Зиммера не было достаточно лошадей, чтобы все могли ехать верхом, поэтому к скрытому архиву многие ехали по двое. Он послал вперед одного гонца, приказав скакать как можно быстрее, чтобы Твердыня успела подготовиться. Впрочем, ученые уже должны были знать об угрозе генерала Утроса — Зиммер послал сообщение несколько недель назад, после того как они уничтожили экспедиционный отряд под Кол Адаиром. Натан надеялся, что к этому времени ученые, имеющие богатое воображение, найдут новые способы защиты...

У Натана остались тяжелые воспоминания об архиве, о Поглотителе жизни и колдунье Виктории, и о трагической утрате юной Чертополох. Натан знал, сколько могущественных магических знаний хранится в Твердыне, и был уверен, что там есть что противопоставить генералу Утросу, но он также знал, как легко эта сила может выйти из-под контроля. Он поклялся быть бдительным, когда они будут обыскивать пыльную библиотеку в поисках защитных заклинаний. Что могла сделать их группа против армии, которая противостояла всем волшебникам Ильдакара?

Твердыня так хитроумно спрятана, что древняя армия могла просто пройти мимо, и никакие разведчики не обнаружили бы изолированные каньоны и архив. Только на это и оставалось надеяться.

Пересекая один поросший лесом хребет за другим, они видели впереди покрытые снегом горы, за которыми лежали каньоны западного склона. Зиммер и аббатиса Верна поскакали вперед и оказались в просторной висячей долине среди густых лесов. Пред ними раскинулся широкий луг, усыпанный цветами, словно какой-то амбициозный художник использовал долину в качестве огромной палитры. У растений были острые листья, мясистые зеленые стебли и насыщенно-фиолетовые цветы с алыми прожилками.

Когда отряд вышел из леса на цветущий луг, Эмбер издала радостный крик и соскользнула с лошади.

— Они прекрасны!

Оливер и Перетта присоединились к ней.

— Я никогда не видела столько цветов, — сказала девушка.

Верна вышла на луг:

— Они действительно прекрасны.

Генерал Зиммер смотрел прямо перед собой, словно выискивал путь сквозь цветочное море.

— Мы должны взять несколько образцов с собой в Твердыню, — предложил Оливер.

Запахавшиеся Натан и Ренн брели пешком, а солдаты уже столпились перед большим лугом. Натан чувствовал в воздухе аромат цветов. При виде такого количества распустившихся соцветий он ожидал услышать жужжание пчел, увидеть порхающих бабочек, но луг казался странно тихим.

Смеясь при виде этой красоты, Эмбер и Перетта вместе побежали к лугу, как дети, собирающиеся окупаться в оке-

ан. Натан почувствовал, как холод сжал его изнутри, и закричал:

— Стойте! Добрые духи, не ходите туда! — Но фыркание лошадей, голоса солдат и скрип доспехов заглушали его слова. Он глубоко вдохнул и закричал, используя дар, отчего в воздухе раздался раскат грома. — Стойте!

Одного этого громкого звука было достаточно, чтобы молодые люди остановились. Натан протиснулся сквозь толпу солдат к краю луга и в ужасе посмотрел на цветы.

— Я знаю эти растения. Это губительные цветы, сильнейший из известных ядов. Одного цветка достаточно, чтобы убить дюжину взрослых мужчин. Как я рад, что успел остановить вас!

Солдаты натянули поводья лошадей. Эмбер и Перетта отступили, и никто больше не осмелился подойти ближе. Тряхнув длинными белыми волосами, Натан осторожно приблизился к лугу, и Ренн с любопытством последовал за ним.

— Никогда не слышал о губительных цветах.

Орон подъехал к ним, гордо выпрямившись в седле, и насмешливо фыркнул.

— Мы прожили за городскими стенами полторы тысячи лет, Ренн. Много ли мы знаем о диких растениях?

Зиммер нахмурился, сидя в седле и глядя на цветочное море.

— Потребуется много времени, чтобы обойти луг стороной.

Словно приближаясь к ядовитому пауку, Натан наклонился к соцветиям, изучая лепестки, но не прикасаясь, — ярко-фиолетовые, прочерченные темно-красным, с золотистыми тычинками. Одно лишь прикосновение к любому из этих цветов привело бы к мучительной смерти.

— Император Джегань выращивал целые поля этих цветов, а затем испытывал яд на пленниках. Даже малейшего касания достаточно, чтобы вызвать сыпь, волдыри и ужасные нарывы. Еще немного больше — и ты умрешь.

Ренн почесал щетину на щеке:

— Здесь, должно быть, тысячи цветов.

Натан опустил голову, вспоминая большие темные глаза Чертополох и ее неизменный положительный настрой. Девочка съела один из губительных цветков, тем самым вынудив Никки убить ее, чтобы прекратить агонию. Никки оказалась перед ужасным выбором.

— Держите лошадей подальше, — сказал Зиммер и указал на край луга. — Пойдем вдоль деревьев на противоположную сторону, пока не дойдем до ручья, а потом будем держаться леса. — Он покачал головой. — Благодаря тебе, Натан, мы избежали опасности. Мы все были бы мертвы еще до того, как пересекли это поле.

Подбежавшие Морасит недоумевали, почему группа остановилась. Обе женщины не были впечатлены красотой цветов, но заинтересовались, когда узнали о смертельном яде.

Натан продолжал смотреть на луг, поглаживая пальцами подбородок и размышляя.

— Это очевидный путь через холмы. По крайней мере, часть армии генерала Утроса наверняка пройдет этим путем, — он одарил Ренна напряженной улыбкой. — Мы могли бы заманить сюда вражеских солдат и заставить их пройти через этот луг.

Глава 19

Оставаясь среди Прячущихся людей и обдумывая планы, Никки оправилась от последствий путешествия в сильфиде, и, наконец, дар набрал полную силу. Запертая в здании в дневные часы, она исследовала мрачные коридоры, в которых отражалось эхо ее шагов. Молчаливые обитатели, казалось, пребывали в таком же трансе, как и древний город. Аша, Кора и другие Прячущиеся давали лишь туманные ответы на вопросы об их жизни в Ороганге и наблюдениях за жисс.

— Это вы и делаете каждый день? — спросила как-то Никки, пока старуха ставила в вазу поникшие ночные лилии, чтобы разбавить освещенный факелами полумрак белыми всплесками. — Просто ждете и прячетесь? Неужели больше ничего?

— А что еще мы можем сделать? — ответила вопросом Кора. — Мы не осмелимся уйти, иначе жисс распространятся повсюду. Мы должны сдерживать их, а они остаются здесь из-за нас. Таково наше предназначение.

— Достаточно ли этого после стольких столетий? — Взволнованная Никки погладила мягкие стебли лилий. — Изменится ли это когда-нибудь?

— Ничего не изменится, пока не будут уничтожены жисс.

— А это когда-нибудь случится?

— Не знаю, как не знали и мои бабушки. — Кора опустила голову. — Можем только надеяться, что когда-нибудь кто-то из наших детей избавит мир от этого бедствия.

— Я не могу ждать так долго, — сказала Никки. — У меня есть и другие неотложные дела.

Кора продолжала расставлять цветы, служившие бессмысленным украшением. Разочарованная Никки вернулась в свою комнату и легла на спину, планируя, как покинуть

этот изолированный город без помощи сильфиды. Если Ильдакар снова укрылся под саваном вечности, то ничто не помешает генералу Утросу пронестись по всему континенту. А Никки заперта здесь и прячется от дневного света...

Она не заметила, что задремала, пока не очутилась среди ярких звериных мыслей. В состоянии сна ее тело изменилось, обретя форму рыжей кошки. Она кралась, глядя на мир глазами хищника. Запахи стали особым языком. Мрра!

Став частью разума песчаной пумы, Никки бежала без остановки, задыхаясь от усталости; подушечки больших лап стерлись и саднили. Она преодолела бесчисленные мили, мчась напрямик к цели, которая была так ясна в ее сознании: Мрра должна была найти сестру-пуму.

Никки оставила песчаную пуму, когда отправилась в сильфиде в Серримунди, но благодаря магическим узам эти двое оставались связанными. Четкого контакта не было уже так давно, что она боялась, как бы Мрра не разорвала связь. Большая кошка была отменным шпионом: бродила по периметру гигантской армии и передавала Никки все, что видела.

Никки поспешила выразить свою радость через магические узы. Она ощутила растущий трепет, когда поняла, что Мрра бежит, выслеживая ее в горах. Связь была слабой, но она знала, что пума недалеко. Мрра могла ощущать ее присутствие в своем сознании.

— Иди ко мне, сестра-пума! — прошептала Никки во сне.

Большая кошка зарычала на бегу сквозь лес. С помощью обостренных чувств Никки поняла, что Мрра сопровождают другие кошки. Когда-то давно песчаную пуму дрессировали укротители Ильдакара, обучая сражаться и убивать на боевой арене. С самого детства Мрра была связана с двумя другими песчаными пумами. Вместе они были тройкой. Они

сражались вместе, двигались вместе, объединенные душами. Когда Никки и ее спутники убили двух других кошек, Мрра была смертельно ранена и безутешна. Именно тогда Никки стала ее сестрой.

В своих одиноких странствиях Мрра встретила других больших кошек и приняла их в свой прайд. Хотя песчаная пума не понимала чисел, Никки чувствовала, что по крайней мере шесть или семь кошек бегут рядом с ней по горной местности.

— Иди ко мне, — пробормотала Никки в полусне, и Мрра в ее разуме взревела. Остальные пумы тоже подняли рев, и Никки погрузилась в глубокий сон, довольная тем, что они скоро воссоединятся...

Пробудившись несколько часов спустя, Никки, толком не оправившись после сна, отправилась в зал собраний, чтобы изучить рельефную карту и спланировать лучший маршрут через горы в Ильдакар, в Серримунди или в Танимуру. Она пыталась уговорить сильфиду, пообещав информацию об императоре Сулакане. Услышало ли серебряное создание? Ответа не было.

Пока Никки водила руками по карте, отыскивая возможные маршруты, в зал вошел один из мужчин в сером — угрюмый Сайрус, слишком веривший в легенду о генерале Утресе. Когда он увидел ее, выражение его лица сменилось чем-то средним между гневом и надеждой.

— Хотя ты дурно отзывалась об Утресе, мы уверены, что он жив. Он придет за нами, как и предсказывало пророчество.

— Ты слишком легко во все веришь, — сказала Никки. — Если б ты видел атаку генерала на Ильдакар, то не считал его так сильно.

— Император Керган приказал ему напасть на Ильдакар. Что еще ему оставалось делать? — Лицо Сайруса под

складками серого капюшона стало недовольным. — Даже если он последовал не за тем вождем, Утрос — великий военачальник. Железный Клык давно мертв, и Утрос может стать истинным правителем, в котором мы всегда нуждались. Наши люди станут частью его новой армии. Мы ему нужны! Прячущиеся люди — великая армия. Мы так долго его ждали.

— У Утроста больше солдат, чем ты можешь себе представить, — возразила Никки. — Чем вы ему поможете? Толпы людей считают себя армиями, пока не столкнутся с настоящим врагом.

— Прощу за мной. — Сайрус посмотрел с вызовом. — Я покажу.

Покинув зал собраний, Сайрус заскользил по каменным коридорам, пока не остановился перед запертой кладовой. Мужчина сделал глубокий вдох и потянул на себя дверь. Темное дерево было таким старым, что казалось окаменевшим; петли заскрипели, и дверь неохотно отворилась.

Когда свет факелов разогнал тени, Никки увидела огромное помещение, заполненное сверкающими мечами на стойках — оружия было достаточно для многотысячной армии. По углам, точно кукурузные колосья, стояли копья. На полках были сложены изогнутые шлемы, а на щитах виднелся символ пламени Кергана.

Сайрус поднял один из мечей.

— Мы точим их и смазываем, чтобы быть готовыми к тому часу, когда генерал призовет нас на войну. Мы тренируемся по ночам, упражняясь в фехтовании перед его статуей. — Он выглядел напряженным. — Мы долго ждали, когда нас призовут, но это случится. Мы знаем! Учитывая рассказы о генерале Утросте, мы не сомневаемся.

— У вас должны быть сомнения, — проворчала Никки. Несмотря на свой скептицизм по поводу слепой веры этого

человека, она восхитилась клинками и доспехами. — Вы многого не знаете о вашем герое.

— Я знаю все, что мне нужно знать, — оборвал ее Сайрус, — и мы готовы принять его.

Показав Никки арсенал, он выпроводил ее и закрыл дверь. Никки слышала, как в мрачных коридорах закрытых зданий шуршали одеждами Прячущиеся люди, их разговоры становились все громче. Солнце уже зашло, и люди снова могли свободно ходить по городу.

Глава 20

В закрытом трюме змеино-норукайского корабля разило потом, рыбой и страхом. Бэннон сгорбился на деревянной скамье, чувствуя, как кандалы словно челюстями сжимают запястья. Лязг тяжелых цепей был тише, чем стоны боли и страха. Бэннон заставлял себя оставаться сильным, ведь он продержался уже так долго.

Весла скрипели, пока рабы налегали на них, направляя змеиный корабль вниз по реке. Унылое биение барабана эхом отдавалось в трюме, где пленники изо всех сил старались не отставать от ритма. Они усердно трудились, чтобы избежать кнута надсмотрщика, которому не терпелось начать день с показательных избиений.

Открытые люки в корпусе должны были впускать солнечный свет и воздух, но едва справлялись. Напоминание о дневном свете и свободе было просто еще одной из пыток норукайцев. Ладони Бэннона, сжимавшие скользкое от пота весло, покрылись волдырями. Вместо стоны у него получалось лишь какое-то хрипкое карканье. Он не знал даже, сколько времени осталось до того, как ежечасное ведро

речной воды снова будет передано по кругу, и им в рот ковшом плеснут воду.

Мышцы на руках Бэннона трепетали до костей. Течение реки Киллрейвен тянуло вперед, и темные паруса ловили ветер, но король Скорбь настаивал на большей скорости, заставляя пленников потеть, истекать кровью и умирать, если придется. В то время как другие умоляли о пощаде, Бэннон не доставлял такого удовольствия покрытым шрамами налетчикам. Барабанный бой стал громче, и он напрягся, чтобы не отстать.

Их надсмотрщиком был угрюмый человек по имени Боско, склонный к метеоризму, чем только усиливал вонь в ограниченном пространстве под палубой. Его лицо покрывали татуировки и шрамы, но Боско был бы уродлив даже без увечий.

— Сильнее, черви! — проревел он, сидя под открытым люком. — Ленивые останутся голодными. Если хотите полуденного пиршества, то лучше нагулять аппетит. — Он рассмеялся, широко раскрыв обезображенный рот.

Желудок Бэннона сжался при мысли о тошнотворных рыбьих потрохах, которые ему плеснут в рот. Он голодал уже много дней и заставит себя проглотить пищу, несмотря на ужасный вкус.

Несчастный здоровяк, прикованный рядом, захныкал. Плечи его сгорбились и затряслись, а руки просто лежали на весле.

— Пожалуйста, гребни, — прошептал Бэннон, — помоги мне. Если они решат, что ты ленив, они отрубят тебе руки, а я не хочу, чтобы с тобой это случилось. — Мужчина вздрогнул, будто слова Бэннона были такими же острыми, как хлыст норукайцев. — Доверься, держись меня. Мы справимся.

Здоровяк мрачно ухватился за весло и потянул, хотя и не мог произнести ни слова. Этот мужчина, Эрик, был схвачен всего две ночи назад, когда змеиные корабли совершили набег на небольшую мирную деревню. Во время налета Мелок остался на палубе и подпрыгивал от возбуждения, наблюдая, как король Скорбь размахивает боевым топором и ведет за собой бойцов.

— Топор рубит древесину! Меч рубит кости! — прокричал альбинос и посмотрел на Бэннона так, словно слова имели особое значение.

С палубы главного корабля Бэннон наблюдал, как безжалостные норукайцы грабили и жгли поселение. Он жалел, что нет Крепыша или хотя бы палки, чтобы разбить лицо Мелку, или королю Скорбь, или корабелу Гаре, или надсмотрщику Боско. Сойдет любой норукаец.

Норукайцы разграбили поселение, захватили припасы, сожгли дома, убили детей, изнасиловали женщин. Они также пленили горстку сильных и здоровых мужчин, включая Эрика. После того как змеиные корабли снялись с места, Бэннон был рад узнать, что несколько норукайцев не вернулись: жители деревни, должно быть, оказали сопротивление. Теперь Бэннон и Эрик были прикованы к одной скамье, хотя у них было мало возможностей для разговора. Здоровяк был охвачен горем.

— Ты должен трудиться, чтобы они тебя не убили, — убеждал его Бэннон. — Я знаю, что все ужасно, и могу только догадываться о том, что ты потерял, но не сдавайся. Надо искать возможность сбежать. Ты узнаешь, когда придет время.

Все еще всхлипывая, Эрик кивнул.

— Они все мертвы...

Бэннон попытался придумать, как придать бедняге сил.

— Своей смертью ты не вернешь семью. Норукайцы не потерпят неповиновения. Мы для них не более чем улов.

— Ненавижу их. — У Эрика были лохматые каштановые волосы, борода, квадратное лицо и широкие плечи. Налетчики убили его жену и двоих детей, но его самого пленили, потому что он выглядел сильным. — Я их ненавижу, — повторил он.

— У нас много общего. Пресвятая Мать Морей, мы как-нибудь найдем выход. Держись меня и не сдавайся.

Над люком нависла тень, и король Скорбь что-то крикнул в трюм. Надсмотрщик прекратил барабанить, чтобы расслышать слова короля.

— Вы повержены. Вы — рабы. Вы служите норукайцам. Ваши жизни принадлежат нам, и мы можем забрать их, когда захотим, если вы не будете работать.

Закованные в цепи люди ссутулились на скамьях. Бэннон молчал, хотя вспышка гнева заставила его покраснеть. Эрик попытался подавить рыдания. Бэннону хотелось утешить его, но он мог предложить только пустую надежду и свой оптимизм. Себя же он успокоил обещанием, что убьет столько норукайцев, сколько сможет.

Боско поднял ковш чистой воды из стоявшего рядом деревянного ведра и отхлебнул, глядя на пленников, жадно смотревших на влагу. Без малейшего смущения он громко выпустил газы.

Скорбь свирепо посмотрел на надсмотрщика с верхней палубы.

— Почему ты перестал бить в барабан? Продолжаем движение.

Боско забил ритм быстрее прежнего.

После того как Скорбь отошел от люка, паучья фигура заглянула в вонючий трюм и стала спускаться по деревян-

ной лестнице. Мелок прошмыгнул вниз, зашлепав босыми ногами по лужам.

— Гребем, гребем, гребем! Мы вниз по реке идем! Вы все будете скорбеть! — Он резко остановился, увидев прикованного к скамье Бэннона. Он засеменил к нему, чтобы поиздеваться, хотя ему самому это казалось беседой. — Ты любишь грести? Тогда живее!

— Я ненавижу грести, — сказал Бэннон, а затем подумал о Яне, а также о семье Эрика, и обо всех жертвах, которые налетчики оставили после себя. — Я ненавижу норукайцев. Понимаешь почему?

С серьезным выражением лица Мелок склонил голову на костлявой шее.

— Некоторые норукайцы не очень милы.

Эрик отпрянул от тощего альбиноса, но внимание Мелка было приковано к Бэннону. Он сел на край соседней скамейки, ерзая, чтобы устроиться удобнее, будто это был обычный день в парке, и они были двумя друзьями, ведущими приятную беседу.

— Я хочу, чтобы все норукайцы сдохли, — сказал Бэннон.

— Даже я? — спросил Мелок. — Я твой друг.

— Друг? — Бэннон перестал грести. — Я прикован здесь как раб.

— Я угощаю тебя рыбкой, — сказал Мелок.

— Ты даешь мне рыбки кишки.

— Влажные и нежные кишочки. — Он облизнул губы. — Они хороши! Я это ем.

— Оставь меня в покое. — Бэннон принялся грести, потому что это было лучше, чем слушать насмешки альбиноса.

Эрик застонал и шмыгнул носом.

Мелок нахмурился, словно его обидели:

— Если не нравятся рыбки кишки, я отдам твою порцию ему, — он с негодованием посмотрел на нового пленника.

От этой мысли Эрик застонал еще сильнее.

— Почему ты все время пристаешь ко мне? — спросил Бэннон, гадая, можно ли считать Мелка неким странным союзником. — Ты не видишь, как жесток король Скорбь, как жестоки вы все, какую боль причиняете.

Эрик нашел в себе мужество повторить слова Бэннона:

— Я ненавижу вас всех.

Остальные рабы тоже что-то пробормотали. Все они слушали.

Мелок был удивлен и заинтригован, как будто он и впрямь об этом раньше не задумывался.

— Почему? Почему вы ненавидите? — Судя по выражению лица альбиноса, он ждал ответа.

— Ты и правда не знаешь? — поразился Бэннон. — Ты не видишь, какие ужасные вещи вы творите?

— Ужасные? Мы — норукайцы. Мы созданы для этого, — он почесал обезображенную шрамами грудь. — Ты бы хотел, чтобы мы были другими?

— Да! — Бэннон не был уверен, что сможет достучаться до этого чудака. — Норукайцы пытались схватить меня, когда я был мальчишкой, но я убежал. Вместо меня они забрали моего друга Яна и продали его Ильдакару в качестве раба для боевой арены. Он провел всю свою жизнь, подвергаясь истязаниям и тренировкам.

— Ах, чемпион, — сказал Мелок.

— Раб!

— Если его схватили, почему ты его жалеешь? — недоумевал шаман. — Это значит, что он был слаб. Если он сражался на боевой арене, у него, должно быть, была славная жизнь. Я знаю об Ильдакаре. Да, да, Ильдакар! Теперь

он исчез. — Альбинос нахмурился, оттопырив неровную нижнюю губу. — А чего ожидал твой друг?

— Ян ожидал нормальной жизни!

— Нормальной? — Мелок почесал растрепанные белые волосы. — Разве может быть жизнь лучше, чем у чемпиона? Возможно, вместо этого он мог бы стать норукайским воином. Была бы такая жизнь лучше?

— Нет! Он мог бы жить на острове Кирия. Он мог бы жениться, завести детей и жить в хорошем доме. — Бэннон вздохнул, горюя по утраченным надеждам своего друга.

Мелок грубо фыркнул:

— Слабость. Звучит как слабость. Думаю, он был сильным.

— Если б он остался дома, его бы любили, — сказал Бэннон. — Я любил его. Он был моим другом, и норукайцы забрали все это. У него была бы гораздо лучшая жизнь.

— Любовь... — Мелок нахмурился. — Не у всех есть любовь. Не у бедного Мелка. Все ли мы заслуживаем любви?

— Да, мы все заслуживаем любви, — сказал Бэннон, — даже если кто-то другой отнимает ее.

— Я никогда не знал любви. Мне этого не понять.

— Ты многого не понимаешь.

Шаман нашел это забавным и произнес нараспев:

— Любовь, любовь! Скорбь, Скорбь! Вы все будете скорбеть. Ко мне нет любви, я это видел. Никакой любви ко мне.

Мелок казался таким убежденным, что Бэннон ощутил странный миг извращенного сочувствия. Следы укусов и грубые шрамы на белой коже делали внешность шамана отталкивающей.

— Почему продолжаешь докучать мне? — спросил Бэннон в отчаянии. — Почему я особенный?

— Топор рубит древесину. Меч рубит кости! — Мелок постучал по виску: — Потому что ты в моей голове. Может, поговорив с тобой, я изгоню тебя оттуда. — На мгновение он задумался. — Вы все будете скорбеть. Плыдем, плывем, плывем! — Словно услышав какой-то тайный свист, Мелок соскочил со скамейки. — Поговорим позже. А пока греби, греби, греби! Скоро снова выйдем в сверкающее море.

Оставив Бэннона в недоумении, альбинос побрел по нижней палубе, низко пригибаясь, хотя он был намного ниже балок. Он поднялся по лестнице на открытый воздух, а рабы с тоской смотрели ему вслед.

Глава 21

Адесса продолжала двигаться на север вдоль реки, русло которой постепенно расширялось, создавая лабиринт из болот, высоких тростников, медленных речушек и стоячих заводей.

Неся окровавленный мешок, она ступала по травянистым кочкам, торчащим из воды, иногда соскальзывая в вязкую грязь. Один раз она погрузилась в илистую жижу по пояс, но выкарабкалась, коря себя за неуклюжесть. Если она не будет осторожна, то может потерять трофей. Она несла голову главнокомандующего волшебника много миль и много дней. Адессе не терпелось увидеть выражение теплой благодарности на лице Торы, когда она откроет мешок и вытащит эту гниющую мерзость.

Пробираясь через болото, она чувствовала, как раздулась ноша у ее бедра. К этому времени голова Максима стала мягкой и податливой. В болоте было полно неприятных запахов, но сладкая тошнотворная вонь разложения облаком висела над ней. Она обошла стороной несколько рыбацких

поселений на излучинах реки, не желая ни вопросов, ни компании. Чем ближе она подходила к Ильдакару, тем опаснее становились болота и смертоноснее хищники. А сейчас она хотела двигаться как можно быстрее.

Она прижала пальцы к мешку, чтобы прикоснуться к слипшимся волосам своей жертвы и сочащейся жидкостью коже. На ткани появилось новое пятно гноя и порченной крови.

— Помнишь эти болота? — спросила она вслух. — Тот городок, где ты считал себя в безопасности? Кажется, он назывался Тарада. Я убила твоих последователей, а ты сбежал. — Она замолчала, ожидая, что его губы шевельнутся и заговорят. — Что? Не отвечаешь?

Уверенная, что в первый раз ей это не померещилось, она продолжала провоцировать дух волшебника прийти снова. Она точно знала, что глаза Максима открылись, что он действительно говорил с ней. С тех пор она держала голову в мешке, чтобы не дать ему снова ожить.

Но Максим не мог говорить с ней, потому что был мертв! Должно быть, это все ее воображение. И даже если волшебник вымолвит хоть слово, он уже потерпел поражение. Ему нечего ей сказать.

После наступления ночи Адесса разбила лагерь на пригорке из бурой травы и торфа, где можно было поспать. Поставив мешок на спутанную траву, она нашла мертвый болотный дуб с достаточно трухлявой древесиной, чтобы можно было наломать веток, а также собрала хворост и сухую траву для костра. Оранжевое пламя было единственным источником света поблизости. Адесса слышала жужжание болотных насекомых, крики ночных птиц и шорох ползучих гадов, которые охотились в темноте. Скрестив ноги, она сидела на замшелом камне — не особо удобном, зато твердом. Адесса не нуждалась в комфорте.

Она очистила толстый тростник и поджарила нежную съедобную мякоть. Днем она нашла ягоды и даже убила метательным ножом маленького болотного зайца, которого теперь освеживала и зажарила. Этого было достаточно для утоления голода.

Голова Максима по-прежнему была завернута в мешок, но Адесса не могла оторвать от нее глаз. Она видела только бугристые очертания под тканью, но знала, что он смотрит на нее желейными глазами. Его пухлые лиловые губы кривились в насмешливой улыбке.

Она услышала шепот среди монотонных болотных звуков:

— От меня не спрячешься, засунув меня в мешок.

— Ты не можешь говорить.

— Тогда почему ты мне отвечаешь?

— Ты мертв.

— Я не оспариваю этот факт.

— Так перестань говорить со мной! — Адесса так яростно вгрызлась в жареную кроличью ножку, что перекусила кость. Она выплюнула твердые осколки.

— Я все еще главнокомандующий волшебник. — Голос Максима был приглушен мешком. — Удивительно, но ты сумела меня обмануть. Это был единственный способ убить меня, но я все еще обладаю огромной силой, которую ты не можешь понять.

Адесса метнулась, распахнула мешок и вытащила голову.

— Замолчи!

Его почерневшая кожа обвисла как-то неправильно, и сочащиеся глаза стали яркими и живыми, обращаясь к ней.

— Я просто подумал, что тебе захочется поговорить. Не нужно грубить. На болотах одиноко, и у тебя нет другой компании. — Жуткое лицо ухмыльнулось. Один из расщепленных зубов вывалился из десны и упал в траву. — Мои

многочисленные любовницы говорили мне, что я очень приятный собеседник.

— Я не желаю с тобой разговаривать.

— Я знаю, чего ты боишься, дорогая Адесса. Ты боишься сойти с ума.

— Я не безумна!

Губы Максима приоткрылись.

— Стала бы здравомыслящая женщина разговаривать с гниющей головой посреди болота? — Его улыбка стала шире, так что разлагающаяся кожа треснула, и желтоватый гной потек на козлиную бородку. — Стала бы здравомыслящая женщина слушать ответы мертвеца?

Она отнесла мерзкий трофей к протоке с медленным течением рядом с пригорком и погрузила туда голову.

— Теперь тебя не будет слышно, — она встала, довольная собой.

Сквозь прозрачную воду она видела, как на нее смотрят глаза Максима, но из его рта не исходило ни звука.

Удовлетворенная, она вернулась к трапезе, доела кролика с горстью ягод, но не могла перестать думать о своем трофее. Она беспокоилась о разлагающейся голове под водой. А если течение окажется сильнее, чем она ожидала? Вдруг его унесет?

Она опустила на колени, чтобы проверить голову. Адесса встревожилась, увидев полдюжины бурых мальков, кусающих разлагающееся лицо. Маленькие рыбки бросились клевать открытые глаза, лакомясь кусочками гнилой плоти. Если рыба сожрет то, что осталось от главнокомандующего волшебника, у Адессы не останется ничего, кроме черепа, чтобы показать властительнице Торе!

С отвращением она опустила руку в воду, и рыбки устремились к зарослям тростника. Схватив голову за волосы, она вытащила ее и положила на траву. Вода смыла с его

кожи некоторые пятна, но Максим не стал более привлекательным.

Оказавшись на воздухе, он открыл рот и продолжил разговор, будто его и не прерывали.

— Ты не вернешься в Ильдакар.

Она фыркнула.

— А еще ты говорил, что я никогда не убью тебя, и все же мне удалось.

— Это другое. Я уже говорил тебе, что сейчас Ильдакар пал. Волшебники возвели саван вечности, и город исчез. У тебя нет дома.

— Я все равно пойду туда. Я тебе не верю.

— Даже если придешь туда, ты ни за что не найдешь Тору, — продолжил насмехаться Максим. — Увы, моя дорогая жена уже мертва. Ее дух сейчас в подземном мире — я сам видел. Владетель очень рад ее заполучить. Думаю, у него много общего с этой неприятной сукой.

— Ты лжешь! — Мысль о смерти властительницы ранила сильнее, чем любые другие его заявления. — Лжешь!

— Бедная Адесса, разве я в том положении, чтобы не знать? В конце концов, я тоже мертв, как ты сама мне напомнила.

— Тогда оставайся мертвым. Хватит болтать.

— Мертвые уже не те, что были, и я проходил туда и обратно сквозь завесу. Мы, высокомерные волшебники Ильдакара, сами нанесли ущерб порядку вселенной, превратив генерала Утроса и его армию в камень. Мы украли все эти души у Владетеля и удерживали их столетиями. Саван вечности также скрывал нашу знать от потока времени. Но Владетель терпелив. Он потребует то, что ему причитается. Он придет и за тобой, Адесса.

— Владетель всегда приходит, — сказала она. — Ты меня не напугаешь.

— Может, я все-таки останусь составить тебе компанию. Или, быть может, я смогу привлечь внимание Владетеля и заставить его прийти за тобой прямо сейчас.

— Замолчи!

Максим рассмеялся.

— Перестань смеяться! — Адесса сама не заметила, что кричит или даже визжит.

Мысли пульсировали в ее голове, и темное внутреннее сомнение заставило задуматься о своем здравомыслии. Главнокомандующего волшебника и его коварных насмешек было бы достаточно, чтобы свести с ума любую Морасит.

Костер потрескивал и щелкал, когда пламени попался влажный участок дерева. Дрожа от гнева, Адесса запихнула голову обратно в мешок, надеясь, что это заткнет ему рот.

— Можешь гнить там в темноте.

Она услышала шелест в ближайших кустах и всплеск воды: приближался кто-то большой. Насторожившись, Адесса схватила короткий меч и встала у костра. Это не было похоже на болотного оленя или медведя. Она думала, что костер отпугнет крупных хищников. Она присела, не издавая ни звука и прислушиваясь.

В круг света от костра бесстрашно шагнула стройная женщина, забрызганная грязью. Адесса была поражена, узнав скудный черный кожаный наряд, защитные руны на коже и светло-каштановые волосы.

— Не ожидала тебя найти, — сказала Лила, — но мне нужна твоя помощь.

Глава 22

Когда покрывало тьмы опустилось на руины Ороганга, двери дворца снова открылись. Прячущиеся люди выполняли те же задачи, что и бесчисленные поколения до них, не приближаясь к победе над жисс.

Никки исследовала улицы в поисках чего-нибудь полезного. Она осознавала опасность кровожадного облака, но не могла оставаться. В отличие от Прячущихся, Никки не могла удовлетвориться простым ожиданием. Поскольку сильфида отказалась отвечать, нужно было взять припасы и отправиться в путь пешком. Путешествие займет много дней или недель, но это был единственный вариант, если она надеялась хоть как-то перехватить генерала Утроста и его армию.

Перед статуей генерала группа из двадцати мужчин и женщин практиковалась с мечами из оружейного хранилища. Никки скептически наблюдала за ними. Они очень долго фехтовали друг с другом, используя одни и те же навыки и движения, но никогда не сражались с реальным противником. Она понимала, что если Сайрус и его ревностные последователи действительно присоединятся к Утросту, то они станут ее врагами. Они не понимали своих легенд.

Никки всю ночь обыскивала широкие улицы, площади, пустые проходы и переулки. Колодец сильфиды оставался безмолвным. Чаша амфитеатра была похожа на глубокий кратер посреди города, и Никки стояла на краю, глядя вниз. Она представила, как Керган там, внизу, живьем сдирает кожу с Мэджел, а затем запускает плотоядных жуков в ее раны. Неудивительно, что люди восстали и свергли его, снесли его высокую статую.

Внезапно она ощутила присутствие мощного и опасного существа. Она выхватила из-за пояса кинжал, когда коричневая тень перепрыгнула через поваленную мраморную ко-

лонну. Большая кошка бросилась к ней, и Никки ахнула, широко расставив руки. Песчаная пума с восторгом боднула ее, чуть не повалив, затем лизнула лицо шершавым языком. Смеясь, Никки обвила руками шею Мрра. Отстранившись, кошка прошлась вокруг нее, потерлась мехом о черное платье Никки, чуть снова не сбив с ног. Из груди раздавалось зловещее мурлыканье.

— Мрра, ты вернулась! — Никки крепко обняла крупную хищницу. Она многое потеряла, прошла через серьезные испытания, но одним лишь своим присутствием сестра-пума придала ей уверенности. — О, Мрра! Не могу даже представить, какое огромное расстояние ты преодолела. — Она прижалась щекой к мягкому меху.

Когда Никки заметила еще какое-то движение на краю площади, то поняла, что в город вошли другие кошки — дюжина или больше. Их глаза горели в тенях руин, но они не рисковали приблизиться, хотя Мрра убедила их присоединиться к ее прайду.

— Люди в этом городе — мои друзья, Мрра, — объяснила Никки. — Союзники. Твои песчаные пумы не должны причинять им вреда. Они не добыча. — Она сосредоточилась сильнее, надеясь, что Мрра сможет передать предупреждение другим пумам.

Никки услышала, как Прячущиеся люди по всему городу заговорили громче, и увидела слабое свечение, очертившее горы на востоке. Заря. Вспомнив, что случилось с двумя несчастными оленями, она встревожилась.

— Мрра, нам нужно уйти внутрь. Ты можешь укрыться во дворце со мной и моими друзьями. — Она притянула пуму за шею. — Но ты должна сказать остальным, чтобы они спрятались. — Она вызвала в своем сознании образ смертоносного роя жисс, который появится с восходом солнца. При обычных обстоятельствах песчаные пумы спа-

ли бы весь день в каком-нибудь темном укрытии, но она должна была их предупредить. — Скажи им, Мрра! Это очень важно.

Когда сестра-пума зарычала, другие кошки подернули хвостами, бросив последний взгляд на Никки, и кинулись в руины в поисках темного убежища. Никки поспешила вместе с Мрра ко входу во дворец. Кора и Прячущиеся люди с тревогой смотрели на хищника, держась поодаль.

— Она моя. Она не причинит вам вреда.

Люди в сером расступались, когда она вела Мрра к защищенным коридорам. Солнце еще только собиралось выглянуть из-за гор. По всему разрушенному городу были возведены баррикады, входы в здания закрывались, чтобы спрятать людей от солнца. В спешке Прячущиеся люди закрыли двери дворца.

В последнем проблеске света Никки увидела кружащее черное облако, вливающееся в Ороганг, как миллион ос.

Мрра зарычала, и Никки держала сестру-пуму, пока Прячущиеся запирали дверь.

* * *

Дикой кошке не нравилось заточение в каменных стенах. Мрра преследовали жуткие воспоминания об истязаниях, которые главный дрессировщик Айвен называл обучением. Через магические узы Никки видела вспышки воспоминаний о том, как котенок царапает и кусает железные прутья своей клетки. Мрра и ее сестры-пумы были свободны только тогда, когда их выпускали на кровавый песок арены. Сейчас же ей очень хотелось оказаться снаружи. Но Никки знала, что жисс сделают с любым живым существом. Она погладила рыжеватый мех пумы, проведя кончиками пальцев по шрамам от рун.

— Мне нужно, чтобы ты была в безопасности. Доверься.

Сегодня Прячущиеся казались напряженными и напуганными, но это никак не было связано с большой пумой, запертой вместе с ними. Они готовились сделать то, чего Никки прежде не видела. Группа людей, тихо переговариваясь, двинулась к забаррикадированному входу. Юная Аша поймала взгляд Никки и поспешила к толпе нервных мужчин и женщин в серых одеждах.

Заинтригованная Никки последовала за ними к закрытой главной двери, где в одиночестве стоял лицом к толпе мужчина средних лет. У него было усталое выражение лица и печальные карие глаза. Он собрался с духом и съел полную горсть мясистых ядовитых грибов, будто желая придать себе сил.

Прячущиеся люди смотрели на него с почтением. Несколько человек тронули его за руку.

— Спасибо, Кэл.

— Мы ценим тебя, Кэл, — говорили другие.

Женщина в серой одежде поцеловала его в щеку:

— О, Кэл... — Она не могла подобрать других слов.

Никки не понимала, что происходит. Кэл проглотил ядовитые грибы и повернулся к баррикаде, словно в транс. Двое мужчин поднимали перекладину, когда он, дрожа, стоял у двери.

Никки поняла, что они собираются выпустить этого человека на дневной свет. Хвост Мрра заметался, из ее горла донеслось низкое рычание, но Никки положила руку на спину пумы, успокаивая.

— Что он делает? — спросила она Кору. — Вы выпускаете его? А как же жисс?

Старуха повернулась к ней, и Никки увидела слезы на морщинистых щеках.

— Нам приходится делать это каждый месяц. Это единственный способ держать жисс под контролем.

Мужчины с силой потянули на себя тяжелые двери и распахнули их, позволяя солнечным лучам пролиться во мрак.

Кэл повернулся к собравшимся:

— Прощайте. Я... — Голос его дрогнул. Он устремился в яркое утро, натянув капюшон на голову, как человек, выходящий под ливень.

Прячущиеся люди придвинулись поближе, чтобы посмотреть. Отойдя от огромного здания, Кэл замер, стоя на открытом солнце, полный удивления. Медленно повернувшись, он откинул капюшон и поднял лицо к небу, щурясь от слепящего солнца и упиваясь теплом.

— Что он делает? Почему он жертвует собой? — Никки едва боролась с желанием протиснуться мимо этих людей и броситься спасти его. — Чего он добивается? Жисс съедят его.

Кора прищурилась:

— На это мы и рассчитываем.

Мужчина спокойно дошел до центра площади, оказавшись рядом с опрокинутой статуей Кергана. Он снял серые одежды и отбросил прочь. Кожа его была молочно-белой, полупрозрачной, а лицо выражало восторг. Он раскинул руки, чувствуя, как солнечный свет касается его обнаженной груди.

— Это моя награда! О, как славно солнце!

Люди внутри затихли, когда Никки услышала жужжание, от которого у нее заныли зубы и позвоночник. Мрра зарычала громче и прижала уши к голове.

Двигаясь среди высоких зданий, как бесформенный хищник, приближался черный рой из многих тысяч пятнышек. Кэл не открывал глаза, упиваясь солнцем и отказываясь смотреть на смертоносное облако. Рой закружился и сжался в клубок, затем покатился вперед, набирая скорость.

— Его высосут досуха, — сказала Никки. — Ты сказала, если жисс будут питаться человеческой кровью, их численность резко возрастет.

— Не с нашей кровью. — Кора указала наружу. — Смотри.

Взбудораженное ненасытное черное облако приближалось к жертве. Кэл повернулся к нему лицом и сжал кулаки. Он издал вызывающий крик, когда жисс окутали его, облепив тело, как было с двумя несчастными оленями. Спустя несколько мгновений мужчина превратился в смутную человеческую фигуру, закутанную в черное.

Размахивая руками, Кэл упал на колени, а затем рухнул лицом вниз на каменные плиты. Еще больше жисс атаковали его, чтобы напиться крови. Жужжание становилось все громче, словно надвигалась гроза.

Наедаясь, отдельные пятнышки поднимались с тела, как крупные капли дождя. Облако стало темно-красным и отяжелело от крови Кэла. Но вместо того, чтобы улететь, как это было в случае с оленями, крапинки меняли цвет. Багровое от крови Кэла облако принимало жуткий коричневато-фиолетовый оттенок. Сотни, тысячи жисс вздувались, тряслись, словно дрейфующие гнойники, и взрывались в воздухе, разбрызгивая темные пятна по площади. Все жисс, которые испробовали крови Кэла, разбухали и умирали.

— Поскольку мы всю жизнь питаемся ядовитыми грибами, наша плоть и кровь для них смертельны, — объяснила Кора. — По отдельности у жисс нет разума, только инстинкт. Вот как мы держим рой в узде. Кэл только что уничтожил большую их часть. Каждый месяц мы выбираем новую жертву, чтобы ограничить рост облака. — Старуха продолжала с тоской смотреть на солнце. — Жисс на какое-то время усваивают урок, а потом забывают.

Никки смотрела, как мерцающее черное облако рассеивается, а уцелевшие жисс бесцельно улетают прочь от иссохшего тела.

— Все поколения до нас приносили себя в жертву, — продолжала Кора. — Когда-нибудь я вытащу меченый жетон и выйду отдать свою жизнь, как это сделал Кэл. Мы только надеемся, что нас в Ороганге будет достаточно, чтобы помешать жисс рыскать где-нибудь еще.

Когда часть черного облака направилась к дворцу, Прячущиеся люди закрыли дверь и опустили перекладину на место.

Подошла Аша, глаза ее сверкали.

— Это наш клятвенный долг, даже если никто не знает, что мы делаем.

— Теперь я это знаю, — сказала Никки. — Но вам неизвестно, как их уничтожить. Если вы намерены сделать это, почему бы вам не послать сразу пятьдесят человек в качестве жертвы? Если каждый из вас уничтожит столько жисс, сколько уничтожил Кэл, то, несомненно, это истребит весь рой.

— Мы пробовали много раз, — сказала старуха, качая головой. — Некоторое число жисс удалось одурачить, но другие улетали. Многие из нас погибли, а черное облако до сих пор возвращается.

Аша потянула Никки за руку, с мольбой глядя на колдунью. На бледных щеках девушки виднелись дорожки слез.

— Ты великая колдунья, Никки. Ты можешь помочь? Можешь найти способ уничтожить жисс? — Она опустила голову. — Или просто оставишь нас?

Совсем недавно Никки начала терять терпение от этих мрачных пассивных людей и почти решила отправиться в путь пешком. Она не могла игнорировать угрозу, исходящую от генерала Утроса, но теперь по-другому посмотрела

на опасность, исходящую от жисс. Если смертоносное черное облако когда-нибудь покинет разрушенный город и распространится, поглощая деревни и каждый раз удваиваясь, то весь мир покроется черным кровососущим саваном.

Никки вспомнила слова, что ведьма Рэд когда-то написала в книге жизни Натана: «*А колдунья спасет мир*». Она согласилась на эту миссию по своим собственным причинам. После того как Ричард открыл ей другой взгляд на жизнь, другую роль, которую она может сыграть, ее сердце из черного льда растаяло достаточно, чтобы позволить себе любовь и долг.

Колдунья спасет мир.

Никки увидела робкую надежду на их лицах.

— Я найду способ. — Она не позволила сомнению проникнуть в ее голос или в сердце. Когда Никки решалась на невозможное, обычно у нее все получалось. — Я найду его.

Глава 23

Генерал Утрос в сопровождении тысячи всадников направлялся на север в поисках утраченной столицы. Он ехал на внушительном вороном коне, сидя в черном седле из тисненой кожи с полированными латунными шипами.

Утрос сохранял довольно быстрый темп, выискивая старые имперские дороги, которые пострадали от времени. Они проходили по этой местности пятнадцать столетий назад, но детали ландшафта были свежи в его памяти.

— Кажется, это было лишь несколько месяцев назад, возлюбленный Утрос, — сказала Ава, ехавшая рядом на гнедой кобыле. Лысая колдунья с разрисованной кожей прямо сидела в седле, погрузив пальцы в гриву лошади. Свободное синее платье трепетало на ветру.

Рува ехала на такой же кобыле по другую сторону от Утроса.

— Но теперь дороги заросли, а покоренные нами земли покрыты лесами.

— Мы завоюем их снова. — Утрос сунул пальцы под золотую маску, вытирая пот. Он пришпорил жеребца. — И на этот раз я сделаю это от своего имени, а не для Железного Клыка.

Пятнадцать веков назад его огромная армия медленно маршировала по континенту, покоряя город за городом. Некоторые недалёковидные лидеры сопротивлялись, но все они умерли. Кроме того, поверженные правители показывали остальным урок. Утрос следил, чтобы их казнили самыми отвратительными и болезненными способами: неторопливо потрошили или сжигали заживо на медленном огне, пока они не превращались в подобие закопченных на зиму оленьих колбасок. Рассказы о его зверствах распространялись стремительно, подавляя мысли о сопротивлении у тех, кто хотел выступить против него.

Это была просчитанная стратегия — в отличие от Железного Клыка, Утрос не был садистом и не наслаждался чужой болью, но понимал военную необходимость таких действий. После нескольких ужасающих казней другие лидеры стали сдаваться довольно быстро, и тем самым Утрос сохранил множество жизней. Армия продвигалась все дальше, легенды о ней распространялись, и он легко захватывал последующие города с минимальным кровопролитием. Даже большие окруженные стенами цитадели открывали свои ворота, когда его армия проходила поблизости.

До тех пор, пока он не дошел до самой сложной цели: Ильдакара.

Теперь солдаты под лучами палящего солнца возвращались в свою утраченную столицу. Многие воины были при-

званы в армию из завоеванных городов и никогда не видели Ороганга, в то время как другие были закаленными бойцами имперской армии, которые обучались в величественном столичном городе. Дома они оставили свои семьи, сестер, жен и любовниц — все они давно умерли, да и сами солдаты должны были давно умереть, если б не был нарушен естественный порядок вещей. Эти солдаты помнили Ороганг, и Утрос ощущал их волнение, когда они ехали к знакомым серым горам. Все осознавали, что миля за милей приближаются к цели.

Он думал о громадном дворце Кергана, о его башнях и знаменах, о хрустальных окнах, о площадях и статуях, о глубоком амфитеатре, из которого император обращался к толпам горожан. Огромные бронзовые колокола трезвонили, знаменуя каждое заявление Кергана. Захваченные города и королевства посылали дань, и полная казна покрывала расточительность императора.

Колдуньям не терпелось увидеть город собственными глазами.

— Мы с сестрой видели только свою деревеньку, — сказала Рува.

— Ороганг величественнее Ильдакара? — спросила Ава.

— Ороганг это Ороганг, столица моей империи. — Утрос выпрямился. — Разумеется, он величественнее. — Сосредоточив взгляд на линии гор, до которых оставалось еще немало дней пути, Утрос продолжил: — Я часто представлял, как вернусь в Ороганг с докладом о своем триумфе. Я был уверен, что император Керган вознаградит меня за победу. — У него стало тяжело на сердце, и он не смог говорить дальше. Его поглотило сожаление. — Я сделал это для него. Преданность сильнее любви.

— Ты сделал это ради Мэджел, — добавила Ава. — Не обманывай себя, возлюбленный Утрос. Мы знаем тебя и твое сердце.

Утрос смотрел вперед, сидя на спине черного жеребца.

— Да, ради нее, — прошептал он. — Владетель и духи...

Хотя он знал, что их страсть запретна, даже во время самых кровавых битв он думал о ней, о ее мягкой коже, длинных черных локонах, карих миндалевидных глазах. Железный Клык был его императором, а Мэджел была его любовью.

Он задрал подбородок и резко произнес:

— Я сделал это и для него тоже. Я поклялся в преданности и верно служил своему императору.

Честь была его доспехами, щитом, который ограждал его от нерешительности, но именно она мешала разглядеть в Железном Клыке неспособность править, вздорность и злобу. Неудивительно, что жена Кергана искала утешение в объятиях другого. Мэджел действительно любила Утроса, но столетия в преисподней изменили ее. Через кровавую линзу колдуний он видел лишенную кожи Мэджел, с содранным лицом, обнаженными зубами и налитыми кровью глазами. Разговаривая с ним через завесу, дух Мэджел отверг Утроса и подтвердил свою верность тому, кто сотворил с ней все эти ужасы. Утрос знал, что его дорогая Мэджел не просто умерла, а мертва для него навсегда.

Он все никак не мог избавиться от этих мыслей. После последней битвы за Ильдакар, когда его армия понесла сокрушительные потери, злобный дух императора Кергана насмеялся над ним из преисподней, и Утрос разбил кровавую линзу, навсегда разорвав контакт с Железным Клыком и Мэджел. Теперь он был сам по себе, и его решимость не поблекла — просто изменился мотив. Он все еще намеревался захватить земли, но теперь не для императора.

— Я не знаю, что мы найдем в Ороганге, — сказал Утрос, когда они въехали в холмистую местность. — Я солдат империи, что бы от нее ни осталось. Железный Клык был ужасным лидером, но если нынешний император достоин, то я присягну ему в верности. Если же он недостойн... — Утрос посмотрел на двух женщин, которые взирали на него с обожанием. — Если нет, то я объявлю трон своим, как и должен был поступить много лет назад.

* * *

Ночью, когда армия разбила лагерь в редкой березовой рощице, Утрос пытался заснуть в командном шатре. Закрыв глаза, он размышлял об Ороганге. Столичный город определенно разросся за века, но он узнает башни и внушительные здания. Вспомнит ли хоть кто-нибудь генерала Утроса спустя столько веков? Волшебник Натан сказал, что его имя легендарно, но что произошло в империи за это время?

Ава и Рува остались снаружи; они сидели у костра и бросали в пламя порошки, посылая особый дым к спящим солдатам, чтобы укрепить заклинание сохранения. Охотники убивали оленей, коз, кроликов и белок — что угодно, лишь бы прокормить ненасытное войско. Некоторые самые отчаявшиеся солдаты срывали с деревьев листья, ели толстые стебли растений и даже высокоую траву. Как только сопровождавшая его армия доберется до Ороганга, они смогут наесться вдоволь и пополнить припасы. Утрос крепко держался за эту мысль.

Ороганг... В его воображении столица была потрясающе прекрасной. Там располагался роскошный дворец, где были трон, залы для пиров, палаты для собраний и высокие балконы, с которых Железный Клык отдавал приказания подданным. Помнил он и укромные комнатки, в которых они с

прелестной Мэджел проводили часы, упиваясь друг другом, лаская и целуя без опасений, что их найдут...

Лежа на походной постели, он дотронулся до твердого шрама на левой щеке. Золотая маска покоилась на деревянном столе неподалеку. Собственное отвратительное лицо напоминало ему о том кошмаре, через который пришлось пройти Мэджел. Но в его воспоминаниях она была прекрасна, а он сам — симпатичен.

Он заснул, но пробудился посреди ночи; луна освещала безмолвный лагерь. Из-за пределов шатра доносились лишь негромкие шорохи, которые издавали спящие солдаты и лошади. Открыв глаза, он с изумлением обнаружил, что рядом стоит женщина. Он видел ее силуэт в тусклом свете костров, проникавшем через ткань шатра. Длинные темные волосы ниспадали ей на плечи. Он узнал стройную фигуру, изгиб бедер и узкую талию.

Утрос рывком сел.

— Мэджел?

Она прижала палец к его губам и подошла ближе. Подняв руки к груди, она развязала завязки тонкого платья и, поведя плечами, позволила одежде соскользнуть на пол. Ее полная грудь с карамельными сосками имела округлую форму. Каким-то образом свет стал ярче, чтобы он мог разглядеть ее кожу, знакомую родинку под левой грудью и рубин, украшавший пупок.

— Мэджел? — с благоговением прошептал он.

— Возлюбленный Утрос. — Она склонилась над ним, целуя гладкую кожу лба над шрамами.

Он чувствовал запах ее теплого дыхания.

— Это не можешь быть ты.

— Я здесь, если ты этого хочешь, — ответила она. — Ты должен был умереть столетия назад, как и я, но правила изменились. Прими это. — Она надавила на его плечи, застав-

ляя лечь на спину. Она ласкала его грудь, играя пальцами с кудрявыми волосками.

— Я видел тебя в кровавой линзе, — сказал он. — Видел твое лицо.

— Мое лицо прекрасно, как и твое. — Она поцеловала его в губы, заглушая остальные вопросы.

Мэджел забралась на него, и он обхватил ее талию своими большими руками, ощущая реальность этой прекрасной женщины. Хлынул поток воспоминаний о том, как они занимались любовью, но на этот раз он испытывал лишь радость и облегчение, не омраченные страхом быть пойманными. Мэджел каким-то образом вернулась из преисподней и была здесь, с ним.

Он запустил руки в ее волосы, притянул к себе лицо и снова жадно поцеловал. Мэджел замурлыкала ему на ухо, а потом протянула руку вниз и погладила его бедро. Она подтолкнула его ноги, чтобы усесться сверху. Он застонал, проникнув в нее, и ее улыбка наполнилась восхищением экстаза. На мгновение — всего на мгновение — Утрос позволил себе упиваться мечтой. Он был уверен, что это реально, хотя и не понимал, как такое возможно.

— Это то, что тебе нужно, возлюбленный Утрос, — сказала Мэджел, начиная раскачиваться взад-вперед.

Он провел руками по ее спине, лаская ее. Возлюбленный Утрос...

Мэджел никогда так его не называла. Она дала ему прозвище «мой командир». Когда они хотели немного грубости, то она просила командовать ею. Ее поведение казалось неестественным, движения не были знакомым слиянием тел, как в те многие разы, что они наслаждались друг другом.

Возлюбленный Утрос.

Он схватил ее за плечи и пристально посмотрел.

— Ты не Мэджел.

— Я могу ею быть, — сказала она.

— Ты не Мэджел! — Он оттолкнул женщину в сторону.

Женщина соскользнула с него и отступила. Когда она подняла руки, ее тело изменилось; она осталась стройной и красивой, но кожа стала бледной, покрытой разноцветными пятнами. Длинные волосы исчезли. Перед ним стояла обнаженная Ава, водившая пальцем по нарисованному краской заклинанию на плоском животе.

— Я знаю, чего ты хочешь, возлюбленный Утрос. Посредством меня или моей сестры ты можешь снова получить Мэджел, когда захочешь.

— Я никогда не смогу снова ее получить! Мне не нужна имитация. Моя Мэджел была убита собственным мужем. Ее дух заперт в преисподней, и она отказалась от любви ко мне, чтобы остаться с ним.

— Я просто пытаюсь дать любовь, в которой ты, кажется, нуждаешься. — Она участливо протянула руку, но Утрос оттолкнул ее.

— Мне не нужна любовь, — заявил Утрос. — Мне нужна победа, и именно этим я и собираюсь заняться. — Он ощущал сильную злость и разочарование, но знал, почему Ава так поступила. Он не мог ненавидеть ее за это. — Ты и Рува нужны мне. Вы обе мне совершенно необходимы, но мне не нужно от вас... это. — Он указал на ее прекрасное тело.

— Как пожелаешь. — Ава отступила к выходу из шатра и остановилась в тусклом свете, обнаженная и мучительно прекрасная. — Просто помни, что мы с сестрой дадим все, что тебе нужно.

Глава 24

Когда основные силы древней армии начали подниматься в горы, Натан с остальными защитниками строили планы, как использовать поле гибельных цветов. Разведчики генерала Зиммера отправились оценить положение вражеских сил и докладывали о том, как те продвигаются к лугу. Торн и Лайес забавлялись, убивая отбившихся солдат, и тем самым спровоцировали авангард броситься на них.

Ожидая, когда можно будет захлопнуть ловушку, Натан осматривал море ядовитых цветов и деревья позади него. Цветы были прекрасными, а оттенок столь же насыщенным, как тишина — мертвая тишина. Обширный лес по ту сторону луга переходил в предгорья.

Он вспомнил, как наивный Бэннон наткнулся на обманчиво прелестные цветы и преподнес Никки маленький букетик, надеясь снискать ее расположение. Узнав ядовитые цветы, Никки спокойно прочитала юноше лекцию о смертельных листьях, стеблях и соцветиях и сообщила, что даже капля сока или раздавленный цветок способны убить. Бэннон в ужасе выкинул цветы, радуясь тому, что случайно не дотронулся до сока. Он тогда нашел лишь несколько цветков, а на этом поле их были тысячи.

— Растения убьют многих, — сказал Натан аббатисе Верне, — если мы вынудим врага пробежать через луг.

— Представляю, какая это ужасная смерть, — сказала она.

— Самая ужасная из тех, что можно вообразить, — задумчиво проговорил Натан, поглаживая подбородок. — А я могу вообразить много ужасных способов.

— Они это заслужили, — прорычал Ренн. В его глазах все еще стояла печаль. — Я хочу, чтобы все они прошли через этот луг и кричали, умирая. Надеюсь, генерал Утрос и его колдуньи тоже здесь. Они убили Лани.

Зиммер, нахмурившись, шагнул к ним:

— Генерал Утрос и обе колдуньи ушли в другом направлении. Согласно докладам разведчиков, сейчас войском руководит первый командующий Енох. — Он мрачно усмехнулся. — Мы узнали это, потому что две наши подруги Морасит очень любят жестко допрашивать захваченных разведчиков.

Натан и Верна стояли на краю смертоносного поля.

— Армия пройдет через эту висячую долину. Можем спровоцировать их авангард преследовать нас и провести прямо через луг. Они не будут закрываться от яда, и смертельный сок попадет на их кожу.

— Как и на нашу, — сказал бывший раб Ренделл с глубоким беспокойством на морщинистом лице. — Как нам избежать смерти? — Хотя он и не был одаренным, старик делал все возможное, чтобы помочь в пути. Ренделл прекрасно умел находить съедобные корнеплоды, ягоды и растущие на деревьях грибы, а каждую ночь умудрялся приготовить вкуснейший ужин.

— Если сможем пройти через лес на той стороне, — присоединился к обсуждению Орон, — то окажемся у глубокого и быстрого ручья, спускающегося с гор. Там сможем смыть с себя яд — если успеем.

— Яд будет проникать в нас, — сказал Натан. — Долго мы не продержимся.

— Тогда нужно защитить открытые участки кожи, — сказала Ольгия. — Полотнами особого шелка, которые я взяла из Ильдакара, мы можем закрыть лицо, руки и ноги. Шелк очень тонкий и совершенно непроницаемый.

Перри явно сомневалась. Беспокойство исказило ее лицо, омрачив прелестные черты.

— Почему бы просто не пойти вокруг луга, чтобы не пришлось рисковать собой? Мы знаем, что армия идет сю-

да, и она обязательно пройдет через луг. Кто-то из них все равно умрет.

— Они могут даже съесть цветы, — сказал волшебник Лео. — Разведчики говорят, что солдаты уплетают траву и листья, словно яксены. — Он потер плоский живот, скрытый балахоном. — Как же мне не хватает свежего мяса яксена! Когда работал на скотобойне, то мог в любой момент получить отличный стейк с кровью.

Солдаты поблизости с сожалением забормотали о том, что тоже голодны.

Верна покачала головой:

— Древние солдаты могут знать о гибельных цветах. Мы не можем позволить им задуматься. Если они погонятся за нами, то точно попадут в ловушку.

— Они хотят нас заполучить, — сказал Натан. — Мы дали им более чем достаточно причин отомстить нам. Нужно показаться им на глаза, а потом бежать, ведя их напрямик через цветы. Мы будем защищены, а они — нет. Я верю, что остальное уладится само собой.

Он был уверен, что древняя армия, разозленная постоянной тактикой нападения и бегства, безрассудно бросится прямо в поле ядовитых цветов, как только заметит своих мучителей.

Когда великое войско подойдет ближе, две Морасит будут дразнить солдат, заставляя тех идти на максимальной скорости, но у Торн и Лайес слишком открытые наряды, чтобы подпускать их к лугу. Вместо этого они скроются в лесу, как только враги заметят Натана и горстку одаренных защитников, поджидающих у поля. Солдаты Зиммера не смогут помочь с ловушкой; они отступят в лес и будут ждать группу у быстрого ручья, готовые расправиться с любым врагом, который дотуда дойдет.

Готовясь, Натан надел черные штаны, рубашку с рюшами и высокие сапоги, приторочив к бедру изысканный меч. Поверх он накинул балахон волшебника, который скрывал большую часть кожи. После он обернул шелком Ольгии руки до локтей и замотал импровизированным шарфом шею и лицо, оставив только прорези для носа и глаз. Длинные волосы он завязал в хвост. Верна, Ренн, Орон, Ольгия и шесть одаренных ученых завернулись таким же образом, израсходовав весь остававшийся шелк.

Когда авангард древней армии показался вдали, Торн и Лайес побежали прочь, стремясь спровоцировать врага. Все были готовы. Натан окинул взглядом закутанных в шелк защитников.

— Мы похожи на трупы, обмотанные бинтами и готовые к погребению в катакомбах.

— Во имя бороды Владетеля, мы станем их кошмаром, — сказал Ренн, одергивая и поправляя шелк, намотанный поверх грязного изодранного темно-бордового балахона.

После полудня, спустя несколько часов невыносимого ожидания, наконец послышались крики, ляг мечей, ритмичный топот марширующих ног. Торн и Лайес выскочили из-за деревьев на край луга. На лицах обеих женщин была радость, когда они мчались вперед, словно быстрые олени. Когда они увидели Натана и его завернутых в шелк спутников, стоящих наготове перед полем гибельных цветов, Морасит быстро обменялись взглядами.

— Подведем счет позже, — сказала Торн своей напарнице.

Они бросились в сторону деревьев, огибая луг.

— Теперь наша очередь, — сказал Натан.

С помощью дара он вызвал сильный ветер, который разметал ветви. Стоявшая рядом Верна послала яркие вспышки света к деревьям, ослепляя первые ряды воинов, едва вы-

шедших на поляну. Орон, Лео, Перри и Ольга объединили усилия, чтобы призвать шквалистый ветер и молнии, убив первые два десятка солдат, которые решили, что они преследуют только двух женщин.

— Они должны поверить, что мы загнаны в угол и отчаянно отбиваемся, — сказал Орон.

— Загнанное в угол животное — самое опасное, — сказал Ренн.

Когда еще сотни вопящих врагов выскочили из-за деревьев, Натан сотворил шар огня волшебника и швырнул в их сторону. Многие упали, крича в предсмертной агонии от испепеляющего пламени. Но передние ряды армии неслись вперед, как волки, почуявшие кровь. Когда воины увидели уязвимых защитников перед полем цветов, они взвыли от возбуждения.

Укутанный шелком Натан улыбнулся и процедил сквозь стиснутые зубы:

— Идите и возьмите нас.

В течение нескольких дней разношерстная команда охотилась на армию, убивая оставших, уничтожая разведывательные отряды. Даже если потери были незначительными по сравнению с огромным числом войска, страх и гнев проникли в сознание солдат Утроста. Наконец, оказавшись лицом к лицу со своими мучителями, они безрассудно бросились вперед.

Голос Ренна был приглушен шелком, когда он создал на ладони пылающий шар и сказал:

— Огонь волшебника кажется слишком милосердным для них, но я буду убивать их любыми способами.

Он растопырил пальцы и бросил потрескивающий шар. Тот разлетелся на отдельные фрагменты, каждый из которых ударил в лица воинов в шлемах, взорвав их черепа.

Ренн дико рассмеялся. Его скорбь по Лани стала орудием возмездия.

Ученые Твердыни творили заклинания, заставляя дрожать землю, или швыряли сильные порывы ветра в лица атакующих солдат. Первые ряды пали замертво, но вторые и третьи просто затоптали трупы, приближаясь к завернутым в шелк защитникам.

Натан понимал, что скоро их сметут.

— Бежим! Время пришло. — Он поправил ткань на руках, затем развернулся и бросился в ядовитое цветочное море.

Древние солдаты хлынули из леса, и мятежники отступили через луг, окунувшись в прекрасные соцветия. Момент казался ирреальным, когда Натан бежал, спасая свою жизнь, топча ботинками листья, стебли, разноцветные лепестки. Верна бежала рядом, разметая юбки. Лео, Перри, Орон и Ольгия напоследок бросили волну штормового ветра и молний, а затем тоже помчались по красочному полю, едва не теряя голову от страха.

Неуемный Ренн был последним. Он убивал солдат самыми разнообразными заклинаниями, а затем шмыгнул в поле прямо перед носом у едва не настигнувших его врагов.

Луг казался нескончаемым, и цветы были бесконечными волнами яркого цвета и медленной смерти. Верна споткнулась и чуть не упала лицом вниз, но Натан схватил ее за воротник и дернул, давая время устоять. Вражеские солдаты с ревом преследовали их, убежденные, что жертвы отступают. Первая волна неслась на полном ходу, размахивая мечами, приближаясь к своей добыче. Как ни странно, некоторые из голодных солдат остановились, чтобы сорвать ядовитые соцветия и сожрать их, точно голодные животные.

Натан прибавил скорости, направляясь к спасительному лесу. Он слышал, как ломаются листья, видел, как люди

топчут цветы. Его сапоги, подол балахона, даже шелк, покрывавший руки, уже наверняка пропитались ядом. Если удастся выбраться, придется смыть все до последней частички в быстром водном потоке.

Наконец они с Верной добрались до другой стороны луга. Они бежали через лес, карабкаясь по камням на вершину холма, чтобы потом спуститься вдоль ручья, чей стремительный поток тек по замшелым камням. На холме Натан оглянулся и увидел волну вражеских солдат, бегущих за ними по лугу. Первые из них уже начали шататься и падать посреди смертоносных соцветий. Многие не преодолевали и половины луга, в то время как другие продолжали идти, замедля шаг, покачиваясь, пока не валились в обманчиво красочную растительность.

При виде гибнущих необъяснимым образом людей остальная часть армии заколебалась, собираясь в настороженную толпу на внешнем краю луга. Некоторые прошли весь путь через поле цветов, и, шатаясь, вошли в каменистый лес, где рухнули среди деревьев, корчась, изрыгая содержимое желудков и выцарапывая себе глаза.

Натан ощутил мрачное удовлетворение, наблюдая за их смертью.

— Эти цветы составят прекрасный букет для ваших похорон.

Крик Верны вывел его из задумчивости.

— Натан, хватит пялиться! Мы должны добраться до ручья и отмыться!

Не тратя силы на дальнейшие слова, они побежали по крутому склону к быстрому потоку, где генерал Зиммер и его солдаты ждали с лошадьми. Солдаты держали в руках оружие, готовые сразиться с любым врагом, которому удастся прорваться. Натан и спутники скатывались по склону, спотыкаясь и скользя по сухим листьям и сосновой хвое,

чтобы нырнуть в стремительный ледяной поток. Течение было холодным из-за тающего снега, но Натан без раздумий погрузился в воду, сдирая с рук полоски ткани в надежде, что яд не смог просочиться сквозь особый шелк. Он убрал ткань с лица, затем окунул голову в ручей и распустил длинные белые волосы. Сняв белый балахон, он позволил ему плыть по течению — больше он никогда его не наденет.

Верна, Орон и Ольгия отскребли руки илом со дна ручья, отмыли лица и выжали одежду. Задыхаясь, брызгая водой изо рта, Натан поднял глаза и увидел, как Ренн, спотыкаясь, подходит к краю ручья. Волшебник двигался медленно, на лице его застыл ужас.

— В воду, Ренн! — позвал Натан. — Отмывайся! Смой яд.

Но Ренн устоял на левую ладонь; пока он пробирался сквозь цветы шелковая ткань соскользнула и теперь свободно свисала с запястья. Он посмотрел на пальцы и тыльную сторону ладони, кожа которой уже покрылась серыми волдырями. Запястье распухло и покраснело, костяшки пальцев вздулись.

— О, нет, — произнес Ренн.

* * *

Защитники унесли тело Ренна с собой, не желая оставлять павшего волшебника в безымянной могиле в пустом лесу. Они спешно двинулись прочь от луга с губительными цветами, пораженные горем. Позади сотни, может быть, даже тысячи вражеских солдат погибли от страшного яда. Древняя армия застыла в потрясении, а первый командующий Енох послал разведчиков на поиски безопасного маршрута в обход луга. В конце концов, огромная сила двинулась к скалистым вершинам, которые вели к перевалу Кол Адаир.

Когда Натан и его спутники отошли на безопасное расстояние от вражеской армии, они нашли укрытую лощину в лесу и устроили погребальный костер для Ренна. Торн и Лайес несли дозор на случай неожиданной атаки, в то время как остальная часть группы отдавала дань уважения павшему волшебнику. Капитан Тревор и ильдакарские стражники, что сопровождали Ренна до Твердыни и обратно, были особенно потрясены. Вместе они смотрели на пылающее пламя, очищающее его бранные останки.

Натан коснулся шрама на груди и ощутил укол гнева Айвена, но отогнал его и сосредоточился только на своем уважении к Ренну.

Глава 25

Три змеиных корабля плыли по реке Киллрейвен мимо медлительных боковых притоков и обширных болот. Когда сильный бриз натянул синие паруса, норукайцы втянули весла и позволили прикованным пленникам растянуться на палубе.

После долгого торчания в жарком зловонном трюме Бэннон смаковал возможность вдыхать свежий воздух. Его кожа была покрыта пленкой из пота, засохшей рыбьей слизи и крови. Покрытое синяками бледное тело быстро обгорало на солнце.

Скорбь прогуливался по палубе, чтобы рабы не забывали о его устрашающем присутствии. Бэннон ненавидел все в этом человеке — цепь на его талии, железные пластины на костяшках, вживленные в плечи шипы, ужасный шрам от уголков рта до затылка.

Мелок следовал за королем словно преданная собака, тараторя и скалясь.

— Мой король, король Скорбь. Все будут скорбеть!

Короля успокаивало присутствие шамана — словно тот и в самом деле был его питомцем.

Эрик сидел рядом с Бэнноном, подтянув колени к широким плечам и свесив голову. Хотя Бэннон пытался приободрить товарища, оцепеневший от горя мужчина отгородился от него, будто желая пообщаться с духами убитых родных. Бэннон пытался поговорить с угрюмым пленником, но тот редко отвечал.

Несколько взволнованных норукайцев подбежали к корме и стали вглядываться в мутную реку.

— Несите крюки! — закричал один из них. — И копья с веревками!

Пытаясь увидеть, что они делают, Бэннон натянул свои веревки, но каждое движение заставляло вздрагивать от боли. Еще больше норукайцев бросилось к поручням с лодочными крюками, гарпунами и утяжеленными сетями. Перегнувшись через борт, они по очереди метали оружие в воду, словно участвуя в некоем соревновании.

Мелок, привлеченный такой бурной деятельностью, растолкал локтями крупных воинов на своем пути и посмотрел вниз.

— Ах, рыба! Большая рыба, рыба-монстр! Рыбные монстры.

— Зацепи крюк за жабры! — крикнула Гара.

— Этот уже мертв, но мы плывем слишком быстро, — простонал другой норукаец. — Эта проклятая тварь выскальзывает!

— Бросить якорь! — заорал король Скорбь. — Ради этого стоит остановиться. Добытой еды хватит до самого дома.

Цепи загремели в прорезях, когда тяжелые якорные камни упали в реку и погрузились в грязь. Двое налетчиков

поднялись на мачту и свернули паруса, привязав их к ноке-рее. Другие два змеиных корабля тоже бросили якоря.

— Речной сом, — сказал надсмотрщик Боско, громко испортив воздух. — Мы устроим пир во имя змеиного бога!

Они метнули в воду крюки и копья, а потом потянули за веревки. Трое норукайцев, напрягшись, затащили на палубу первое трепыхающееся тело.

Бэннон вырос на острове Кирия, где рыбаки каждый день возвращались с уловом, но никогда не видел такой крупной рыбы. Со стонами и смехом норукайцы перекинули тварь через борт и бросили на палубу. Тело сома было длиной с каноэ. Пасть в форме полумесяца то и дело открывалась, а широко расставленные глаза были маленькими, темными и тупыми. Длинные усы походили на колючие щупальца. Водянистая коричневая кровь вытекала из ран от крюков и зазубренных гарпунов.

Мелок, едва сдерживая восторг, присел на корточки перед рыбиной. Он дотронулся до слизи, покрывавшей тело сома, и ускакал прочь, выставив палец и облизывая его. Умиравший сом дергался и извивался, и альбиносу пришлось отпрыгнуть от острых плавников.

— Рыбы кусают, рыбы грызут, — сказал он, указывая на бесчисленные крошечные шрамы, покрывавшие его тело. Он ухмыльнулся Бэннону, словно у них был личный разговор. — Держись подальше от рыбы.

Норукайцы снова забросили в реку гарпуны и вытащили вторую громадную рыбу. Вскоре настроение на корабле улучшилось. Когда затащили на палубу третьего монстра, все набросились на сомов с ножами, разрезая чешуйчатую шкуру и вытаскивая внутренности. Вокруг сомов по палубе расползались лужи слизи. Один норукаец глубоко порезался о подрагивающий спинной плавник и отомстил монстру, сокрушив его голову боевым молотом.

Бэннона стало подташнивать от запаха слизи и крови, но Скорбь смотрел на беспорядок с гордостью. Он поднял тяжелый боевой топор и одним ударом наполовину перерубил сому шею. Похожие на хлысты усы продолжали дергаться. Скорбь нанес еще два удара, и голова покатила в сторону.

Мелок разочарованно цокнул языком.

— Топор рубит древесину, меч рубит кости! А король Скорбь режет рыбу, рыбных монстров.

— Ты же предсказывал, что будет пир, Мелок? — спросил Скорбь.

Альбинос упал на колени и сунул руки в открытую полость, из которой уже были убраны внутренности.

— Я предсказываю... обед!

Норукайцы быстро содрали грубую кожу и разрезали розоватое мясо. Они довольствовались сырой рыбой. Скорбь взял себе кусок и стал жевать, широко раскрывая челюсти. Вскоре три огромных туши были обглоданы до костей, и норукайцы выбросили скелеты в реку.

Насытившись, Скорбь стал великодушным.

— Пусть рабы тоже пируют; им нужны силы, чтобы работать.

Норукайцы бросили связанным пленником груды скользких красных внутренностей и жаберных перепонок. Зловонная слизь потекла по груди Бэннона, но в животе заурчало. Налетчики не кормили его весь день.

Его охватила вспышка гнева. В прошлом он иногда терял над собой контроль и впадал в боевое безумие, превращаясь в безрассудного дикаря. Сейчас он контролировал себя, потому что знал, что глупое сопротивление приведет лишь к его смерти. Лучше он сам их убьет.

Он натянул веревки на запястьях и схватил мясистый кусок внутренних органов. Он жевал, ощущая во рту вкус грязи, но, скривившись, проглотил.

Мелок присел на корточки рядом с Бэнноном, горстями отправляя в рот сырое мясо.

— Месть рыбе! Рыба пыталась съесть меня, а теперь я ем рыбу.

— Так что с тобой случилось? — Бэннон снова посмотрел на отметины на его коже. — Откуда эти шрамы?

— Меня кусали рыбы, — сказал Мелок. — Желаю рыбы! Желаю рыбы! Король Суровый меня не любил. Он бросил меня в пруд с бритвенными рыбами, и меня чуть не сожрали. Но Скорбь вытащил. Он спас меня, отнес к целителю. Мой Скорбь, король Скорбь. Вы все будете скорбеть!

Бэннон пытался сложить воедино обрывочные слова шамана и понять, что тому довелось испытать. Мелка принесли в жертву, бросив в пруд с хищными рыбами, потому что он был альбиносом? Или странным? Рыбы искусили его, а потом его спасли? Неудивительно, что он так предан своему королю. При этой мысли у Бэннона скрутило живот, и он даже испытал подобие симпатии к покрытому шрамами мужчине с искалеченной психикой. Вспомнив о том, что норукайцы с ним сделали, Бэннон отругал себя за жалость к Мелку, но в глазах бледного мужчины была странная тоска.

Шаман глянул через плечо на нос корабля, где стоял король:

— Кусали, кусали, кусали! Рыбы еще будут грызть меня. Они съедят мою плоть и кости, когда я умру. — Мелок сунул в рот новую порцию сырого мяса. — Сейчас я ем рыбу. Но какая из них съест меня, вот в чем вопрос...

Бэннон съел столько сомовых внутренностей, сколько смог. Эрик рядом вяло съел одну горсть, но выглядел больным. Пытаясь приободрить друга, он заставил себя подать хороший пример и съесть еще немного. Эрик словно и не заметил этого.

— Хватит тратить время! — нетерпеливо взревел король.
— Ставьте паруса и поднимайте якорь. Скоро дойдем до устья и окажемся в открытом море. Нам предстоит война.

Когда змеиные корабли снова тронулись в путь, Скорбь скривился при виде слизи и крови, растекшихся по палубе.

— Пусть рабы все очистят. Они должны отплатить за пир, который мы им устроили.

— Скреби! — Корабельный плотник Гара вручила Бэннону ведро и жесткую щетку, а потом угрожающе подняла кулак. — Скреби, чтобы стать достаточно сильным для сражений.

Бэннон знал, что станет достаточно сильным, чтобы убить любого норукайца, который даст ему такую возможность. Пока змеиные корабли шли под парусами, он и другие рабы трудились.

Глава 26

Никки, увидев, как Кэл принес себя в жертву, в полной мере осознала масштаб угрозы жисс. Она не могла бросить этих людей ради другой войны и надеяться, что им удастся сдержать кровожадное черное облако. Она должна найти способ остановить разрушительную силу, прежде чем та вырвется на свободу и заполонит всю округу. Никки была не из тех, кто уходит и оставляет проблему нерешенной.

Колдунья спасет мир.

Днем, когда все укрывались в здании, Никки позвала нескольких Прячущихся людей в грандиозный тронный зал Кергана. Мрра беспокойно терлась о ногу Никки. Черное дорожное платье колдуньи сливалось с тенями в слабо освещенном факелами зале.

— Я помогу найти способ остановить или уничтожить жисс, — объявила она без лишних предисловий.

Большая кошка зарычала, словно соглашаясь с сестрой-пумой. Прячущиеся, казалось, успокоились и воодушевились.

— Я знала, что ты возьмешься! — усмехнулась юная Аша.

Кора удовлетворенно кивнула:

— Легенды говорили, что придет герой и спасет нас.

— Это должен быть генерал Утрос, — сказал Сайрус. — Таково пророчество.

— Предпочитаешь дожидаться его? — резко спросила Никки. — Или я все же могу попытаться?

Сайрус нахмурился:

— Можешь попробовать.

— Обычно я добиваюсь своей цели.

Никки вовсе не хвасталась. Она убила Джеганя, она помогла Ричарду одолеть императора Сулакана и его орды. Она уничтожила Поглотителя жизни, а также неистовую Викторию. Она противостояла извращенному обществу Ильдакара и столкнулась с генералом Утросом. Рой жисс представлял совершенно иную опасность.

Никки ступила на холодный каменный помост, на котором некогда стоял внушительный трон Железного Клыка.

— Я колдунья, и раньше была сестрой Тьмы. Я могу использовать обе стороны дара. Я не знаю, кто такие жисс и откуда они взялись, но я найду способ остановить их.

Укрытые тенью люди смотрели на нее с надеждой. Они откинули серые капюшоны, открыв бледные лица, и теперь в их глазах появилась новая искра надежды. Мрра взмахнула хвостом и глухо зарычала.

Кора вышла вперед, желая предложить помощь:

— Мы расскажем тебе все, что о них знаем. Быть может, это поможет найти решение.

* * *

Прячущиеся люди на протяжении многих поколений изучали черный рой, записывая наблюдения, выводы и неудачные попытки искоренить жисс. Более пятисот лет они отравляли свои тела ядовитыми грибами, но почти не пробовали ничего другого. Они цеплялись за шаткое равновесие и хоть какой-то контроль над угрозой.

Кора принесла свитки, подшитые журналы и книги учета, в которых свидетели записывали свои мысли из поколения в поколение. Никки углубилась в чтение, отбрасывая то, что не имело отношения к делу. Она много лет обучалась во Дворце Пророков, а также изучала запрещенные техники. Пока бледная старуха вносила предложения и указывала на важные выводы, Никки пыталась придумать тактику, которая сработает наверняка.

Она просмотрела очередной отчет, сверяясь со своими знаниями:

— Они появляются только днем. Они активны, когда светло, но с наступлением темноты прячутся или впадают в бездействие. — Никки взглянула на Кору. — Знаешь, куда они уходят? Могу найти их логово?

Старуха покачала головой, и ей на лицо упала прядь каштановых с проседью волос.

— Можем ли мы привлечь их ночью? — предложила другую идею Никки. — Чтобы они оказались здесь на наших условиях.

— Зачем так поступать? — Кора пришла в ужас. — Это единственное время суток, когда мы в безопасности.

Но в разуме Никки уже начал формироваться план.

— Днем они могут отправиться куда угодно. Что если мы найдем способ привлечь их в темное место и заманить в ловушку? — Ее губы скривились в жестокой улыбке. — Может, это нам и нужно.

— Как ты их удержишь? — заволновалась старуха. — Как вообще можно сдержать жисс?

Никки подняла руку, указывая на каменные стены:

— Ваши мастера заложили арки и окна, запечатали здания так, чтобы жисс не смогли проникнуть внутрь. Правильно сложенная каменная конструкция сдержит их с той же легкостью, с которой не пускает сюда. Мы могли бы пленить их навечно; возможно, даже заморить голодом.

Чтобы план удался, Никки должна была убедить Прячущихся людей помочь ей. Она колдунья, и основная работа по захвату и удержанию жисс падет на ее плечи, но Прячущиеся были умелыми работниками и совместными усилиями смогут создать постоянную тюрьму. Или камеру для казни. Задача неординарная, и работать придется быстро, если она сможет сдерживать облако достаточно долго.

— Многие из нас могут погибнуть, — заключила Кора, когда Никки разъяснила свою идею.

— Вы жертвуете одним человеком каждый месяц, просто чтобы сдерживать их рост. Ваши люди умирали веками, но безрезультатно. Моя идея способна навсегда положить конец этой угрозе. Разве не этого вы хотите?

— Нам придется пойти на этот риск, — согласилась старуха. — Буду молиться, чтобы у тебя все получилось.

— Получится, — негромко сказала Никки. — Вы никогда не встречали никого вроде меня.

В процессе планирования Никки каждую ночь исследовала город, выбирая оптимальное место для ловушки. После наступления сумерек она вместе с Мрра выбиралась наружу. Колдунье требовалось большое пространство, чтобы

ограничить облако роя, и круглый заглубленный амфитеатр идеально подходил для ее целей.

Проводя дни в запечатанных зданиях, Прячущиеся рыскали по императорским залам и коридорам в поисках старых зеркал, которые можно было отполировать, а также гладких листов золота и меди, которые блестели в свете факелов. Когда приготовления были закончены, Никки приступила к строительству того, что называла «котлом».

Как только солнце заходило, Прячущиеся люди возобновляли работу вокруг сцены, расположенной в кратере амфитеатра. Они устанавливали зеркала, металлические листы и ограненные кристаллы, которые радужными осколками отражали свет факелов. Рабочие бригады использовали каждый час темноты, заполняя сцену в центре, откуда Железный Клык когда-то обращался с речами к запуганной толпе. Они наносили целую гору сухих дров, колотых бревен и тонких веток, чтобы позже зажечь грандиозный костер. Отражающие поверхности усилят этот свет во сто крат.

Тем не менее, Никки подозревала, что пламени будет недостаточно. При помощи дара она могла усилить пламя, чтобы оно стало ослепительным притягательным маяком. Оно будет ярким как солнце и сможет призвать жисс.

Когда с приготовлениями для маяка было закончено, Никки приказала всем плотникам, каменщикам и каменотесам подготовиться к яростной и отчаянной ночной работе; все необходимое должно быть под рукой. Когда Никки выполнит свою часть — если это сработает, — у них будет только один шанс и очень мало времени.

Постоянно проживая в заброшенных зданиях, Прячущиеся изучили архитектуру изнутри. Они понимали, как камни соединяются друг с другом, умели возводить арки и сводчатые потолки. Они могли резать камень со скрупулезной

точностью и знали рецепты быстротвердеющих растворов и штукатурки, которые продержатся много веков.

Измерив заглубленный амфитеатр, архитекторы спроектировали опорные стойки и наметили расположение блоков. Хотя они убегали внутрь с каждым восходом солнца, когда жисс возвращались, серые люди трудились с огромной энергией и растущей надеждой.

Каждую ночь Мрра бегала на свободе, воссоединяясь с песчаными пумами, которые прятались в горах. Большая кошка охотилась вместе с новым прайдом, но всегда возвращалась, чтобы провести день в темных залах вместе с Никки. Мрра чувствовала нервозность сестры-пумы и желала атаковать бесформенное черное облако, но Никки не могла позволить ей рисковать.

Когда все было готово, люди были напряжены до предела. Сквозь щели в забаррикадированных окнах они смотрели, как угасает дневной свет. Никки почесала за ушами большую кошку и повела в свою спальню, блокируя от нее мысли. У нее было тяжело на сердце — она знала, что Мрра сочтет ее действия предательством.

— Будь в безопасности, — прошептала Никки. — Это моя битва. Я должна быть уверена, что ты останешься здесь. — Мрра зарычала и попыталась протиснуться мимо нее к выходу из комнаты, но Никки преградила путь. — Я вернусь к тебе. — Она закрыла тяжелую дверь, запирая Мрра внутри.

Разозленная заточением пума бросилась на дверь. С той стороны слышалось громкое царапанье и отчаянный вой. Никки подозревала, что ко времени ее возвращения — если она вернется, — дверь превратится в щепки. Ей нужно быстро уходить.

Никки поспешила по коридорам туда, где собрались Прячущиеся. Кора с несколькими десятками нетерпеливых

нервных людей ждала ее у высоких дверей дворца, в то время как остальные Прячущиеся скрывались в многочисленных второстепенных зданиях. Они были готовы.

— Мы должны дождаться самого темного ночного часа,
— сказала Никки.

Сайрус поправил серый капюшон и нахмурился.

— Мы ждали достаточно долго.

— И этой ночью, если преуспеем, ваше ожидание закончится.

Глава 27

В полночь, перед восходом убывающей луны, Никки повела Прячущихся людей в атаку на жисс. Жуткое черное облако не устоит перед призывом ее маяка.

Она уничтожит смертоносный рой, который терроризировал этот город после падения империи Железного Клыка. Прячущиеся люди смогут восстановить столицу и снова превратить Ороганг в центр торговли. Они смогут избрать себе лидера и стать частью Д'Харианской империи. Как только она будет знать, что жисс больше не опасны, она отправится в путь, чтобы отыскать армию генерала Утроста.

Но это только если ее план сработает.

Пятеро серых людей с факелами спустились по ступеням амфитеатра и подожгли груды дров на сцене. Пламя охватило древесину и взвилось вверх, посылая искорки, которые кружились в воздухе подобно мерцающим в ночи. Огонь потрескивал, поглощая сухие ветви, а затем принялся за расколотые бревна. Пламя танцевало, отражаясь от многочисленных зеркал и отполированных листов металла, расположенных концентрическими кругами на сиденьях вокруг сцены. Дым клубился в воздухе, а пламя тянулось все выше.

Никки стояла на верхнем ярусе, наблюдая за разрастающимся пламенем. Ее светлые волосы и лицо были замотаны несколькими шарфами и вуалями — так она надеялась защитить кожу от жисс. На руки она надела перчатки, а ноги обмотала тканью. После зажжения костра Прячущиеся люди побросали факелы и поспешили по крутым пандусам на городские улицы. Огонь на дне кратера определенно был самым ярким источником света в Ороганге, но Никки делает его еще ярче. Невыносимо ярким.

— Идите! — крикнула она Коре и остальным. — Я хочу, чтобы вы были в безопасности, когда придет рой. — Она надеялась, что ткань сумеет защитить ее тело и даст достаточно времени.

— Но мы обязаны помочь, Никки, — сказала Аша. — Можем заманить жисс в яму. Это и наша битва тоже.

— Оставьте это мне. Пламя будет достаточно ярким. — Никки посмотрела на решительную девушку. — Хватит с вас жертвоприношений.

Она жестом призвала уходить, и группа отступила. Но они не стали запирались внутри зданий.

Никки спустилась на дно амфитеатра и подошла к сцене, на которой полыхал огонь. Чтобы выманить жисс из логова, Никки придется сделать пламя во много раз ярче. Этот маяк сможет соперничать с солнцем, когда она задействует дар. Она могла бы призвать огонь волшебника, одно из самых великих и смертоносных заклинаний, но сейчас ей не нужен разрушительный жар — только ослепительный свет. Поэтому она изменила заклинание, убрав из него энергию тепла, и постаралась создать свет волшебника, а не огонь.

Пламя вспыхнуло, и показалось, что на дне амфитеатра появилось солнце; Никки пришлось заслонить голубые глаза от ослепительного бесшумного взрыва. Откуда-то сверху она услышала синхронное аханье, и Прячущиеся люди от-

ступили от края, не в силах выносить подобный искусственный свет. Прикрывая глаза рукой, Никки смогла посмотреть на плазменный шар, который создала. Он охватил сцену и разросся с кричащей блистательностью, тысячекратно усиленный зеркалами, кристаллами и полированными листами металла. Даже из своего логова жисс должны были увидеть его и полететь сюда через ночь, как мотыльки на пламя.

Продолжая подпитывать ярчайший маяк своим даром, Никки ждала приближения смертоносного жужжания, но слышала лишь треск костра в центре. Свет волшебника пульсировал в гипнотическом ритме, и весь город затаил дыхание.

Минуты шли, а черное облако все не появлялось. Никки напряженно ждала, чувствуя легкое сомнение. А если жисс не впадают в бездействие ночью? Может, они уходят в закрытые логова, как летучие мыши в пещерах, и просто не могут увидеть ее маяка? Что способно выкурить их оттуда?

Используя обе стороны дара, как и во время призыва сильфиды, Никки направила свои мысли прочь, чтобы привлечь жисс. Свет! Приходите питаться светом! Приходите питаться кровью!

Наконец по воздуху разнеслось новое гудение, переросшее в резкое жужжание. Подняв взгляд от ослепительного маяка, она увидела бесформенный черный вихрь, заслонявший звездный свет. Рой жисс распался на части и разлетелся по Орогангу, привлеченный невыносимым сиянием. Она воздела обернутые тканью руки, маня их к себе. Никки даже убрала ткань с лица, чтобы они почуяли ее кровь.

Прячущиеся устремились к дверям в убежища, но их движение привлекло жисс. Одна рука темного облака протянулась к серым фигурам.

Поддерживая свет волшебника, Никки пошла по ступеням арены, поднимаясь к улицам и собираясь отвлечь рой. Лишенные разума кровожадные пятнышки уже налетели на двух отставших людей, и те рухнули, накрытые облаком жисс. Никки не успевала дотянуться до них и спасти, но их невольная жертва убьет немало этих созданий. Жисс напились ядовитой кровью, и набухшие шарики неуклюже уплывали прочь. Как и прежде, сферы приобретали нездоровый пурпурный оттенок и взрывались, пачкая мостовую.

Остальная часть облака устремилась к яркому свету, словно рой из десяти тысяч пчел. Никки стояла на краю амфитеатра.

— Сюда! Вот сюда. — Она махала руками, надеясь, что ее неотравленная одаренная кровь будет более желанной, чем кровь других жертв. — Сюда, к свету! — Она сорвала шарфы с головы и встряхнула распущенными волосами. — Сюда! Ко мне!

Черное облако кружилось, напоминая завесу чадающего дыма, в то время как буйство света продолжало потрескивать и сиять на дне амфитеатра. Жисс были голодны, они выискивали добычу, но ей нужно было заманить их в котел. Хищный черный рой бился в двери и окна, пытаясь отыскать трещины между умело уложенными камнями.

Когда жисс почувяли ее, Никки ощутила покалывание на коже. Наконец, запах неиспорченной крови привлек их, и черное облако окружило ее, налетев даже быстрее, чем она ожидала. Ее слово окутал густой дым; жисс подобно одеялу закрыли ее тело. Это было похоже на внезапный град из черного льда. Бесформенные крупички двигались, пульсировали и кусались — каждая не больше ногтя на ее мизинце. Они пытались проникнуть через ткань, находили складки и создавали крошечные разрывы, пробиваясь к коже. Каждое крохотное существо было покрыто похожими на иглы нож-

ками, которые вонзались в ее кожу. Жисс ползали друг по другу, окутывая ее руки, лицо, шею, путаясь в волосах и залепляя глаза.

Задыхаясь, Никки создала импульс ветра, который сдул их прочь, но это было все равно что дунуть на пыльцу. Жисс тут же вернулись с новыми силами. Шатаясь, она шагала по крутым ступеням, пытаясь увлечь их в центр амфитеатра к дразнящему огню. Сотни из них, насытившись, поднялись от ее тела — набухшие шарики с темно-красной жидкостью: ее кровью, кровью одаренной. Она знала, что как только они выпьют всю ее кровь, рой многократно увеличит свою численность. Она должна их остановить!

Решимость придала ей сил, и она надавила на них магией. Это ее кровь, ее! Она призвала нить магии Ущерба, чтобы взорвать каждый из поднимающихся шариков, уничтожая их десятками.

Но ее тело было облеплено черными существами, продолжавшими пить кровь. При помощи смертельной магии Никки попыталась остановить их сердца, но у жисс не было сердец. Это были просто крошечные хищные оболочки.

Ослабев от резкой потери крови, она упала на колени на ступенях амфитеатра, пытаясь собраться с силами. Если придется, она доползет до дна кратера, чтобы сдержать их — даже если самой суждено будет остаться в ловушке. Ей нужно удержать достаточно своего дара, чтобы суметь создать щит, иначе жисс сбегут. Но для этого ей нужно быть живой!

С улицы послышался женский голос, заглушавший жужжание:

— Сюда, возьмите меня! Ешьте меня и следуйте за мной к свету!

Кора! Старуха выбежала из арки дворца, отбрасывая серый плащ и открывая покрытую морщинами кожу.

Увидев другую жертву, жисс больше не нуждались в раззадоривании. Часть роя вокруг Никки изменила курс, и тысячи черных пятнышек устремились к Коре, чтобы ее поглотить. Старуха продолжала бежать даже тогда, когда черные существа покрыли кожу и облепили лицо. Она замедлилась, затем пошатнулась, но продолжала брести вперед, с каждым шагом приближаясь к амфитеатру. Бесчисленные жисс поднялись в воздух, напившись ее отравленной крови, и взорвались, но тысячи других роились вокруг старухи.

Последним усилием Кора достигла края амфитеатра и рухнула на пандус. Ее тело покатило мимо рядов сидений, преследуемое жисс. Она умерла раньше, чем остановилась. Жисс одеялом накрыли ее неподвижное тело около третьего ряда, но теперь их привлекал пылающий маяк на сцене.

Никки провела рукой по лицу, чтобы смахнуть пьющих кровь существ. Она чувствовала на коже бесчисленные жгучие уколы и страдала от потери крови. Зная, что это ее последний шанс, она призвала мощную волну дара и стала нагревать свою кожу, делать ее тверже, одновременно посылая импульсы силы, которая отрывала кровососущие пятнышки; при помощи сильного ветра Никки направила все облако к сияющему огню волшебника и отраженному от тысячи поверхностей свету. Сияние было непреодолимым.

Она отозвала свою магию от пылающего маяка, и свет начал отступать, напоминая заходящее солнце. В темном и пустом городе жисс тянулись к свету, следуя за ним подобно мотылькам, летящим к пламени навстречу судьбе.

Никки была истощена растратой дара и ослаблена потерей крови, но все равно поднялась на ноги и стала спускаться на дно кратера к пылающей сцене. Облако сомкнулось, почти заслонив сжимавшуюся сферу света волшебника. Когда весь рой оказался в чаше амфитеатра, Никки призвала

еще одну волну магии, чтобы установить над сценой щит: изогнутый мерцающий барьер, напоминавший пузырь.

Жисс оказались заперты, но только до тех пор, пока она в состоянии удерживать щит.

— Быстрее! — Ее слова больше походили на хрип. Она надеялась, что Прячущиеся люди услышат ее. — Вы нужны мне. Строители — сейчас! Вы готовились к этому.

Из закупоренных зданий хлынул поток людей в серых плащах.

Ее мысли путались, но она сжала щит, уменьшая пузырь и толкая пойманных жисс все ближе и ближе к центральному огню. Край щита дошел до среднего ряда сидений и продолжил идти к центру, загоня черный рой.

Во дворце Мрра наконец пробилась через остатки деревянной двери и побежала на улицу, желая помочь истекающей кровью сестре-пуме. Никки упала на колени и почувствовала, что черная ткань ее платья пропитана кровью. Мрра прижалась к ней, предлагая свою силу и защиту, но Никки не могла потерять концентрацию.

Пузырь уменьшился, накрывая лишь сцену на дне амфитеатра. Внутри этой тюрьмы оказались тлеющее пламя и гудящие жисс. Чтобы сберечь силы, Никки забрала энергию, поддерживавшую свет волшебника, и огонь угас. Закрытый пузырь стал темным, и отчаявшиеся жисс оказались заперты в пространстве без света и крови. Они бились о невидимую изогнутую стену, как тысячи разъяренных шершней.

— Сейчас! — выдохнула она. — Замуруйте их!

Архитекторы, плотники и каменотесы бежали к ней в сопровождении рабочих. Они заранее разработали планы, принесли строительные материалы, собрали инструмент и были готовы к работе. Трудясь как пчелки, строители Органга перекрывали длинными балками нижнюю часть ам-

фитеатра. Пол сцены они заделали заранее, заложив кирпичом и замазав раствором даже самые крошечные щели. Когда перекрестные балки были уложены, они устроили поверх них настил из деревянных реек, который накрыли непрозрачным брезентом, герметизируя купол. Другие рабочие нанесли на толстую ткань слой из быстротвердеющего гипса. Поверх всего этого они выложили слой кирпичей, выстроив непроницаемый купол над тюрьмой жисс.

Никки была сосредоточена на том, чтобы удерживать щит вокруг темного облака до тех пор, когда не будет закончено возведение постоянной тюрьмы.

Прячущиеся двигались быстро и скоординировано. Они укрепили монолитный барьер, закрывая все оставшиеся щели, а затем покрыли кирпичи толстым слоем раствора и штукатурки, слой за слоем. Толщина непроницаемого купола достигла нескольких футов.

Еще до наступления рассвета сотни рабочих полностью запечатали тюрьму жисс, которая простоит вечно. Ни света, ни крови, ни свободы. Они зачехнут и умрут.

Никки как сквозь туман осознала, что Аша трясет ее за плечи.

— Все закончено. Ты можешь отдохнуть.

Колдунья была не в силах даже поднять голову; она прислонилась к большой пуме, которая мурлыкала рядом. Со вздохом облегчения Никки отпустила дар, позволив щиту под куполом исчезнуть. Жисс были навечно запечатаны в невероятно толстых и прочных стенах. Барьер держался крепко, но Прячущиеся люди продолжают усиливать и наращивать его еще несколько дней.

Никки не знала, через сколько времени жисс умрут от голода и обратятся в ничто, но была уверена, что они никогда не выберутся.

У нее не было сил сопротивляться, когда Прячущиеся люди подняли ее и понесли в укрытие. Теперь она могла отдохнуть. Ее глаза закрылись, она ощутила слабость от потери крови и невыразимую усталость от такой растраты дара. Но она восстановится.

Она сделала то, что обещала. Теперь ей нужно позаботиться о том, чтобы не позволить генералу Утросу завоевать весь мир.

Глава 28

От покрытых мхом дров поднимался кислый дым, но зловоние разлагающейся плоти беспокоило Лилу гораздо больше. Она настороженно присела напротив Адессы. В глазах старшей Морасит, сидевшей у костра, появился тревожный блеск.

— Я преследую норукайские корабли, идущие вниз по реке, и жду своего шанса, — пояснила Лила. — Мне нужна твоя помощь.

Адесса удивилась, но голос ее был непривычно отстраненным:

— Почему тебя волнуют норукайцы?

— Многое изменилось с ночи восстания, когда ты покинула город. — Лила нахмурилась. — От Ильдакара ничего не осталось. Армия генерала Утроса пробудилась и осадила город, а потом норукайский флот атаковал с реки. Ильдакар снова исчез под саваном вечности, и я оказалась снаружи. Мы не можем вернуться. Никто не может.

Адесса перевела взгляд на отрубленную голову, лежавшую в спутанной траве. Взгляд ее был сердитым.

— Именно об этом он мне только что и сказал.

По гноящейся плоти ползали черные жуки. Голова сильно разложилась, глаза вздулись, а рот раскрылся. Лиле потребовалось несколько мгновений, чтобы узнать темные волосы, козлиную бородку и искаженные черты лица.

— Это же главнокомандующий волшебник Максим.

— Властительница Тора приказала принести его голову, и именно этим я и занимаюсь. — Адесса рассеянно отмахнулась от кусачей мухи. — Он был Зерцалоликим и хотел разрушить Ильдакар. Он заплатил за преступления, но этого недостаточно. — Ее лицо потемнело, и она вдруг закричала на разлагающийся ужас. — Ты слышишь меня, Максим? Недостаточно! Я насажу твою башку на пику перед воротами Ильдакара, и все горожане узнают, что ты натворил.

В поведении и разговорах Адессы сквозило безумие. Спокойным ровным голосом Лила еще раз объяснила:

— Ильдакара больше нет, Адесса. Мы не можем вернуться.

Другая Морасит склонила голову набок, словно слушая ответ гниющей головы, а потом выпрямилась, словно приготовившись к битве. Непростые годы сказались на ее внешности, и короткие черные волосы прочертила седина, но когда-то она обладала дикарской красотой. Ее лицо по-прежнему было худощавым, а тело мускулистым, но теперь в темных глазах Адессы мелькали тревожные тени. Ее взгляд метался, словно она высматривала что-то невидимое.

— Нет, нет. Он лгал! Ильдакар не может исчезнуть. Я должна принести голову Максима властительнице.

Сидя возле костра, Лила сцепила руки на колене:

— Я твоя сестра Морасит. Ты знаешь, я не стала бы тебе лгать.

Адесса чуть обмякла и посмотрела на отрубленную голову.

— Да, Лила. Я знаю, что ты говоришь правду. — Она схватила пригоршню темных волос и поднесла голову к огню. — Может, мне зажарить тебя здесь? Если властительница исчезла, то мне нет нужды доставлять ей трофей. Я хочу слышать, как ты кричишь, пока огонь прожаривает кожу на твоём лице.

Капли гноя стекали по подбородку и с шипением падали на угли.

— Адесса, что ты делаешь? — тихо и настороженно спросила Лила.

— Заставляю его прекратить насмехаться!

Глаза главнокомандующего волшебника превратились в сероватое желе, напоминавшее тухлый яичный белок. С влажным чавканьем часть скальпа отделилась от черепа, и голова упала бы в огонь, но Адесса успела перехватить ее за мягкий обрубок шеи.

— Не сейчас. Не так просто. — Адесса вернула голову в испачканный мешок. — Молчи! — Затем она повернулась к Лиле: — Если говоришь правду, если властительница отвержена, а Ильдакар исчез, то мое задание окончено. — Разочарование Адессы поразило Лилу в самое сердце. Задание, из-за которого женщина перенесла столько невзгод, было единственным, что заставляло ее идти дальше. — Куда мне теперь идти? Что делать?

— У меня есть миссия, — сказала Лила, — и это миссия Морасит. Ты можешь помочь. Тут полно норукайцев, которых нужно убить, и ты получишь шанс пролить их кровь. У нас обеих будет цель.

— Расскажи мне о миссии.

Лила предоставила своему командиру официальный отчет, надеясь достучаться до Адессы. Она подробно рассказала о Бэнноне, молодом мечнике, которого она обучала в тренировочных ямах.

Адесса подняла брови:

— Да, Бэннон был твоим любимым питомцем. Он развратил моего чемпиона Яна и вынудил меня его убить. Если охотишься на Бэннона, я тебе помогу. Он заслуживает смерти за тот урон, который нанес нашему обществу. За то, что заставил меня забрать жизнь такого хорошего чемпиона.

Лила размышляла, как лучше ответить.

— Да, я охочусь на него, но не собираюсь причинить ему вред. Мы с Бэнноном сражались на одной стороне, защищая Ильдакар. Мы даже бились с самим королем Скорбь. — Она понизила голос. — Его вместе с другими ильдакарцами захватили в плен. Мой город исчез, я осталась снаружи. Я решила спасти Бэннона.

— Почему?

Защитной реакцией Лилы стал гнев:

— Потому что я так решила! Я сочла миссию достойной, и если ты моя сестра Морасит, то тебе должно быть достаточно такой причины.

Адесса задумалась. Поросшая мхом древесина горела плохо, и Лила подложила несколько зеленых веток. Темнота вокруг оставалась крошечной, но над болотами появился низко стелющийся туман.

— Властительница Тора не любила норукайцев и называла скотами, — отстраненно заметила Адесса. — Она бы хотела, чтобы я их убила, ведь они атаквали город. Но зачем мне спасать тощего раба арены? Бэннон доставил кучу проблем. Он искусный любовник?

Лила придумала ответ заранее.

— Саван вечности снова накрыл город, и Бэннон Фермер — единственный оставшийся воин. В каком-то смысле он чемпион Ильдакара и может оказаться полезным.

Адесса поразмыслила над этим.

— Не следует отказываться от полезных инструментов или бойцов.

— Тогда давай вместе спланируем, как расставить ловушку. Мы будем сражаться с норукайцами, и я смогу освободить Бэннона, как и поклялась. — Ее настойчивый взгляд привлек внимание Адессы. — Ты поможешь мне, как Морасит сестре Морасит?

Адесса сердито заговорила с головой, скрывавшейся в мешке:

— Меня не заботит, чего ты хочешь, Максим! Я сама приму решение. — Искорки безумия в ее глазах стали ярче. — Прекрати смеяться, или снова опущу в воду и позволю рыбам поедать твое лицо. — Немного успокоившись, Адесса посмотрела через костер на Лилу. — Если мы с тобой единственные Морасит, оставшиеся снаружи савана вечности, то твоя миссия — моя миссия. Я буду биться с тобой бок о бок против норукайцев, но своего тощего мечника спасай сама.

Глава 29

Тысяча солдат с символом пламени на знаменах приближалась к Орогангу. Когда они поднялись выше, идти стало труднее, и генерал Утрос узнал темные скалы с пятнами снега на вершинах. Он вдохнул разреженный холодный воздух, который был свежим по сравнению с дорожной пылью и вонью от лошадей и потных мужчин.

— Увидим ли мы столицу уже сегодня, возлюбленный Утрос? — спросила Рува, ехавшая на лошади рядом с ним.

Он высоко поднял голову — как победоносный военачальник, возвращавшийся с докладом о землях, которые завоевал. Город был уже близко, он чувствовал это в воздухе.

— Да, это будет сегодня.

На рассвете, когда солдаты сворачивали лагерь и готовились к очередному длительному переходу, Утрос занялся полировкой золотой полумаски. Он разглядывал блестящий металл с идеализированными чертами его лица. Он терзался вопросом, вспомнит ли кто-то его лик, когда он войдет в императорский дворец — ведь прошло столько веков. История сохраняла масштабные события и политические последствия, но редко запечатлевала внешность людей. Кто-нибудь вообще о нем знает?

— Они вспомнят легенду о тебе, — сказала Рува. — В истории сохранились рассказы о генерале Утросе. Так сказал волшебник Натан.

Он смотрел на дорогу в тени высоких гор.

— Нам следует выяснять это самим. Я встречусь с человеком, который сейчас занимает трон Ороганга, и решу, достоин ли он.

Он отправил вперед двух разведчиков, чтобы они объявили о прибытии. Он выбрал мужчин родом из Ороганга, воинов, которые давным-давно покинули дома и семьи, чтобы следовать за Утросом. Двое разведчиков гордились порученным заданием.

— Мы вернемся с новостями, сэр, — сказал мужчина с неестественно огромным носом. — И проследим, чтобы жители Ороганга устроили пышную встречу вернувшейся армии.

— Мы идем домой! — закричал другой разведчик с таким энтузиазмом, что голос надломился, как у подростка в период полового созревания.

Разведчики умчались прочь, а Утрос молча поехал вперед, ведя за собой армию. Сестры с нетерпением смотрели вдаль, их сияющие глаза выискивали величественный город, обещанный им Утросом очень давно. Он был озадачен

и разочарован плохим состоянием главных дорог. Вблизи от величественного города он ожидал увидеть груженные караваны, фермерские повозки, путешественников и военные патрули. В Ороганге жил почти миллион человек, поэтому даже на значительном расстоянии от города должно было быть многолюдно.

Вокруг высились темные сосны, хотя леса должны были вырубать на дрова и строительные материалы. Скалистые склоны должны быть изрезаны карьерами для добычи камня. Почему не видно ни полей со злаками, ни садов, ни стада овец или рогатого скота? Где все люди?

Им попадались лишь каменные фундаменты и остатки стен давно разрушенных домов. Сестры уловили его тревогу. Ава и Рува поглядывали на него, гадая, чем могут помочь. Кавалерия начала проявлять странную смесь нетерпения, радости и беспокойства.

Около полудня прискакали разведчики, и генерал по их лицам догадался о мрачных новостях. На пыльных щеках носатого мужчины виднелись дорожки слез. Оба разведчика говорили глухими голосами.

— Мы нашли Ороганг, сэра. Город...

— Город пуст и заброшен! — выпалил второй разведчик.
— Людей нет, улицы пусты.

— Город был разграблен? — требовательно спросил Утрос, стараясь держать эмоции под контролем. — Завоеван?

— Я не знаю. — Носатый утратил искреннюю улыбку. — Здания не выглядят сожженными или разрушенными. Их просто оставили. Строения нетронуты, но запечатаны.

— Я сам должен увидеть. — Утрос направил коня вперед.

Разведчики развернули лошадей, чтобы показать путь.

— До города меньше получаса езды, сэр. Следуйте за нами.

Утрос подобрал поводья и пустил жеребца в галоп. Ава и Рува мчались рядом с генералом. Армия с разудалыми криками прищпорила лошадей, устремившись к Орогангу, словно в атаку.

Когда они добрались до окраин города, Утросу стало трудно дышать. Тишина висела в воздухе подобно чуме. Низкие строения купались в солнечных лучах, словно выбеленные кости в пустыне. Безмолвные и мертвые.

Утрос, дрожа, повел жеребца к внушительным монолитным столбам, которые когда-то были городскими воротами, вызывавшими трепет. Улицы, призванные показать величие империи, заросли травой, плиты мостовых вздыбились, а в трещинах меж ними росли искривленные деревья.

Армия столпилась позади генерала, пока Утрос, замерев, смотрел на столбы врат. Ава и Рува молчали, тревожась за генерала.

— Все пропало, — сказал он. — Моя империя пропала. Кто сейчас ее возглавляет?

— Если император и есть, он правит лишь пылью, — сказала Рува.

— Зато никаких противников, возлюбленный Утрос, — добавила Ава. — Это Ороганг. Он может стать твоей столицей, и ты отстроишь империю заново.

— Свою империю, — согласилась Рува.

Он не мог показать солдатам обуревавшее его разочарование. Все еще представляя себя победоносным героем, он гордо проехал на жеребце через остатки величественной арки. Армия последовала за ним в пустую столицу.

Смотря по сторонам, он вспоминал дворец, пирамиду обсерватории, высокие смотровые башни... Утрос узнал здание министерства с резными колоннами и множеством вхо-

дов, теперь наглухо забаррикадированных. Раньше во дворце было великое множество разноцветных окон, но сейчас он видел лишь стены, заложённые кирпичом.

— Кто-то превратил мой город в гробницу.

Он ожидал увидеть шумные улицы, оживлённые рынки, кварталы ремесленников, ростовщиков, священнослужителей и каменотесов. Теперь здесь царили тени и зловещая тишина, даже в яркий полдень.

Пока армия маршировала по улицам, вернулись разведчики с хорошими новостями:

— Генерал, мы нашли склады! Там много мешков зерна, бочек с яблоками и картофелем, и даже с вином и элем. Эти припасы будут весьма кстати.

— Взять все, — сказал Утрос, довольный находкой.

Ава и Рува наложили закливание, чтобы солдаты не мучились от голода, но теперь есть настоящая еда для заслуженного пира.

Стук лошадиных подков эхом отдавался от каменных стен, но этот звук не мог заменить шум толпы и громкие радостные возгласы. На центральной площади Утрос остановил жеребца и спешился. Он оказался перед колоссальной статуей, сваленной с пьедестала. Огромные каменные руки были разломаны на части, а ступни в сапогах устояли на мраморном пьедестале. Разломанная на куски фигура лежала на земле, выветренная со временем. Бросив взгляд на голову, он узнал высокомерную ухмылку и примечательный железный клык. Статую Кергана повалили, когда народ сверг его.

— Генерал! — закричал разведчик с другой стороны площади. — Вы должны это увидеть.

Колдуньи соскользнули с седел и встали рядом с ним, готовые сражаться. Он ощутил, как воздух потрескивает от

дара, призванного для его защиты. Зловещая напряженность в городе натянула нервы до предела.

Утрос быстро зашагал к соседней площади, где увидел вторую огромную статую, которая была даже выше статуи Кергана. Она хорошо сохранилась, а камень был тщательно отполирован. К основанию были возложены свежие цветы. Его взгляд скользнул к каменному лицу с пышной бородой и мощным подбородком. Черты лица были словно списаны с его золотой полумаски. На постаменте были высечены буквы: УТРОС.

Солдаты заполнили открытое пространство, и армия рассредоточилась по пустому городу. Шумели вопросы, походившие на ветер перед бурей. Утрос не мог дать ответов, но они могли сделать собственные выводы. Загадочность города давила на них.

Гигантская статуя доказывала, что об Утросе действительно помнят, легенда о нем выжила. Но он чувствовал, что город не так уж пуст, как показалось сначала. Здесь таилась безмолвная угроза. Невидимые глаза наблюдали из темных уголков зданий. Несомненно, они что-то замышляли. Солдаты были напряжены и насторожены.

Ава и Рува тоже выглядели встревоженными. Воины достали оружие, ожидая, что будет дальше. Казалось, вот-вот разразится буря.

* * *

Генерал Утрос вернулся! Сайрус понял это в тот момент, когда увидел военачальника на черном жеребце, доспехи мужчины были очень похожи на доспехи высокой статуи.

Никки говорила Прячущимся людям, что Утрос еще жив, но Сайрус и последователи, хотя и молились об этом всю жизнь, больше надеялись найти достойного преемника Утроса, чем увидеть легендарного генерала во плоти. Слу-

чилось то, о чем говорилось в пророчестве. Оно было истинным! Теперь великий командир въехал в город с тысячей вымуштрованных солдат, вернулся в Ороганг, как и надеялся Сайрус.

На голове генерала красовался внушительный шлем с изогнутыми рогами какого-то крупного животного, половина лица была закрыта отполированной золотой маской, отчего он выглядел менее человеческим, но более пугающим. Две прекрасные лысые женщины ехали на лошадях по обе стороны от него, и Сайрус вспомнил легенды о грозных колдуньях-близнецах, которые сопровождали Утроса.

Сгрудившиеся в тених Прячущиеся были измучены и потрепаны после того, как всю ночь помогали Никки запереть жисс в тюрьме. Многие ослабели от потери крови, но выдержали испытание. Никки лежала без сознания в глубине дворца.

Видя ее усилия, направленные на спасение Прячущихся людей, Сайрус немного оттаял. Она действительно справилась с кроважидным черным облаком, освободив народ от гнетущего долга. Но она заявила, что легендарный Утрос был не заслуживающим доверия тираном, который стремился завоевать Древний мир. Сайрус не поверил Никки. Она соврала, и ее ложь подорвала убеждения, столь дорогие для Сайруса и его последователей. А теперь Утрос вернулся!

Сайрус выглянул в открытое окно — видано ли, открытые окна при свете дня! Он смотрел, как воины в доспехах въезжают на просторную площадь, разглядывал роскошную униформу, знамена с символом пламени — символом некогда великой империи. Ох, это знаменательный день!

— Быстрее! — крикнул Сайрус последователям. — Возьмите мечи и все доспехи, что у нас есть. К оружию! Мы

должны показать генералу Утросу, что помним его, что мы достойны его. Скорее!

Два десятка последователей похватали оружие со стоек, надели потрепанные шлемы, разномастные нагрудники и накидки — все, что могло придать им впечатляющий вид. Они были бледны от жизни в тених и покрыты струпьями и красными пятнами после столкновения с жисс. Сайрус знал, что вид их был ужасен, но они больше не могли ждать. Утрос здесь! У них никогда не будет лучшей возможности.

— Наш генерал наконец вернулся, — обратился к своим людям Сайрус. — Так побежим ему навстречу! — Он схватил меч, поднял его и выбежал на улицу первым.

С торжествующим ревом, не в силах сдержать восторга от того, что легенда стала былью, Сайрус и последователи высыпали на площадь.

* * *

Двери здания совета со скрипом открылись, и из них выбежали бледные люди. Они были облачены в зловещие серые плащи с капюшонами и разномастные доспехи, у всех в руках были сверкающие мечи.

— Это Утрос! — закричал один из незнакомцев.

Появившиеся из здания люди двигались крадучись, по-паучьи, от быстрого шага плащи закручивались вокруг их ног. Они походили на маленькую кричащую армию. Почти сотня людей с поднятыми мечами приближалась, крича:

— Генерал Утрос!

Как только первый человек выбежал на яркий свет, он пошатнулся и заслонил глаза рукой, взмахнув клинком. Солнечный свет ослеплял. Устрашающая армия позади него тоже прикрыла лица ладонями и съежилась, но они продолжали брести вперед и все еще были вооружены.

Аве и Руве не нужны были приказы от Утроса, чтобы начать действовать. Увидев, что генералу грозит опасность, они послали серию огненных вспышек в передовую группу бледных жутковатых фигур. Даже когда пламя испепелило передние ряды, сестры продолжили метать молнии, поражая все новые цели.

— Мы защитим тебя, возлюбленный Утрос. — В голосе Авы сквозило удовольствие от вида падающих зловещих людей.

Утрос хмуро посмотрел на обугленные останки:

— Я хотел узнать, кто они такие. Почему они на меня напали?

Из глубин зловещих зданий послышался шум, многочисленные двери открылись. К потайным глазкам прижались лица, и бормочущие голоса все громче выражали свой гнев.

Глава 30

Когда группа Натана достигла верхней точки перевала Кол Адаир, он ощутил удовлетворение, если не триумф. Когда-то вместе с Никки и Бэнноном он пробирался через труднопроходимые горы над Язвой, чтобы достичь этого перевала.

Аббатиса Верна ехала на лошади рядом с ним; через несколько поворотов горной тропы их взору открылась великолепная вершина перевала. Натан тяжело дышал разреженным воздухом, но никак не мог наполнить легкие.

Генерал Зиммер и его солдаты собрались на открытом участке. Высшая точка перевала была отмечена большой каменной пирамидой, напоминавшей монумент в честь павших королей. Сейчас отряд Натана прилично опережал огромную армию.

— Отдыхаем час, — крикнул Зиммер. — Поешьте. Воду можно не экономить, на другой стороне будет много ручьев. Нам нужно продолжать идти к Твердыне.

Эмбер и Перетта смешались с сестрами Света, в то время как Оливер, заслонив глаза ладонью и прищурившись, смотрел вдаль, поражаясь тому, как далеко от дома он побывал. Ренделл поник головой, словно раскинувшийся пейзаж был для него невыносим.

— Когда мы в первый раз достигли этой точки, — с грустью заговорил капитан Тревор, — Ренн упал на колени и принялся целовать камни, но на пути обратно он даже не остановился, чтобы восхититься видом. Ему так не терпелось вернуться домой, в Ильдакар. — Тревор тяжело вздохнул. — Теперь он никогда туда не вернется.

Две Морасит словно и не замечали резкого ветра. Они изучали крутой спуск по другую сторону перевала.

— Похоже, путь будет непростым, — сказала Лайес.

Натан посмотрел на западный склон и разглядел расколотые льды недавно сошедшей лавины.

— Огромной армии будет гораздо труднее продвигаться, чем нам. Солдатам часто придется идти гуськом. Мы сможем увеличить отрыв.

Он уселся на валун и достал из сумки книгу жизни. Онемевшими кончиками пальцев он провел по кожаной обложке. В книге была записана хроника его приключений — все, что он сделал с тех пор, как покинул Темные земли далеко на севере. Он исписал немало страниц, и едва мог поверить в то, что совершил и с чем столкнулся.

Верна села рядом с ним на большой камень:

— Ты уже бывал здесь, Натан. Что привело тебя на Кол Адаир в первый раз? Ты знал, что ждет тебя по ту сторону перевала? Ты искал Ильдакар?

— Кол Адаир был тем местом, где я надеялся вернуть свой дар, — сказал он. — Но то был лишь шаг в длинном путешествии. — Испачканный балахон волшебника пришлось выкинуть, и теперь Натан был одет в более привычные черные штаны и рубаху с оборками. Старик положил ладонь на богатую рукоять меча и погладил выбритый подбородок. — Это было своего рода пророчество.

— Пророчество? — удивилась Верна. — Ты лучше остальных знаешь, насколько обманчивы пророчества — даже когда они еще работали. Развилки, истинные и ложные ответвления...

— Действительно, моя дорогая аббатиса. Именно поэтому сестры Света держали меня взаперти тысячу лет. — Он поднял брови. — И посмотри, к чему это привело! Дворец Пророчеств превратился в руины, а ваш орден просто не знал, куда себя деть. — Он фыркнул. — Так вам и надо. Вам следовало знать, что бывает, когда кто-то пытается помешать пророчеству.

— Тем не менее ты пришел сюда, следуя пророчеству. Разве ты не понимал, насколько это опасно?

— Отчаявшийся человек цепляется за любую надежду, а отчаявшийся волшебник найдет способ поверить в то, во что хочет верить. Кроме того, моя дорогая, я не пытался помешать пророчеству, а следовал ему. — Он открыл книгу жизни и пролистал к началу, не обращая внимания на свои аккуратные записи. На самой первой странице строки были написаны другой рукой. — Эти слова написала ведьма. Тогда мы еще не знали значение. — Он стал водить пальцем, читая вслух: — *«Будущее и судьба завясят как от путешествия, так и от его цели. Кол Адаир лежит далеко на юге Древнего мира. Оказавшись там, волшебник узрит то, что поможет ему вновь обрести целостность. А колдунья спасет мир»*. — Он выдержал паузу. — Видишь ли, дар поки-

нул меня на борту «Бегущего по волнам». Я не мог прибегнуть даже к простейшей магии, не мог и искорки на ладони создать. Рэд написала эти строки, когда мой дар был в полной силе, но она каким-то образом знала, что я его потеряю.

— Это если ты правильно истолковал, — сказала Верна. — Ты пророк и знаешь, что человек воспринимает детали предсказания согласно своим желаниям.

— Я знал об этом, но в тот момент не вспомнил. Я был убежден, что как только окажусь на Кол Адаире, мой дар тут же вернется, и я достигну цели своего путешествия. Но нет, слова обещали, что я лишь увижу то, в чем нуждаюсь. — Он посмотрел на восток, за перевал. — Отсюда, благодаря миражу, мы увидели вдаль мерцающий Ильдакар, когда саван вечности заколыхался. Вот почему мы направились туда. В итоге я действительно получил необходимое — сердце волшебника.

Натан поморщился от резкого укола боли в груди. Сердце Айвена забилося сильнее, словно пыталось вырваться из грудной клетки. Оно протестовало против нового хозяина.

— Что не так? — заметила его гримасу Верна. — Я видела, как ты иногда потираешь грудь. Сердце все еще тебя беспокоит?

— Сердце не совсем мое, — слабо улыбнулся Натан. — По крайней мере, так считает главный укротитель Айвен. — Ослабив шнуровку пышной рубашки, он распахнул ворот и обнажил длинный белый шрам на груди. — Повелитель плоти Андре вырвал мое сердце и заменил сердцем Айвена, чтобы возратить мне дар. Андре не был уверен, что план сработает, а я убежден, что Айвен вовсе не хотел в этом участвовать. — Он затянул шнуровку, укрыв грудь от холодных ветров перевала. — Это был не мой выбор, но я уже перепробовал все остальное. Пророк без пророчеств и волшебник без дара — я чувствовал себя совершенно беспо-

лезным, Верна. — Он задумался, обращался ли когда-нибудь к ней просто по имени. — В тот момент я смирился с тем, что должен сделать, а сейчас уже нет причин сомневаться. Я снова обрел дар и буду сражаться с нашими врагами. Это все, что я могу сделать.

Верна в утешительном жесте положила ладонь ему на колено.

— А что значит последняя фраза пророчества — «колдунья спасет мир»?

— Я считаю, что эта часть относится к Никки, но она и так постоянно этим занимается.

После краткого отдыха они начали спуск по западному склону. Ведущие лошади шли гуськом, осторожно ступая по неровной каменистой земле. Во многих местах дорога была повреждена, засыпана скатившимися с гор валунами или сметена пластами льда и снега. Держась за луку седла, Зиммер раскачивался взад-вперед, пока конь шагал по неровной земле.

Он оглянулся через плечо:

— Наша лавина определенно нанесла большой урон, аббатиса.

Натан вздернул брови.

— Ваша лавина?

— Скоро увидишь, — сказала Верна.

Первые лошади уже пробирались через белое поле на склоне. Потревоженные обломки горной породы и льда все еще продолжали сползать вниз. Натану было некомфортно передвигаться по столь подвижной местности, и он мог только представлять, как трудно тут будет идти многотысячной армии в полном вооружении. К тому времени, как Натан и его маленькая группа достигнут Твердыни, войско отстанет как минимум на неделю.

Когда группа обогнула широкий полукруг свежего нагромождения снегов, Натан заметил среди белых глыб темные фигуры, отблески полированных доспехов и острые края щитов. Из застывшей массы торчала чья-то рука в перчатке. По мере приближения группы вороны, пировавшие замороженным мясом, с карканьем улетали.

— Это же тела! — Натан только сейчас понял, как много среди льда трупов; не сотни, а тысячи. — Добрые духи!

— Один из экспедиционных корпусов генерала Утроса, — сказала Верна. — Мы обнаружили их лагерь под Кол Адаиром, ниже уровня ледников.

Зиммер натянул поводья и остановился рядом с ними.

— По нашим оценкам, здесь было десять тысяч солдат, марширующих в направлении Твердыни. Мы остановили их.

— Лед кое-где подтаял, но тела все еще заморожены! — выкрикнул Оливер, когда они с Эмбер и Переттой остановились возле края лавины.

— Не настолько, чтобы их не могли клевать вороны, — сообщила Перетта. — К лету тут останутся лишь обглоданные кости.

Натан попытался понять, что видит.

— Что вы сделали? Как сотворили такое?

Верна выглядела польщенной.

— Ренн был единственным волшебником в нашей компании, но среди нас были сестры Света и много одаренных ученых Твердыни. Вместе мы использовали магию, чтобы растопить лед в определенных точках, и пласты начали скользить по склону. Гравитация довершила начатое. — Она пожала плечами, словно это было совсем просто.

Стоя на краю ледяного поля, Натан разглядывал неисчислимые погребенные тела, доспехи, шлемы и лица с разорванной воронами кожей.

Морасит с уважением кивнули.

— Десять тысяч? — уточнила Торн.

— Впечатляющий счет, — заметила Лайес.

Натан повернулся к строгой аббатисе, увидев ее в совершенно новом свете.

— Я понятия не имел, что ты столь кровожадна, моя дорогая.

— Я могу такой быть, когда это необходимо.

— Полагаю, да. За прошедшие годы я не раз видел, как ты совершала непростые поступки.

Натан и аббатиса часто бывали в напряженных отношениях. Она считала его опасным из-за пророческого дара, а после его побега из Дворца Пророков пыталась его изловить. Натан всего лишь хотел свободы, хотел впервые жить по-настоящему, хотя ему уже была тысяча лет. Он действительно нашел приключения и любовь, и не раз.

Он вздохнул.

— После того как Клариссу убили, я был так зол на тебя, что сломал тебе челюсть.

Верна опустила голову:

— Я сожалею об этом.

— Ты сожалеешь? Но это я ударил тебя по лицу.

— Тогда многое было по-другому. Раны исцелились.

Натан думал о прекрасной и невинной Клариссе, об аббатисе Энн, которую он тоже любил... и об Эльзе, которая совсем недавно пожертвовала собой и погибла смертью храбрых.

— Не все излечивается полностью.

Он пнул руку в боевой перчатке, торчавшую из льда и снега. Больше не злорадствуя над кровавым побоищем, он и его товарищи двинулись к Твердыне.

Глава 31

Да, она возьмет голову норукайского короля. Это станет новым трофеем, ее новым заданием. Адесса сочла это достойным.

Она снова чувствовала себя живым человеком с целью — с целью, подходящей Морасит. Мешок с головой главнокомандующего волшебника бился о бедро, пока она бежала вдоль реки вместе с Лилой.

Отрубленная голова хранила молчание, и Адесса была рада не слышать его насмешек и не смотреть на разлагающееся лицо. Может, Владетель заставил его замолчать навсегда. Но Адессу беспокоило то, что Лила, кажется, вообще не слышала Максима.

Когда девушка рассказала, что случилось с Ильдакаром, Адессе показалось, что из-под ног уходит земля. Она без конца спрашивала себя, было ли убийство Максима достаточно важной целью. Теперь он мертв, и что ей осталось, кроме как нести его голову в Ильдакар? В город, которого больше не существовало.

Даже это у нее отобрали. Пустоту заполнял лишь ехидный смех Максима, но теперь Лила дала ей новую миссию. Бэннон ничего не значил для Адессы, но она волновалась за свою сестру Морасит. Значит, задача Лилы была и ее задачей. Кроме того, ей нравилась идея убить короля Скорбь.

Две женщины могли бежать часами, изредка прерываясь на краткий отдых. Лила спешила, потому что змеиные корабли, хотя и бросают якорь время от времени, быстро плывут по реке Киллрейвен. Чтобы план осуществился, придется опередить три корабля и расставить ловушку.

Звериная тропа превратилась сначала в пешую, а потом и в настоящую дорогу, когда они достигли окраины рыбацкой деревушки. Женщины обошли поселение по широкой дуге, потому что встреча с людьми лишь задержала бы их. Когда

они наткнулись на охотника, который брел домой с выпотрошенным олененком на плечах, мужчина был так ошарашен видом бегущих на него Морасит, что бросил добычу и схватился за лук. Две женщины, почти не замедлив шага, промчались мимо.

— Предупреди своих! — крикнула через плечо Лила. — Идут норукайские корабли, и они убьют людей в деревне и сожгут ваши дома. Уведи всех в безопасное место.

Мужчина уставился на них, но они уже скрылись в лесу.

— Похоже, мы опережаем налетчиков, — заметила Адесса. — Иначе деревня была бы уже уничтожена.

Лила ускорила шаг:

— У нас есть шанс устроить засаду, если найдем подходящее место.

Ближе к вечеру они приметили мыс. Лила остановилась и критически огляделась. Морасит улыбнулась.

— Можем сложить здесь костер, и на норукайских кораблях обязательно его заметят. Мы будем дразнить их и заставим подойти ближе.

— Это станет для них вызовом, — с хищной ухмылкой ответила Адесса. — Если король Скорбь не трус, он встретится со мной.

Близился закат. Корабли налетчиков приближались, но они встанут на якорь для ночевки. Две Морасит ходили по зарослям, ломая высохшие ветви и собирая сухую болотную траву. Все это они складывали в кучу на косе, чтобы потом зажечь большой костер.

Адесса нашла поваленное дерево с полой сердцевинной, из которого можно было изготовить барабан. Вместе они подтащили его к краю воды, чтобы Адесса могла сидеть перед костром, ритмично и громко стуча по полному бревну. Тем или иным способом она привлечет внимание норукайцев.

Две женщины ждали наступления темноты; шум реки стал более громким и зловещим. Адесса смотрела на пустую водную гладь, выглядывая что-то в полумраке и прислушиваясь.

Наконец, она улыбнулась своей напарнице:

— Ты это слышишь?

Над водой разносились грубые голоса и скрип дерева.

Лила сунула кинжал в ножны, проверила нож-эйджаил на боку и Крепыша, которого носила на спине.

— Я буду готова. Устрой диверсию, а я спасу Бэннона. Вот наша миссия.

Адесса ответила волчьим оскалом, а затем посмотрела на мешок.

— Мы привлечем их внимание, не переживай.

Лила помчалась вдоль берега, чтобы занять позицию в кустах, а Адесса тем временем разожгла костер. Пламя быстро охватило тростник и траву, став жарким. Сигнальный огонь взвился ввысь, привлекая внимание змеиных кораблей.

Когда она шагнула к полому бревну, из мешка донесся приглушенный голос:

— Владелец хочет заполучить тебя.

— Владелец получит всех нас в свое время. Я хочу, чтобы тебя он забрал сейчас.

— Бедняжка Адесса... — сально и насмешливо произнес Максим.

— Тихо! — Эхо крика Адессы разнеслось по реке, и она услышала удивленные голоса с норукайских судов.

Она села рядом с полым бревном, скрестив ноги, и принялась бить по нему веткой, издавая громкий стук. Когда голова Максима продолжила издеваться над ней, она просто застучала громче, пытаясь заглушить его голос.

Грозные змеиные корабли приблизились, привлеченные ярким костром и ритмичным стуком, и тогда Адесса встала и пошла к воде. Ее силуэт был четко различим на фоне яркого пламени. С кораблей до нее доносились насмешливые крики; грубые налетчики указывали на нее пальцем, словно она была глупой девчонкой.

Она крикнула достаточно громко, чтобы перекрыть улюлюканья:

— Я Морасит из Ильдакара, и я вызываю на бой короля Скорбь. Сегодня я собираюсь кое-кого убить.

Змеиные корабли, едва видневшиеся в последнем закатном свете, приближались по основному руслу реки. В ответ на ее вызов над водой раздались сильные крики.

Адесса уверенно стояла в полный рост, взывая к ним:

— Скорбь слишком труслив, чтобы встретиться со мной лицом к лицу? Очень хорошо, пусть придет менее значимого норукайца или двух, если думает, что этого достаточно для битвы с Морасит.

С ведущего корабля на воду с плеском спустили небольшую лодку. Двое широкоплечих норукайцев с безобразными шрамами, превратившими их лица в гримасы, гребли к пяточку земли с костром, где дожидалась Адесса. У каждого мужчины было зловещее оружие, которое она проигнорировала. У нее были короткий меч, кинжал и нож-эйджаил — рукоять с рунами, о которой норукайцы не знали. Еще при ней был окровавленный мешок с головой; она отказалась оставлять на берегу трофей. Максим пойдет с ней.

Она пошла по неглубокой воде навстречу к лодке. Адесса сердито смотрела на норукайцев, словно они ее оскорбили.

— Я разочарована столь скромным эскортом. Норукайцы еще недостаточно меня боятся.

Налетчики зарычали, словно были не в состоянии говорить по-человечески. Она забралась в лодку, которая еще не

успела пристать к берегу, и величественно уселась на носу. Пока норукайцы гребли к змеиному кораблю, она сидела к ним спиной, пристроив испачканный мешок у себя на коленях.

Норукайцы столпились вдоль борта верхней палубы, наблюдая за ней со странным любопытством. Адесса снизу вверх смотрела на их лица, пытаясь вычислить, кто из них Скорбь.

Она увидела покрытого шрамами белокожего мужчину, который вертел головой во все стороны, чтобы разглядеть ее получше.

— Мой Скорбь! — Альбинос склонил голову к стоявшему рядом мужчине, у которого на талии была толстая цепь, а в плечо вживлены костяные шипы. — Мой Скорбь, король Скорбь! Заставь ее скорбеть.

Закрепив мешок на поясе, Адесса покинула лодку и вскарабкалась по веревочной лестнице, опущенной с борта корабля. Она не выказывала страха перед налетчиками.

— Смерть витает в воздухе, — зашептал из мешка Максим. — Кто-то умрет. С кем ты будешь сражаться? Кого убьешь или кто убьет тебя? Лучше приготовься, Адесса.

— Помолчи. — Забравшаяся на палубу Адесса уверенно стояла на вымытых досках. Когда вокруг столпились норукайцы, она демонстративно достала меч. — Король Скорбь достаточно храбр, чтобы со мной встретиться? Я хочу его крови.

Налетчики грубо расхохотались. Скорбь шагнул вперед. Он действительно был пугающим человеком.

— С чего мне тратить свое время на драку с тобой? Если я захочу поупражняться, то норукайцы — более достойные соперники.

— Ты сразишься со мной, потому что я хочу тебя убить, — сказала Адесса.

Норукайцы смеялись над ее дерзостью, и даже Скорбь усмехнулся.

— Женщина не всегда получает то, чего хочет. Я разочаровал многих, кто меня страстно желал.

Покрытые шрамами моряки прыснули со смеху. Адесса молча смотрела на короля. Скорбь заметил окровавленный мешок у нее на поясе.

— Что это? Подарок для меня?

Она положила мешок на бочку и приспустила ткань, показывая гниющую голову.

Шаман-альбинос принялся восторженно скакать вокруг.

— Топор рубит древесину. Меч рубит кости!

— Тихо, Мелок. — Когда Скорбь наклонился ближе, уголки его рта со шрамами опустились. — Кто это? Зачем мне такой подарок?

— Этот подарок не тебе. Это главнокомандующий волшебник Максим из Ильдакара. Мне приказали принести его голову. — Адесса оставалась каменно спокойной. Теперь ее руки были свободны, и она дотронулась до короткого меча. — Я собираюсь сделать из твоей головы второй трофей.

Норукайцы подступили ближе, собираясь позабавиться во время предстоящей битвы. Уже совсем стемнело, поэтому они принесли фонари, чтобы осветить палубу, и освободили место для боя. Скорбь держал в правой руке грозный боевой топор.

— Ладно, давай поиграем, — сказал он.

Эти двое столкнулись лицом к лицу.

Глава 32

Армия Утроса, раздосадованная и разозленная тем, что на смертоносном лугу погибло так много солдат, марширо-

вала к горам. Временно руководивший ими первый командующий Енох ехал на боевом коне, завернувшись в малиновую накидку, обозначающую его ранг. Медный шлем блестел на солнце, а тело казалось сделанным из железа, тверже и прочнее камня, в который на многие века были превращены солдаты.

Поскольку генерал отправился в Ороанг, Еноху пришлось возглавить более сотни тысяч бойцов. Но он никогда не умел вдохновлять подчиненных так, как это делал Утрос. После пробуждения от заклинания окаменения погибло уже немало солдат; все они потеряли свои семьи много веков назад, когда в последний раз выступили из дома под знаменами генерала Утроста.

Именно Утрос вдохновлял их неугасимую верность. Енох, хотя и старался сплотить армию, видел трещины, появившиеся в рядах солдат. Горстка уцелевших ильдакарцев убивала их по одному, а затем сразу сотни солдат погибли на поле ядовитых цветов, угодив в ловушку. Это стало сильным ударом по их доверию к Еноху.

В тот день Енох ехал не впереди, а среди строя, чтобы поддержать моральный дух. Несколько досаждающих наглецов с легкостью спровоцировали его авангард, а потом гнусно обманули. К тому времени, как Енох добрался до первых рядов, широкий луг уже был усеян корчившимися в муках солдатами.

Теперь, преодолевая нескончаемые горы, Енох стиснул кулаки и ощутил, как натянулась кожа перчаток. Он хотел размазать о скалы каждого из мятежников. Даже тысяча жертв не сильно сказались на мощи огромной армии, но произошедшее нанесло удар прямо по сердцу их морального духа.

Сейчас он был командиром армии.

У солдат не было припасов, они голодали и осознавали это, хотя и оставались в живых благодаря жуткому заклинанию, которое изменило их пищеварение и метаболизм. Инстинкт заставлял их срывать листья деревьев, траву и цветы — словно они были саранчой. Они сжирали любых животных, которых удавалось поймать. Енох подозревал, что если бы тела павших солдат не были пропитаны смертельным ядом, то наиболее отчаявшиеся воины могли бы съесть человеческую плоть. Он в спешке повел грозное войско к следующему гребню, прочь от ядовитых цветов и манящего мяса...

Енох еще быстрее погнал армию вперед, когда они поднялись в горы. Он хотел, чтобы Утрос вернулся и присоединился к ним. Армия нуждалась в своем генерале, хотя Енох с опаской думал о том, как будет объяснять вернувшемуся Утросу такой провал...

Марширующая армия растянулась на полмили, углубившись в горы и поднимаясь выше линии роста деревьев, к высокому перевалу впереди.

Подняв кулак в перчатке, Енох громко обратился к передним рядам, которые потом передадут его слова дальше:

— Разведчики нашли впереди большое горное озеро! Там мы разобьем лагерь и заночуем. Всего час, и мы будем на месте.

Наконец они дошли до окруженной скалами чаши под последней грядой высоких пиков, где их ждало горное озеро. Здесь будет последняя стоянка перед энергичным рывком к перевалу Кол Адаир. Первые ряды стали устраиваться у озера, находя пяточки сухой земли, где можно было заночевать.

Первозданная висячая долина создавала ощущение умиротворения и поражала красотой. Енох глубоко вдохнул свежий холодный воздух. Суровые неприступные скалы

были по-своему прекрасны. Озеро, питаемое талым снегом и горными ручьями, отражало пелену вечерних облаков, словно огромное зеркало.

Солдаты разбивали лагерь и собирали скудные дрова для костров, создавая успокаивающий шум. Обычно было больше болтовни, громогласных вызовов и азартных игр, но сейчас войско выглядело угрюмым и измученным.

Енох посвятил жизнь армейской службе. Он гордо маршировал под знаменем генерала Утроса, но оставил надежду завести настоящую семью или уйти в отставку, чтобы довольствоваться маленькой фермой и фруктовым садом за пределами Ороганга. Теперь генерал возложил на него немалую ответственность, и Енох получал удовольствие от руководства такой великой армией; но, если Утрос вскорости не вернется, часть солдат дезертирует, чтобы жить как нравится.

Нескончаемый поток солдат продолжал прибывать в долину. Сержанты по снабжению набирали в бочки питьевую воду, а повара готовили скудный ужин из оставшихся припасов. Остальные бойцы снимали с себя доспехи и бежали к холодной воде, чтобы умыться. Они брызгали на лица, споласкивали грязные волосы. Хотя вода была ледяной, некоторые поплыли к выступающим из воды камням. Наконец, их напряжение начало спадать, словно смытая дорожная пыль. Некоторые даже смастерили из ивовых прутьев удочки и принялись ловить форель.

Вдруг среди людей на берегу воцарилась странная тишина, и Енох ощутил, как в воздухе что-то изменилось. Несколько пловцов в шоке завопили, а потом скрылись под водой — и больше не появились. Другие стояли на берегу и настороженно выглядывали врага.

Стоявший в отдалении от берега Енох крикнул:

— Берегитесь воды!

Он протолкался через солдат, пытаясь добраться до озера.

Воины, столпившиеся у берега, зачарованно смотрели в глубокую воду и ахали. Несколько человек прямо в доспехах шагнули в воду, словно соблазненные непреодолимой силой; они глубоко нырнули, но так и не вынырнули.

Подбегали все новые солдаты. Один из младших офицеров закричал на свой отряд, хватая за плечо сопротивлявшегося солдата, чтобы оттянуть его от берега, но потом тоже уставился на воду, словно под воздействием заклинания. Он упал на колени и погрузился в воду прямо в кольчуге. Проплыв немного вдаль, он утонул.

Вместо того чтобы испугаться, солдаты на берегу начали с тоской и удивлением выкрикивать имена:

— Элис! Элис, как ты здесь оказалась? Я так скучал по тебе...

— Джейн! Ох, и наши дорогие дочери! Я спасу вас. Я иду к вам!

— Мам, я тебя слышу! Я вижу тебя. Мам, подожди меня.

Солдаты с одержимой сосредоточенностью смотрели в воду, не слыша товарищей, которые были прямо рядом с ними. Они видели лишь то, что захватило их взор и разум. Отчаянно и безрассудно они бросались в воду и плыли прочь от берега. Еще больше воинов бросилось вперед в попытке остановить товарищей, но зачарованные мужчины сопротивлялись, отказываясь от спасения. В считанные мгновения спасители попадали в плен той же иллюзии и тоже оказывались обречены.

Они тянули вперед руки, некоторые рыдали.

— Я думал, ты умерла. Как ты здесь оказалась?

— Я иду к тебе.

Енох должен был спасти своих людей.

— Отступайте! Уходите от озера. — Он рванул вперед, расталкивая солдат, трясая за плечи и толкая на землю. — Вы совсем сдурели? Вода опасна. Назад! — Он сбивал солдат с ног и кричал другим, чтобы они спасали товарищей и оттаскивали от берега любой ценой. — Не смотрите в воду! — Енох колотил мужчин, расталкивая их и пробиваясь к берегу. Это безумие, сущее безумие! Он не видел, что напало на его войско.

Когда Енох посмотрел в озеро, вспененное борющимися мужчинами, то увидел участок гладкой воды, под поверхностью которого виднелись лица. Он услышал голоса, от которых сердце затрепетало. Стиснув зубы, он попытался заставить себя отвернуться... но взгляд женщины поймал его, как силки кролика. Он узнал ее лицо, улыбку с милым сколом на переднем зубе, кудрявые каштановые волосы, изогнутые брови, которые привлекли его внимание, когда она в первый раз ему улыбнулась — когда-то давным-давно.

— Камилла? — прошептал он и вдруг понял, что не слышит царившего вокруг шума. Больше его ничто не интересовало. Это невозможно!

Само упоминание имени придало видению сил. Она протянула тонкие пальчики и дотронулась до поверхности воды снизу.

— Енох, любовь моя. Я ждала тебя, ждала целую вечность.

Ему показалось, что тело снова обратилось в камень.

— Камилла?

— Енох, почему ты не вернулся ко мне? Ты оставил меня. Это было так давно!

Отношения с ней были самыми близкими к любви из тех, что он себе позволял. Камилла была служанкой в таверне Ороганга, и он виделся с ней каждый раз, как возвращался в столицу. Она всегда была готова согреть его постель, но он

отказывался жениться на ней, потому что был предан военному делу. Он знал, что будет уходить на долгие месяцы или годы и скорее всего погибнет на далеком поле боя; он слишком ценил Камиллу, чтобы привязывать к себе.

Но она сама посвятила себя ему, говорила, что обожает его. У них было двое сынишек, которых Енох едва знал — Аарон и Алекс. Как только он подумал о них, мальчики появились под водой рядом с Камиллой. У них были ясные глаза, веснушки и курносые носы; в их лицах сквозили его черты.

— Отец, иди к нам, — в унисон воскликнули мальчики.

У Еноха перехватило дыхание. Он не удержался и подался вперед. У него заныло сердце.

— Да, я оставил тебя много лет назад, хотя и не должен был.

Рядом в воде были тысячи солдат, но он не слышал и не видел ничего, кроме своих близких, мерцавших под поверхностью горного озера.

— Иди к нам, — умоляла Камилла. — Владетель хочет тебя заполучить. Ты порядком задержался.

Рядом с любимой женщиной Еноха и двумя сыновьями появилось лицо седого отца. Старик многое дал ему и преподал много непростых жизненных уроков. Отец всегда сохранял чувство юмора и мудрость.

Мир Еноха перевернулся. Глубокая вода словно взывала к нему.

— Ты принадлежишь преисподней, как и мы, — сказал старик.

Вспомнив о долге, Енох постарался упорядочить мысли и заговорить твердым командирским тоном:

— Кто вы такие? Мой отец и семья давно мертвы.

— Да, мертвы. И тебе следовало бы, — сказал юный Алекс пугающе взрослым голосом.

— Иди к нам, — снова сказала Камилла.

— Теперь, когда все солдаты пробудились, Владетель жаждет заполучить ваши души. Он знает, чего лишился, — сказал отец Еноха. — Знает, что у него отобрали на все эти долгие годы. Ты принадлежишь преисподней. Все вы должны быть с нами.

Голос отца приобрел знакомую суровость, и Енох вздрогнул от выговора.

— Ты должен был оказаться с нами много веков назад, — сказал Аарон. — Теперь Владетель хочет тебя заполучить.

— Он хочет всех вас, — произнесли все они в унисон.

С невероятным усилием Енох разорвал контакт. Он зажмурился и замотал головой, заставляя себя отшатнуться и побрести к берегу, где и рухнул на землю. Шум вокруг вернулся неконтролируемой волной. Уставившись в небеса, он вдруг услышал все стоны и вопли солдат. Они умирали сотнями, принося себя в жертву озеру, отдавая себя Владетелю.

— Нет! — Енох заставил себя подняться.

Армия гибла на его глазах, целыми рядами забегая в озеро. Это было намного хуже, чем поле ядовитых цветов. Последние подразделения, подходившие к озеру, видели, что происходит что-то ужасное, но не понимали, что именно.

Енох ворвался в расположение основных сил, и проревел команду тоном, которому научил его генерал Утрос:

— Не слушайте! Не смотрите в воду. Держитесь от нее подальше!

Он знал, что солдат на берегу уже можно считать погибшими. В воде уже плавало много тел. Он сам рыдал, отворачиваясь от отчаянной мольбы родных, но все же отказался идти легким путем.

— Спасайте кого можете, — заорал он ближайшему лейтенанту, — но не приближайтесь к воде!

Перепуганные солдаты передавали другим его приказы, и предупреждение об опасности распространилось со скоростью лесного пожара. Енох боролся со своими же солдатами, оттаскивая от берега кого мог. Те, кто подошел к воде слишком близко, с ужасом смотрели на утонувших, но еще не понимали опасности.

По расчерченному боевыми шрамами лицу Еноха катились слезы, пока он пытался заставить армию обойти озеро и направиться сразу к горному перевалу.

— Покинуть лагерь! Идем дальше! Здесь нельзя останавливаться.

Он вскочил на коня и рванул в галоп, уводя их от ловушки. Десятки тысяч солдат в замешательстве и ужасе следовали за ним в холодные горы. Еноху казалось, что его сердце снова обратилось в камень. Он ехал к перевалу, задаваясь вопросом, действительно ли его армия жива, или эти солдаты на самом деле давно умерли и просто не осознавали этого.

Глава 33

Никки, крайне истощенная и ослабевшая от потери крови, погрузилась в глубокий сон, больше походивший на беспмятство. Мрра осталась в прохладной спальне, чтобы оберегать сестру-пуму. Большая кошка свернулась в клубок рядом с Никки, чтобы та ощущала касание густого мягкого меха и мощного кошачьего тела.

Кровожадные жисс были заперты в тюрьме, где голодали и сокращались в численности, а Прячущиеся люди смогли вернуть себе город и выходить на солнечный свет.

Через толстую пелену сна пробились громкие звуки. Никки очнулась из-за суматохи внутри каменных зданий.

Колдунья рывком села, не обращая внимания на куда не отступившую усталость. Мрра пружинисто поднялась и повернулась к остаткам расколотой двери, которую накануне сама разодрала когтями, чтобы вырваться из заточения. Никки соскользнула с кровати. Голова пульсировала от боли, колени дрожали, из-за сотен укусов ее бледная кожа была покрыта багровыми волдырями. Она попыталась встряхнуться, чтобы картинка перед глазами не расплывалась.

— Идем, Мрра. Посмотрим, что там.

Никки вместе с кошкой бежали по освещенным факелами коридорам к главному входу. Прячущиеся столпились у высокого дверного проема, глядя на солнечный свет так, словно все еще его боялись.

Присевшая в тени юная Аша повернулась к ней со смесью отчаяния и надежды на лице.

— Никки, нам нужна твоя помощь!

Когда девочка схватила ее за руку, Никки вздрогнула, ощущая боль от кровоподтеков и укусов. Усталость была ошеломительной.

— Я уже спасла вас. Жисс сбежали?

Мужчина, стоявший рядом, покачал головой.

— Нет, не жисс — армия! Он вернулся!

— Какая армия? — Она была удивлена таким заявлением и не совсем понимала, в чем дело.

— Тысяча солдат с символом императора Кергана! Сайрус сказал, что это генерал Утрос. — Аша поникла головой. — А теперь он мертв.

Бесмыслица какая-то.

— Генерал Утрос где-то далеко. Зачем ему приходиться сюда?

— Здесь его столица, — сказал другой мужчина, кутавшийся в серый плащ. — С ним две колдуньи. Сайрус и де-

сятков последователей вышли генералу навстречу, но колдуньи обратили их в кости и пепел.

От такой новости Никки ощутила прилив сил, хотя в ушах еще звенело, а голова пульсировала от боли. Она пробралась мимо людей в тусклых одеждах и остановилась перед высоким дверным проемом.

— Две колдуньи?

Солнечный свет бликовал на многочисленных щитах, мечах, кольчугах и доспехах. Сотни всадников заполнили главную площадь. Генерал Утрос в рогатом шлеме и золотой маске сидел на вороном жеребце. Рядом стояли две лысые женщины с разрисованной кожей.

Не колеблясь, Никки вышла на яркий свет, чтобы встретиться с ними.

* * *

В воздухе витал запах горелой плоти. Утрос держал поводья, разглядывая испепеленные тела в серых одеждах. Теперь ему нужны новые пленники, которых можно допросить.

Ава выглядела удрученной из-за того, что разочаровала генерала.

— Уверена, они собирались атаковать.

— Взгляни на тени, — сказала Рува. — Там прячется еще больше людей. Они наводнили твой город — то, что от него осталось. Мы должны избавиться от них.

В почерневших до костей руках погибших были отличные мечи. Утрос задумался, не были ли скрытные люди в серых плащах остатками потерянной армии, оставленной в руинах. Уже настороженно он оглядывал огромные башни и резьбу на стенах, изображавшую сильно преувеличенную славу Железного Клыка. Город стал производить более зловещее впечатление после того, как колдуньи уничтожили

первых нападавших — или это были переговорщики? Любопытствующие? Их не следовало убивать так быстро.

— Я генерал Утрос, и я вернулся в Ороганг, — крикнул он, обращаясь к теням. — Если ваш император не достоин, тогда я стану вашим новым правителем.

Его громкие слова спугнули голубей с высоких карнизов. Солдаты наводнили площадь, выстроив коней рядами. Он слышал бряцанье амуниции, скрип кожаных доспехов и музыкальный звон доставаемых из ножен мечей, пока они ждали ответа в зловещей тишине.

— Покажитесь! — крикнула Ава. — Склонитесь пред генералом Утросом.

— Прячутся, как жуки в гниющем бревне, — пробормотала Рува. Она с отвращением посмотрела на почерневшие тела, лежавшие на плитах впереди. — Мы уничтожим их всех, чтобы вернуть твой город.

Бледные люди явно боялись обычного солнечного света, и Утрос решил, что они просто мусорщики, человеческие отбросы, которым не место в прославленной столице.

Утрос повернулся к своим солдатам:

— Разбейтесь на отряды и пройдите по основным зданиям. Зачистите их и соберите людей. Мы их допросим.

Он развернулся лицом к внушительному дворцу, где когда-то восседал на троне Железный Клык. Утрос помнил тянувшиеся к небесам башни, контрфорсы и арочные окна, ныне заложенные кирпичом.

Но главный вход был открыт, и внутри сгрудились фигуры. Наверняка они видели, как Ава и Рува сожгли первую группу посланцев, и он планировал вселить в их сердца еще больший страх. Он собирался заехать на вороном жеребце через ворота и направиться прямо к тронному залу, как герой-завоеватель.

Одинокая гордая фигурка смело вышла на солнечный свет. Черное платье, облежавшее стройную фигуру, разительно отличалось от изорванных серых лохмотьев остальных. Ее светлые волосы были неровно острижены, а пронизательные голубые глаза смотрели на него так, словно рядом не было ни солдат, ни колдуний. Она смотрела на него, и только на него.

— Я готовилась нанести тебе поражение в Ильдакаре, генерал Утрос, — сказала Никки. — Но теперь я вышвырну тебя из Ороганга.

* * *

Яркое солнце подчеркивало красные пятна на ее коже, но Никки собрала все свои силы. Она не осмеливалась позволить Утросу или его колдуньям увидеть, насколько она исчерпала силы в ночной битве.

Ава и Рува прожигали ее взглядами, а потом одновременно подняли руки, готовясь напасть. Никки ощутила волны призванного ими дара, и приготовилась поднять щиты. Она твердо намеревалась уничтожить сестер, но ее настоящим врагом был древний генерал.

Никки обратилась к подавленным Прячущимся людям, наблюдавшим из теней дверных проемов и окон.

— Взгляните на человека, статуе которого вы поклонялись, на человека, о котором говорилось в легендах. Это генерал Утрос. — Она перевела взгляд на почерневшие тела, распластанные на плитах перед черным жеребцом. — Сайрус и последователи боготворили его, хотели предложить ему свои мечи — и он просто стер их с лица земли. Что же он тогда сделает с остальными? Генерал Утрос не ваш герой. Он хочет покорить Древний мир ради себя.

— Мы думали, ты сгинула вместе с Ильдакаром, — прорычал Утрос. — Кто эти люди, кроющиеся в тених Ороганга? Почему они наводнили мою столицу?

— Они потомки тех, кто сверг императора Кергана и объявил город своим. — Никки сделала еще шаг вперед. — Тебе здесь не рады.

Ава и Рува воззвали к дару, и над их головами возник клубок гневных облаков. Поднявшийся ветер напугал лошадей древней армии.

Никки создала невидимый щит, чтобы отразить первую атаку, и это потребовало тревожно много усилий. Не показывая слабости, она неотрывно смотрела на Утроса.

— Если великий командир нуждается в прислужниках для защиты, то легенды о генерале Утресе сильно преувеличены.

Близнецы зарычали, согнув пальцы для новой атаки.

Утрос жестом остановил их:

— Я не нуждаюсь в защите, но могу позволить Аве и Руве поиграть.

Он перестал их сдерживать. Близнецы плавно зашагали к Никки, напоминая рептилий на горячих камнях. Она встретила их улыбкой, которая была острее любого клинка.

— Вы пытались убить меня и моих друзей, атаковали меня моими же волосами. — Никки дотронулась до неровных светлых прядей. — Настало время сполна вам отплатить.

Усилием мысли она создала на ладони огонь волшебника — мерцающий и обжигающий шар, — который швырнула в собравшихся на площади солдат. Расплескавшийся огонь испепелил пятерых; ряды войска смешались.

В каменных зданиях позади нее распахнулись тяжелые двери, и из них появилась толпа Прячущихся людей, разозленных увиденным и вдохновленных словами Никки. Кри-

ча, они побежали вперед в удивительно скоординированной атаке, сжимая в руках оружие из арсенала, который Сайрус и его последователи хранили долгие века.

Армия генерала развернула лошадей, и их стройные ряды дрогнули, когда они столкнулись с прозрачными противниками, в огромном количестве хлынувшими на них из каждого здания.

Утрос поднял лицо в золотой маске и выкрикнул приказ:

— Стереть их в порошок! Наша численность в десять раз больше!

На площади разразилась настоящая битва. Древние солдаты рубили закутанных в плащи противников. Но все больше Прячущихся появлялось из зданий, и их численность возрастала с каждой минутой.

Ава послала в Никки волну ослепительного света, но щит отразил взрыв. От усилий Никки пошатнулась, но тут же укрепила защиту, пытаясь отыскать больше сил в глубине себя. Она двинулась к близнецам. Рува сделала жест, словно махнула хлыстом, и черная буря над головой превратилась в зловещий ураган. Никки ответила завесой воздуха, которая повалила одну сестру на другую. Генерал пытался удержать под контролем своего жеребца, который взвился на дыбы.

Под безрассудной атакой Прячущихся людей древние солдаты смешали строй и вступили в поединки. Многие поворачивали своих скакунов на месте, чтобы те копытами били бледных людей. Другие рубили нападавших мечами. Всё прибывавшие Прячущиеся кололи боевых коней, рубили по ногам солдат и стаскивали их с седел. В воздухе звенели крики и лязг оружия.

Среди шума Никки услышала первобытный рык, и Мрра бросилась в бой. Большая пума прыгала на древних солдат, разрывая глотки и полосую грудные клетки.

Продвигаясь вперед, Никки развела ладони и послала волны ветра, которые разметали всадников, словно те были фигурками на доске для игры в хар'кур. Прячущиеся беспорядочно атаковали острыми клинками, в то время как Мрра разила врага когтями и клыками.

Утрос пустил коня в галоп, рванув на другую сторону площади. Каждая из близняшек послала в Никки обжигающую молнию, но колдунья успешно их отразила. Молнии срикошетили, расколов плиты. Взгляд Никки был направлен на ее настоящего врага — Утроса.

Осторожно манипулируя даром, Никки нащупала резонансную частоту гранитного монолита, высившегося на тридцать футов над генералом. Состоявшая из сегментов колонна содрогалась и раскачивалась, пока она перемещала камни основания. Когда Никки ослабила основание колонны, по нижнему блоку побежали трещины, и вскоре он обратился в пыль. Огромный столп начал падать на Утроса.

Он спрыгнул с коня и побежал в сторону, а напуганный жеребец умчался прочь. С невообразимым грохотом монолит раскололся на десятки частей, и во все стороны брызнули обломки.

— Ты мой, Утрос, — сказала Никки, шагая к нему. — Не убегай.

Генерал повернул к ней закрытое золотой полумаской лицо и достал длинный меч из ножен у бедра.

— Убегать? Да я тебя расплющу.

Сосредоточенная на генерале Никки была застигнута врасплох, когда Ава и Рува атаковали ее со спины. Черная ткань платья задымилась, обжигая кожу, но Никки потушила ее силой мысли. Ноги дрожали от напряжения, но она шла вперед. Воздух обжигал горло и ноздри.

Пока в центральном комплексе Ороганга разворачивалось сражение, Никки мысленно насмехалась над павшей

статуей императора Кергана, у которой были отломаны руки и голова, а черты размыты временем. Неподалеку, среди прочих монументов, стоял пустой и безмолвный колодец загадочной сильфиды. Никки подумала, что неплохо было бы швырнуть генерала Утроса в эту бездонную яму.

Объединив усилия против ее контратаки, близнецы обрушили на Никки еще одну молнию, но она усилила щиты и развернулась к ним. Утрос — всего лишь человек, и неважно, насколько он силен и прославлен в легендах. Но две колдуньи действительно отвлекали.

Ава запрыгнула на торс статуи Кергана и вызвала очередную молнию, ослепившую Никки. Стоявшая внизу Рува с силой ударила пяткой о землю, посылая ударную волну, от которой по плитам площади прошла рябь.

Выбрав правильный момент, Никки подпрыгнула. Она приземлилась на неустойчивые плиты уже после того, как волна прошла под ней. Никки ответила ударом молнии — чистой энергией, призванной с небес. Близнецы отчаянно создали щиты, которые трещали и искрились.

— Я сильнее вас, — сказала Никки.

Близнецы отступили на соседнюю площадь, и Никки последовала за ними, пообещав себе их уничтожить. Оставшийся без коня генерал ринулся к ним, обнажив меч и приготовившись сражаться вместе с колдуньями. Они собрались под огромной статуей Утроса, нависавшей над площадью.

Ава и Рува развернулись к ней, создавая магическую защиту для своего командира. Никки ждала воздух, выковав из него невидимый нож, и полоснула им. Рува поспешно подняла щит и почти полностью заблокировала атаку, но невидимый клинок Никки оставил длинный порез на ее правой руке. Рува закричала от боли, и ее сестра швырнула в Никки ударную волну, переплетенную со стеной огня.

Никки увернулась, и сокрушительный магический удар прошел мимо, врезавшись в основание статуи Утроса. По ногам, больше походившим на столбы, побежали трещины.

Рува взвыла, увидев трещины на мускулистых каменных ногах. Обе женщины закричали, когда на них начала падать громадная статуя. Утрос и Рува выскочили из зоны поражения, но Ава бросилась в другую сторону. Она отшатнулась на два шага, когда каменная фигура с грохотом рухнула на землю. Во все стороны полетела каменная крошка, поднялись клубы пыли.

Ава с ужасом смотрела, разинув рот.

— Утрос!

Никки воспользовалась моментом ее уязвимости, чтобы призвать еще один разряд молнии, в котором сплелись и перекрутились нити магии Приращения и магии Ущерба. Нестовая энергия врезалась в Аву подобно ярко-темному копью, пронзив грудь, перебив позвоночник и выйдя из спины.

Завопила Рува. Ужасный мучительный крик едва не разорвал ее горло. Никки едва держалась на ногах после такой растраты энергии. Ее колени подкосились.

Рува перебралась через разломанную статую и подхватила упавшую сестру. Рыдая, она упала на колени, обнимая тело Авы и прижимая его к груди. Утрос, оказавшийся рядом с колдуньями, поднял меч, собираясь убить Никки. В последние секунды жизни Ава слабо обняла сестру одной рукой, но ее грудь была прожжена, и она умирала.

Никки поднялась на ноги и снова призвала дар; создав по шару огня волшебника в каждой руке, она приготовилась метнуть оба кипящих солнца в Утроса.

Рува была сломлена и морально уничтожена.

— Нет! Ты его не получишь!

Обхватив сестру одной рукой, другой она вцепилась в Утроса и зажмурилась, произнеся какое-то незнакомое для Никки заклинание.

Последним усилием Никки швырнула шары огня волшебника. Ненасытное пламя было способно прожечь любой материал. У Рувы и Утроса не было ни единого шанса.

Но прежде чем до них долетел огонь, Рува, Ава и генерал Утрос исчезли, словно их стерли из реальности. Огненные сферы ударили по разрушенной площади, но сожгли лишь пустоту.

Глава 34

Пока три змеиных корабля готовились бросить якорь на ночь, Бэннон продолжал скрести доски жесткой щеткой, хотя уже давно оттер все видимые следы крови и слизи сома. Его лодыжка была прикована к штырю в палубе, он несколько часов ползал на коленях, а стертые руки кровоточили. Несколько других рабов, включая удрученного Эрика, тоже прикованные к палубе, были вынуждены наблюдать за ним.

Бэннон знал: если удастся освободиться хотя бы на мгновение, он прыгнет за борт. Он мог бы проплыть через реку и спрятаться в зарослях — если доберется до берега. Норукайцы умело обращались с копьями с костяными наконечниками, и одно из зазубренных орудий могло пронзить его прежде, чем он будет на полпути к берегу. Тогда он не сможет помочь ни Эрику, ни другим пленникам. Он должен найти лучший способ.

В сгущающихся сумерках он увидел впереди яркий костер и услышал шум ритмичных ударов и чей-то голос. Кто-то стоял на прибрежной косе, бросая вызов змеиным кораб-

лям. На фоне пламени выделялся силуэт стройной женщины, одетой в полосы черной кожи. Морасит!

Он сначала понадеялся, что это Лила, но потом узнал голос Адессы — жестокого лидера Морасит из тренировочных ям Ильдакара. Адесса взяла в любовники его лучшего друга Яна, а потом убила прямо на глазах у Бэннона. Он никогда ей этого не простит.

Но она была здесь и вызывала на бой короля Скорбь. Бэннон ненавидел Адессу, но она определенно не была хуже норукайцев. Ее вызов позабавил покрытых шрамами налетчиков, но Бэннон знал, что они глупы, если недооценивают Морасит. Пока пара налетчиков погребла за ней на лодке, остальные проверили оковы рабов на палубе. Корабельный плотник Гара схватила Бэннона за волосы и оттащила к борту.

— Хватит скрести. Продолжишь вылизывать палубу завтра. Снова.

Гара связала запястья Бэннона и проверила цепь на лодыжке, но сама поглядывала на нос корабля, где король Скорбь поджидал вызвавшую его на бой Морасит.

Мелок проскакал по палубе и присел на корточки рядом с Бэнноном.

— Она бросила вызов королю Скорбь! Она будет скорбеть. — Он наклонился и зашептал в ухо Бэннону: — Кровь на палубе, скреби, скреби! Вот увидишь. — Затем он поспешил на нос корабля, где Адесса встретилась с норукайским королем.

Она достала гниющую голову и положила свой жуткий трофей на бочку. Хотя разложение исказило черты лица, Бэннон узнал главнокомандующего волшебника Максима.

— Пресвятая Мать морей...

Уродливые налетчики столпились у перил, чтобы в мерцающем свете фонарей поглазеть на поединок Адессы и ко-

роля. Скорбь расхохотался и поднял тяжелый боевой топор, в то время как Адесса взялась за короткий меч.

Из-за спин налетчиков Бэннону было плохо видно битву. Внимание всех норукайцев было приковано к неожиданному развлечению. Рабы меж тем молчали, сбившись в кучу на корме корабля и стараясь оставаться незамеченными.

Сквозь насмешки, хохот и крики норукайцев Бэннон слышал шум со стороны реки и тихие всплески, двигавшиеся вдоль корпуса корабля. Он услышал глухой стук и понял, что кто-то забирается на судно! Он повернулся и увидел гибкую фигуру, перелезшую через борт и тихо перекашившуюся по палубе — еще одна Морасит. Ее кожа была покрыта выжженными рунами, а короткие каштановые волосы облепили голову. Лила! Прилив надежды заставил пульс ускориться. Он чуть не вскочил на ноги, игнорируя цепь, но ее взгляд хлестнул по нему не хуже кнута. Она подняла руку, призывая его к тишине.

Норукайцы на носу корабля ликующе закричали, когда раздался звон оружия.

— Что ты здесь делаешь? — прошептал Бэннон. Внутри него бурлил оптимизм.

— Не глупи, мальчишка. Тебя спасаю, конечно же.

* * *

Адесса столкнулась с королем норукайцев, который был уродливее многих боевых зверей, с которыми она сражалась на арене. Может, Скорбь думал, что его разрезанные щеки и вживленные костяные шипы выглядят устрашающе, но Адесса сочла это еще одной причиной его убить, и она собиралась сдержать обещание. Она дала Лиле возможность освободить молодого мечника, и Адесса наслаждалась выполнением своей задачи. Бросившись на короля, она взмахнула мечом, резко выдохнув от усилия.

Король Скорбь в жилете из акульей кожи походил на быка: с широкой грудью и объемными мускулами. Он был настолько силен, что держал тяжелый боевой топор с такой же легкостью, как кинжал. Он был удивительно ловок для своих габаритов. Прогнувшись в спине, он уклонился от острия меча Адессы. Послышались возгласы норукайцев.

Адесса вложила в замахах столько сил, что потеряла равновесие, когда оружие рассекло лишь воздух. Она сумела устоять, но король тут же ударил ее в висок обитым металлом кулаком. В голове у нее зазвенело, но она успела отпрыгнуть от приближавшегося топора.

Судя по завываниям и смеху норукайцев, они были уверены, что она проиграет.

Максим смотрел на нее с бочки раздувшимися глазами. Она слышала его ехидные насмешки, но гниющая голова не говорила вслух, и остальные ничего не слышали — Максим был слишком коварен. Его смех в ее разуме был громче воплей норукайцев. Она яростно мотала головой, словно отгоняла надоедливых мошек.

Меч Адессы отбил топор, хотя и был куда меньше оружия короля. Когда большой топор пронесся мимо, Адесса пнула правой ногой короля в живот, заставив задохнуться. Разъяренный Скорбь махнул топором как дубиной — без изящества, но с такой силой, что Морасит едва избежала удара.

Норукайцы улюлюкали и свистели, подначивая ее, бросались в нее чем-то скользким, расплывавшимся по ее коже. Рыбьи потроха. Обычная уловка отчаявшихся бойцов на боевой арене, поэтому она не стала отвлекаться от главного. Она не дрогнула, когда билась с измененными медведями, колючими волками и песчаными пумами, а Скорбь был всего лишь очередным чудищем.

Она и король снова столкнулись в атаке, но никому не удалось нанести смертельного урона.

Шаман-альбинос выскочил из рядов зрителей и скрылся из виду. От ерничания этого человека у Адессы бегали мурашки, но она сосредоточилась на короле, не забывая о периферическом зрении на случай предательства. Она не верила, что норукайцы сражаются по правилам.

Скорбь снова зарычал от напряжения, орудуя боевым топором. Его обитый шипами ботинок угодил в грудь рыбьих внутренностей, и он споткнулся. Его замешательство длилось не дольше удара сердца, но Адесса воспользовалась шансом. Она подняла меч в правой руке, вынудив его защищаться, а левой рукой схватилась за небольшую деревянную резную рукоять у бедра. Нож-эйджаил был особым оружием Морасит, причинявшим невообразимую боль.

Скорбь восстановил равновесие, когда она рванула к нему. Он развернул топор, чтобы заблокировать ее короткий меч — как и рассчитывала Адесса. Он даже не посмотрел на мелкий предмет в ее левой руке.

Она ударила ножом-эйджаилом подобно жалящей пчеле, пробив кожу короля. Лезвие было тонким, как игла, и не длиннее фаланги пальца, но его сила заключалась в другом. Она сомневалась, что он вообще почувствовал укол, проникший через жилет из акульей кожи — пока она не положила большой палец на руну и не активировала магию.

Ошеломляющая молния боли пронзила норукайского короля. Скорбь дернулся, все его мускулы напряглись так сильно, что могли сломать позвоночник. Покрытая шрамами нижняя челюсть широко открылась, а вырвавшийся крик был таким жутким, что напугал наблюдавших за поединком норукайцев. Они недоверчиво ахнули.

Адесса повернула нож-эйджаил, продолжая выливать на короля поток боли. Это крошечное оружие заставляло па-

дать на колени и молить о пощаде даже самых отважных и сильных. Она надавила сильнее.

И тут голова Максима начала смеяться. Мягкий обрубок шеи прижался к дну перевернутой бочки, а отвратительные челюсти разошлись, выпустив гулкий насмешливый голос:

— Тебе его не одолеть. Иди, присоединись ко мне во смерти, дорогая Адесса! Вот чего ты заслуживаешь!

Голос был неприятным и резким. Норукайцы кричали, завывали и требовали крови. Их король корчился под натиском ножа-эйджаила, и Адесса вогнала лезвие глубже в плоть.

— Ты слаба, Адесса! — издевался Максим. — Ты знаешь это!

Она дрогнула, метнув в него ядовитый взгляд.

— Заткнись!

Она отвлеклась лишь на мгновение, но Скорбь, все еще с вонзенным в него ножом-эйджаилом, схватил ее левую руку. Он сжал запястье с невероятной силой, подкрепленной мучительной болью, и сломал кости Морасит, превратив кисть и предплечье в мягкую массу. Черная пелена непомерной боли застелила ей глаза.

Среди всеобщего шума снова засмеялся Максим.

Держа ее сломанную руку, Скорбь выхватил у нее нож-эйджаил и оттолкнул Адессу. Она попыталась поднять короткий меч, но здоровяк швырнул ее на палубу. Она ударилась головой о деревянные доски, и ее череп взорвался от боли. Она подняла колено, чтобы оттолкнуть его, но Скорбь держал ее нож-эйджаил. Он не мог активировать заклинание боли, и это оружие в его руке было шилом сапожника, но он вонзил его в горло Адессы, а потом еще раз, проткнув яремную вену. Он жестоко провел оружием по ее шее.

Адесса чувствовала, как из горла выплескивается теплая кровь. Частичка разума понимала, что она сопротивляется все слабее и слабее.

Он наносил удары крошечным лезвием снова и снова — словно мясник, отбивающий мясо. С нечленораздельным ревом Скорбь яростно вонзал в нее оружие. Сотни колотых ран покрывали ее лицо, горло и грудь. Он продолжил колоть израненную плоть даже после того, как Адесса умерла.

Норукайцы взвыли, празднуя победу.

* * *

Когда Лила спрыгнула на палубу, Бэннон понял, что все это время ждал ее, и оптимизм его не подвел. Пока Адесса и Скорбь сражались на носу корабля, Лила рванула к нему, и Бэннон увидел знакомое оружие у нее на спине. Крепыш! Впервые за много дней он испытал неподдельную радость.

Лила ножом рубанула по веревке на его запястьях. Бэннон стал выкручивать веревку, пока та не разорвалась, а Морасит принялась за оковы на его лодыжке.

— Ты должна освободить и остальных, — шепнул он. — Они мои друзья.

Рабы застонали. Кто-то паниковал, кто-то впал в шмятение. Эрик натянул свои цепи.

Лила жестко посмотрела на Бэннона. По ее щекам струился пот, смешанный с речной водой.

— На это нет времени, мальчишка. Я не обещала защищать остальных. Я пришла спасти тебя.

Осмотрев оковы на его лодыжке, Лила проследила цепь до штыря, воткнутого в доски палубы. Крепыш все еще был у нее на спине, и она воспользовалась кинжалом, воткнув острие в древесину и пытаясь вынуть штырь.

Норукайцы на носу корабля взревели громче, и Бэннон увидел, как Адесса упала. Король Скорбь накинута на нее,

ударяя снова и снова. Кровь разлеталась в разные стороны, словно из фонтана.

— Пресвятая Мать морей, он только что убил ее! — простонал Бэннон.

На лице Лилы промелькнуло выражение шока и неверия. Она колебалась лишь секунду, а потом снова принялась за цепь, удвоив усилия.

— Я думала, у меня будет больше времени. — Она не смотрела на короля, который продолжал калечить упавшую Морасит. Лила тяжело дышала.

— Дай мне Крепыша! — Бэннон протянул руку. — Я помогу.

Хриплые норукайцы еще праздновали победу короля, но через палубу к ним устремилась бледная фигура. Бэннон поднял взгляд; Мелок увидел его, а потом заметил Лилу. Шаман вдруг подпрыгнул и замахал руками, крича:

— Еще одна рыба! Мы поймали еще одну рыбу!

Даже сквозь победные крики некоторые норукайцы слышали пронзительный крик Мелка и повернулись посмотреть, что его так восхитило.

Лила дергала за цепь, пытаясь вырвать штырь. Бросив попытки действовать скрытно, она рубанула по доске палубы. Бэннон пытался помочь, натянув цепь и стиснув зубы от усилия.

Мелок подскочил к ним, призывая норукайцев:

— Сюда! Сюда! Еще одна рыба! Идите быстрее!

Лила рывком поднялась и сильно ударила шамана в лицо, пытаясь заставить замолкнуть. Мелка откинуло, словно из катапульты, и он рухнул на палубу, скуля от боли и неверия, прижимая ладонь к рассеченной губе. Он свернулся в клубок и завыл. Бэннон вдруг почувствовал себя виноватым при виде страдающего альбиноса, но тут же отогнал это чувство. У них нет времени!

В передней части корабля, освещенной фонарями, гниющая голова главнокомандующего волшебника Максима начала источать болезненный зеленый свет. Его челюсти шевелились, а желеобразные глаза светились, словно радуясь гибели Адессы. Мертвец разразился леденящим кровь смехом, всех перепугав.

Даже Бэннон его слышал, и от этого звука у него забежали мурашки. Норукайцы неуверенно попятились, затаив дыхание и уставившись на голову. Когда Максим закончил смеяться, остатки его кожи стали жидкими и сползли с черепа, растекшись по дну перевернутой бочки. А затем даже кости рассыпались на кусочки.

Но Мелок продолжал кричать. Подбежавшие норукайцы увидели Лилу и ревом объявили тревогу. Покрытые шрамами налетчики бросились к ним с оружием наготове. Лила достала Крепыша из-за спины и выставила перед собой. Она присела, словно собиралась встретиться с монстрами арены и защищать Бэннона ценой жизни. Бэннон продолжал тянуть за цепь, упершись ногами, но никак не мог вырвать штырь.

Эрик и другие рабы тоже натянули цепи, крича и отчаянно пытаясь освободиться. Бэннон подумал, что если они объединятся против норукайцев, то кому-то удастся бежать. Но его надежда угасла, когда норукайцы с воем бросились на них.

Король Скорбь рванул вперед, стуча ботинками по палубе. Его кожа и акулый жилет были забрызганы кровью Адессы. Когда он увидел Мелка, распростертого на палубе, закрывавшего разбитое лицо и хныкающего, он взревел от ярости.

Лила была готова встретиться со всеми норукайцами, отказываясь признавать поражение, но Бэннон застонал:

— Ты умрешь, Лила. Ты не можешь меня спасти.

Он знал, что так правильно.

Ли́ла отказывалась смириться с неизбежным, но потом выражение ее лица изменилось, и Бэннон понял, что она признает его правоту.

— Не в этот раз, — прорычала она. Когда норукайцы ринулись ее убивать, она пообещала: — Я вернусь за тобой, мальчишка.

Она перепрыгнула через борт корабля, и Бэннон услышал всплеск, когда она погрузилась в воду.

Не обращая внимания на прикованных рабов, норукайцы подхватили копья и побежали к ограждению, высматривая рябь на воде. Некоторые метали оружие в воду, словно Ли́ла была речным сомом. Все они промахивались.

Бэннон был на взводе, но знал, что ее не убьют. Ли́ла скроется, а потом вернется за ним.

Потрясенный король Скорбь с несчастным видом склонился над хнычущим Мелком и покачал нескладного друга из стороны в сторону. Шаман ткнул пальцем в рассеченную губу, с которой капала кровь, и в распухшую щеку. Хотя все было залито кровью, король мягко дотронулся до разбитого лица альбиноса.

— Мне так жаль, Мелок. Я должен был тебя защитить. Должен был понять, что Адесса лишь часть плана. Они пытались обхитрить нас.

Скорбь выпрямился и зловеще посмотрел на прикованного к палубе Бэннона, руки которого были свободны. Король двинулся на него.

— Эта баба ранила моего Мелка. Теперь я заплачу за это.

Скорбь ударил своим каменным кулаком по лицу Бэннона, чуть не выбив челюсть. В голове юноши вспыхнули звезды, когда он врезался в ограждение и сполз на палубу, оглушенный.

— Ты заслуживаешь смерти, — прорычал король. — Но я подарю тебе боль.

Глава 35

На улицах Ороганга шло сражение между армией генерала и Прячущимися людьми. Командиры отрядов сплотили солдат, чтобы противостоять оборванцам, которые оказались на удивление стойкими. Но хорошо обученные солдаты Утроса не нуждались в приказах, чтобы рубить врага.

Из темных зданий выбегало все больше бледных бойцов в серых одеждах. Дисциплинированная армия применяла отработанные боевые маневры, но Прячущиеся сражались с неистовством, рушившим все планы. Бой больше походил на столкновение двух грозowych фронтов.

Никки пыталась прийти в себя после того, как Рува и генерал Утрос исчезли вместе с телом погибшей колдуньи. Шум стоял оглушительный; Никки тяжело дышала, глядя на разбитое мраморное лицо упавшей статуи Утроса. Она потратила так много дара, что едва держалась на ногах. Колдунья стряхнула с черного платья каменную пыль, собираясь с силами. Она должна помочь Прячущимся людям в битве, пока их всех не перебили. Ее дар сейчас был слаб, но на поясе висели кинжалы, которые она могла пустить в ход.

На главной площади бушевала битва, и древние солдаты не сразу поняли, что их командир исчез. Они продолжали справляться с плохо обученными оборванцами, которые безрассудно на них бросались. На площади лежали тела, но Никки поняла, что Прячущиеся люди и сами повергли немало солдат. Эти привычные к самопожертвованию люди были полны решимости выиграть битву, но им противостояла тысяча обученных солдат в полном вооружении.

Бои на мечах шли на улицах, между зданий, под внушительными арками... Воины уворачивались от обломков поваленных монолитов и расколотых статуй.

Древний солдат, пошатнувшись, остановился перед Ники, подняв окровавленный меч и зловеще ухмыляясь. Наверняка он решил, что убить ее будет просто. Он рубанул мечом, целя в живот, но она ловко увернулась, скользнула ему за спину и вонзила кинжал между ног мужчины, проведя им вверх по мягкой, но неподатливой плоти, и солдат рухнул, визжа и вопя. Она могла бы потратить чуть больше времени, чтобы его убить, но решила позволить ему лежать и кричать, а сама побежала вперед. Она должна переломить ход битвы и спасти Прячущихся людей.

Мрра издала рев, перекрывший оглушительный гвалт. Через магические узы Ники ощущала радость большой кошки и железный привкус горячей крови в пасти. Песчаная пума повалила солдата на землю и разодрала кожаный доспех. По морде Мрра струилась кровь, и она издала еще один оглушительный призывный рев.

На зов примчались мощные кошки с лоснящейся шерстью — больше десятка песчаных пум, составлявших звериную армию, которая внушала первобытный страх. Древние воины завопили, когда крупные кошки начали валить их на землю и раздирать плоть когтями. Пумы откуда-то знали, что нужно не трогать одетых в серые плащи Прячущихся людей, и атаквали лишь солдат генерала Утроса.

Ники шагала через беспорядочный строй врагов, держа в каждой руке по окровавленному кинжалу. Отчаявшиеся солдаты звали генерала, а младшие командиры требовали приказов, но их лидер не мог ответить. Настроение сменилось подобно ураганному ветру, когда распространился слух, что Утрос покинул их. Конница начала сражаться с все нарастающим ожесточением, граничащим с отчаянием.

Несчастные Прячущиеся только-только освободились от тяжелого долга по сдерживанию жисс, а теперь они, похоже, умрут, так и не успев вкусить заслуженной свободы. Никки ощутила вспышку гнева и печали, пока пробивалась к высокому зданию дворца. Она как-нибудь сплотит бедных людей и поможет одолеть грозного врага. Никки отказывалась признавать, что есть безвыходные ситуации.

Она остановилась оценить состояние своего дара. Когда она ощутила резонанс магии внутри, то поняла, что даже в таком состоянии остается могущественной колдуньей. Она сумеет помочь Прячущимся людям и спасти их как можно больше.

Проходя мимо пустого колодца сильфиды, Никки задействовала несколько нитей дара, чтобы создать на ладони небольшой шар огня волшебника. Она остановилась и вступила в бой, собираясь переломить ситуацию и помочь Прячущимся победить. Призвав силу, она швырнула ненасытный огонь. Вспыхнули извивающиеся языки пламени, которые превратились в еще большую вспышку, когда шар огня поглотил трех вражеских солдат. После этого огонь погас, хотя Никки надеялась на большее.

Она старалась собрать оставшиеся крупички дара, чтобы создать еще огонь. Вдруг за ее спиной послышался булькающий звук, стремительно приближавшийся.

Резко повернувшись к низкому колодцу сильфиды на площади, она увидела бурлящую ртуть, поднимающуюся над бортиком. Вскоре перед ней оказалась человеческая фигура, наделенная ледяной красотой.

— Сильфида! — отшатнулась Никки.

Возвышавшаяся над колодцем серебряная женщина игнорировала шум битвы и смотрела только на Никки.

Почему сильфида появилась сейчас?

— Я звала тебя много раз, — сказала Никки.

— Я слышала, но я не обязана тебе повиноваться. — Лицо сильфиды исказилось от злобы. — Я принимаю твои условия. Я хочу узнать об императоре Сулакане. Расскажи мне все.

— Сильфида, не сейчас! Я призову тебя позже.

— Сейчас, — сказала сильфида. — Я доставлю тебя в Серримунди, как ты и требовала, а ты должна рассказать мне о Сулакане. Таковы условия сделки.

Никки подняла щит, пытаясь оттолкнуть сильфиду, но ей не хватило сил.

— Нет, сильфида! Не сейчас.

— Дыши!

Серебряная волна обрушилась на Никки и поглотила ее, утаскивая в глубины колодца.

Глава 36

Когда группа спустилась с суровых гор, оставив позади Кол Адаир, Натан воспрял духом.

— На этой местности мы можем увеличить отрыв от врага. — Генерал Зиммер ускорил темп, двигаясь через плодородную долину.

Натан покачивался в седле. Рядом ехала на лошади аббатиса.

— Чем скорее доберемся до Твердыни, тем больше укреплений сможем соорудить.

— Ученые годами составляли каталоги, а помнящие сортировали очень важные недостающие сведения, — задумчиво сказала Верна. — К настоящему времени они должны были отыскать множество книг со смертельными заклинаниями.

Натан смотрел на чашу долины, вспоминая, какой она была совсем недавно. На месте озер, ручьев, зеленых просторов и пышных деревьев было лишь запустение, насколько хватало глаз: потрескавшаяся сухая земля, вулканическое стекло, расселины — все это было вызвано Поглотителем жизни, незадачливым учеником, который призвал больше магии, чем мог удержать.

— Я беспокоюсь не о поисках смертельных заклинаний, моя дорогая аббатиса, а о контроле над ужасной магией, которую можно ненароком высвободить.

Верна с сомнением посмотрела на зеленый пейзаж впереди.

— Я знаю историю Поглотителя жизни, но Виктория восстановила растительность при помощи заклинания возрождения, которое нашла в архивах. Разве не она спасла мир?

Натан щелкнул языком.

— Добрые духи, кто сказал тебе такую чушь? Виктория была столь же опасна, как и Поглотитель жизни — но в другом плане! Она тоже активировала заклинание, которого не понимала, и ее стремительно распространявшаяся растительность поглотила бы весь мир. Мы остановили ее ужасной, кошмарной ценой. — Его сердце вдруг забилося сильнее, словно темная тень Айвена смаковала болезненные воспоминания. — Бедная девочка Чертополох пожертвовала кровью своего сердца, чтобы дать Никки необходимое оружие. — Его длинные белые волосы рассыпались по плечам, когда он впился взглядом в пустынное нагорье, где находилась Твердыня. — Даже если и найдем могущественные заклинания, хватит ли нам сил и мудрости использовать их правильно? Вот что больше меня беспокоит.

* * *

Лабиринт каньонов тысячелетиями прятал Твердыню. Молодые ученые Оливер и Перетта, которым не терпелось вернуться домой, показывали путь. Лошади громко стучали копытами по камням широкого входа в каньон. Высокие коричневые стены смыкались впереди, создавая впечатление, что перед ними тупик, но то была иллюзия. Скрытый проход был достаточно широк, чтобы через него могли бок о бок пройти две лошади.

Группа прошла через расщелину, свернула налево, потом резко вправо и вышла в широкий скрытый каньон, походивший на райское место.

Капитан Тревор, командовавший остатками ильдакарского эскорта, издал сухой смешок.

— Я не знаю, как мы вообще его обнаружили. Наша группа еле шла, ослабевшая и оголодавшая. Мы думали, что Ренн сбился с пути.

Орон изумленно глядел по сторонам:

— Если здесь действительно хранятся такие обширные знания, как вы говорите, то мы найдем способ одолеть генерала Утроста.

— В таком случае, — сказал Лео, — конечный результат стоит всех жертв.

Лицо леди Ольгии исказилось от горечи.

— И это говорит человек, который ничем не пожертвовал! У тебя в Ильдакаре не было ни жены, ни семьи. Что ты потерял? Эти солдаты убили моего сына!

— Как и моего, — проворчал Орон.

Натан удержался от комментариев, поскольку эти юноши, Джед и Брок, повели себя подло и причинили Бэннону много страданий. Но горяющие родители помнят ребенка таким, каким хотят помнить.

Он заговорил громче, когда они въехали в каньон Твердыни:

— Важно, что генерал Утрос и его армия никогда не должны найти это место. Самая сильная защита Твердыни — маскировка. Тысячи вражеских солдат идут стремительным маршем и наверняка голодают. Они должны пройти мимо этих каньонов.

— Тогда мы можем расставить ловушку, — сказала Перри, одна из самых молодых одаренных защитниц Ильдакара. — Если сумеем ее придумать.

В городе она была мастером формы и работала с деревьями и лозами, придавая им необычные очертания. Ее дар был мощным, но слишком узконаправленным, чтобы его можно было применить в крупномасштабной атаке против генерала Утроста.

— В записях Твердыни найдутся десятки новых тактик нападения, — сказала Верна. — Можем создать свою мощную армию одаренных.

Пока они двигались вперед, Натан наслаждался видом. По дну каньона бежал ручей, окаймленный фруктовыми и ореховыми рощами. На открытых лугах паслись овцы, а на крутых склонах холмов были высажены всяческие сады. Люди, пасущие стада, работавшие в садах и рыбачившие в ручье, отвлеклись от своих дел, чтобы посмотреть на группу, вошедшую в каньон.

Высокие отвесные стены были испещрены естественными нишами и выступами; в части из них располагались жилища — где для одной семьи, а где и для двух. На самом большом выступе стоял настоящий город знаний. В гроте на вершине утеса были постройки из самана и из обожженного кирпича; некоторые строения были такими высокими, что доставали до изогнутого каменного потолка. Каменщики

украшили фасады орнаментами, а огромные двери главного архива были обрамлены резными арками.

Орон заслонил глаза от солнца, скептически всматриваясь в вертикальную стену.

— Как мы заберемся наверх? Где-то есть тропа?

— Там есть каменные ступени, узкие, но безопасные, — сказал Оливер. — Можете подняться по ним, если не боитесь.

— А всякий, кто боится, не должен смотреть на хранящиеся там книги и свитки, — добавила Перетта.

Орон фыркнул в ответ на завуалированное оскорбление.

Они спешили у подножия утеса под огромным альковым, и воины генерала Зиммера увели лошадей к солдатам, которые оставались в каньоне для защиты архива.

Натан стал подниматься по высеченной в камне тропе, зигзагами идущей по утесу. Он перевесил меч на другое бедро, чтобы тот не мешал идти по коварной дорожке. Он с нетерпением ждал не только возможности изучить древние документы, но и вычистить и починить одежду, заделать трещину в сапогах и заменить потертые шнурки.

Верна взбиралась следом за ним. Когда они достигли ниши, располагавшейся высоко над каньоном, Натан остановился передохнуть, тяжело дыша.

Несколько ученых Твердыни выбежали навстречу, чтобы поприветствовать вернувшихся.

— Натан! И аббатиса Верна!

Он узнал Глорию, немолодую главу помнящих, которая хранила в памяти каждое слово бесчисленных книг. Круглолицая женщина с короткими темными волосами, небрежно подстриженными, шагала рядом с ученым-архивариусом Франклином — усердным и серьезным человеком, руководившим всеми учениками Твердыни.

Сестры Света, которые оставались в архиве, тоже вышли из главного здания.

— Вы вернулись, — сказала сестра по имени Мэб. — Вы побывали в Ильдакаре, а теперь вернулись. Расскажите, что видели.

— Ильдакар действительно столь величественен, как рассказывал Ренн? — спросила другая сестра, Арабелла. — А где он сам? Остался?

Натан сделал глубокий вдох.

— Нам и правда есть что рассказать, но хороших новостей, боюсь, нет. Мы снова должны искать в Твердыне знания, чтобы защитить весь мир.

Глава 37

Вокруг генерала Утроса зашипел свет, потрескивающая сеть поглотила его и унесла от Ороганга, сражающихся солдат, рыдающей Рувы и ее мертвой сестры. Его тело онемело, и он совершенно ослеп.

Дезориентированный и невесомый, он кувыркался в пустоте. Утрос кричал, его череп казался банкой, с которой откручивают крышку, а мысли выли, распадаясь на части. Его кости удлинялись, запутывались и болтались мягкими лентами. Воздух, мир и само существование вокруг него свернулись, а затем развернулись, и он услышал крик снаружи и внутри, обернувший его мысли.

Это сделала Рува — он знал. Колдунья активировала некую экстремальную форму магии, чтобы спасти их, и вот он оказался здесь. Свет вокруг Утроса разгорался все ярче, пока не превратился в стену расплавленной боли, которая через некоторое время рассыпалась. Мир снова развернулся, и его куда-то выкинуло.

Пред ним выкристаллизовалась реальность: горный пейзаж и небо. Он пробежал два шага вперед, а затем ноги не смогли его больше держать. Утрос рухнул на колени и в последний момент выставил перед собой ладони. Он не мог дышать. Его грудь сдавило, словно под невероятной тяжестью камней.

Рядом в ярком свете молнии появилась Рува, прижимающая к себе труп сестры. Дым и запах горелой плоти поднимались от обугленной дыры в груди Авы.

Утрос поднял затуманенный взгляд. Его золотая полумаска сползла на глаза, и он поправил ее. Рогатый шлем упал на землю и покатился по камням и низкой клочковатой растительности. Впереди он увидел многочисленных вооруженных солдат — военный лагерь. Заприметив вспышку заклинания Рувы, они повернулись в его сторону и увидели своего командира.

— Генерал! — закричал один солдат. — Генерал Утрос вернулся!

Утрос глубоко вдохнул резкий воздух и взглянул на горные пики. Значит, его огромное войско уже пересекло высшую точку гор и спускалось по западной стороне хребта.

Это было лишено смысла.

— Но мы были в Ороганге. Как мы здесь оказались? — Он повернулся к горюющей колдунье, которая все еще обнимала безжизненное тело сестры. — Что ты сделала?

Рува издала нечеловеческий горестный вопль. Бледные руки ее сестры безвольно повисли, пальцы были скрючены в предсмертной судороге. Рува раскачивалась, размазывая сажу и засохшую кровь. Утрос с сочувствием встряхнул ее за плечи, пытаясь привести в чувство.

— Рува, скажи мне, что произошло! Как мы здесь оказались?

Похоже, они были в сотнях миль от Ороганга.

Колдунья позволила телу Авы соскользнуть ей на колени. Вместо глаз у мертвой женщины были почерневшие глазницы. Молния Никки, в которой смешались магии Приращения и Ущерба, прошла сквозь сердце Авы и выжгла глаза.

К ним подбежали солдаты, находившиеся поблизости. Когда новости распространились, подоспели офицеры, и Утрос увидел первого командующего Еноха. У генерала почти не оставалось времени, чтобы добиться от колдуньи ответа.

— Что ты с нами сделала? — затряс он ее. — Ты бросила тысячу солдат в Ороганге в самый разгар битвы. Говори, быстро!

В горле Рувы заклокотал мстительный гневный рык.

— Я не могла позволить тебе умереть, возлюбленный Утрос. Никки убила мою сестру. Мне пришлось увести нас оттуда, чтобы спасти тебя. Ава...

— Но как? Как давно ты умеешь путешествовать таким способом?

— Не умею, — сказала она. — Я не думала, что это работает, но у меня не было выбора. Очень давно мы с Авой узнали об опасном заклинании пожирания расстояния, которое стирает все мили между двумя точками. У меня было много якорей среди солдат: я использовала их памятные вещи — вроде меча и упряжи первого командующего Еноха. Я притянула нас сюда, хотя и думала, что мы можем умереть в процессе. — Краска на ее лице была размазана из-за слез. — Я сделала это для тебя. Моя сестра погибла, и я должна была тебя спасти.

Он ощутил укол сочувствия к Руве. Тела близнецов были соединены с рождения, у них была непостижимая связь, их дар был переплетен, а мысли практически идентичны. Даже

когда их разделили, Ава и Рува остались неразлучными. А теперь одна сестра погибла.

— Мне тебя жаль. — Он познал ужасную боль, когда потерял возлюбленную Мэджел, но Руве было намного хуже. — Вы всегда были преданы мне, я никогда в вас не сомневался. Ты и твоя сестра были лучшими из нас, самыми лучшими.

— Прости, что я оставила армию, — сказала Рува. — Солдаты остались без командира в пустом городе.

— Это тысяча моих лучших солдат, — попытался утешить ее Утрос. — Если они не смогут стереть в порошок горстку оборванцев, живущих в тени, то не заслуживают быть частью моей армии. — Он нежно улыбнулся половиной лица. — Фактически теперь у меня есть сильный гарнизон в Ороганге, и как только солдаты избавятся от паразитов, то смогут объявить столицу моей. — Он погладил колдунью по щеке, еще больше размазав краску. — Мы невольно разместили первый оккупационный отряд, который поможет восстановить империю.

Лицо колдуньи смягчилось.

— Я не смогу перенести нас туда. Заклинание расстояния слишком опасно. Я чуть не потеряла нас в пустоте, из которой мы могли никогда не вернуться. Я даже использовала частицу дара Авы, когда ее дух отделился от тела.

Утрос помог Руве подняться. Ее мертвая сестра лежала на траве.

— Я не хочу возвращаться в Ороганг. Я там, где и должен быть — со своей армией. Я должен вести ее через Древний мир.

К ним кинулся первый командующий Енох. На его лице было написано облегчение и невысказанные вопросы. Он упал на колени, прижал к сердцу кулак и склонил голову перед генералом.

— Вы здесь! Как такое возможно? — Он с ужасом посмотрел на труп Авы. — Что случилось, сэр?

— Я вернулся. Остальное неважно, — сказал Утрос.

Подбежали другие командиры подразделений и любопытствующие солдаты, которым не терпелось узнать подробности. Они опустились на колени. Утрос сделал Еноху знак подняться.

— Докладывай, первый командующий. Расскажи, как шли дела в мое отсутствие.

Нервный и расстроенный Енох ненадолго отвел взгляд, а затем собрался с духом для доклада.

— Ваша армия перешла через перевал Кол Адаир, сэр, и мы спустились в предгорья. Солдаты продолжают идти дальше, но они очень голодны. Даже под действием заклинания.

— Они выживут. — Утрос посмотрел на Руву, и колдунья отрывисто кивнула.

— Но мы понесли много потерь, пока вас не было, генерал. — Енох заколебался, но потом рассказал о поле ядовитых цветов и горном озере, где множество солдат шагнули в воду за своими умершими возлюбленными.

— Владетель и духи, — прошептал Утрос.

— Я не виню их, сэр, — сказал Енох. — Я тоже это чувствовал. Я видел свою Камиллу, двух сыновей и даже отца. Я едва смог вырваться. Мы потеряли больше тысячи воинов, прежде чем мне удалось увести армию.

Утрос принял очередной удар, нанесенный по солдатам, следовавшим за ним под знаменами Железного Клыка.

— Владетель желает нас заполучить, сэр, — продолжил Енох. — Он знает, что мы избегали его пятнадцать столетий, и теперь мы отмечены — более сотни тысяч душ. Всем нам давно следовало оказаться в преисподней. Мы фактически мертвы, но все еще маршируем.

Утроста накрыла вспышка гнева.

— Владетель пока еще не может нас получить. Мне нужна армия, и нам предстоит война.

* * *

Мучительно сопротивляясь горю и одновременно разжигая в себе жажду мести, Рува вымыла тело сестры и при помощи бритвенно-острого ножа сбрила все волоски с ее холодного тела, не оставив ни намека на них.

Рува с благоговением взялась за этот последний ритуал для сестры. Она вложила в выжженные глазницы Авы маленькие круглые камешки и обернула грудь прокипяченной белой тканью, чтобы прикрыть черную дыру на месте сердца. Когда Ава снова стала чистой, Рува смешала в горшках новые краски: в одном кроваво-красную, а в другом абсолютно черную. Она нанесла новые узоры на бледную кожу Авы, а затем повторила символы на своем теле.

Когда Рува объявила, что она и сестра готовы, генерал Утрост приказал двум солдатам отнести носилки и осторожно поставить их на погребальный костер. Если не считать белой ткани, закрывавшей выжженную дыру в груди, стройная женщина была обнаженной.

Опустив руки вдоль тела, Утрост повернулся к Руве:

— Ты моя колдунья. Я верю, что ты будешь сильной.

— Я не могу быть такой же сильной без сестры, — сказала Рува. — Но я сделаю для тебя все, что потребуется.

— Как и все мы, генерал, — сказал первый командующий Енох.

Солдаты одобрительно загомонили. Утрост дождался, пока крики стихнут, а затем приказал принести факелы и зажечь костер. Сухие ивовые ветви быстро занялись, и вскоре разгорелось настоящее пламя.

— Пока что Владетелю придется довольствоваться Авой, — крикнул Утрос своей армии. — Остальные нужны здесь!

Ревущее пламя было таким ярким и горячим, что Утросу пришлось отступить. Остолбеневшая Рува стояла рядом с костром, пока огонь делал плоть сестры черной и стирал нарисованные узоры. Кожа Авы потрескалась, лицо исчезло в языках огня, и остался лишь череп с двумя камешками в глазницах. От сильного жара кожа Рувы покраснелась, но она не собиралась отходить. Утрос схватил ее за руку и оттащил прочь, прижимая плечи худощавой колдуньи к своему нагруднику.

Когда оранжевый огонь пожрал останки Авы, пламя сместилось и закружилось, будто угли подхватил вихрь. Цвет изменился с ярко-желтого на болезненно зеленый, когда кости Авы в центре костра рассыпались. Из пламени появилось полупрозрачное зеленое видение, зыбкое и мерцающее.

Солдаты ахнули в суеверном ужасе. Рува издала низкий стон, в котором слышалось удивление, а не страх. Видение приняло форму и стало ярче; Утрос узнал погибшую колдунью.

— Ава, ты не в преисподней! — закричала Рува.

— Я не могу туда пойти. — Призрак Авы засиял, выделяясь на фоне костра, в котором распались на части ее почерневшие кости.

Утрос удерживал Руву железной хваткой, хотя колдунья пыталась вырваться и броситься в огонь. Ему нужно было знать, какую цель преследует Ава.

— Твой дух решил остаться с нами? Владетель позволил это?

— Мы близнецы, — ответила мерцающая Ава. — Мы связаны сердцем, разумом и душой. Мы разделяем один хань. Владетель пометил нас обеих. Во младенчестве, когда

наши тела разделили, мы ненадолго умерли и прошли через завесу, но целитель вернул нас к жизни и вырвал наши души из преисподней. Владелец знает о нас. Он ждет нас... но ему нужны мы обе. — Мерцающий дух завис перед Рувой. — Моя сестра должна пройти через завесу вместе со мной. Я не могу пойти одна.

Рува с тоской посмотрела на сестру, но прижалась спиной к груди генерала.

— Нет, я должна остаться здесь. Ты знаешь.

— Значит, и я должна остаться! — засмеялась Ава. — Ты якорь, который держит мой дух в этом мире. Я застряла между жизнью и смертью. — Зеленоватый дух пролетел прямо через первого командующего Еноха, шокировав его, а затем стал кружить возле солдат, которые разбежались в панике. Она проплыла через огонь, нисколько не пострадав от него. — Я дух, не скованный физической формой. Я могу пойти куда пожелаю и увидеть все, что захочу.

Она подлетела к Утросу. Он не боялся, но был заинтригован. Ее призрачное лицо оказалось очень близко к нему.

— А потом я могу доложить обо всем тебе. — Она улыбнулась. — Возлюбленный Утрос, я буду твоим идеальным шпионом!

Глава 38

Лида нырнула в реку с кормы корабля и ушла на глубину. Норукайцы с криками метали копья в воду, но она не поплыла к берегу, как они ожидали. Вместо этого она с силой гребла по течению, пытаясь оторваться от трех стоявших на якоре кораблей. Когда ее легкие были готовы взорваться, она всплыла на поверхность и заставила себя тихонько вдохнуть. Далеко позади она еще слышала голоса

налетчиков, разозленных ее бегством. Она подозревала, что Бэннону придется заплатить за ее неудачу, но он выдержит. Она его закалила.

Лила закинула руку на плывущее по реке бревно, чтобы удерживаться на поверхности, пока течение несло ее вдаль. Змеиные корабли встали на якорь на ночевку, и Морасит сможет преодолеть приличное расстояние, если всю ночь будет плыть по течению. Она окажется далеко впереди и сможет предпринять еще одну попытку освободить Бэннона.

Отдыхая, она позволила мыслям плыть, подобно темной воде вокруг. Лила размышляла, почему она потерпела неудачу, а Адесса — столь жестокое поражение. Лила чувствовала уныние и опустошенность; она не раз видела, как сестры Морасит и их воспитанники гибнут в бою, но Адесса отличалась от них и казалась непобедимой. Она сражалась с норукайским королем, чтобы Лила могла спасти Бэннона, и обе они не преуспели. Адесса умерла, а юный мечник так и остался в плену.

— Я не оставлю тебя им, мальчишка, — пробормотала она, пока речная вода плескалась о бревно.

Ухватившись руками и ногами за ветки, Лила задремала на час или два и проснулась, когда ее ступни задело какое-то большое скользкое существо под водой. Переполошившись, она схватилась за кинжал. Меч по-прежнему был закреплен на спине, но она могла не успеть его достать. В свете тусклой зари, окрасившей небо на востоке, она увидела крупных существ, плывущих рядом. Гладкие коричневые тела были длиной с лодку, но речные сомы не проявляли агрессии и были опасны лишь из-за своих размеров. Лила затянула ноги на бревно, и сом проплыл мимо, свернув в расширяющуюся протоку.

В рассветных лучах Лила огляделась и поняла, что преодолела за ночь немалое расстояние. Зрелище наполнило ее трепетом, а потом и тревогой.

Река расширилась, переходя в дельту, состоявшую из многочисленных протоков и песчаных отмелей. Там, где земля кончалась, она увидела, как река впадает в океан — огромное пространство голубой воды, тянувшееся до самого горизонта. Лила никогда в жизни такого не видела. Здесь заканчивалась река Киллрейвен.

Она отпустила бревно и поплыла к низкой отмели, поросшей пучками травы. Лила значительно опередила змеиные корабли, но они скоро сюда явятся на пути к морю. Как только большие корабли пройдут через устье и окажутся в открытом океане, Лила уже не сможет их догнать. Оставался последний шанс спасти Бэннона. Она должна остановить их.

* * *

В течение получаса после бегства Лилы король Скорбь нянчился с Мелком, касаясь разбитого лица шамана и обхватив большой рукой его костлявые плечи. Утешая друга-альбиноса, он словно еще больше разозлился.

— Я заставлю их всех скорбеть.

Пока корабли стояли на якоре, прикованный к палубе Бэннон не имел возможности избежать гнева короля Скорбь. Крупный мужчина прошагал к нему, гулко стуча по палубе тяжелыми ботинками. Его боевой топор все еще был измазан кровью Адессы.

Штырь, к которому вела цепь Бэннона, по-прежнему был на месте; когда юноша потянул за него, то почувствовал царапины и синяки, оставленные браслетом на лодыжке. Большой Эрик сидел рядом в темноте, подтянув колени к груди; его плечи подрагивали от сдерживаемых рыданий.

Бэннон приготовился, уверенный, что Скорбь собирается отрубить ему голову, но тут к ним подскочил Мелок. Шаман с разбитым лицом выглядел жалко, но дотронулся до руки короля, чтобы остановить его. Скорбь стряхнул его руку и встал над Бэнноном, подняв оружие. Молодой человек лишь смотрел на него, зная, что не может никуда деться, и норукайский король с глухим стуком опустил тяжелое оружие на доски палубы, расколов древесину, чтобы высвободить штырь.

Мелок качнул головой и радостно хлопнул в ладоши.

— Топор рубит древесину! Меч рубит кости!

Скорбь вырвал цепь и потащил Бэннона за ногу к пятну света от лампы.

— Очисти палубу от крови и избавься от тела бабы. Скорми ее сомам. — Скорбь пнул Эрика. — Эй ты! Помоги ему!

Здоровяк вздрогнул и застонал, не двигаясь с места.

— Я сделаю все сам, — сказал Бэннон, поднимаясь и хватаясь за щетку. — Оставь моего друга в покое. — Как только слова сорвались с его губ, он понял, что сболтнул лишнего.

— У тебя нет друзей, — сказал король.

Бросив топор, он обхватил большими руками голову Эрика, сдавив его виски и щеки. Глаза пленника расширились, рот раскрылся в вопле. Мускулы короля вздулись, когда он резко повернул голову пленника в сторону. Раздался треск костей, и Эрик засучил ногами по палубе, лязгая цепью.

Бэннону стало дурно; колени подкосились, но он заставил себя устоять. Другие норукайцы столпились вокруг, следя, чтобы он не попытался прыгнуть за борт, но Бэннона словно парализовало при виде мертвого товарища. Но король еще не закончил. Зарывав, он повернул голову Эрика

еще сильнее, ломая шейные позвонки, растягивая кожу и сухожилия. Теперь голова смотрела в противоположном направлении. Еще одним грубым рывком Скорбь крутанул голову; шея разорвалась, и он отделил голову Эрика от плеч, вырвав кусок позвоночника, с которого свисал спинной мозг.

Скорбь швырнул безвольное тело на доски палубы:

— Теперь тебе нужно убрать еще и это месиво.

Остальные рабы жалобно скулили, но Бэннон лишил короля удовольствия лицезреть его реакцию. Он сжимал и разжимал кулаки, ощущая убийственную ярость по отношению к норукайцам и их королю, а также смятение из-за того, что позволил другу погибнуть. Если б у него был шанс...

Король небрежно выкинул голову Эрика за борт, и Бэннон услышал, как она плюхнулась в темную воду, в которой Лила исчезла больше часа назад. Юноша представлял, как она вернется, и они вместе убьют десятки уродливых налетчиков... Но этого будет недостаточно.

— Убери бабу, — усмехнулся Скорбь, — а я избавлюсь от этого мусора. — С очевидным удовольствием он поднял топор и резко опустил его, отрубив ногу Эрика чуть выше железного браслета, чтобы освободить тело от цепи.

Мелок пронзительно рассмеялся:

— Топор действительно рубит кости!

Бэннон знал, что альбинос спас его, остановив короля, но он мог бы спасти и Эрика. Глаза Мелка блестели, пока он безумно скакал вокруг. Скорбь перекинул безголовое тело через борт змеиноного корабля. Желая помочь, Мелок подбежал, схватил отрубленную ногу Эрика и запустил в реку. Она издала меньший всплеск по сравнению с крупным телом.

— Корми рыб! — закричал Мелок. — Пусть они растут большие.

Бэннон успокаивал себя мыслью, что однажды он освободится и убьет короля Скорбь.

Одеревенело двигаясь из-за боли, он пошел на нос, где на досках лежало изуродованное тело Адессы. Ее лицо, горло и грудь напоминали отбивную. Король думал, что наказывает Бэннона, заставляя смотреть на тело лидера Морасит, но юноша ненавидел Адессу. Впрочем, он не испытывал восторга при виде ее тела. Он никак не мог понять, почему Адесса приняла участие в плане Лилы, но она отвлекла норукайцев, давая Лиле шанс, хотя этого и оказалось недостаточно.

Бэннон закинул на плечо изрубленную Морасит и скривился, когда ощутил кожей ее влажную изрезанную плоть, сочившуюся кровью. Тело было слишком легким для такого грозного воина, как Адесса. Норукайские матросы наблюдали, забавляясь, как он кинул ее тело за борт, в темноту.

— Корми рыб! — надрывался Мелок. — Больших рыб.

У Бэннона скрутило живот, когда он повернулся к распавшемуся черепу Максима и сползшей с него гнилой плоти. Он задрожал при воспоминании о маниакальном смехе и насмешливом голосе мертвеца. Он боялся, что дух убитого волшебника может вернуться. Бэннон наклонил бочку и позволил останкам соскользнуть за борт, к телу Адессы.

Большая часть норукайцев бездельничала и храпела весь остаток ночи, хотя Бэннона охраняли стражники. Он сосредоточился на оттирании крови, периодически ополаскивая палубу речной водой из ведра. Работа не сильно отличалась от отмывания рыбьих внутренностей и слизи, разве что останки принадлежали людям.

Словно желая составить компанию, Мелок донимал его несколько часов, хотя и говорил невнятно из-за разбитой

губы. Бэннон старался игнорировать надоедливого шамана, но каждый раз, когда видел бесчисленные отметины рыбьих зубов на белой коже, вздрагивал при мысли о том, через что пришлось пройти этому изгою.

С утренней зарей, когда палуба была вымыта уже пять раз, норукайцы приковали Бэннона среди рабов, а Мелок пристроился возле деревянного ящика, свернулся в клубок и заснул.

Когда рассвело достаточно, чтобы было видно русло реки, норукайцы подняли якоря и расправили темные паруса, собираясь снова идти по течению. Рабы вели себя тихо, сидя под палящим солнцем и пытаясь не терять надежду. Если они пробовали поговорить друг с другом, норукайцы их били.

Ближе к полудню команда заметно заволновалась, когда впереди показалось устье. Широкая дельта реки впадала в огромное водное пространство.

— Жду не дождусь, когда снова окажемся в океане, — сказала Гара, а затем горестно присвистнула. — Мои корабли созданы для открытого моря.

С тоской в сердце Бэннон вспомнил, как проводил время на парусных кораблях — даже на обреченном «Бегущем по волнам». Когда он жил на острове Кирия, то смотрел на изящные парусники, плывущие в такие места, о которых он мог только мечтать. Он всегда хотел ходить по морям, а теперь оказался пленником ужасных налетчиков. У него не было надежды на побег, если только Мелок не поможет...

Когда корабли налетчиков вошли в дельту, с носа судна послышались удивленные крики. Норукайцы поспешили туда. Некоторые налетчики гоготали и насмехались, указывая за борт. Бэннон натянул цепь, пытаясь разглядеть причину оживления, но слишком много массивных тел загораживало ему обзор.

Король Скорбь, стоявший возле резного змея на носу корабля, сердито фыркнул.

— Могу убить ее с той же легкостью, что и предыдущую. Взять ее.

Расширяющееся устье изобиловало отмелями и возвышенностями, преграждавшими прямой путь к океану. На песчаном островке посреди реки стояла женщина, поджидавшая змеиные корабли.

Лила.

* * *

Бэннон смотрел, как норукайцы затаскивают на борт новую пленницу — связанную, как убитый на охоте зверь. Налетчики связали ей запястья и лодыжки, словно боялись ее — и не без причины. Они с силой швырнули Лилу на палубу, и она издала приглушенный стон, когда ее голова ударилась о доски. Морасит непокорно посмотрела на налетчиков.

Когда она увидела Бэннона, каменное выражение ее лица смягчилось, а глаза блеснули. Мелок, изображая раболепный страх, умчался от женщины, которая его ударила.

Скорбь наклонился, чтобы отобрать у Лилы сначала кинжал, а потом — с опаской — и нож-эйджаил.

— Ты больше непустишь это в ход. — Он выкинул оба орудия за борт.

Затем он вытащил меч, привязанный к ее спине — Крепыша. Сердце Бэннона забилось быстрее при виде верного оружия. Он купил тусклый клинок у кузнеца в Танимуре. Натан учил его обращаться с оружием на борту «Бегущего», и Бэннон убил этим мечом немало врагов, в том числе и норукайцев. Он принялся бороться с цепью. Если только он сможет взять оружие, такой знакомый клинок...

— Уродливый меч, — сказал Скорбь и бесцеремонно швырнул его в реку.

Бэннон подавил крик разочарования. Крепыш! Меч закружился в воздухе и с плеском ушел в глубокую реку. Змеиные корабли шли на парусах, направляясь к открытому морю. Бэннон обмяк. Крепыша больше нет, он утонул в дельте реки.

Лиле удалось сесть прямо, и Мелок подпрыгнул к ней, не решаясь подойти вплотную к Морасит. Его щека и рот распухли и были расцвечены синяками, а кровь из разбитой губы запеклась на бледной коже.

Бросив взгляд на пострадавшее лицо шамана, Скорбь грозно посмотрел на Лилу сверху вниз.

— Это за то, что ты сделала с моим Мелком. — Он сильно ударил ее по лицу, повалив на палубу. Из ее разбитых губ и носа потекла кровь. Хотя Лила не издала ни звука, Бэннон застонал, понимая, что сейчас произойдет.

Змеиные корабли покинули побережье и направились в море.

Глава 39

После воссоединения в Твердыне Натан и его товарищи стали готовиться защитить мир. Времени оставалось не так много.

Даже самые стойкие бойцы не надеялись отбить огромную армию, если Утрос найдет изолированный архив, поэтому лучшая защита — продолжать прятаться в лабиринте каньонов. На стремительном марше к побережью у генерала не было причин исследовать боковые каньоны, поэтому ученым ничто не угрожало.

Натан стоял перед главным зданием и смотрел в глубину алькова на оплавленное и скомканное хранилище пророчеств, окна которого превратились в царапины во влажной глине. Оно было разрушено глупым учеником, который случайно активировал заклинание плачущего камня, не понимая, как его контролировать. Натан вздыхал, глядя на очередное напоминание о том, как опасны знания архива.

Его внутренности скрутило от ужаса при мысли о том, сколько наивных и неподготовленных ученых рыщут в архиве в поисках столь же мощной магии. А если еще один ретивый, но самонадеянный ученый наложит опасное заклинание, которое выйдет из-под контроля? Они с аббатисой Верной и сестрами Света все изучат, прежде чем позволят кому-то пустить в ход столь разрушительную силу.

Он поглаживал подбородок, разглядывая зеленый каньон, сады и отары овец. Эти живущие в изоляции люди исчезли для всего мира тысячи лет назад, еще во время Великой войны. Когда Сулакан приказал уничтожить все магические знания, многие отважные волшебники тайно собирали старые книги и свитки, сохраняя информацию в таких глухих местах. Возможно, теперь это знание будет использовано для защиты от генерала Утроса.

Натан вздохнул. Каждый раз, когда был повержен один ужасный враг, тут же появлялся другой. Эта закономерность вызывала разочарование, но, возможно, ему следует взглянуть на ситуацию с другой стороны. На каждого врага, угрожавшего миру, находились защитники вроде него самого, Никки, Ричарда и Кэлен, которые выступали против тирании и оказывались сильнее зла, снова и снова.

Этот раз не станет исключением.

Сделав еще один глоток свежего воздуха и одиночества, Натан снова повернулся к главному зданию архива, в котором содержалось слишком много книг, требующих прочте-

ния. Где-то на их страницах крылось хотя бы одно хорошее решение.

Внутри библиотечного зала со сводчатым потолком стояли учебные столы, освещенные парящими над ними огоньками — молодые ученики использовали это простенькое заклинание для практики. Ученые сидели за отдельными партами или длинными столами, заваленными книгами. Все они искали новые идеи — неординарное заклинание, способное остановить древнюю армию. Глория распределяла названия книг среди своих помнящих, чтобы те мысленно пробежались по тексту. Обычные ученые листали том за томом, классифицируя книги, чтобы сестры Света могли выбрать книги для более пристального изучения.

Натана впечатлило, насколько они погружены в поиски. Мужчины и женщины склонились над выцветшими словами, сравнивая записи и расшифровывая почти забытые диалекты. Воздух в зале чуть ли не пульсировал от напряженного мыслительного процесса.

Верна подняла взгляд от длинного свитка, раскатанного на главном столе. Послушница Эмбер, сестры Мэб, Шэрон и Арабелла сидели рядом с аббатисой, передавая друг другу книги и показывая особенно интересные абзацы.

— Ты можешь читать документы с того места, где стоишь, Натан? — спросила Верна, заметив в дверях волшебника. — Острота твоего зрения феноменальна.

— Я размышлял, моя дорогая аббатиса. — Он подошел и сел на скамью рядом с Эмбер.

— Эти мы еще не просмотрели. — Аббатиса с видом школьной учительницы вручила ему стопку книг. — Из пяти сотен изученных сегодня томов мы отложили пятнадцать, на которые стоит взглянуть еще раз. Непростая работа.

— Ну-ну, пятнадцать — лучше, чем ничего. — Он открыл обложку первой книги с морскими картами. Натан задумался, как такая книга оказалась вдали от побережья, но вряд ли в ней есть что-то полезное против наступающей армии. Он отложил том в сторону.

Следующие несколько часов Натан провел в монотонной работе, читая корешки и заголовки, иногда узнавая автора. Некоторые книги были написаны на наречии Ильдакара, которому его научила Эльза во время их пребывания в городе. Некоторые языки были незнакомы, поэтому он возвращал книги в стопку в надежде, что кто-то другой сможет прочесть. Попалось несколько книг на древнед'харинском, а от одной по его коже забегали мурашки.

Он склонился над страницами:

— Это язык Сотворения.

— Хороший знак. В книге может содержаться что-то невероятно мощное, — сказала Верна. — Если сможешь ее прочесть.

Натан воспринял это как вызов:

— Я немного разбираюсь в языке Сотворения, но потребуются потратить немало усилий, чтобы истолковать его.

Он потратил на книгу целый час, пока ученые и сестры занимались десятками других томов, разбирая их, изучая и откладывая в сторону.

— Слишком сложно, даже для меня, — цокнув языком, наконец был вынужден признать волшебник. — Я знаток структурированных заклинаний, но эти слова базируются на чем-то мне неизвестном. Если б только здесь был Ричард! Мальчик намного искуснее меня в работе со структурированными заклинаниями.

— Да, Ричард был самым лучшим нашим учеником и единственным боевым чародеем, родившимся за тысячи лет. — Верна закрыла книгу в обложке из зеленой кожи, на

которой виднелось пятно засохшей крови. — Но сейчас его с нами нет. Придется рассчитывать только на себя. — Она указала на забитые полки вдоль стен библиотеки, потом на бесчисленные коридоры, архивы и хранилища, второстепенные здания и даже огромные сундуки, давным-давно запечатанные заклинанием. — Этого должно хватить.

— Нам только нужно отыскать ответ, моя дорогая, — сказал он.

* * *

Натан остался один в своей маленькой аскетичной комнате и погрузился в глубокий сон. Он еще не восстановил силы после долгого и трудного путешествия. Его разум и сердце страдали от утраты дорогой Эльзы. Ильдакар исчез, и он не знал, живы ли Никки и Бэннон.

Он ворочался на узкой постели. Во сне он вернулся в Ильдакар, но воспоминания были мрачны. Сердце билось как барабан, и он все глубже погружался в сон. Краем сознания он понял, что видит все чужими глазами. Натан оказался на боевой арене, но тело ощущалось по-другому, было твердым и мускулистым. Он провел рукой по жилету, ощутив вместо привычной белой рубашки с оборками шкуру песчаной пумы... той, которую сам убил и освеживал. Которую убил Айвен!

Сердце главного укротителя грохотало в его груди. Айвен был жестоким человеком, который наслаждался мучениями воспитанных им тварей. Он избивал их, чтобы они подчинялись, и ценил их лишь потому, что они служили орудиями для убийства.

Натан, захваченный непрошеным сном, ощутил прилив возбуждения, когда вспомнил издевательства над запертым в клетке огромным боевым медведем. Повелители плоти создали тварь для арены, и Айвен при помощи дара мог

управлять слабым разумом существа. Он вспомнил, как тыкал медведя острой палкой, заставляя монстра биться о железные прутья клетки. Его когти были способны разорвать лошадь.

Глубоко спавший Натан заерзал, пытаясь отогнать кошмар. Айвен был мертв, его загрызли собственные животные. Сердце мужчины снова сделало Натана волшебником, и теперь это были дар и сердце Натана, а не Айвена!

Оставшаяся внутри часть духа главного укротителя призвала воспоминания о мучениях чудовищных быков с ветвистыми рогами и колючих кабанов с острыми клыками. Айвен сам сражался с каждой тварью, прежде чем выпустить ее на арену.

Во сне Натан сжал кулаки, ощутив в воздухе запах крови и пыли. Он подстрекал и толкал трех песчаных пум, пока они не набросились на него, угрожая когтями и клыками, но Айвен лишь засмеялся и оттолкнул их. Натан видел, как песчаные пумы повернулись к нему, оскалившись. Они прыгнули, готовые разорвать его на части...

Он проснулся, весь мокрый от пота. Натан стиснул кулаки, потрясенный воспоминаниями своего сердца, и понял, что эта его часть наслаждается пытками — не настоящая его часть, а просто остатки порчи из сердца главного укротителя.

— Оставь меня в покое. Убирайся из моей головы! — Усилием воли он изгнал Айвена, и мертвец снова стал лишь шепотом в его разуме и сердце.

Дрожа и понимая, что больше не сможет уснуть, Натан подошел к небольшому столику и достал книгу жизни. Он открыл ее на последних пустых страницах, где записывал свои настоящие мысли и приключения. Вот что он хотел запомнить.

Глава 40

Сильфида серебряным вихрем уносила Никки прочь от Ороганга. Она так отчаянно хотела уйти, неоднократно пыталась призвать сильфиду, но безуспешно. Никки не могла покинуть город посреди сражения! Если она не поможет Прячущимся людям, то армия Утроса захватит древнюю столицу. Все ее обитатели будут убиты.

Но сильфида схватила ее, наполнила собой и унесла прочь. Никки не смогла вырваться. Расплавленное серебро хлынуло в рот и нос, проникнув в легкие, и уволокло ее. Она не хотела идти! Она ощущала себя маленьким ребенком, который безуспешно пытается отбиться от взрослого.

Никки потеряла счет времени и расстоянию. Она была беспомощна, и обращались с ней совсем не нежно. Эта мятежная сильфида была злобной, и Никки во время путешествия испытывала первобытный страх, что задохнется и утонет. Она кувыркалась в потоке, не ощущая своего тела.

Наконец, после еще одной вечности, ее вышвырнуло в реальный мир. Их прибытие вовсе не было спокойным. Сильфида вырвалась из колодца в храме Серримунди, и металлическая пена вскипела над краем, выкинув Никки на землю. Она распласталась на мостовой, исторгая из себя жидкость и очищая легкие, рот и нос.

Колдунья встала на колени, оглянувшись на колодец, и крикнула:

— Почему ты меня забрала? Я сейчас не хочу путешествовать!

Органг был на другом конце этих земель. Даже без руководства генерала Утроса тысяча вымуштрованных солдат быстро расправится с одетыми в серое оборванцами. Она думала о Мрра и других песчаных пумах, которые противостояли древним солдатам, а также о почти необученных

Прячущихся людях, которые сражались за свои жизни, защищая руины города — их дом.

Никки подняла взгляд на подвижную ртуть сильфиды, возвышавшейся над колодцем:

— Я много раз звала тебя, но ты не отвечала. Почему сейчас явилась? Почему забрала меня, когда я была нужна в Ороганге?

Лицо создания предвещало грозу и было искажено от гнева, а волосы струились и извивались подобно серебряной лаве. У сильфиды были высокие скулы и тонкие губы, и при жизни она наверняка была красивой, но сейчас казалась пустой и нечеловеческой.

— Потому что я так захотела, — раздраженно заявила сильфида. — Я хотела больше никогда не ощущать твой вкус, больше никогда не служить тебе. Ты предательница. Ты обманула меня.

Никки поднялась и без страха посмотрела в лицо сильфиды.

— Я служила своей цели, а твоя цель не существует уже тысячи лет.

— До тех пор, пока я существую, мое дело не мертво. — Созданное из металла одеяние сильфиды мерцало, изменяясь. Ее серебряные щеки затвердели, а рот скривился в усмешке. — А теперь ты расскажешь мне все, что я должна знать. Я выполнила твое требование и доставила тебя в Серримунди. Расскажи мне о Сулакани!

Сильфида стала выглядеть еще более впечатляюще и устрашающе, когда извлекла из глубин колодца больше серебра и увеличилась в размерах. Ее стальные локоны извивались подобно свернутым кнутам.

При виде этой картины Никки вспомнила огромную фигуру, высеченную у входа в гавань Серримунди, — Мать морей, защитницу древнего мира, суровую, но благосклон-

ную богиню, которой поклонялись многие жители побережья. Мать морей выглядела в точности как сильфида. Несомненно, в незапамятные времена какой-нибудь суеверный горожанин увидел сильфиду, вообразил, что это божество, и создал целую религию на основе этого заблуждения. Но Никки знала, что сильфида — не богиня, а лишь существо, измененное древними волшебниками.

— Я расскажу тебе о Сулакане. — Никки не сводила глаз со сверкающей женщины. — Я сама с ним сражалась и помогала его одолеть, но именно лорд Ричард Рал окончательно его уничтожил.

Обезумевшая сильфида, нависнув над Никки, слушала, как та рассказывает историю Сулакана: как он основал Народный Альянс и приказал волшебникам создать армию нелюдей, чтобы сражаться с Новым миром, как он в конце концов был повержен и заперт за великим барьером.

Пока серебряная женщина слушала, на ее лице появилось выражение досады, а плечи поникли, но потом она выпрямилась с горьким гневом.

— Если Сулакан умер три тысячи лет назад, то как он вернулся? Почему он не победил?

— Он был воскрешен кровью Ричарда Рала — благодаря предателю Ханнису Арку. Сулакан вернулся с армией бездушных полулюдей, но все они были стерты с лица земли. Потерпели полное поражение.

Никки, вынужденная выполнить свое обещание, описала последнюю войну в Темных землях, рассказала о том, как армия Д'Хары сражалась с ордами нежити и как Ричард Рал уничтожил Сулакана под Садам Жизни в Народном Дворце.

— Сулакан исчез, вышвырнутый обратно в преисподнюю. — В ее голосе прозвучали нотки жестокого удовлетворения, когда она заканчивала рассказ. — Лорд Рал — боевой чародей. Он изменил основы мира, используя язык

Сотворения, а Сулакан был слишком слаб, чтобы одолеть его. Император потерпел полную неудачу. — Ее голос стал громче, в нем зазвучало еще больше силы, злости и удовлетворения. Никки скрестила руки на груди. — Сулакан мертв и никогда не вернется. Твоего дела, Народного Альянса, больше не существует. — Сокрушительные новости были единственным оружием Никки, чтобы наказать сильфиду за то, что та сотворила. — Твое дело не только больше не существует, но и бесполезно. И всегда было бесполезно. Планы Сулакана были обречены на провал с самого начала. Ты — единственное, что от них осталось.

Сильфида съезжилась, словно эти слова хлестнули ее ключей плетью. Ртутное лицо растягивалось, теряло очертания, искажалось, а потом ее рот расплылся в жутком рыке.

— Ты лжешь!

Несгибаемая Никки стояла перед колодцем:

— Ты знаешь, что нет. Ты понимаешь, что я говорю правду. Много лет назад ты отдала свою жизнь ни за что.

Жидкий металл посветлел, словно раскалился добела, и превратился в аморфную расплавленную фигуру. Прекрасная женщина стала свирепым демоном. Ее тело увеличилось, а руки удлинились в щупальца, оканчивающиеся изогнутыми когтями. Никки кинулась на мостовую и перекатилась, подныривая под удар, но сильфида полностью утратила человеческие очертания, и из ее торса вырвались еще четыре щупальца.

— Так отправься со мной в путешествие, из которого никогда не вернешься! — Крючковатые щупальца хлестанули по Никки. — Я утащу тебя вниз, и ты навсегда останешься внутри меня. Я утоплю тебя и сокрушу твои легкие, и ты будешь такой же мертвой, как мой хозяин Сулакан.

Серебряная рука обвила Никки, словно железным прутом, но колдунья призвала дар, чтобы направить тепло в се-

ребряную конечность, и та превратилась в жидкость. Никки вырвалась и поднырнула под обрубок, чтобы оказаться подалше. Ее черное платье дымилось, а кожа на руках покраснела от ожогов.

Никки пятилась, давая себе время, чтобы создать огонь волшебника. Она метнула шипящую сферу в сильфиду, но серебряная завеса окружила огонь и поглотила разрушительное пламя. Металлическое тело бурлило и крутилось, но каким-то образом поглотило энергию.

Никки отступала от колодца сильфиды, пока не уперлась в стену пустого храма. К ней тянулись серебряные щупальца, гибкие, как горячий воск, и твердые, как сталь. Они обрушились вниз, пытаясь раздавить Никки, но та снова уклонилась. Удар разбил каменный пол храма, а обратное движение одного из щупалец расколело статую Матери морей, превратив ту в груды обломков.

На щупальцах появились шипы, когда они хлестнули мимо Никки. Она призвала острые молнии и ударила ими по сильфиде, оставляя неровные дыры в ртути, которые, впрочем, быстро зарастали. Щупальце обернулось вокруг руки Никки и сжало сильнее наручников, в то время как еще одно обхватило за талию и сдавило так сильно, что она не могла сделать вдох. Многочисленные конечности потащили ее к колодцу спиной вперед.

— Я утащу тебя на глубину, и ты больше не сможешь дышать!

Никки сопротивлялась, но текучая сильфида постоянно меняла форму, восстанавливаясь от любых повреждений. Колдунья использовала все свои магические силы во время битвы с Авой и Рувой, а до этого с облаком жисс, и все это очень ее ослабило. Никки была истощена, но не собиралась умирать. Она поняла, что у нее хватит сил лишь на один

удар, но она не осмеливалась тратить свой последний шанс на очередную неудачу.

Когда щупальца подтащили ее ближе к отверстию колодца, Никки нашла другую цель и решила рискнуть. Она использовала разрушительную энергию, сотрясая землю, а затем нанесла последний мощный удар молнией — но не по серьфиде. Вместо этого она ударила по круглой каменной стене колодца, запечатывая глубокую яму. Взрывная волна пришла сразу с нескольких сторон, и каменные блоки попадали внутрь, блокируя отверстие колодца.

Серьфида завизжала, когда стены начали рушиться. Падавшие блоки отрубали сразу три ртутных щупальца, и металлические обрубки упали на потрескавшийся пол храма. Завывая, серьфида отступила и нырнула в бесконечные туннели. Падавшие блоки запечатали колодец. Тяжело дыша, Никки поползла вперед и сплвила края камней, скрепив их друг с другом.

Она упала на колени, но дело еще было не закончено. Подняв руки и призвав дар, она изменила форму неустойчивых каменных блоков, сделав их податливыми и гладкими, пока они не сложились в непроницаемую крышку, которая навеки запечатала колодец серьфиды. Она повалилась на землю в полном изнеможении, едва соображая.

Что-то холодное и металлическое схватило ее за ногу, как рука умирающего. Она брыкнула ногой, чтобы вырваться. Три отрубленных щупальца извивались подобно безголовым змеям. Теперь они утратили серебряный цвет и потускнели. Их дерганье замедлилось, и щупальца замерли. Теперь они были словно не из металла, а из черной маслянистой слизи, которая утекала в щели меж каменных плит.

Никки снова поднялась на ноги, с трудом вдыхая воздух. Бледно-желтый отсвет рассвета просачивался в храм Матери морей. Она вернулась в Серримунди, как и хотела, но

Мрра и Прячущиеся люди остались очень далеко. Теперь у нее не было способа вернуться в Ороганг, чтобы успеть помочь им. Колодец сильфида запечатан, и она больше никогда не сможет путешествовать этим способом. Она даже не знала, выжила ли сильфида после такого.

Никки застряла в Серримунди, но ей нужно было готовиться к другой войне.

Она услышала за спиной тихий плач и страдальческие вздохи. Она повернулась, готовая к новой битве. Ее черное дорожное платье было изорвано, светлые волосы спутались в потный клубок, но она по-прежнему была Никки, Госпожой Смерть, и могла одолеть любого, кто ей угрожает.

Возле входа в храм стояли пятеро перепуганных просителей. Они пришли с рассветом, неся корзины фруктов и рыбы в качестве подношения, но выронили свою ношу, увидев, как Никки сражается с жуткой серебряной сущностью. Теперь просители во все глаза смотрели на расколотую статую и разрушенный колодец.

— Мать морей, — прорыдал один из них. — Ты убила Мать морей!

— Ваша Мать морей была не такой, какой вы ее считали, — резким тоном сказала Никки и направилась к выходу. — А теперь отведите меня к хозяину порта.

Глава 41

Ученые Твердыни трудились дни напролет, просматривая огромное количество документов. Кухонные работники подавали обед прямо в библиотеку, чтобы ученые не прерывали лихорадочные поиски. Армия генерала Утроста неустанно маршировала по горам, и времени оставалось мало. В Твердыне надеялись, что архив так и останется скры-

тым, раз ни одна из древних военных сил не знала о его местоположении. Но опасность грозила всему Древнему миру, и Натан не собирался просто прятаться. В этой сокровищнице магических знаний они обязательно найдут то, что не позволит генералу Утросу захватить все города и земли Древнего мира.

Натан и Верна шли по коридорам к хранилищу документов, больше похожему на пещеру. Возле каменных стен стояли высокие стеллажи, полные книг, — одни были навалены беспорядочными стопками, другие аккуратно расставлены. Натан чувствовал запах пыли, бумаги и кожи. Он слышал, как внутри зала работники сортируют и расставляют книги, обсуждая находки.

Войдя в дверь, он пробежал пальцами по корешкам книг на первой полке. Его ногти стучали, переходя от одной обложки к другой.

— Меня будоражит огромное количество томов, моя дорогая аббатиса. — Он криво усмехнулся. — Возможно, если бы меня заперли здесь на тысячу лет, я смог бы просмотреть их все.

— Один человек и тысяча лет, — сказала Верна, — или тысячи ученых, работающих вместе. Мы можем потратить столько же часов за гораздо меньшее время, но знания будут разрозненными и неполными. Как нам узнать, какие части нужно соединить?

Он погладил подбородок:

— Добрые духи, нужно так много всего организовать. Мы знаем, каким мощным может быть правильное заклинание — и каким опасным.

— Мы лишены роскоши проявлять осторожность, — сказала Верна. — Если найдем что-то действенное, нам останется лишь надеяться, что мы сможем это контролировать. Я уверена в своих способностях, и ты в своих тоже никогда

не сомневался. — Она пристально посмотрела на Натана. — На самом деле сестры Света боялись тебя до ужаса.

— Боялись до ужаса? Аббатиса Энн никогда не страдала такими глупостями. Она приходила ко мне и составляла компанию, даже когда я был разъярен из-за пророческих видений. Ах, как мне ее не хватает.

Прямо у входа в хранилище документов стоял крошечный стол. Грузный мужчина с челкой сидел, сторбившись над открытой книгой, и записывал названия книг, с которыми к нему подходили ученые. Его перо вертелось шмелем, когда он выцарапывал слова, погружалось в чернильницу подобно жалу и записывало очередную строчку, ни разу не позволив чернилам капнуть на бумагу.

Молодые мужчины и женщины, нагруженные томами, сновали между полками, соблюдая тишину, которая казалась естественной в священной библиотеке. Зал был освещен лишь заклинаниями иллюминации, так как свечи и факелы могли поджечь книги и свитки.

Худощавый мужчина нес стопку книг, достающую ему до самого носа, а его коллеги забирали книги и расставляли по полкам. Взволнованная женщина, похожая на мышку, толкала тележку с томами, которые относились к другому залу хранилища.

Ученый-архивариус Франклин вместе с сестрами Родой и Арабеллой руководил группой послушниц. Одежда Франклина была мятой, а глаза запавшими и налитыми кровью.

Когда он увидел Натана с Верной, то с облегчением улыбнулся:

— Я рад доложить о значительном прогрессе. Мы принесли в этот зал книги, в которых содержатся мощные заклинания. — Он со вздохом указал на полки, ломившиеся от книг. — Вам лучше всего начать с этого. Когда закончите, мы принесем новые книги.

— Что ж, тогда приступим, — сказал Натан.

— Я слышала, вы уже нашли заклинание плачущего камня, от которого расплавился архив пророчеств, — сказала Верна. — Один из ваших учеников не смог удержать магию под контролем.

— Элберт глупец, раз попытался это сделать, — сказал Франклин. — Он не был помешанным на власти или излишне амбициозным, но был неподготовленным и не склонным просчитывать последствия.

— Он был слишком глуп даже для того, чтобы осознать, что он глупец, — сказал Натан, цокнув языком. — Это самый опасный вид.

Аббатиса была больше заинтригована, чем напугана.

— Нам следует взять на заметку столь мощное заклинание. Оно должно быть основано на магии плетения, привязанной к самой структуре камня, и способно расплавить горный склон.

— Расплавить склон горы? Против генерала Утроса? — Натану стало не по себе. — А если не сможешь остановить заклинание, когда оно будет активировано?

Верна взяла с полки выцветшую серую книгу и заглянула в нее, но мысли ее были заняты другим.

— Этот вариант стоит рассмотреть как крайнюю меру.

Франклин указал на витиеватую урну из голубого фарфора, стоявшую на полке.

— Мы нашли это в покоях Элберта после того, как он расплавил архив пророчеств. Я решил держать этот предмет рядом с документами о заклинании плачущего камня. — Он снял с урны крышку, и Натан с Верной заглянули внутрь. — Это необходимый компонент заклинания.

Натан увидел на дне урны мелкий белый песок с необычным отливом.

— Добрые духи, это же магический песок!

Верна кивнула:

— Я понимаю, как он может быть ключом к запуску великого заклинания. — Она обеспокоенно посмотрела на Натана. — Если Элберт использовал половину урны, не зная, что делает, то неудивительно, что стены обрушились! Так много силы! Нам повезло, что он не уничтожил весь архив.

— Так это не просто песок? — спросил ученый-архивариус. — Мы собирались выбросить его, когда наводили порядок.

— О нет, не делайте этого! — задохнулся Натан.

Верна бережно забрала урну из рук Франклина:

— Мы его сохраним. Магический песок могущественный и редкий, и даже несколько крупинок могут стать катализатором высвобождения невероятно мощной магии. — Она закрыла урну фарфоровой крышкой. — Это очень важно.

Двое ученых, ставивших книги на полки в дальнем конце зала, вскрикнули от удивления. Натан услышал приглушенный стук книг, водопадом посыпавшихся на пол.

— Дух! — Юноша обежал стеллаж. — Дух в архивах!

Послышались новые крики, и Натан с Верной побежали к последнему ряду книжных стопок. Еще один каскад потревоженных книг посыпался на пол, разметав повсюду страницы. Деревянные полки задребезжали. Ученая споткнулась о край своего одеяния и растянулась на полу, выронив из рук гору свитков.

Стройная, но нематериальная женская фигура летела к ним, окруженная зеленым сиянием. Она была лысой, кожу ее покрывали нарисованные символы, и она присутствовала здесь не во плоти, больше напоминая тень человеческого существа.

Сапоги Натана заскользили по гладкому каменному полу, когда он резко остановился.

— Ты одна из колдуний генерала!

Женский образ задрожал, и мстительная жестокость исказила красивое лицо. Мерцающая фигура обрела резкие до остроты очертания.

— Какой миленький архив. Какие интересные знания.

— Убирайся из этого места! — властно крикнула Верна.

Другие сестры Света встали рядом с ней.

Призрак лишь рассмеялся.

— Я нашла вас! Теперь я знаю, где вы прячетесь. — В ее голосе звучал ледящий холод зимнего ветра.

— Какая из них? — требовательно спросил Натан, шагнув к зеленоватому духу. — Какая колдунья? Ава или Рува?

— Та, которая мертва. Я Ава. — Она взлетела к потолку, а потом устремилась вниз, не связанная гравитацией и физической формой. — Никки убила меня, но я все еще здесь. Я помогу всех вас уничтожить!

Когда светящаяся фигура ринулась на них, Натан хлестнул даром, чтобы защитить всех. Часть его разума радовалась тому факту, что Никки еще жива и сразилась с колдуньей. Когда дух оказался ближе, Натан призвал ветер, который пронесся прямо через нематериальную форму и лишь перевероршил груды книг на полках позади Авы.

— Я здесь, но не здесь!

Ава с хохотом пролетела сквозь книжные стеллажи, но сделала себя материальной в достаточной степени, чтобы отправить книги в полет. Натан и Верна пригнулись, когда Ава обрушила на них град фолиантов. Книга с острыми краями угодила Франклину в лоб, и он повалился на полки.

Ава издевательски смеялась, становясь выше; ее зеленое сияние разгорелось ярче.

— Я скажу генералу Утросу об этом магическом архиве и приведу сюда армию. Сестра поможет ему обыскать архив и заполучить все знания. Вы обречены, — потешалась она.

Встревоженная Верна подняла щит:

— Блокируй ее, Натан! Мы можем поймать ее и запереть тут. — Сестры Рода и Арабелла тоже обратились к своему дару и объединили усилия. — Мы не можем позволить ей сбежать, раз она узнала местоположение Твердыни.

Натан помог сплести невидимую стену магии, но дух Авы был слишком шустрым и нематериальным. Она проскользнула мимо, метнувшись вдоль рядов полок и распугав молодых ученых.

Сидевший за маленьким столом грузный писарь покачнулся на своем шатком стуле, когда дух пронесся мимо. Чернильница опрокинулась, залив чернилами журнал, и фонтан черной жидкости взвился в воздух. Ава промчалась по стеллажам архива подобно призрачному тарану, беспорядочно раскидывая книги. Деревянные полки затрещали и выгнулись, чуть ли не ломаясь.

Дух Авы достиг каменной стены и исчез прямо в скале, оставив после себя лишь хаос кружащих в воздухе бумаг и падающих книг.

Франклин огорченно застонал, разглядывая последствия шторма в библиотеке. Повсюду валялись книги с поврежденными корешками и вырванными страницами, а то и лишенные обложек.

Натан с глубочайшим беспокойством посмотрел на Верну.

— Мы больше не можем скрываться. Генерал Утрос знает, где мы.

* * *

После очередного дня марша по предгорьям генерал стоял и смотрел на костер, пытаясь что-то прочитать в пламени. Он с горечью думал обо всем, что потерял, о своей преданности императору, о запретной любви к императрице, о

скорби по умершей Аве. Утрос взвалил на свои плечи ответственность за много тысяч преданных солдат, которые умерли, служа ему. Будет ли достаточно, если он завоюет весь континент?

Рува села на корточки у огня, ожесточенная и потрясенная потерей сестры. Когда Ава стала духом, разбитое сердце Рувы скрутила еще большая решимость, и теперь разукрашенная колдунья смотрела в пламя вместе с генералом. Оба они потерялись в своих мыслях.

Пламя вспыхнуло ярче, и из огня поднялась нематериальная фигура Авы — такая же идеальная, как и при жизни. Сестры отличались лишь зеркальными шрамами на внешней стороне ног. Рува ахнула и раскрыла руки для объятия. Ава подплыла ближе и приняла позу Рувы; их ауры слились в одно целое.

Генерал Утрос повернулся к странной двойственной фигуре, ожидая отчета от призрачной шпионки. Первый командующий Енох, увидев бестелесный образ, тоже поспешил к ним из своего шатра, стоявшего по соседству.

Когда Ава заговорила, губы Рувы зашевелились в унисон. Их голоса звучали в унисон, нагоняя жуть.

— Возлюбленный Утрос, у меня крайне важная информация. Я рыскала по землям, выслеживала связи, и нашла волшебника Натана Рала и его раздражающих товарищей. — Ее лицо засияло от предвкушения. — В нескольких днях пути отсюда есть скрытый архив с магическими знаниями. В бесчисленных книгах хранится невообразимая магия и опустошительные заклинания, которые Рува может использовать, чтобы помочь тебе подчинить земли. Если захватишь Твердыню, генерал, то мы сможем распорядиться этими знаниями. — На ее мерцающем лице появилась улыбка. — Тогда твоя победа гарантирована.

Утрос никогда не задумывался ни о чем подобном. Арсенал забытых магических знаний?

— Ты можешь сказать, где искать архив?

— Да, возлюбленный Утрос, — синхронно ответили женщины. — Он спрятан в боковом каньоне и практически лишен защиты. Они полагались на маскировку. Мы с легкостью захватим архив.

Утрос улыбнулся. Даже ночью он носил золотую маску в качестве напоминания о том, кем был раньше.

Он посмотрел на Еноха:

— Наша новая цель — Твердыня, первый командующий.

— Он посмотрел на разбросанные по холмам яркие костры военного лагеря, которые напоминали мигающие глаза. — Как только заполучим архив, мы выпотрошим его.

Глава 42

Вокруг норукайских кораблей раскинулось открытое море; берег скрылся за горизонтом. Бэннон не испытывал никакой радости при виде этих просторов, хотя в его памяти и всплыло воспоминание о том, как однажды он и Ян стояли на берегу острова Кирия и смотрели на проплывающие корабли. Оба они мечтали повидать мир, но Бэннон больше хотел сбежать от отца.

Он содрогнулся от ужаса, думая о том, что король Скорбь везет их на Норукайские острова.

Под палубой надсмотрщик бил в барабан, а несчастные рабы, прикованные к скамьям, налегали на весла, чтобы ускорить змеиные корабли — слабого бриза было недостаточно.

Когда Лила попала на борт, ее избили до потери сознания и швырнули на палубу рядом с Бэнноном, тоже приковав к

лодыжке цепь — раньше она принадлежала Эрику. Теперь покрытая кровоподтеками Морасит была такой же пленницей, как и он. Бэннон никак не мог понять, почему она позволила схватить себя. Добровольно! Ему это казалось глупым риском.

Пока она неподвижно лежала под палящим солнцем, он разглядывал символы на ее коже. Руны защищали ее от магии, но не помогли против жестоких норукайцев. Ее тело было все в синяках.

Наконец Лила застонала, и ее веки приоткрылись. Она мгновенно проснулась, полностью придя в сознание. Морасит дернула за цепь, прикованную к лодыжке, и ее гримаса подсказала Бэннону, что ей больно. Когда ее взгляд встретился с его, она заметно расслабилась.

— Значит, я смогла. Я помню все весьма... смутно.

— Ты определенно привлекла их внимание, — вырвалось у него. А затем Бэннона понесло: — Такая глупая выходка! Зачем? Теперь мы оба в плену, и твое положение ничуть не лучше моего.

— Я там же, где и ты, — сказала Лила, словно этого было достаточно. — Этого я и хотела.

— Но почему? Чего ты надеешься добиться?

— Если б эти корабли уплыли, я никогда бы тебя больше не увидела. Был только один способ остаться с тобой. И теперь у нас есть шанс.

Бэннон опустил голову, и длинные пряди скрыли его лицо.

— Шанс? Ты сводишь меня с ума. Я не понимаю, что ты задумала.

Она нахмурилась:

— Это же очевидно. Норукайские корабли направлялись в море, и это была моя последняя возможность перехватить их. Если они уплывут в океан, как мне тебя спасти?

— Сейчас это не слишком походит на спасение, — возразил он.

— Ну я же еще не закончила. — Она снова поморщилась, когда повернулась осмотреть синяки. Лила согнула и разогнула пальцы, провела языком по запекшейся крови на разбитых губах. — Я поправлюсь. — Она принялась тянуть в разные стороны путы на запястьях, пока завязанная веревка не окрасилась кровью. — В конце концов я освобожусь от веревки, но с цепью на ноге будут проблемы.

Он посмотрел на открытое водное пространство, но больше не видел линию берега — только бескрайний океан.

— Я в тебе не сомневаюсь, Лила. Я знаю, на что ты способна.

— Ну конечно же не сомневаешься — я никогда не давала повода.

Теперь она была беспомощна, и Бэннон боялся, что норукайцы утащат ее на другой конец палубы и изнасилуют, хотя большинство налетчиков, кажется, предпочитало крепких норукаек, и их ночные любовные игрища на верхней палубе больше походили на драку. И все же он видел, как норукайцы насиловали трех ильдакарских пленниц, обращаясь с ними так жестоко, что две сошли с ума, а третья умерла — ее тело выкинули за борт. Они считали рабов «ходячим мясом». Лила была красивой женщиной со стройным хорошо сложенным телом. Он боялся того, что может с ней случиться, и чувствовал болезненную неотвратимость.

В первую ночь в море ухмыляющийся молодой норукаец со свежими красными шрамами на лице схватил цепь Лилы, отстегнул от палубы, и потащил Морасит прочь. Она не кричала, а свернулась словно пружина и приготовилась.

— Оставь ее в покое! — Бэннон бросился за ней, насколько хватало цепи.

Норукаец засмеялся, но Бэннона больше ранило то, что Лила обернулась и грубо сказала:

— Молчи, мальчишка! Ты делаешь только хуже. Я сама справлюсь.

Она потянула за свою цепь, пытаясь вырвать ее у налетчика, но норукаец дернул за стальные звенья, чуть не вывихнув ей плечо.

После того как норукаец затащил ее в тень, отбрасываемую ящиками с украденными припасами, Бэннон напрягся, ожидая услышать ее голос. Он был уверен, что Лила бросит вызов насильнику, но она не сказала ни слова. Он слышал возню, рычание, а потом крик — но он принадлежал не Лиле.

Норукаец, шатаясь, выскочил из мрака. Пьяный от боли, он едва брел по палубе. Лила, держа свою цепь на весу, пошла к Бэннону. Несколько норукайцев выбежали, слышав стоны товарища. Он прижимал ладони к промежности, и между его пальцев сочилась кровь. Разъяренные налетчики утащились на Лилу, но она вызывающе посмотрела на них, продемонстрировав кусок плоти на ладони:

— Я оторвала ему яйца, но на этом остановилась. Если кто-то другой попытается взять меня силой, я еще и заставлю его съесть собственную мошонку. — Она швырнула на палубу кровавый комок.

Несостоявшийся насильник захныкал, а затем рухнул в лужу крови. Норукайцы наступали на Лилу, готовые разорвать ее на части.

Бэннон надеялся, что длины его цепи хватит, чтобы сражаться. Лила твердо стояла на ногах, готовая умереть.

К ним подошел король Скорбь. Увидев извивающегося и стонущего мужчину на палубе, а также окровавленную мошонку рядом с ним, король захохотал. Через пару секунд другие норукайцы тоже разразились смехом.

— Бросьте это ничтожество за борт, — сказал Скорбь.

Они кинули в море стонущего налетчика, который был еще жив.

Лила вернулась на свое место рядом с Бэнноном. Рассерженные норукайцы некоторое время прожигали ее взглядами, а потом громогласно заявили, что на их вкус она слишком тощая.

* * *

На следующий день, когда несколько пленников были доведены до изнеможения в трюме, надсмотрщик при помощи криков, рычания и щелчков кнута выгнал их на палубу. Боско освободил Лилу и Бэннона от оков и приказал спускаться к скамьям. Надсмотрщик источал отвратительную вонь, и даже морской бриз не мог ее развеять.

В разгар знойного полудня Бэннон и Лила сидели рядом и тянули весла. Лила была другом, иногда любовницей, но никогда многословным собеседником. Пока они налегали на весла, Лила с ненавистью взирала на норукайцев, но в ее глазах виднелся расчетливый блеск.

Мелок пришел поболтать. Он боялся Лилы, но в то же время был очарован ею. Неуклюжим шепотом, перекрывавшим треск весел, он принялся секретничать с Бэнноном:

— Красивая леди. Опасная леди. — На его бледном лице был пурпурно-желтый след от ее удара. — Но для Мелка у нее нет любви. Не для меня. У меня никогда не будет любви.

— Разрежь мои путы, и я буду любить тебя, пока не разорву на мелкие кусочки, — прорычала Лила.

Мелок поспешно удрал и, бросив последний взгляд на Бэннона, поднялся по деревянной лестнице на верхнюю палубу.

— Тяни! — заорал надсмотрщик.

Корабли плыли на север от устья реки уже несколько дней. Скорбь расхаживал по палубе, а Мелок следовал за ним, словно щенок.

— Скоро мы будем в бастионе. — Король положил руку с обитыми железом костяшками на шуплое плечо шамана.

— Бастион! — вскрикнул Мелок. — Дом! — Он подбежал к Бэннону, наклонился и повторил: — Дом!

Лицо короля Скорбь потемнело, когда он повернулся к шаману.

— Я надеялся, что Ильдакар станет центром моей новой империи. Что пошло не так? Чего ты не предвидел? Мы должны были победить!

В блеклых глазах Мелка светилось что-то, граничащее с безумием.

— Будет война, большая война! Я обещаю войну. Много кораблей. Мой Скорбь, король Скорбь! Они все будут скорбеть!

— Скоро, — поклялся король.

Змеиные корабли плыли вперед. Для Бэннона и Лилы бесконечные дни проходили словно в тумане; они то были прикованы на открытой палубе, то потели в тесном трюме на веслах. Когда поднимался ветер и натягивал паруса, весла убирали, и связанным рабам оставалось лишь бояться своей судьбы.

Однажды днем раздался крик дозорного с вершины мачты:

— Сэлки в воде! По правому борту.

Скорбь подошел на нос судна, приставил ладонь ко лбу и всмотрелся в волны.

Бэннон приподнялся, чтобы осмотреть воду.

— Ты их видишь? — спросил он у Лилы.

— Что за сэлки?

Прищурившись от бликов на воде, он ощутил трепет ужаса, когда заметил пять плывущих фигур.

— Они выглядят как люди, но определенно не люди.

— Рыбный народ? — поморщила лоб Лила.

— Не самое плохое описание. Это раса людей, очень давно измененных так, чтобы они могли жить в воде. Когтями они способны рвать акул на части. — Несмотря на жаркое солнце, его сотрясла дрожь. — Натан говорил, что во время Великой войны, которая шла тысячи лет назад, могущественные волшебники воздействовали магией на пленных, давая им жабры и изменяя кожу, создавая морскую армию. Война давно закончилась, и сэлки построили настоящую подводную цивилизацию. Они ненавидят людей и охотятся на корабли. — Он тяжело сглотнул, когда его захлестнули воспоминания. — Они напали на «Бегущий по волнам», когда мы плыли на юг. Ночью сэлки взобрались на корабль и убили всю команду, чтобы отомстить ныряльщикам за жемчужинами желаний, которые разграбили их рифы. Никки, Натан и я были единственными выжившими, когда «Бегущий» разбился у Призрачного берега. Королева сэлок каким-то образом связана со мной и не хотела меня убивать... Чего бы это ни стоило. Но их было невозможно остановить.

— Сейчас шансов больше, ведь я буду сражаться вместе с тобой, — сказала Лила. — А я Морасит.

Бэннону думалось, что со связанными руками и скованными ногами даже Лила не сможет дать достойный отпор сэлкам.

Норукайцы стояли вдоль борта, держа копьё с костяными наконечниками и готовясь швырнуть их в плывущие фигуры, но сэлки держались поодаль.

— Подплывайте ближе, чтобы мы вас перебили! — взревел король.

Сэлки оставались вне пределов досягаемости.

— Рыбы-сэлки! — застонал от восхищения Мелок. — Рыбий народ! — Он нервно провел ладонями по бугристым шрамам на животе. — Не хочу, чтобы меня выпотрошили, король Скорбь, мой Скорбь.

Король сердито посмотрел на него сверху вниз:

— Я не позволю им тебя выпотрошить, Мелок.

— Неправильно! Неправильно! Неправильно! — нараспев повторял шаман.

Словно от скуки, сэлки подплыли ближе, пока норукайцы удваивали дозорных.

— Не знаю, почему королева сэлков пощадила меня в первый раз, — погрузившись в воспоминания, тихо и задумчиво сказал Бэннон.

Когда он был еще маленьким, то украл небольшую рыбацкую лодку и уплыл прочь от Кирии без карт и знания моря. Он дрейфовал несколько дней, пока не закончились еда и вода. Он страдал от жаркого солнца и впал в отчаяние, уверенный, что умрет в море.

— Я слышал истории о сэлках, — сказал он Лиле, — но никогда не видел их. Я думал, это просто рассказы рыбаков, но той ночью, когда появился морской туман, я свернулся в клубок в лодке и заснул. В темноте кто-то вытолкнул мою лодку к острову. Когда я проснулся, то был уже дома. Лодку вытащили на скалистый берег. Я увидел лишь след перепончатой ступни на песке. — Бэннон посмотрел на Лилу. — Когда они атаковали «Бегущего по волнам», королева сэлков словно узнала меня.

Лила недоверчиво глянула на него:

— Мне кажется, ты переоцениваешь свой шарм, мальчишка. — Ее голос был невыразительным, но он подумал, что она его дразнит. — Но если королева захочет стать твоей любовницей, то я буду с ней драться.

Он вздрогнул от этой мысли:
— Я не хочу встречи с ней.

Глава 43

После того как дух Авы вихрем пронесся по архиву, обитатели Твердыни были в состоянии повышенной готовности. Генерал Зиммер отослал разведчиков из каньона следить за армией, которая уже спускалась с гор. Натан созвал экстренное совещание, чтобы обсудить, как можно подготовиться к приходу столь подавляющей силы.

— Не уверена, что у нас есть какие-либо приемлемые варианты, — с жестким скептицизмом заговорила Верна, когда они с Натаном спешили в зал собраний. — Архив больше не спрятать, и Утрос уже на подходе. Как мы можем защитить Твердыню?

Натан цокнул языком.

— Уверен, мы что-нибудь найдем, моя дорогая, если хорошенько подумаем.

— Говоришь как наивный глупец. — Она обогнала его и первой вошла в большой зал собраний.

— Я предпочитаю термин «оптимист». Помни, я уже помогал спасать мир раньше.

Вот только действовал он вместе с Никки, Ричардом и многими другими. Он знал, что Никки все еще жива, но она была где-то далеко и каким-то образом убила колдунью Аву.

В ответ аббатиса лишь закатила глаза.

Франклин и Глория сидели за ораторским столом перед взволнованной аудиторией. Зиммер неловко ерзал в кресле; начищенная д'харрианская броня придавала ему официальный вид, будто он собирался предстать перед самим лордом

Ралом. Натан и Верна заняли оставшиеся места за столом перед собравшейся толпой. Ученые с сосредоточенными лицами заполняли комнату, рассаживаясь на скамьях или вставая плечом к плечу. Низкий гул голосов не был непри-
нужденным, как обычно на таких встречах.

Торн и Лайес были вооружены. Восемь сестер Света сидели с уверенным видом и наблюдали за аббатисой, ожидая начала обсуждения. Оливер и Перетта держались рядом с Эмбер.

Глория кивнула помнящим, в то время как обитатели Твердыни задавали друг другу вопросы. Ученый-архивариус Франклин сложил руки перед собой, ожидая, пока толпа затихнет. У входа в зал стояли неодаренные слуги, встревоженно вслушиваясь в разговоры.

— Довольно тратить время впустую, — прочистив горло, заговорил Натан. — Кто-то должен призвать собрание к порядку, хотя я считаю, что совещания занимают слишком много времени, которое лучше потратить на действия. Вражеская армия прекрасно знает, где нас найти. Сто тысяч солдат захватят архив, если не отыщем способ остановить их.

— Как мы остановим такие силы? — воскликнул один из помнящих.

— Убив их, — вставила Торн, как будто ответ был очевиден.

Верна выглядела недовольной.

— Отличное предложение, но бесполезное. Мы должны помешать им захватить знания архива. Они не могут их заполучить!

— Судя по темпу их шествия, они примерно в четырех днях пути, — сказал Зиммер. — Но разведчики полагают, что они набирают скорость.

По залу прокатилась волна тревожного шепота.

— Солдаты измождены и голодны, они пожирают все, что попадаетея им на глаза, — сказала Лайес.

— Тем не менее, продолжают маршировать, — добавила Торн. — Во время последней вылазки мы убили шестерых.

— Каждая, — добавила Лайес. — Для ровного счета.

— Мы не можем остановить их по одному или по двое, — расстроено проговорил капитан Тревор.

— Лабиринт узких каньонов, отвесные скалы, высокая мяса защищают Твердыню, — объяснил Зиммер. — Небольшое число бойцов сможет удерживать узкий проход в устье каньона. При должной подготовке мы могли бы устроить засаду врагу, убить тысячи, когда они вольются в каньон.

— Нагромождение их тел образует еще одну оборонительную стену, — сказала Лайес, наслаждаясь этой мыслью.

— Вы довольно амбициозны, генерал, — сказал Натан, — но с таким количеством воинов, которые отказываются сдаваться, Утрос сокрушит нас, каковы бы ни были его потери. Солдаты будут наступать снова и снова. Мертвая колдунья расскажет ему об архиве, и он захочет овладеть хранящимися здесь знаниями. Он не отступится.

— Но мы можем попытаться сдержать их, — сказал волшебник Лео. — Так ведь?

— Это невероятный риск, — отметил Франклин. — Мы должны эвакуировать как можно больше людей. Я не позволю всем этим невинным семьям ютиться здесь в ожидании расправы. Мы должны признать, что Твердыня может пасть. Мы могли бы погрузить в повозки наиболее важные фолианты и увезти их в высокогорье.

— Я согласна, — сказала Глория. — Если вместе с ними отправить моих помнящих, они заберут знания, которые хранят в своих умах, а это эквивалентно тысячам книг.

— Знания архива слишком опасны, — сказала Верна. — Мы не должны допустить, чтобы эта информация попала в руки врага. Ни в коем случае!

— Потребовались многие годы, чтобы собрать здесь все эти труды, — сказал Франклин. — Даже если увезем полные фургоны книг, то спасем всего лишь крупичицы. Это просто невозможно! Мы еще даже их не рассортировали.

— Мы не можем переместить архив, — сказал Натан. — Это очевидно. Кто выберет тома, которые надо спасти? Даже если мы просто спрячем самые опасные книги в пещерах, что тогда? Имея неограниченное количество солдат для обыска окрестностей, Утрос найдет книги. И дух его колдуньи может летать повсюду.

— Мы не смеем позволить генералу Утросу получить ни одну из этих книг. Знания слишком опасны, — настаивала Верна.

— Мои помнящие хранят информацию, — сказала Глория, — но если их схватят и будут пытаться... — Она посмотрела на своих последователей в синих одеждах. — Кто знает, что их заставят рассказать?

В толпе послышались стоны ужаса. Ученые горячо спорили.

Зиммер поднялся и скрестил руки на закованной в броню груди.

— Мы должны защищать Твердыню. Эвакуируйте всех гражданских, но мои защитники должны помешать армии прорваться в каньон. Останемся и сделаем все возможное, чтобы препятствовать вторжению.

— Ава точно знает, что содержится в архиве, — сказал Натан. — Похоже, ее сестра Рува еще жива, если только Никки не убила и ее. — Он погладил подбородок.

— Она всего лишь одна колдунья, — сказал Орон.

— С ней сотня тысяч солдат, — отметил Лео.

— Все волшебники Ильдакара смогли нанести лишь царапину этой гигантской армии, — сказала Ольгия. — Здесь мы считай беззащитны.

Зиммер опустил кулаки на стол:

— Давайте будем реалистами. — Его щеки были покрыты черной щетиной, а лоб блестел от пота. — У нас есть пять десятков д'харианских солдат, а также несколько городских стражников из Ильдакара. С нами Орон и Лео, Ольгия и Перри из Ильдакара, Натан, аббатиса Верна, сестры Света и несколько одаренных ученых Твердыни, которые могут сражаться с помощью магии. — Он глубоко вздохнул. — Даже учитывая естественную защиту здешних каньонов, я сомневаюсь, что мы выстоим против генерала Утроста и его армии.

— Но мы попытаемся, — сказал капитан Тревор. — Будем сражаться до последнего и заставим их заплатить очень высокую цену!

— Но они все равно прорвутся, — перебила его Верна. — Независимо от того, сколь храбры и отчаянны наши защитники, если мы не удержим вход в каньоне, все будет потеряно. Если архив попадет в руки врага, то все пропало! — Голос ее зазвенел от гнева. — С этими опасными знаниями Утрост сокрушит Древний мир. — Она положила ладонь на рукав Натана, словно черпая силы. — Сестры Света чтят знания, и для меня это тяжелое решение, но оно единственно верное. — Она оглядела комнату, и взгляд ее наконец остановился на Глории и Франклине. — Если армия прорвется, мы должны уничтожить Твердыню.

— Но мы не закончили работу! — ахнул Франклин.

— Еще нужно запомнить столько томов! — воскликнула Глория.

— Утрос перетряхнет архив. Он найдет те смертоносные заклинания, которые ищем мы, и использует, чтобы уничтожить мир.

Натан почувствовал, как сердце в груди забилося громче, и поморщился, когда его пронзила сильная боль.

— Я помню, как Ричард разрушил Дворец Пророков. Великое строение, хранившее так много информации. — Он прикусил нижнюю губу. — Но мир выжил без этих знаний. Я ценю уверенность и отвагу генерала Зиммера, но Верна указала мне, что неуместный оптимизм — удел глупцов.

— Но подумайте обо всех жертвах, которые потребовались ради создания Твердыни! — простонала Глория.

— Магия Твердыни принадлежит человечеству, тем, кто знает, как ее использовать, — высказалась Перетта.

— Во благо, а не во зло, — сказал Натан. — Мы должны смотреть фактам в лицо. Этот архив был укрыт саваном на протяжении трех тысяч лет, и никто не использовал магию ни во благо, ни во вред. Наша цивилизация, тем не менее, худо-бедно развивалась. Мир не стоял на месте. — Он постучал ногтями по деревянной поверхности стола. — Однако вскоре после открытия архива Роланд злоупотребил заклинанием и превратил себя в Поглотителя жизни — ненасытного монстра. Виктория пошла по его стопам. Лучше, чтобы эта магия вообще никогда не была открыта. Мы были бы в большей безопасности.

Глория отвела взгляд, смущенная упоминанием о своей наставнице. Остальные помнящие стали перешептываться.

— А еще был студент Элберт, — суровым тоном подхватила Верна. — Он расплавил архив пророчеств заклинанием Плачущего камня, которое не мог контролировать. И все это лишь случайности! Подумайте, насколько хуже будет, если Утрос намеренно использует знания, чтобы уничтожить любого, кто ему противостоит.

— Мы все равно должны попытаться защитить каньон, — стоял на своем Зиммер. — Мои люди готовы. Мы можем все спланировать, расставить ловушки, убить множество врагов. У нас никогда не будет лучшей позиции для отпора. — Он сглотнул. — Но если мы потерпим неудачу, если генерал Утрос пройдет в каньон, сможем ли мы уничтожить архив? Только тогда, не раньше?

— Как мы это сделаем? — спросила Ольга. — Сожжем все книги? Запечатаем туннели? Как мы можем сделать это достаточно быстро, если вражеская армия прорвется?

У Верны было отстраненное выражение лица, и Натан нахмурился, глядя на нее.

— О чем ты думаешь, моя дорогая?

— Заклинание Плачущего камня. Быть может, просто нужно использовать его в полную силу.

Глава 44

Покинув порушенный храм сильфиды, Никки направилась в гавань Серримунди, где все еще ощущались последствия налета норукайцев. На входе в устье гавани возвышалась скала с высеченной в камне фигурой Матери морей. Затонувшие корабли с расколотыми мачтами торчали из воды, походя на чьи-то цепкие руки. Несколько доков были разбиты, сваи вырваны с корнем и повалены.

Гавань представляла собой полосу препятствий из затопленных грузовых судов, рыбацких лодок и уничтоженных змеиных кораблей. Рыбаки, пришлые моряки, мореходы Серримунди и портовые рабочие сообща восстанавливали город.

Некоторые корабли сгорели до ватерлинии, другие накренились, набрав воду в трюмы. Подобно жукам-

мясоедам, счищающим мясо с трупа до костей, портовые рабочие ползали по затонувшему кораблю, который блокировал главные доки. Пилами, ломами и молотками они разбирали судно до шпангоутов и киля.

— Обвяжите веревкой самый нижний шпангоут под ватерлинией, — крикнул мужчина с голым торсом, загорелой лысиной и густой черной бородой. Стоя в конце причала, он бросил моток веревки в воду. — Лебедкой мы вытащим этот проклятый змеиный корабль из главного канала.

Четверо мускулистых парней подхватили веревку и поплыли к полузатонувшему змеиному кораблю. Никки узнала высокомерных ныряльщиков за жемчужинами желаний и удивилась, что они трудятся наравне со всеми. Пловцы достигли обломков и глубоко нырнули, потянув за собой веревку.

Мужчины на небольших шлюпках оттаскивали плавучие обломки на каменистый пляж в дальнем конце гавани, где другие вытаскивали их из воды. Люди складывали хорошие доски и бревна выше линии прилива, а остальное сжигали в большом костре.

Несмотря на масштабное восстановление Серримунди, Никки была уверена, что норукайцы нанесут новый удар. Не так давно она прибыла сюда, чтобы предупредить народ об армии генерала Утроса, но им пришлось столкнуться с кровожадными налетчиками. Убитый ею капитан Кор хвалился, что норукайцы также атаквали Илдакар.

Да, у Никки еще много врагов.

Она наткнулась на тучного торговца, одетого не по сезону тепло: на нем была темная шерстяная куртка поверх жилета, застегнутого на все пуговицы. Перед открытым складом были навалены в кучу обгоревшие деревянные ящики. Мужчина вскрывал их монтировкой и осматривал содержимое. Он работал один.

Никки остановилась перед ним.

— Где найти хозяина порта Отто?

Торговец сильно вспотел в своей теплой одежде.

— Я разорен. Я потерял половину своего товара.

— По крайней мере, ты не потерял свою жизнь.

Торговец выдохнул через сжатые зубы, неохотно соглашаясь.

— Хозяин порта осматривает поврежденные корабли. — Он указал на один из главных доков. — Поищите на борту «Туманной девы».

Никки знала этот корабль. На нем она сражалась с норуйцами и убила Кора. Когда она ушла, торговец вытащил зеленые и синие шелка из ящика, нахмурившись при виде пропитавшей ткань крови.

— Загублено, все загублено.

Не потребовалось много времени, чтобы найти трехмачтовое грузовое судно. Команда старательно отскребала с палубы кровавые пятна. Один человек повис на высокой рее, орудуя снастями с ловкостью паука.

— Хозяин порта! — крикнула она, подходя ближе.

Матросы подошли к поручням, чтобы посмотреть на нее. Некоторые заликовали.

— Это Никки. Мы снова в безопасности!

— Вы не в безопасности, пока не научитесь защищаться, — ответила она и без приглашения поднялась по сходням на палубу.

Хозяин порта Отто сидел на бочке рядом с Гэнли. Капитан «Туманной девы» был обручен с дочерью Отто. Хозяин порта взглянул на Никки из-под широкополой шляпы. Взгляд его карамельных глаз был тяжелым после стольких смертей и крови.

— Никки! Я думал, ты вернулась в Ильдакар.

— Я пыталась. Как долго меня не было?

Отто задумчиво почесал бороду:

— Норукайцы напали десять дней назад. — Он глубоко вздохнул. — Без тебя мою милую Ширу, ее деток, да и меня самого убили бы. Ты заставила нас проявить стойкость. Серримунди никогда этого не забудет.

Капитан Гэнли шагнул к ней с радостной улыбкой, будто намереваясь обнять, но замешкался при виде ее холодности.

— Здесь так много разрушений, что на восстановление города уйдет не один год.

— Если норукайцы не нападут снова, — сказала Никки, и оба мужчины побледнели. — И не забывайте об армии генерала Утроса. Не время расслабляться.

— Неужели все действительно так плохо? — спросил Отто. — Серримунди процветал на протяжении столетий. Мы сохранили нашу независимость даже при Имперском Ордене.

— Это другое, — ответила Никки. — Утрос намерен завоевать Древний мир, а норукайцы — дикие звери. Они хотят совершать набеги и грабить, а не заниматься мирной торговлей.

Дозорный на высокой скале у входа в гавань ударил в бронзовый гонг; загорелся сигнальный костер, поднимая в воздух клубы бледного дыма.

Отто прикрыл глаза ладонью:

— Приближается корабль.

В воздухе повисло напряжение, как перед грозой. Люди столпились у доков, глядя на устье гавани и гигантскую Мать морей. Они боялись, что это норукайские змеиные корабли.

Гэнли с трудом сглотнул.

— Мы еще не готовы к новой битве.

Когда дозорный еще два раза ударил в гонг, Отто заметно расслабился. Никки ждала отчета.

— Что это значит?

— Это не военный корабль, — сказал Отто. — Призыва к оружию не прозвучало.

Низкое судно с залатанными серыми парусами проскользнуло мимо гигантской каменной фигуры. Корпус был темным и грязным, но корабль легко и быстро вошел в гавань.

— Охотники на кракенов, — с отвращением произнес Гэнли.

— Не просто охотники, — сказал Отто. — Это «Преследователь», корабль моего брата Джареда.

Пока темный корабль ловко скользил меж затонувшими судами и торчащими мачтами, Никки восхищалась мастерством капитана. Капитан Джаред, казалось, знал каждый парус, каждый такелажный канат, каждую причуду ветров и течений. Он держал курс и лавировал в тесном пространстве. На палубе «Преследователя» толпились сотни потрепанных мужчин, женщин и детей. Нагруженное таким количеством пассажиров кракенобойное судно опасно низко сидело в воде, но капитан умело направил его к ближайшему свободному месту на пирсе. На носу стоял темноволосый мужчина. Щербинка между передними зубами, глаза и нос были совсем как у Отто.

Никки направилась за хозяином порта туда, где пришвартовывался «Преследователь». На причал перекинули три узкие доски, и по ним стали торопливо сходить беженцы, желавшие поскорее вернуться на сушу. Плачущая девочка вцепилась в руку матери, на голове которой виднелись воспаленные красные кровоподтеки. Люди сошли с «Преследователя» и столпились у пирса, дезориентированные и потерянные. Некоторые упали на колени, восхваляя Мать морей. На многих были окровавленные повязки, бинты и лубки, у кого-то — просто синяки.

Никки и Отто пробирались через толпу шумных беженцев, задавая вопросы. Люди были грязными и выглядели потрясенными.

— Норукайцы уничтожили Эффрен, — сказал мужчина с черным фингалом. — Наш город сожжен дотла. Сотни людей взяты в плен, наших женщин изнасиловали.

Пожилая женщина рядом с ним застонала.

— Десять змеиных кораблей пришли ночью под командованием человека по имени Ларс.

— Норукайцы никогда не нападали на Эффрен. Они не заходят так далеко на север, — добавил мужчина. — Некоторые из нас спрятались в погребах. Другие бежали в горы. Те, кто остался сражаться... — Он с трудом сглотнул, не в силах подобрать слов.

— Всех, кто сопротивлялся, убили, — закончила за него старуха.

Никки ощутила вспышку гнева.

— Я убила капитана Кора, но я помню Ларса. Они прибыли в Ильдакар с партией рабов.

Беженцы торопились, хотя идти им было некуда. Никки и хозяин порта продолжили протискиваться через толпу к кракенобойному судну. Еще на подходе они почувствовали зловоние. Корпус и палуба «Преследователя» были пропитаны жиром и давно затвердевшей слизью. Она помнила охотников на кракенов со времен своей жизни в Танимуре; туда часто приходили корабли, груженные вонючим мясом кракена, жиром и кожей.

После высадки беженцев капитан Джаред спрыгнул с носа судна и направился к ним.

— Брат, похоже, со времени моего отбытия в Серримунди было некоторое волнение.

— На нас напали норукайцы, — сказал Отто. — Мы одолели их, но не без потерь.

— Вам повезло больше, чем Эффрену, это я тебе гарантирую, — сказал Джаред, и лицо его потемнело. — Норукайцы не оставили ничего, кроме развалин и трупов. Когда мы прибыли туда, я погрузил на лодку столько выживших, сколько смог, и доставил их сюда. Некоторые остались разбирать завалы.

Отто посмотрел на людей, бесцельно бредущих по докам.

— Беженцы смогут зарабатывать себе на пропитание, помогая нам отстраиваться, но из-за разбитой гавани и перепуганных торговцев припасов осталось не так много, чтобы прокормить всех.

— Вы справитесь, — сказала Никки, не допуская возражений. — Все эти люди — потенциальные бойцы, которые помогут отразить очередную атаку норукайцев или противостоять армии генерала Утроса. Они нужны вам.

Джаред одарил ее ослепительной улыбкой, обнажив щель между передними зубами.

— А это кто? — Даже после суровых испытаний и спасения несчастных беженцев, толпившихся на борту его корабля, капитан был необычайно весел.

— Это я предупредила Серримунди, чтобы они усилили оборону, пусть и с опозданием. — Она говорила ровным тоном, не испытывая удовлетворения от своей правоты. Ей было любопытно узнать точную и свежую информацию. — Если капитан Ларс напал на Эффрен, это значит, что на побережье орудует не один отряд норукайцев. Другие корабли вполне могут ударить по Серримунди и остальным городам.

Джаред мрачно кивнул:

— Выжившие в Эффрене говорят, что с побережья Ларрикан уже несколько дней не было никаких вестей, а это дальше на юг. Полагаю, этот город мы также найдем в руинах.

Никки знала, что великая армия генерала Утроса приближается, а теперь еще и норукайцы...

Она повернулась к хозяину порта:

— Мне нужно на север, в Танимуру, к местному д'харианскому гарнизону. Древний мир должен объединиться. — Когда Отто непонимающе посмотрел на нее, не реагируя так быстро, как ей того хотелось, она рывкнула: — Мне нужна быстрая лошадь, чтобы я могла доскакать в Танимуру по побережью. Я хочу уехать в течение часа.

— Зачем вам вонючая лошадь? — усмехнулся Джаред. — За столько дней в седле вы все отобьете и покроетесь пылью. — Он указал на серые залатанные паруса «Преследователя» и произнес с искренней гордостью, будто восхваляя красивую женщину: — Мой корабль в десять раз быстрее лошади, если у нас будет попутный ветер.

Никки решила, что под парусом и правда будет куда быстрее.

— Мой дар обеспечит нам попутный ветер.

Джаред рассмеялся:

— Колдунья на борту моего корабля. Это освежит обстановку.

— На кракенобойных суднах свежести очень не хватает, — скорчив гримасу, сказал Отто. — Но это лучший вариант, Никки, если стерпите вонь.

Она подумала обо всех испытаниях, выпавших на ее долю.

— Дурной запах я переживу.

Глава 45

После выхода в открытое море норукайцы стали нетерпеливыми и шумными. Они стучали в щиты и топали по па-

лубе, словно их набег на Ильдакар можно было назвать победой, а не поражением.

Когда солнце село, они начали скандировать:

— Змеиный бог! Змеиному богу нужна кровь.

Мелок размахивал руками в воздухе:

— Змеиный бог спасет нас, но он голоден. — Шаман вцепился в короля. — Змеиному богу нужна кровь, мой король, мой Скорбь.

Король хмуро посмотрел на него сверху вниз:

— Ты уверен, что змеиный бог спасет нас? У тебя было видение?

— Змеиный бог спасет часть из нас, но я не скажу, кого именно! — Мелок захихикал. — Секрет!

Король Скорбь окинул взглядом прикованных к палубе рабов, жавшихся друг к другу, и его взгляд остановился на самом слабом и измученном пленнике.

— Возьми вон того. Разожжем аппетит змеиного бога.

Раб стонал и сопротивлялся; остальные пленники вжалась в борт корабля, словно желали стать невидимыми. Бэннон натянул цепь, пытаясь освободиться — хотя и понятия не имел, чем помочь бедняге. Лила волком смотрела на короля, возясь со своими узами; вскоре ее запястья начали кровоточить.

Скорбь на всякий случай заехал Бэннону по скуле, а потом потерял к нему интерес. Обреченный тощий раб боролся, но безуспешно. На нем не было рубашки, и кожа на дочерна загоревшей спине покрылась волдырями и шелушилась. Казалось, прошла целая вечность с тех пор, как мужчина был мелким дворянином в Ильдакаре.

Налетчики ринулись к борту корабля и принялись стучать по древесине древками копий, боевыми молотами и рукоятями мечей, громогласно призывая монстра из толщи воды.

— Змеиный бог глубоко! — закричал Мелок. — Но змеиный бог голоден! Змеиный бог спасет. — Он резко съежился и захныкал. — Но не всех.

Норукайцы не стали устраивать церемоний. Скорбь просто подтащил пленника к борту и заставил склониться над водой. Одним яростным взмахом кинжала он перерезал мужчине горло. Кровь фонтаном хлынула из глубокой раны, и Скорбь, ухватив раба за пояс, склонил того над волнами, чтобы кровь стекала по корпусу корабля в море.

Норукайцы продолжали в предвкушении колотить по палубе, в то время как пленники стонали от ужаса.

— Змеиный бог глубоко, — сказал Мелок, — но он будет есть.

Когда поток крови иссяк, Скорбь перекинул тело за борт. Мертвец дрейфовал позади трех кораблей и медленно тонул, но змеиный бог не появлялся, хотя они провели в напряженном молчаливом ожидании уже много минут. Норукайцы разочарованно заворчали.

Бэннона сжигал гнев из-за потери товарища по несчастью. Лила кипела от злости, молча наблюдая за жертвоприношением. Исподволь она продолжала бороться с путами, выкручивая и раздирая запястья; но даже если она избавится от веревки на руках, цепь по-прежнему будет приковыливать ее к палубе.

* * *

Ночью змеиные корабли продолжили идти под парусами; норукайцы ориентировались по звездам. Связанный Бэннон лежал при тусклом свете фонаря и никак не мог заснуть. Лежавшая Лила напоминала свернутую пружину. Присутствие девушки несколько успокаивало. Темные паруса сливались с ночным небом, и их можно было заметить только

когда они заслоняли звезды. Он слушал плеск волн, ласкавших корпус корабля.

Мелок свернулся на палубе и заснул. Вскоре он проснулся и торопливо перебрался на другое место, где уснул вновь. Шаман выглядел нервным.

Бэннон знал, что даже если ему с Лилой удастся освободиться, бежать некуда. Они находились посреди океана и ни за что не сумеют доплыть до берега. Он лежал на палубе, стиснув зубы. Лила лежала так тихо, что он не понимал, спит она или бодрствует. Его пульс отсчитывал секунды нахождения в плену, заставляя ценить каждый миг, пока он еще жив. Как только корабли достигнут Норукайских островов, ситуация может измениться к худшему.

Слушая бриз, треск парусов, скрип дерева, шепот волн и храп норукайцев, он уловил другой звук — влажные шорохи, словно кто-то ползет вверх по корпусу. Лила мгновенно насторожилась, села прямо и начала возиться с веревкой на запястьях.

На Бэннона накатила волна ледяного ужаса, когда он увидел тень, поднимающуюся над перилами и скользящую на палубу. В следующий миг появился второй силуэт.

Вдруг с двух соседних кораблей послышались встревоженные крики. С палуб доносились звуки сильных ударов, звон стали и шум битвы. Бэннон вскочил и натянул цепь. Лила стояла рядом, напоминая загнанного в угол сторожевого пса.

Разбуженные норукайцы хватались за оружие, готовые к битве. Бэннон увидел третье покрытое чешуей существо, перебравшееся через борт на палубу. Оно двигалось с прытью мелких рыбешек, снующих в ручье. Появилось еще пятеро силуэтов с блестящими от влаги и слизи телами. У них были большие глаза и широкие рты, полные острых игольчатых зубов, а жаберные щели на шеях походили на влаж-

ные раны. Перепончатые руки оканчивались мощными когтями.

— Сэлки... — У Бэннона скрутило живот, а затем он заорал что есть мочи: — Сэлки! — Цепь обжигала лодыжку, пока он боролся с веревкой на запястьях. Он рывкнул на толпу просыпавшихся норукайцев: — Освободите нас! Я не хочу умирать, как выпотрошенная рыба. Дайте хотя бы сразиться! — Он знал, что сделают с ними сэлки.

Лила скривилась, выворачивая запястья, и по ее предплечьям потекли новые струйки крови.

— Я не позволю им тебя убить, мальчишка, — по крайней мере, без боя.

Разбуженные налетчики похватали боевые топоры, молоты и искривленные мечи, а сэлки все лезли на корабль. Морской народ был зеленовато-серым, и лишь на плавниках были яркие неровные полосы синего оттенка. Сэлки бросились на норукайцев, размахивая когтями и вспарывая грудные клетки.

Одна сэлка схватила норукайку за предплечье и яростно вонзила зубы. Клыки прошли через кожу и кости, отделив руку, и меч женщины с лязгом упал на палубу. словно не замечая боли, норукайка замахнулась и ткнула окровавленной культей в лицо сэлке, выбив той глаз неровным обломком кости.

Сэлки по трое наваливались на налетчиков, разрывая на части, перерезая горла, отрывая покрытые шрамами челюсти, вспарывая грудные клетки и пожирая трепещущие красные сердца. Но норукайцы тоже убили немало сэлок. Король Скорбь одним взмахом боевого топора обезглавил сразу двух тварей. Головы покатались по доскам, разевая широкие пасти и напоминая рыб, умирающих под палящим солнцем.

Мелок бледным пугалом метался по освещенной звездами палубе и размахивал руками.

— Рыбий народ. Рыбий народ! Не хочу, чтобы меня съели рыбы!

Взмахом мощной руки Скорбь оттолкнул шамана к бочкам с водой на носу корабля:

— Осторожнее, Мелок. Держись позади меня.

Рабы ныряли в любое укрытие, которое только могли найти, и гремели цепями в отчаянных попытках освободиться. Бэннон дернул ногой, и воткнутый в палубу штырь качнулся, но устоял.

Одна сэлка-самка выглядела величественнее остальных; ее золотисто-зеленая чешуя была покрыта леопардовыми пятнами. Яркие глаза смотрели на норукайцев так, словно перед ней был сервирован банкет. Бэннон узнал королеву сэлок.

Норукайский воин подбежал к ней, замахаясь шипастой булавой, но королева воткнула острый коготь ему под подбородок — словно рыбак, насадивший на крючок карпа. Королева оторвала мужчину от палубы и швырнула за борт, будто бесполезный хлам.

Ближайший к Бэннону и Лиле мускулистый сэлка подошел к пленникам, вытянув когти на перепончатых руках. Он счел прикованных рабов легкой добычей.

Вскрикнув от усилия, Лила наконец освободила запястья и отбросила веревку. Когда сэлка-самец подобрался ближе, она схватила цепь на лодыжке и потянула что было сил. Крепление с треском вырвалось из палубы как раз в тот момент, когда противник бросился на них, и этого оружия ей было достаточно. Лила взмахнула гремящими звеньями, взрезав острым концом штыря кожу на лице существа. Он прижал перепончатые руки к изуродованному рту, невнятно что-то бормоча. Лила снова стеганула цепью ему по голове,

раздробив висок. Сэлка упал в лужу слизи и крови возле ее ног.

Оглядевшись, она опустилась на колени рядом с Бэнноном и стала возиться с толстым узлом веревки на его запястьях, до крови обламывая ногти. Наконец, веревка поддавалась. Юноша согнул руки в локтях, готовый пустить в ход кулаки, если не останется ничего другого, но штырь все еще крепил его цепь к палубе.

Приблизились еще трое оскалившихся сэлок, готовые убить Лилу в отместку за товарища. Бэннон метнулся к креплению, не обращая внимания на вспышку боли, которая пронзила лодыжку и стрельнула по ноге. Тяжелый штырь пошатнулся.

Когда сэлки приблизились к ней, Лила развернулась, держа свою цепь, защищая Бэннона. Он тянул за свободные звенья, раскачивая штырь и чувствуя, как раскалывается дерево.

— Почти... почти!

Лила размахивала цепью, свистя в воздухе наконецником, и сэлки отпрянули. Мощным усилием Бэннон, наконец, вырвал свою цепь. Он не ожидал этого, и упал на колени.

Теперь сэлки повернулись и к нему.

Неожиданно к ним скользнула королева, изящная и необычайно красивая.

— Не этого, — сурово прошипела она приказ своим последователям. Она задержала взгляд золотистых глаз на Бэнноне и настойчиво потребовала: — Не этого. — Королева указала на него когтистым пальцем и добавила: — Я помню.

Трое сэлок понуро отступили, а королева бросилась на норукайцев. Остальные сэлки оставили связанных рабов, удовлетворившись множеством других жертв, которых дозволялось убить.

Король Скорбь взревел, рубя врагов боевым топором. Он продолжал сражаться, залитый кровью и слизью. Мертвый морской народ лежал по всей палубе. Мелок скрючился среди бочек и ящиков на носу змеиноного корабля.

— Мой король, король Скорбь! Я буду скорбеть!

Скрежеща зубами и щелкая челюстями, норукайка бросилась на перехват королеве:

— Я выпотрошу тебя, сука!

Она прошла мимо рабов, будто их вообще не существовало. Бэннон взмахнул вырванной с корнем цепью, угодив в толстую ногу норукайки, и повалил ее на палубу. Ее лицо перекосилось от удивления, и она бросилась на Бэннона, но он ударил цепью по виску, проломив череп. Женщина хрюкнула, а затем рухнула на палубу; из ее ушей и рта текла кровь.

Королева сэлок увидела, что он сделал, и издала одобрительное шипение. Лила тоже это заметила.

— Не заигрывай с ней, мальчишка.

Королева сэлок выбрала дюжего короля норукайцев в качестве следующей цели. Она двинулась вперед, неистово красивая и грациозная, как сама смерть. Когда Скорбь увидел ее, то признал в ней главного противника. Тяжелым взмахом он погрузил топор в грудь ближайшего сэлки. Изогнутое лезвие глубоко вонзилось в плоть сквозь треснутые кости, и Скорбь надавил сапогом на грудь существа, чтобы вырвать оружие.

Он повернулся к королеве. Четверо воинов-сэлок окружили ее с боков, а Скорбь занял позицию у узкой носовой части. Резная фигура змеиноного бога взирала в темноту.

По всей палубе сэлки и норукайцы сражались, убивали и умирали, превращая вычищенные доски в кровавую топь. Скорбь щелкнул покрытыми шрамами челюстями и устался на королеву. Она, в свою очередь, растопырила пере-

пончатые когтистые пальцы и присела, не боясь его огромного топора. Все сэлки приготовились прыгнуть одновременно, собираясь разорвать короля на части. Скорбь замахнулся, чтобы сражаться не на жизнь, а на смерть.

Внезапно между ними промелькнула бледная фигура. Мелок вопил, размахивая руками. По его белому лицу текли слезы.

— Нет, нет! Ты не отнимешь у меня короля. Мой король!
— Он бросился на королеву сэлок, безоружный, незащищенный.

Молниеносным движением она вонзила когти в живот Мелка ниже пупка, затем резко дернула руку вверх, распоров его от паха до грудины, словно потрошив рыбу. Внутренности Мелка выскользнули из огромной раны.

— Мой король... — булькнул он, рухнув на колени.

— Мелок! — Изуродованный рот норукайского короля открылся в полном недоумении.

Бэннон почувствовал отвращение и ужас. Он терпеть не мог альбиноса со шрамами, но такое...

Вторым жестом королева сэлок разорвала горло Мелку и швырнула шамана на палубу, как окровавленную белую тряпку.

— Нет! — вырвался крик из горла и сердца короля Скорбь, будто только что пришел конец всей его вселенной.
— Нееет!

В безумной кровавой ярости он бросился вперед, и к нему присоединились выжившие норукайцы, удвоив натиск.

Глава 46

— Времени больше нет, — объявил Зиммер.

Все в Твердыне понимали, что он прав. Несколько д'харианских разведчиков вернулось с известиями о том, что армия уже пересекает плодородную долину, оставляя разрушения на своем пути.

— В этом нет никаких сомнений, сэр, — доложил покрытый пылью паренек. — Генерал Утрос направляется прямо в эти каньоны. — Он вытер пот со лба. — Они намерены захватить Твердыню.

— Ава указала путь, — сказала Верна; ее ноздри трепетали от гнева.

Натан не спал с самого первого экстренного совещания и подозревал, что пройдет немало времени, прежде чем снова сможет выспаться.

Он повернулся к Верне:

— Пришло время эвакуировать местных жителей и ученых в безопасное место. Некоторые из нас останутся дать последний бой. Мы неплохо потрудились над укреплениями и, возможно, сможем спасти Твердыню.

По всему каньону недаренные рабочие упаковывали все, что можно было унести. Многие жаловались на необходимость оставить все нажитое.

— Мы не можем бросить тут все, — сказал пастух, который пытался загнать стадо в конец каньона, где тропинки круто поднимались к высокому плато.

Натан покачал головой:

— Спасай семью. Тебе придется начинать все заново, но ты не сможешь этого сделать, если погибнешь.

Пастух упрямо продолжал подгонять овец.

Натан беспокойно расхаживал взад-вперед, положив руку на изысканный меч у бедра. В лавках Твердыни он купил новую одежду: темно-синий жилет, подчеркивавший голубые глаза, и прекрасный дорожный плащ, который подошло носить настоящему искателю приключений.

Мужчины и женщины с грустью покидали жилища в скале, торопливо спускаясь по каменным ступеням и деревянным лестницам. Родители вели детей к извилистым тропкам, уходивших к высокогорью. Торн и Лайес сопровождали их как бдительные стражи.

Д'харианские солдаты неустанно тренировались и разрабатывали действенные способы удержать узкий вход в каньон. Генерал Зиммер и волшебники все еще были уверены, что смогут остановить врага. Рабочие вырыли ямы, возвели баррикады из пик и установили многочисленные скрытые ловушки. Солдаты взбирались на скалы и заготавливали камни, которые вскоре сбросят на древнюю армию.

В каньоне был замечен дух Авы, но Ольгия успела позаниматься с многочисленными одаренными учениками, обучив их заклинаниям искажения, маскирующим чарам и туманным завесам. Им удалось сбить с толку злой дух.

Мастер формы Перри вместе с несколькими проворными солдатами поднялась на скалу над входом в каньон, по пути формируя из камня поручни и ступени. Десять д'харианских солдат расположились в засаде на высоте, и при каждом был лук и корзина стрел. Как только захватчики приблизятся к преграждающим вход отвесным скалам, на них обрушится ливень стрел. Орон, Ольгия и Лео обсуждали, как использовать магию против врага.

Верна с Натаном наблюдали за приготовлениями. Аббатиса поджала губы, напряженно нахмурившись.

— Если эта горстка защитников сможет удержать каньон, то я успокоюсь. — Она вздохнула. — И очень удивлюсь. Если ты потерпишь неудачу, я буду готова обрушить скалы и уничтожить эту опасную библиотеку. Я изучила заклинание Плачущего камня. Оно запечатывает архив, и знания никогда не попадут в руки врага.

Он вздрогнул под ее стальным взглядом:

— Будь очень осторожна, моя дорогая аббатиса. Мы уже видели, что могущественная магия может уподобиться неконтролируемому лесному пожару.

Она скептически нахмурилась:

— Ты имеешь в виду Элберта и разрушенное хранилище пророчеств? Мы видели, что происходит, когда неподготовленный новичок не может совладать со своим даром. У меня немного больше опыта. — Лицо Верны смягчилось, и она положила руку на плечо Натана. — Но я буду осторожна.

Они поднялись по узкой каменной тропке к главному архиву. В залах и туннелях ученые в суматохе сортировали наиболее важные документы, а помнящие пролистывали тома, сохраняя тексты в памяти.

Франклин не мог решить, какие тома спасти, поскольку их было слишком много.

— Скоро мы должны уйти, но что мне делать? Мы каталогизировали только незначительную часть книг. Как мы узнаем, какие из них самые нужные? — Он провел ладонями по каштановым волосам. — Когда Саймона убили, я стал ученым-архивариусом, но я не знал, что мне предстоит сделать такой выбор. В хрониках я останусь человеком, который позволил уничтожить Твердыню. Ради чего?

— Чтобы спасти мир, — сказала Верна. — Это не бесполезный шаг.

Натан постарался, чтобы в его голосе звучал оптимизм:

— Если мы сможем отбить гигантскую армию, нам не придется уничтожать архив; все смогут вернуться домой и отпраздновать это событие.

Аббатиса Верна фыркнула и направилась к восьми сестрам Света, корпевшим над книгами по опасной магии в надежде изучить новые заклинания, которые можно испро-

бовать на генерале Утресе. Они уже обнаружили несколько техник и хотели бы их освоить, но время было на исходе.

Юная Эмбер раскраснелась и имела потрясенный вид. Она рассматривала несколько разложенных пред ней книг, но не могла решить, какую прочесть первой.

— Теперь я знаю, что чувствовал мой брат, когда командующий оставил его защищать бухту Ренда. У него тоже было всего пятьдесят солдат.

— У него было гораздо больше, моя дорогая, — сказал Натан, пытаясь успокоить ее. — Он весьма изобретателен, а жители бухты Ренда были настроены дать норукайцам отпор. Мы действуем так же. — Он завернулся в новый плащ, наслаждаясь мягкостью ткани. — Правда, у армии Утреса намного больше бойцов, чем было налетчиков в бухте Ренда...

Эмбер кивнула.

— Если Норкросс сделал это, то и я смогу. Я скучаю по брату. Как думаете, мы когда-нибудь увидимся?

Натан одарил ее ободряющей улыбкой.

— Конечно.

— При условии, что переживем следующие два дня, — поправила Верна.

— Вечный пессимист, — фыркнул Натан.

Верне было не до смеха.

— Как уже много раз говорила, я реалист. Сейчас важно, чтобы все люди оказались в безопасности. Здесь останутся только бойцы — солдаты и одаренные.

— Мы будем обороняться изо всех сил, — сказал Натан. — Тебе нужно еще раз взглянуть на закливание Плачущего камня или ты уверена, что запомнила все аспекты?

— Я уверена, и у меня есть магический песок, — сказала Верна. — Если защита не выдержит, тогда — и только тогда — я запущу закливание и расплавлю скалу. — Она одарила

его жесткой улыбкой. — Обещаю ждать до последнего момента, но если мне действительно понадобится задействовать заклинание, то я уничтожу как можно больше солдат врага.

Глава 47

Королева сэлок разорвала Мелка на части и швырнула тело в лужу из его же крови и внутренностей.

Король Скорбь обезумел. Он превратился в монстра с остекленевшими глазами, наполненными яростью. Он издал бессловесный первобытный рев, который заставил бы содрогнуться волков. Скорбь одной рукой взмахнул боевым топором, а другой выхватил разделочный нож. Одним ударом он отсек голову ближайшей сэлке, и королева отскочила, как грациозная рыба. С ее когтей все еще капала кровь Мелка, а протяжное шипение походило на издевательский смех.

Королева мягко приземлилась на перепончатые ступни, оказавшись вне досягаемости его оружия. Скорбь бросился на нее, словно бешеный бык, размахивая топором из стороны в сторону, но она увернулась и ускользнула.

Временами на поле боя Бэннон погружался в красный туман, превращаясь в боевой вихрь. После он не мог вспомнить, что делал, лишь видел тела своих многочисленных жертв. Он оставался жив, хотя и с сотней ран, о которых не помнил. Сейчас Скорбь пребывал в таком же неистовстве.

Три сэлки навалились на короля, но он в ярости рубил их конечности и головы. Скорбь метнул разделочный нож в королеву, но она отклонилась; лезвие скользнуло мимо, едва задев чешую на груди, и вонзилось в широкую спину норукайца, сражавшегося с другой сэлкой. Норукаец потянул-

ся за спину, удивленно нашаривая кинжал, а противник воспользовался заминкой и разорвал горло налетчика.

Бэннон стоял среди криков, воплей и звона мечей на палубе корабля. Его запястья были свободны, а железная цепь на лодыжке больше не крепилась к палубе. Он был готов сражаться насмерть, хоть и знал, что вряд ли выживет в этой резне.

Лила медлить не стала. Желая сражаться, она выхватила искривленный меч из отрубленной руки на палубе.

— Вооружайся, мальчишка! — рывкнула она, отпихнув конечность и вскинув клинок. — Даже если королева сэлок не хочет убивать тебя, этого желают норукайцы.

Скребя цепью по доскам палубы, Бэннон подбежал к мертвому налетчику в луже крови и забрал меч. Он взмахнул оружием, чтобы почувствовать баланс.

— Не Крепыш, но сойдет. — Ему нравилось ощущать вес стали в руке, слышать свист лезвия, рассекающего воздух.

Две сэлки с шипением приблизились, готовые убивать, но узнали Бэннона и решили выбрать другую цель.

Другие рабы беспомощно стонали, по-прежнему прикованные к палубе.

— Это не наша битва, Лила, — принял решение Бэннон. — Пусть сэлки и норукайцы убивают друг друга. Прикрой меня, пока я освобождаю пленников.

Она заняла позицию рядом с рабами, держа меч наготове, чтобы сразиться с любым приблизившимся врагом. Бэннон наклонился и перерезал путы на их запястьях. Лила протянула рабам прочные ножи, которые подобрала на палубе с мертвого норукайца.

— Вытаскивайте штыри. Рубите доски, если будет нужно.

— Мелок! — Заорал король, широко открыв рот; его язык болтался, как лоскут мяса. — Мелок был моим защит-

ником. — Несмотря на то, что королева сэлок пряталась среди других бойцов, Скорбь приблизился к ней и замахнулся топором. — Мелок был моим другом!

Королева ушла вниз и в сторону; лезвие топора ранило ее в плечо. Пятнистый гребень на ее голове и спине вспыхнул, как полотно пилы, и по чешуйчатой коже потекла кровь. Он загнал королеву в угол у борта, но она перепрыгнула через борт и по изящной дуге вошла в морские волны. Когда королева сбежала, Скорбь взревел в небо так громко, словно хотел расколоть небесный свод.

Звуки боя эхом раздавались с двух соседних кораблей. Бэннон знал, что у тех рабов не было его защиты. Окинув взглядом палубу, он насчитал около пятидесяти мертвых сэлок, и еще больше изрубленных тел упало за борт вместе с убитыми норукайцами. В темных волнах кишели сэлки. Одни пировали, поедая плавающие тела норукайцев, в то время как другие взбирались по корпусам змеиных кораблей.

На окровавленной палубе Лила поворачивалась из стороны в сторону, выставив перед собой меч. На ее напряженном лице не было страха, и Бэннон восхитился ее красотой. Жестокость была частью природы Морасит.

— Я рад, что ты здесь, — тихо просипел Бэннон.

Несколько сэлок атаковали корабеля Гару, вцепившись в ее спутанные седые косы. Она врезала одному существу массивным кулаком, другого ударила мечом, но два новых противника вцепились острыми зубами ей в плечо и бок, тисками сжимая челюсти. Гара продолжала бороться, хотя они рвали ее плоть. Не устояв, она перевалилась через борт, и все трое упали в воду. Еще несколько сэлок принялись обдирать Гару до костей. Кровавая вода казалась темным вином.

Неожиданно морской народ заметался в ужасе. Вместо громкого шипения теперь повсюду слышались бурные всплески. Королева сэлок издала резкий призывный крик.

Какая-то огромная тень двигалась под водой. Существо изогнулось, и длинный зазубренный плавник прорезал водную гладь между двумя отставшими змеиными кораблями. Существо скользило, проходя через стаи сэлок острым лезвием. Некоторые метнулись прочь, блеснув чешуей и уходя на глубину.

— Пресвятая Мать морей! — ахнул Бэннон.

Огромная змеиная голова с плавниками по бокам поднялась над водой, щелкая челюстями, выдыхая воду и пар. Морской змей возвышался подобно мачте норукайского корабля. Жабры его раздулись, блеснули колючие плавники. Он издал оглушительный рев, молниеносно метнулся вниз, и выхватил из воды четырех сэлок.

— Змеиный бог! — заликовали норукайцы. — Змеиный бог!

Налетчики воодушевились и удвоили натиск, а сэлки попятились в первобытном ужасе, когда над ними навис монстр. Бэннон подумал, что пролитая в кровь и вспененная вода привлекли подводного хищника. Или всему причиной кровавое жертвоприношение на закате?

Змеиный бог метался за добычей, словно лиса в курятнике. Налетчики на палубе теснили морской народ, рубя на куски с дикой отрешенностью. Сэлки не могли спастись в воде, ведь там поджидал змеиный бог. Отчаявшиеся создания успели убить еще нескольких норукайцев, но вскоре погибли от рук налетчиков. Сэлки в море удирали во все стороны, спасаясь от разъяренного змеиного бога.

Охваченные боевым азартом норукайцы выбросили тела сэлок за борт, устроив пир морскому змею. Норукайцы верили, что их народ также был частью змеиного бога, и они

делились своей кровью с кровью змея. Без церемоний они побросали в волны и убитых товарищей.

Король Скорбь стоял возле резной фигуры на носу корабля, не обращая внимания на победу. Он опустился на колени и прижал к себе истерзанное тело Мелка, рыдая и раскачиваясь. Кровь запачкала его мускулистую грудь.

— Мой Мелок, мой друг!

Перешептываясь, норукайцы попятились в благоговейном страхе, когда огромный морской змей поднялся над носом корабля. С его гигантской головы стекали вода и кровь. Огромные глаза уставились на короля, и монстр разинул пасть, обнажив мечеподобные клыки, между которыми застряли кусочки плоти. Змей видел отчаяние короля и ждал.

Скорбь прижимал мертвого шамана к груди, разрываясь от нерешительности. Он встретился взглядом со змеиным богом, затем медленно кивнул.

— Он твой. Мелок — часть тебя, часть всех нас. — Он осторожно положил мертвого альбиноса на палубу и отошел.

Змеиный бог склонил гибкую шею и подобрал челюстями тело Мелка, словно в знак почтения. Изящным движением змей подбросил истерзанное тело в воздух, поймал его пастью и проглотил альбиноса целиком. Некоторое время змей властно нависал над тремя кораблями норукайцев, а потом опустился в волны и заскользил прочь, уходя на глубину.

В ночи раздался общий вздох облегчения. Норукайцы принялись подсчитывать потери и перевязывать раны. В воде плавало множество тел, и вскоре появились привлеченные кровью акулы. Они пожирали то, что не съел змеиный бог.

Бэннон и Лила все еще сжимали в руках мечи, готовые защищаться. Рабы сбились в кучу, оцепенев от ужаса, хотя

некоторые были готовы сражаться добытым оружием. Впрочем, шансов не было. Бэннон и Ли́ла наблюдали за приближением побитых норукайцев, которые были не в настроении для новой драки. Скорбь растолкал налетчиков и сердито посмотрел на Бэннона и Лилу. Что-то внутри короля надломилось. Его лицо исказилось, когда он заговорил с Бэнноном.

— Ты нравился Мелку.

— Не знаю почему, — сказал Бэннон. — Он говорил о видениях, но не рассказывал, что именно видел.

Борясь с душевной болью, Скорбь сжал рукоять боевого топора. Бэннон посмотрел на Лилу и понял, что она прикидывает, позволить ли снова захватить себя в плен или сражаться насмерть, с горсткой испуганных рабов в качестве союзников. Даже после кровопролитной битвы с морскими монстрами норукайцы все еще во много раз превосходили числом. Ли́ла была готова умереть, чтобы защитить его и убить короля Скорбь, но Бэннон не мог позволить ей погибнуть.

— Не сейчас, — сурово прошептал он.

— Я больше не в настроении биться, — заорал на нее Скорбь, — но я убью тебя, если дашь повод.

Ли́ла напряженно взглянула на Бэннона, затем положила меч, но это не выглядело как поражение.

— Не хочу, чтобы они убили тебя, мальчишка. Будет и другой раз.

Кладя меч рядом с ее оружием, дрожа от усталости и страха, Бэннон надеялся, что она права.

Глава 48

Верна подготовилась к прибытию армии генерала Утроса: она изучила отвесные скалы вокруг главного скального свеса. Они с Натаном обсудили нюансы заклинания Плачущего камня, разбираясь, как именно нужно размягчить камень, чтобы захоронить весь архив, как окаменелости в известняке. Неудивительно, что наивный ученик Элберт стал причиной катастрофы. Подобная магия была подобна гадюке, которая может атаковать, если ее неправильно удерживать.

— Здешние знания могут изменить мир. — В голосе Натана сквозило отчаяние. — Волшебники древности знали много больше нас и обладали великим могуществом. В правильных руках знания Твердыни могли бы улучшить жизнь людей, исцелить ужасные болезни, предотвратить бедствия и голод. Если бы только правильный человек использовал их с благими намерениями... — Он погладил подбородок. — В этом и есть подвох, не так ли? Если генерал Утрос и его колдуньи при помощи архива будут господствовать над миром, то причинят людям невероятные страдания.

Верна разделяла его глубокую озабоченность.

— Я воспользуюсь заклинанием только в крайнем случае, если защита не выдержит. Но я рада, что у нас есть такая возможность. Как бы все ни сложилось, генерал Утрос никогда не получит этот архив.

Натан неловко по-отечески обнял ее за плечи:

— Не могу не согласиться, моя дорогая, но я беспокоюсь о тебе.

Она с вызовом улыбнулась:

— Я давно не послушница, Натан. Хочешь, я сотворю защитную сеть, и мы проверим, что все линии заклинания должным образом соединены в стенах и туннелях? У нас хватает магического песка, чтобы установить границы и

связи, которые понадобятся. — Верна тихо вздохнула; его рука по-прежнему лежала у нее на плече. — У нас с тобой часто бывали разногласия, но доверься мне. Я знаю, вы делаете все, чтобы преградить путь армии. Ни в коем случае не сомневаюсь в ваших способностях, но, если волшебникам и д'харрианским солдатам придется отступить, я должна быть здесь, чтобы привести в действие заклинание. Если понадобится.

Верна и Натан стояли под огромным скальным навесом и смотрели на каньон внизу, в котором остались только солдаты Зиммера, готовящиеся к последнему бою. Все ловушки были установлены, заклинания из архива приведены в действие; защитники заняли позиции.

— Думаю, моя работа самая простая, — сказала Верна.

Ловкие послушники, забравшиеся на скалу при помощи веревок, добавляли по несколько крупиц магического песка в определенные места высокого защищенного архива. Они отыскивали ниши в скале или вырезали выемки, чтобы расположить крупички в нужных точках и закрепить магические линии. Верна также указала им расположение точек в глубине туннелей. Линии образовывали сложные трехмерные связи заклинания, которое пронизывало весь библиотечный комплекс. Ученики использовали все содержимое фарфоровой урны — до единой песчинки.

Верна была готова.

* * *

Сидя верхом на черном жеребце, генерал Утрос взирал на высокие стены каньона, смыкавшиеся вокруг его армии. Позднее утреннее солнце светило сквозь пыльное небо, отбрасывая тени на скалы. Рядом улыбалась Рува. Ее тело было покрыто яркими красками — черной, малиновой, белой, — образуя нужные ей узоры.

Следуя указаниям духа Авы, армия продвигалась через лабиринт. Высокие стены отражали стук копыт, звон упряжи, шорохи солдат, поправляющих доспехи, щиты и оружие. Генерал был окружен эхом от шепота возбужденных голосов. Они почти у цели.

Утрос сдвинул свой тяжелый шлем:

— Они знают, что мы идем.

Улыбка Рувы стала жестче:

— Даже моя магия не сможет скрыть такую многочисленную армию, возлюбленный Утрос.

— Это ни к чему. Я хочу, чтобы они видели нас и боялись.

Благодаря Аве они отыщут скрытый каньон. Впрочем, Натан Рал или другие одаренные вызвали столько искажений и иллюзий, что дух мертвой колдуньи не смог узнать так много, как генералу бы хотелось. Детали обороны были ему неизвестны.

Его разведчики уже обнаружили узкий секретный проход в скале, ведущий к каньону Твердыни и великому архиву. Шестеро разведчиков так и не вернулись — их схватили или убили. Но Утрос не испытывал недостатка в людях. Двое из отряда вернулись с донесением, и этого достаточно.

Авангард выстроился клином, и первая тысяча солдат устремила к каньону. Они готовы были прорваться через любую оборону, чтобы достигнуть секретного архива. Утрос мог не считаться с потерями и посылать вперед тысячу за тысячей солдат, пока они не захватят поселение. Этому не помешает даже самое решительное сопротивление.

Едва они сдвинулись с места, перед Утросом замерцал дух Авы:

— Когда завоюем Твердыню, мы будем обладать всеми ее могущественными знаниями и заклинаниями, которым никто не сможет противостоять — возможно, даже сам

Владелец! Мы будем непобедимы. — Она подплыла к сестре, ехавшей на гнедой кобыле, и ее призрачное тело слилось с телом Рувы. Близнецы заговорили в унисон: — Вместе мы уничтожим последних волшебников Ильдакара, и тогда твоя армия пронесется по Древнему миру. Никто нам не помешает.

— Скажи, если узнаешь что-то об их планах, — повелел Утрос.

Ава исчезла в зеленоватой дымке.

Ведущие лошади фыркали и брели вперед. Утрос чувствовал напряжение и возбуждение; он был готов к жестокой резне. Пехотинцы маршировали стройными рядами, приготовив оружие. По мере сужения главного каньона солдатам приходилось перестраиваться, образуя человеческий таран.

— Подступим ближе. — Рува беспокойно ерзала в седле. — Мы почти у входа.

Утрос пришпорил своего вороного жеребца. Когда передние ряды приблизились к высокой отвесной стене, где скрывалась расщелина, солдаты нерешительно остановились.

Генерал дождался донесения, передаваемого от одного командира роты к другому.

— Сплошная стена, генерал. Нет никакого прохода, о котором нам сказали. Здесь тупик.

— Не может быть, — сказал Утрос.

— Сестра видела проход, — вмешалась Рува. — Он должен быть.

Генерал и колдунья протиснулись мимо солдат вперед. Гладкая каменная стена действительно выглядела монолитной.

— Они как-то запечатали вход? Закрыли каньон?

— Если так, то мы взорвем его. — Рува пристально посмотрела на препятствие. — Но я что-то чувствую... — Она осмотрела отвесную скалу, затем пальцем прочертила в воздухе линии, помогая себе сосредоточиться. — Жители Твердыни хорошо умеют прятаться. Здесь есть что-то кроме камня. — Она рассмеялась. — Это не сплошная стена, мой генерал! Просто иллюзия, маскировочное поле.

Она вытянула обе руки и задействовала дар, отчего по воздуху пошла рябь. Волна искажения прошла сквозь препятствие подобно тысяче выпущенных духов. Завеса прогнулась и поблекла под натиском Рувы, словно обычный мираж.

— Теперь можем войти.

Солдаты издали радостный клич, вскинули мечи и приготовились к атаке, но вдруг земля под ногами начала вскипать. Песок и камни, устилавшие каньон, стали мягкими, и солдаты неловко попятились, то и дело поскальзываясь. Поверхность была неустойчивой не просто так: земля изрыгала из себя немыслимое количество скорпионов, каждый размером с мужскую ладонь — настоящий поток жалящих членистоногих с тонкими ногами, крючковатыми жалами и щелкающими челюстями.

Солдаты завопили, наталкиваясь друг на друга, хлопая руками, топя и рубя мечами в попытке избавиться от смертоносных существ. Скорпионы жалили их и ползали по павшим.

Рува, словно не замечая произошедшего, продолжала срывать маскировочную завесу, пока та не исчезла и не открыла гладкую стену утеса, в которой была трещина, достаточно широкая для прохода.

— Сюда!

Пока из-под земли выползали все новые скорпионы, Утрос поднял меч и закричал:

— Это вход! Прорывайтесь через скорпионов. Сапоги и доспехи защитят вас.

Первые испуганные и дезорганизованные солдаты ринулись вперед. Вопреки обещанию генерала, на дне каньона лежало уже больше сотни мужчин, погибших от скорпионьего яда.

— Поехали! — Утрос пришпорил коня; Рува держалась рядом.

Без дальнейших понуканий авангард ворвался в узкий проход. Когда маскировочная завеса спала, генерал увидел бойцов на вершине утеса. Среди них было несколько человек в балахонах волшебников. Утрос заметил засаду слишком поздно, когда армия уже вошла в бутылочное горлышко, спасаясь от скорпионов.

Выжившие волшебники Ильдакара начали контратаку.

* * *

Внутри каньона стояли д'харианские солдаты, готовые дать последний бой — всего сотня против сотни тысяч. Вопиющее, невозможное неравенство. Натан стоял рядом с генералом Зиммером, Ольгией, Перри и пятью сестрами Света. Занявшие позицию на внешней стене Орон и Лео были первой линией обороны — вместе с установленными ловушками.

Используя богатый опыт, Ольгия сплела маскировочное заклинание. Непроницаемая иллюзия вызвала замешательство и задержала врага, но Натан и не рассчитывал, что маскировка по-настоящему обманет армию. Тем не менее, этот трюк отвлек авангард, и ловушка со скорпионами работала.

Успех их плана зависел от множества маленьких побед, а не от одного сокрушительного удара, и у защитников было припасено немало слабых, но новаторских атак. Генерал

Утрос не сможет избежать всех. И все же они были лишь горсткой бойцов против огромного войска...

Стоя внутри главного каньона за высокими стенами, они слышали, как началась атака Лео и Орона, когда те призвали скорпионов.

Натан повернулся к Зиммеру и сказал таким тоном, словно они беседовали за ужином:

— Не могу сосчитать, сколько раз я вступал в битву с крайне малыми шансами на успех и был уверен, что погибну. — Он печально улыбнулся. — И все же я здесь, живой и готовый сражаться.

— Недалек тот день, волшебник, когда твои опасения сбудутся, — сказал Зиммер.

— Может, мне и тысяча лет, но мне еще есть чем заняться в жизни. — Натан поправил голубой плащ.

В рубашке с оборками и новом жилете он выглядел ослепительно. При нем был и изысканный меч — на случай, если придется сражаться традиционным способом.

Оливер и Перетта отступили в каньон, поднырнув под воткнутые в землю острые пики, служившие простой, но эффективной защитой от приближавшихся солдат.

— Они идут!

Натан улыбнулся с хитрым злорадством. Он не сомневался, что колдунья Рува сможет сорвать маскировочный саван Ольгии; на самом деле, на это они и рассчитывали, ведь как только иллюзия развеется, армия ринется вперед сломя голову, спасаясь от скорпионов. Враги не будут ожидать второго маскировочного поля, за которым спрятаны острые копья.

Первые солдаты Утроса начали выбегать из бутылочного горлышка в каньон Твердыни, но не успели далеко продвигнуться, угодив в скрытые глубокие траншеи. Тонкий слой песка, поддерживаемый полем левитации, закрывал ямы и

создавал иллюзию твердой почвы. Как только солдаты наступили на иллюзию, песок и камни обрушились. Они с криком падали на копья внизу. Первая сотня погибла, даже не осознав, что происходит. Эта жуткая неожиданная смерть деморализовала следующие ряды людей, спасавшихся от ядовитых скорпионов. Они не могли ни отступить, ни двинуться вперед.

Но позади продолжали напирать тысячи убежавших от скорпионов захватчиков. Солдаты видели траншеи и копья, но не могли избежать падения. Огромная численность обладала над осторожностью. Все новые тела падали на копья поверх сотен других солдат, погибших перед ними. В считанные минуты траншеи оказались заполнены до краев. Многие раненые еще шевелились и стонали, но следующие ряды утрамбовывали их, желая прорваться в каньон.

Д'харианцы, устроившие засаду над узким проходом, сбрасывали камни и поливали солдат стрелами. Это была настоящая кровавая бойня. Лео, Орон и две сестры Света при помощи дара обрушивали на захватчиков молнии и ветер. Лео, бывший владелец яксовых скотобоен, был опытен в магии зимней погоды. Со своего высокого гнезда на скале он создавал покровы из мокрого снега и льда, которые сталкивал на ряды выживших после скорпионов и копий.

Рассеяв маскировочное поле, Рува впала в неистовство и принялась атаковать волшебников, швыряя в них все, что могла. Лео балансировал на выступе возле гребня стены, и колдунья взорвала камень под его ногами. Выступ обрушился. Разинув рот от изумления, Лео вместе с каскадом камней начал падать на дно каньона. Его балахон развевался в полете, а Лео не переставал отчаянно посылать магические вспышки. Ему удалось отколоть кусок противоположной скалы, обрушив камни на скопление солдат, а потом он

сам оказался погребен под каменной лавиной. Суровые зимние ветры и снег исчезли.

Ольгия призвала завитки тумана, которые превратились в дымчатые завесы и ухудшили видимость. Солдаты спотыкались, наталкивались друг на друга, а туманная вуаль все уплотнялась, ослепляя их. В дымке появились зловещие силуэты, и захватчики атаковали воображаемого врага, убивая своих же. Хотя туман и отвлек армию, она все равно продвигалась, атакуя вслепую.

Лорд Орон и сестры продолжили атаки с высокого утеса над бутылочным горлышком, но они не могли остановить Утроса. Захватчики маршировали по тысячам трупов товарищей. Генерал в рогатом шлеме и золотой маске походил на демона, когда подгонял их.

— Готовься! — обратился Зиммер к шеренге защитников, занявший позицию недалеко от входа в каньон. — Мы должны удержать проход.

Натан воззвал к своему дару и приготовился сражаться с приближающейся мешаниной мечей и солдат.

Рува, стоявшая снаружи узкого прохода, призвала еще больше магии и создала мощный взрыв, от которого скала содрогнулась. Изломанная молния породила в камне утеса трещины, отколов целые глыбы. Оглушительная атака колдуньи разрушила участок стены, превратив его в камнепад. Когда стих рев и осела пыль, оказалось, что проход стал в три раза шире.

Не обращая внимания на огромные потери, тысячи солдат с воем ринулись в скрытый каньон. Путь им преграждали лишь Натан и горстка защитников.

Глава 49

Аббатиса Верна осталась одна в опустевшем главном алькове. Она наблюдала за битвой в узком устье каньона, где Натан, генерал Зиммер и их решительные солдаты приготавливались сдерживать вражескую армию. Верну восхищала их уверенность. Натан уже не раз доказывал, что он намного сильнее, чем она думала. Он сбежал из Дворца Пророков после тысячелетнего заточения, избежал от железного ошейника Рада-Хань — а это считалось невозможным. С тех пор он проделал большую работу и добился поразительных успехов.

Размышляя о днях во дворце, Верна подумала и об Уоррене, усердном и отзывчивом ученом, который покорила ее сердце. Она так сильно его любила. Верна старалась не вспоминать о его гибели в сражении с войском Имперского Ордена. Эта потеря чуть не раздавила ее.

Когда они с Уорреном наконец разглядели друг друга, Верна захотела провести с ним всю свою жизнь, но история их любви вскоре трагически оборвалась. Это было ужасно несправедливо. Она предпочитала смаковать драгоценные воспоминания о том, что у них было, вместо того чтобы горевать о том, чего они не успели. Прошел уже не один год, но ей по-прежнему не хватало Уоррена. Насколько другой была бы ее жизнь, если...

Под свист ветра она шагнула к краю и посмотрела на ручей, текущий по дну каньона. Белые овцы в отсутствие пастухов разбрелись и бесцельно щипали траву. Жилища в скалах были пусты, и Верна надеялась, что ушедшие оттуда люди будут в безопасности. Если каким-то чудом Натану и защитникам удастся удержать вход и отогнать вражескую армию, люди смогут вернуться домой.

Она вспомнила, как ей, Ренну и их небольшому отряду удалось спровоцировать сход крупной лавины чуть ниже

Кол Адаира, уничтожив одним махом десять тысяч древних солдат. Натан, одаренные Ильдакара, сестры Света, ученые Твердыни и д'харианские солдаты способны сделать не меньше! Может, у них все-таки получится.

Но Верна была слишком практична, чтобы верить, что они смогут постоянно сдерживать нападение врага — несмотря на всю самоуверенность Натана. Она знала, что случится дальше, и была готова.

Покинутый каньон был таким пустым и тихим, что Верна на короткое время ощутила себя в убаюкивающей безопасности. Рядом сновали ласточки, устроившие гнезда в небольших нишах в скалах. Птицы беззаботно щебетали, и аббатиса позволила себе улыбнуться, наслаждаясь спокойствием. Она знала, что это не продлится долго.

За пределами каньона послышались рев, крики и лязг оружия, когда генерал Утрос нарвался на первую линию обороны и ловушек. Д'харианские силы сформировали сплошной барьер на выходе из узкого прохода. Натан и его одаренные товарищи заняли позиции у внешней стены. Даже с высокого утеса Верна могла ощутить напряжение в воздухе.

Когда первые ряды врага прорвались через бутылочное горлышко, обе стороны пустили в ход магию. Ударные волны с шумом пронеслись через узкий вход в каньон, скала содрогнулась и раскололась, разрушившись с обеих сторон. Передние ряды захватчиков хлынули через пролом, напоминая стаю волков.

Приставив ладонь козырьком ко лбу, Верна наблюдала, как Натан создавал шары огня волшебника и швырял в наступавшего врага. Яростное пламя поглотило немало древних воинов. Торн и Лайес двигались стремительно, походя на жалящих ос, нанося удары, уклоняясь и вонзая ножи в противников.

Восемь сестер Света создали стены из воздуха и отбросили солдат прямо на мечи их товарищей. Одаренные ученые Твердыни, изучившие всего по несколько заклинаний, откалывали и сбрасывали куски скал. Ольгаия создала толстые завитки тумана, и эта бесформенная дымка ослепила рвавшихся вперед солдат. За туманом последовала прицельная молния, выкосившая десятки врагов. Перри превратила пяточок земли в зыбучий песок, в котором утонул первый ряд захватчиков.

Но на место каждого десятка убитых приходила сотня новых. Захватчики были подобны морской волне, накатывающей на берег. Д'харианские солдаты встретили их яростным сопротивлением. Зиммер выкрикивал команды, бросаясь в бой и не боясь рисковать собой.

Верна стояла в алькове одна, за спиной ее были безмолвные здания архива. Она сжала кулаки от отчаяния. Силы генерала Утроса продолжали прибывать, бесконечным потоком проходя через разрушенное бутылочное горлышко, сотня за сотней. Даже если первая волна захлебнется, в конечном итоге армия все равно затопит каньон и сокрушат сопротивление благодаря одной лишь своей численности.

Она знала, что это произойдет, и предупреждала Натана, но защитники все равно настаивали на битве. Не терять надежды — хорошо, но также не стоит быть безрассудным.

Верна знала: скоро настанет ее черед. Она прислушивалась к гулким звукам битвы внизу, крикам команд и боли, взрывам и камнепадам, лязгу клинков. С острой болью она сожалела, что Уоррена нет здесь, чтобы помочь ей. Уж они бы тут устроили!

Верна знала наизусть заклинание Плачущего Камня. Стоя перед внушительными сооружениями, теснившимися в алькове, она смотрела на руины расплавленного архива пророчеств. Теперь она намеревалась сделать то же самое

со всем утесом и обрушить на вражескую армию волну расплавленного камня. Натану и оставшимся в живых защитникам нужно успеть отступить в безопасное место, как и ей.

Она приготовилась сделать необходимое. Посредством дара она могла увидеть структуру заклинания, наложенного на скальный склон и туннели. Сложное переплетение сетей, полей, выстроенных на схлопывающихся пространствах, ждало только момента, когда она потянет за первую нить и запустит цепную реакцию, которая уничтожит опасные знания архива.

— Ты никогда не заполучишь это место, Утрос, — дала себе клятву Верна.

Задействовав заклинание, она по лестницам и уступам заберется в безопасное место на вершине плато, и оттуда направится к месту встречи. Остальные тоже отступят в высокогорье, где перегруппируются.

Жирный черный дым, смешанный с маскирующим туманом, поднимался снизу после того, как Натан уничтожил огнем волшебника очередную группу нападавших. Ряды древней армии все еще пробивались сквозь разрушенное бутылочное горлышко. Верна заметила рогатый шлем генерала Утроса и бледную колдунью, ехавшую верхом на коне. Эти двое появились из густых завитков тумана. Перед ними был ударный отряд из нескольких тысяч солдат, и новая атака прорвала линию обороны, отбросив назад одаренных бойцов и д'харианские войска.

— Пора уходить, Натан, — прошептала Верна, как будто он мог услышать ее. — Уходи! Сейчас же!

Придя к тому же выводу, Зиммер вскинул меч искомандовал отступление. К счастью, он был мудрым командиром, способным предвидеть исход битвы.

— Отступайте к дальнему концу каньона! — услышала она его крик столь же отчетливо, как удар меча.

Д'харианские солдаты сражались еще несколько мгновений, желая убить напоследок одного-двух вражеских воинов. Каждая из двух Морасит пыталась увеличить число своих жертв. Но уже пала дюжина защитников Твердыни, и они не могли позволить себе новых потерь.

Натан, прикрывая отступление, создал бушующую стену огня волшебника — раскаленную полосу, испепелившую подступающие ряды противника. Но как только магическое пламя рассеялось, хлынула следующая волна, топча тела павших товарищей.

Как только оголовавшие захватчики увидели окруженную высокими скалами зеленую долину с фруктовыми садами, овцами и пышной растительностью, они бросились вперед с внезапным приступом отчаяния. Натан, генерал Зиммер и оставшиеся защитники отступали в глубину каньона, где были крутые тропы, ведущие в высокогорье. Теперь древних солдат ничто не могло остановить. Вражеская армия ринулась вперед разъяренным пчелиным роем.

Со своей позиции Верна наблюдала, как вооруженная орда наводняет защищенный каньон. Она знала, что их последняя линия обороны пала, и не осталось ни малейшего шанса на победу. Пришло время сделать то, к чему она готовилась с самого начала. Она сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться, медленно выдохнула, вдохнула еще раз и представила, что Уоррен рядом; это согрело ей душу и придало сил.

Аббатиса прижала ладонь к каменной стене алькова. Перед Натаном она не выказывала колебаний, но на самом деле заклинание Плачущего Камня пугало ее. Тысячи лет назад его создали самые могущественные волшебники мира, гораздо более мудрые и искусные, чем любая аббатиса сестер Света.

Это заклинание станет ее окончательным решением. Дар позволял ей чувствовать крупинки магического песка в нужных ключевых точках. Верна могла ощутить сеть, которая оплела весь архив; каждая точка привязки находилась в хрупком равновесии. Она не осмеливалась задействовать заклинание слишком рано, потому что Натан и остальные должны успеть уйти; как только заклинание будет запущено, она вскарабкается на альков и окажется в безопасности.

Она смотрела, как защитники мчатся по каньону вниз, спасая свои жизни. Они рассредоточивались, ныряя в боковые каньоны, избегая по крутым расщелинам и забираясь все выше. Все было продумано заранее, и они точно знали, что делать. Некоторые из древних солдат бросились вдогонку, но основная масса атакующих собралась под возвышающимся недоступным архивом — их главной целью. Словно герой-победитель, генерал Утрос проехал на черном жеребце сквозь ряды солдат и повернул голову в рогатом шлеме к огромному алькову высоко на скале.

Даже с такого расстояния Верна ощутила его пристальный взгляд.

— Я не позволю тебе завладеть этим местом. — Она закрыла глаза, коснулась дара и потянула за линии силы связующей сети, пронизывающей скалу. — Я плачу, чтобы заплакал камень. — В ее глазах заблестели слезы сожаления по всем тем знаниям, что будут утрачены.

Она воспламенила магический песок в узлах своей сети; огненные струи прошли сквозь камень и воздух, соединив точки сложной структуры заклинания, разработанной ею и Натаном. Едва она задействовала заклинание, сила хлынула, отскочила, срикошетила, словно отпущенная пружина. Она улыбнулась: теперь заклинание завершит свою работу, что бы ни случилось.

Когда твердый камень стены алькова смягчился и превратился под ее пальцами в глину, она поняла, что пора уходить. Линии трансформации пронзили скальную породу, разрушая ее минеральную структуру. Грохот доносился из глубин мезы — это рушились туннели; но основное преобразование камня происходило здесь, на внешней стене.

Верна подбежала к деревянной лестнице, которая была прикреплена к поверхности скалы и вела к выступам над входом в альков. Она услышала низкий рокот, и великолепные здания внутри грота пошатнулись. Фундаменты их расплавились, и строения повалились как деревья под топором дровосека. Кирпичи и каменные блоки выскакивали из стен, будто сломанные зубы, и сталкивались друг с другом в воздухе. Внешняя стена утеса потекла как воск, когда твердая порода превратилась в грязь, оседающая каменными слезами. Сводчатый проем алькова стал опускаться, словно опухшее веко.

Верна торопливо карабкалась по лестнице. Прочные деревянные перекладки не были затронуты распространяющимся заклиниванием, но конец лестницы погрузился в мягкий камень, из-за чего ступени наклонились и стали неустойчивыми. Изменения происходили быстрее, чем она ожидала. Уже разрушенный архив пророчеств полностью исчез под сводом алькова, стекавшего на него сверху.

Она подтянулась выше и остановилась над зевом алькова, чтобы посмотреть, как опускается стена каньона. Каменная волна захлестнула первых вражеских солдат, и торжествующий рев армии захватчиков сменился воплями ужаса. Они попытались бежать, но не смогли спастись от потока жидкой породы.

Достигнув верхней ступеньки лестницы, Верна ухватилась за каменные поручни, закрепленные в скале, и нашла опору для ноги. Пока она поднималась на вершину плато, к

безопасности, заклинание продолжало разрастаться, каскадом захватывая утес. Многочисленные хранилища магических знаний внутри мезы были заполнены камнем, все туннели исчезли. Бесчисленные полки с книгами теперь походили на древние кости, вмурованные в камень.

Верна с облегчением рассмеялась, когда шуршащий звук перерос в оглушительный рев. Ей удалось! Этого было достаточно. Набравшая мощь магия звенела в ее теле, и она потянулась к дару, чтобы найти соединительные узлы и остановить заклинание Плачущего Камня. Магический песок закрепил ключевые вершины заклинания, но когда утес обрушился, их положение изменилось, а могущественные песчинки залило слоем камня. Четкий рисунок заклинания был нарушен.

Заклинание уподобилось вырвавшемуся на свободу монстру.

Встревоженная Верна стиснула зубы и использовала дар, чтобы натянуть распускавшиеся сети, точно всадник, пытающийся обуздать дикую лошадь. В какой-то момент она вдруг вспомнила, как Ричард Рал учил ее мягче работать с поводьями лошади, что облегчало управление животным. Ричард заботился о лошадях так же, как и о людях. Она так многому научилась у Ричарда... Но сейчас он не мог помочь.

Заклинание Плачущего Камня лишь разрасталось, не собираясь слабеть. Верна выступила катализатором и высвободила силу, накопленную в древнем архиве, и теперь разрушительная магия распространялась подобно пожару.

Пока она боролась с неконтролируемыми чарами, рядом в воздухе возникла мерцающая болезненно-зеленая фигура колдуньи Авы.

— Я вижу твоё заклинание! — ее глухой голос перешел в визг. — Ты не остановишь генерала.

Верна держалась за поручни на скале, зная, что неосязаемый дух едва ли может навредить ей напрямую.

— Я не могу позволить тебе сделать это! — Ава угрожающе нависла над ней, пытаясь напугать аббатису.

Но Верна была не из робкого десятка. Пока заклинание ревело, охватывая скалу, она помахала в воздухе свободной рукой, пытаясь отогнать дух, но Ава заслонила ей обзор, дезориентировав.

Заклинание Плачущего Камня металось и извивалось, и внимание Верны ускользнуло. Ава отвлекла ее в критический момент.

Поднимаясь по устойчивому камню над альковом, Верна подумала, что находится в безопасности, но, к ее ужасу, скалы над ней тоже начали расползаться. Заклинание вышло далеко за свои границы.

— Нет, это невозможно!

Утес стекал вниз, хороня ряды вражеской армии. Поток камня накрыл тысячи солдат, прорвавшихся в каньон.

Ава совершила последний дерзкий выпад в сторону аббатисы, превратившись в мираж с едва осязаемой формой. Но когда стены рухнули, дух вскрикнул от ужаса и исчез, устремившись к генералу.

Верна напрягла мышцы, пытаясь добраться до того места, где могла бы удержаться и попробовать сдержать плавающий камень. Она поднялась еще на несколько метров, но камни под ногами уподобились жидкой грязи. Каменный выступ в руке стал мягким как масло.

И она сорвалась.

Она падала со скалы, пытаясь удержаться за оползающую поверхность утеса. Ее пальцы уцепились за мягкий камень и погрузились в него до самых костяшек, но собственный вес тянул ее вниз, и в каменной породе оставались длинные борозды.

Верна попробовала остановить падение при помощи дара, одновременно пытаясь ослабить действие заклинания. Несмотря на все ее заверения в том, что она сможет справиться с высвобожденной силой заклинания, его сети и поля вышли из-под ее контроля. Она скатывалась по расплавленной породе, погружаясь в нее все глубже.

Последним всплеском магии она отклонила поля и приостановила действие заклинания, чтобы камень под ее ногами затвердел. Но это не сработало. Она оказалась зажата в каменном кулаке, повиснув вниз головой над каньоном, и смотрела, как гибнет все больше солдат в древних доспехах.

Высвободиться она не могла, но скала продолжала таять. Камень тек вокруг нее, и вскоре Верну захлестнула каменная волна.

Ее последние мысли были полны надежды, что дух ее наконец воссоединится с духом Уоррена за завесой, и они проведут вместе вечность.

Глава 50

После атаки сэлок три поврежденных змеиных корабля неторопливо шли по спокойному океану к Норукайским островам. Сэлки успели убить более сорока налетчиков, пока не прибыл змеиный бог. Теперь выжившие зализывали раны, зашивали глубокие порезы и восхищались шрамами. Они хотели вернуться домой.

На главном судне осталось в живых лишь десять рабов; этого было слишком мало, чтобы управляться с веслами, поэтому норукайцам пришлось трудиться наравне с рабами. Они жаловались, что им приходится грести, как ходячему мясу.

Король Скорбь был подавлен после смерти Мелка и не собирался выслушивать их нытье. Говорил он мало, только гаркал приказы, едва сдерживаясь, чтобы кого-нибудь не убить. Он обрушил свой обитый железом кулак на голову мужчины, отпиравшегося от черной работы, и раскроил череп. Другие члены команды быстро прекратили жалобы.

— Помните, кто ваш король, — прорычал Скорбь, затем понизил голос. — Помните о Мелке. Мы все скорбим.

Бэннон и Лиля гребли под гнетущий стук барабана надсмотрщика Боско.

— Мы оба могли погибнуть в ночном сражении, — пробормотал Бэннон. — Надеюсь, Норукайские острова не хуже смерти.

Лицо Лилы потемнело.

— Я решила сохранить тебе жизнь, мальчишка. Теперь мы должны решить, как лучше провести остаток наших дней. — Цепи ее звякнули, когда она навалилась на весло. — Норукайцы задолжали мне много своей крови. У нас еще будет шанс.

Бэннон был с ней согласен.

Змеиные корабли плыли еще два дня, пока дозорный не увидел первый из островов. Это были зловещие каменные глыбы, едва торчащие из воды и напоминающие гнилые зубы, но налетчики радостно загомонили при виде дома. Впрочем, сделали они это не слишком громко, все еще опасаясь гнева короля Скорбь. Тот стоял на носу корабля, положив большую ладонь на фигуру змеиного бога. Он впился взглядом в главный остров — черный, чудовищный, с грубыми очертаниями и узкой защищенной гаванью. На высшей точке острова стояла крепость. Ее отвесные стены, сложенные из тщательно подогнанных черных каменных блоков, нависали над бьющимися волнами.

— Бастион, — глухо произнес Скорбь.

У опасных рифов пенились волны, но норукайцы умело направляли три своих судна к узкой гавани. Десятки змеиных кораблей стояли на якоре в водах архипелага, а в сухих доках строились новые.

Лила мрачно нахмурилась при виде этой картины:

— Почти сотня кораблей была уничтожена в Ильдакаре, но здесь по меньшей мере еще столько же.

Некоторые змеиные корабли были старыми и потрепанными, но на многих виднелась свежая древесина и новые синие паруса.

— Они продолжали строить корабли даже после того, как король с флотом отправился завоевывать Ильдакар. — У Бэннона пересохло в горле. Генерал Утрос уже вел армию по суше, а огромный норукайский флот выглядел готовым грабить прибрежные города. Здесь бы Бэннону не помешала помощь Никки и Натана. — Как Древний мир переживет это, Лила? Как мы можем их остановить?

— Мы найдем способ освободиться, — негромко, но твердо сказала Лила. — Мы одолеем их всех.

Скорбь молча стоял на палубе, точно застывшая гневная статуя. Он сжимал боевой топор и выглядел готовым зарубить любого, кто даст повод. Однако мрачное настроение короля не могло сдержать волнение других норукайцев. Они оживились при виде большого скопления кораблей.

Три судна вошли в защищенную гавань главного острова. Некоторые из грубых налетчиков переговаривались, желая поскорее увидеть своих жен и мужей.

Одна норукайка указала на выделявшиеся змеиные корабли в главной гавани:

— Смотрите, Ларс вернулся! — Она заскрежетала зубами, под шрамами на ее лице заходили желваки.

С отвращением Бэннон вспомнил Ларса, одного из трех норукайских капитанов, которые прибыли в Ильдакар про-

давать рабов. Бэннон, подстрекаемый Амосом, Джедом и Броксом, устроил драку с Ларсом и его спутниками.

— Пресвятая Мать морей, если бы мне выпал шанс убить его. Из-за него меня приговорили к тренировочным ямам.

Лила рассмеялась:

— Я понимаю, почему ты ненавидишь этого человека, мальчишка, но вспомни, как тебе в итоге повезло. Если бы не глупая уличная драка, ты бы никогда не стал моим воспитанником. Теперь ты способен убить многих норукайцев.

— Обещаю применить все то, чему ты меня научила, — сказал Бэннон. — Как только появится возможность.

На крутых склонах вокруг бастиона виднелись висячие сады, от которых по отвесной скале тянулись пучки сочной травы. Норукайцы поселились на продуваемом всеми ветрами острове, поэтому выращивали все, что могли, а остальное добывали в набегах.

Когда три корабля пришвартовались к пирсу, налетчики сняли цепи с лодыжек рабов, но руки оставили связанными.

— Ведите их в бастион к остальным рабам, — прорычал Скорбь, — пускай работают, пока не переломятся. — Он скривил покрытые шрамами губы. — Или не умрут.

Вдоль причала к ним шла женщина, телосложением походившая на медведицу. Из-под кожаной юбки, усыпанной медными заклепками, торчали массивные голые ноги в сапогах до колен. Плотное облачение из акульей кожи едва сдерживало ее огромную грудь. Квадратное лицо очарованием походило на наковальню, а нечесанные рыжие волосы были заплетены в пять длинных кос, походивших на шупальца. Когда она открыла рот в приветственном выкрике, то стала еще больше похожа на змею.

— Король Скорбь, я устала ждать тебя. — Голос ее был таким громким, что болтовня сходящей на берег команды

стихла. — Я готова вновь стать твоей любовницей. Не упусти свой шанс!

Женщина шагнула к королю, будто намеревалась напасть. Некоторые норукайцы усмехнулись, но лицо короля было мрачным.

— Атта. Я не вспоминал о тебе с самого нашего отбытия.

— Я тоже не теряла времени, — рявкнула Атта. — У меня были другие любовники, но они оказались совершенно непригодными. Когда я увидела твои корабли, то решила дать тебе еще один шанс. — Она сильно ударила короля по плечу, считая это флиртом. Когда он ударил ее в ответ, заставив пошатнуться, Атта только рассмеялась.

Бэннон вспомнил это имя. В своих многочисленных надоедливых монологах Мелок упоминал какую-то Атту.

— Однажды Скорбь был ранен так сильно, что ему пришлось пропустить набег, — прошептал Бэннон Лиле. — Атта высмеяла его за это. Скорбь сломал ей челюсть, так что ей тоже пришлось остаться.

— Ах, вот как они стали любовниками, — заключила Лила.

Похоже, она считала, что в таких ухаживаниях нет ничего необычного.

Услышав слова Лилы, Атта повернулась к ней с презрительной усмешкой, глядя на стройную Морасит так, словно та была выпотрошенной рыбешкой на рынке.

— А ты кто такая? — Она нахмурилась при виде черного кожаного наряда Лилы. — Думаешь, сможешь соблазнить моего Скорбь? Ты сломаешься под ним.

— Если он попытается это сделать, я сама ему что-нибудь сломаю, — возразила Морасит.

Норукайцы прыснули со смеху, и мускулистая женщина ударила Лилу по и без того покрытому синяками лицу. Лила пошатнулась, но удержалась на ногах. Король Скорбь вос-

пользовался этим и зашагал прочь по пирсу, не обращая внимания на женщину. Атта фыркнула и поспешила за ним.

Бэннона и рабов вывели из доков и потащили вверх по крутым тропкам. Вскоре они достигли внушительного каменного основания бастиона, где путь в массивную крепость преграждали низкие зарешеченные ворота. Железные створки повернулись на скрипучих петлях, и показался но-рукайский стражник, сердито глядевший на рабов.

— Всех вас отведут на кухни. Предстоит подготовка к пиршеству по случаю возвращения домой.

Вереница рабов со связанными руками, пошатываясь, следовала за Бэнноном и Лилой по сырому холодному коридору. Прохладный ветер и морская сырость делали обстановку угнетающей. С соляных наростов на потолке капала вода, а пол был скользким от слизких водорослей. Черный кожаный наряд Лилы почти не прикрывал тело, но она не выказывала признаков неудобства и выглядела донельзя решительной.

Стражник вел их все дальше. Потолок был столь низок, что приходилось нагибаться. Другие стражники замыкали строй, подгоняя рабов, если они двигались слишком медленно. Они поднялись по винтовой лестнице и двинулись дальше по коридорам, освещенным чадящими факелами.

Без окон и солнечного света Бэннон утратил чувство направления, но Лила молча отмечала и запоминала каждый шаг. Наконец они вошли в похожее на пещеру шумное помещение с раскаленными печами, бочками муки, большими каменными столешницами и тощими работниками, готовящими огромное количество еды. Рыба жарилась на решетках над очагами с ревущим огнем, а в больших котлах томилось рыбное рагу.

Запахи оглушали не хуже грохота кастрюль и сковородок. Голод Бэннона набирал силу со скоростью лесного по-

жара. Много дней он питался только рыбьими потрохами и помоями, и теперь у него подкашивались ноги от аромата пекущегося хлеба и подгоревшей рыбы.

— Еда! — крикнул один из пленников позади него, вытягивая связанные запястья в попытке схватить узелок с хлебом со стола.

На него набросился кухонный раб:

— Стой! Не трогай. — Он поднял левую руку, показав обрубок запястья. — Или они отсекут руку, а потом приготовят ее и съедят. — Новоприбывшие дрогнули, несмотря на текущие слюни от окружавших яств.

К стражникам, прихрамывая, подошел старик, чтобы поприветствовать.

— Новые рабы? Сколько? — Лицо его было таким морщинистым, что походило на высушенную солнцем изюмину. Глаза старика блуждали по новичкам. — Десять. Очень хорошо. Король Скорбь уже давно не заменял работников бастиона.

Стражник только хмыкнул и подтащил Бэннона к морщинистому старому рабу, радуясь избавлению от своих подопечных. Это дело казалось ему унижительным.

Старик взял кухонный нож и перерезал веревки на запястьях Бэннона, затем методично повторил те же действия с остальными, освобождая пленников и бормоча себе под нос:

— Двадцать буханок хлеба, три бочонка соленой рыбы, пять тарелок маринованных скальных водорослей, по одной на каждый стол. — Когда он разрезал путы одной рабыни, она упала, но старик подхватил ее за окровавленные запястья и заставил подняться. — На это нет времени! У всех нас есть работа. Если король Скорбь разочаруется в угощениях, тогда он съест тебя.

Бэннон не думал, что это была пустая угроза.

— Соленая рыба, копченая рыба и свежая рыба для короля, — продолжил бормотать старик, а затем тяжело вздохнул. — Хотя король ненавидит рыбу. И козлятину не любит. — Он обратился к новоприбывшим: — Меня зовут Эммет, и я здесь, чтобы помочь вам — помочь служить королю Скорбь. Большинство рабов бастиона долго не живут, но я здесь уже десять лет, дольше любого другого пленника. Следуйте моим наставлениям, и я позабочусь, чтобы вы выжили.

— Зачем тебе это? — требовательно спросила Лила.

— Мне нужны помощники. — Эммет понизил голос, хотя из норукайцев на кухне была лишь рослая женщина у дальнего входа, которая стояла со скучающим и разочарованным видом. Он собрал новоприбывших и прошептал заговорщицким, настойчивым тоном: — Я помогу вам остаться в живых, но вы должны меня слушаться. Если доставите проблемы, король сломает вам кости и не даст им правильно срастись — просто чтобы вы помнили о своем проступке. — Он посмотрел вниз на свою искалеченную ногу.

Лила согнула пальцы и нахмурилась, глядя на свои изодранные запястья.

— Моя цель — убить как можно больше норукайцев. Вот почему я позволила схватить себя. Я собираюсь освободить Бэннона, а потом сбегу. — Она посмотрела на испуганных рабов, думая, что они слабы. — Если будете полезны, мы можем взять вас с собой.

Эммет дрогнул.

— Так ты не выживешь! Норукайцы убьют тебя. Поверь мне, я видел это много раз.

— Ты меня не знаешь, — сказала Лила.

— И меня, — добавил Бэннон. — Она Морасит, а я прошел через тренировочные ямы Ильдакара. Возможно, у нас будет больше шансов, чем у наших предшественников.

— Тогда я не смогу помочь вам выжить, — застонал глубоко опечаленный Эммет, а потом резко вскинул голову, качнув седыми волосами, забранными в хвост, и переключился на текущие дела. — Прямо сейчас у нас полно работы. Расстанетесь со своими жизнями позже, когда закончится пир. Сейчас нет времени приводить кого-либо из вас в порядок и не до свежей одежды. Но ты... — Он посмотрел на Лилу и ее скудный черный кожаный наряд. — Да, тебе я дам старый серый балахон, чтобы прикрыться.

— Я горжусь своим телом, — оскорбилась Лила. — На мне облачение Морасит.

— Этот наряд делает тебя объектом вожделения. — Эммет выглядел взбешенным. — Хочешь, чтобы тебя передавали от стола к столу в пиршественном зале, полном похотливых норукайцев и норукаек?

— Они могут попытаться, — сказала Лила. — И пожалуют.

Бэннон вспомнил искалеченного Лилой насильника на борту змеиноного корабля, но повторять этот опыт он больше не хотел.

— Лила, лучше не привлекать к себе внимания, — попытался он ее убедить. — Давай сами выберем время для битвы. Не сейчас.

Эммет принес серое изодранное шерстяное одеяние, и Бэннон взмолился:

— Просто надень это.

— Возможно, ты прав, мальчишка, — признала она и натянула бесформенный балахон, скрывший ее тело. — Но мне это не нравится.

Эммет заломил руки:

— Пойдемте, пора подавать еду. Капитан Ларс уже в пиршественном зале, и скоро прибудет король Скорбь. От вас требуется прислуживать.

— Возможно, меня заставят приносить им еду, — сказала Лила, — но прислуживать я не буду.

Когда старик сглотнул, на его обвисшей шее собрались морщины. Он покачал головой.

— Я искренне надеюсь, что все вы переживете эту трапезу.

Глава 51

Кракенобойный корабль быстро шел по морю, направляясь на север, к Танимуре. С помощью дара Никки призвала попутный ветер, который не только натянул покрытые заплатками паруса, но и разогнал зловоние, пропитавшее судно.

Все беженцы сошли с борта «Преследователя» в Серримунди, и теперь корабль был почти пуст. Капитан использовал эту возможность, приказав команде заняться починкой и чисткой судна.

— Соскребите хотя бы несколько слоев засохшей слизи. Я хочу видеть текстуру дерева.

— Слизь? Прежде вы называли это лаком, капитан! — со смехом отозвался один из мужчин с оголенным торсом. У него не хватало передних зубов, из-за чего он шепелявил.

— Порадуйте меня, — улыбнулся Джаред. — Уже скоро мы покроем все новой слизью кракена. Если заметим очередное чудище, я готов к охоте.

Команда одобрительно загомонила, но Никки не желала ни малейшей задержки.

— Мы должны как можно скорее добраться до Танимуры, капитан. Нет времени на охоту.

— Не успеете оглянуться, как уже будем там, колдунья.
— Джаред пренебрежительно усмехнулся. — Помните, что вы собирались проехать весь путь на вонючей лошади?

Команда захихикала, сочтя такой способ передвижения нелепым.

В тот вечер Никки ужинала вместе с капитаном в его каюте. Единственным блюдом было упругое мясо кракена. Джаред с аппетитом уплетал свой кусок, а Никки ела без особого удовольствия.

— Я пробовала и похуже, — сказала она, и Джаред воспринял это как комплимент.

В корабельной команде насчитывалось пятнадцать человек. Они работали вместе уже много лет, что было необычным — на многих кораблях команда менялась в каждом порту. Охота на кракена была тяжелой, грязной и вонючей работой, зачастую неблагоприятной. Кракеноловы держались особняком даже в портовых тавернах — к ним относились еще хуже, чем к матросам грузовых кораблей. Никки могла утверждать, что стойкий аромат слизи не смывался даже после неоднократных походов в баню, поэтому эти люди смирились со своей участью и наслаждались работой.

Джаред безмерно гордился тем, скольких кракенов он убил и сколько раз доставил свой груз в города вдоль побережья.

— Ценители мяса кракена с нетерпением ждут моего прибытия. Всякий раз, когда приходим в порт, нас встречают громогласными приветствиями. — Он одарил ее щегольской улыбкой.

— Вас приветствуют все почитатели мяса кракена? — спросила она. — Должно быть, их не очень много.

— У них взыскательный вкус. — Он отрезал кусок серого мяса и с довольным видом прожевал его, запив глотком эля.

Никки поймала себя на том, что делает все больше и больше глотков горького пива, чтобы перебить вкус мяса.

— Я буду рад вернуться к охоте на кракена, как только мы одолеем врагов, о которых вы говорите.

— Эта война будет долгой, а скоро наше положение станет еще более затруднительным. Потому мне и нужно добраться до Танимуры и привлечь д'харианский гарнизон. — Она прикусила нижнюю губу. — Я только надеюсь, что подкрепление от лорда Рала уже прибыло. В свой прошлый визит я отправила ему важное сообщение.

Никки почувствовала укол боли при мысли, что она находится так далеко от Ричарда — человека, которого по-настоящему любила. Они с Натаном взяли на себя миссию распространить вести о Д'Харианской империи, и теперь ей нужна помощь Ричарда. Если он отправит мощную армию в Танимуру, чтобы защитить ее от двойной угрозы, они смогут победить. Ричард никогда ее не подводил.

— Просто доставьте меня в Танимуру, капитан, — сказала она, — и вы окажете нам большую услугу в этой войне.

* * *

Пока «Преследователь» входил в гавань Танимуры, Никки смотрела на выбеленные здания города, который она так хорошо знала. Дома жались друг к другу, образуя неровные линии улиц и переулков. На крышах развевались знамена с цветами Д'Хары и стилизованной буквой «Р». Гавань заполнили рыбацкие лодки и грузовые суда, но больше радовали десятки больших судов, переоборудованные в военные корабли д'харианского флота. Зрелище ее удовлетворило. Было видно, что генерал Линден внял предупреждению и всерьез занялся обороной.

Гавань Танимуры была намного больше укромной гавани Серримунди. Подгоняемое магическим ветром кракенобой-

ное судно взяло прямой курс на доки. «Преследователь» прошел мимо пустого острова Халзбанд, соединенного с городом изящными мостами. На острове когда-то возвышался Дворец Пророков, где Никки много десятилетий провела в качестве сестры Света — и сестры Тьмы. Здесь она обучалась и служила — не только дворцу, но и Владетелю подземного мира. Теперь на острове остались лишь камни. Ричард Рал запустил заклинание, которое пронизывало весь дворец, и разрушил гигантское сооружение.

Джаред стоял рядом с ней, держась за поручни.

— Ах, Танимура! Люблю запах этой гавани.

Никки ощущала лишь вонь от слизи, пропитавшей корабль.

— Хорошо быть дома, — сказала она без теплоты в голосе. Это место было связано со слишком мрачными воспоминаниями.

Как только «Преследователь» причалил, Никки сошла на берег, желая поскорее добраться до гарнизона.

— Мой корабль в вашем распоряжении, если когда-нибудь снова понадобится, колдунья! — крикнул вслед капитан Джаред, когда она спускалась по трапу.

— Я запомню это. Ваш корабль быстр.

— И капитан хорош, — сказал он.

Никки не ответила, пробираясь сквозь портовую толчею. Мулы тянули повозки, нагруженные тяжелыми ящиками; мужчины складывали тюки сена и мешки с зерном, а торговцы договаривались о цене. Знакомые виды и звуки навевали воспоминания о том времени, когда она была послушницей, верной Имперскому Ордену, потому что ее мать вбила в нее эти учения. Это воспитание направило ее по темному пути, и все становилось только хуже, пока судьба не столкнула ее с человеком по имени Ричард Рал...

Колдунья шагала по улицам в сторону д'харианского гарнизона. Несколько недель назад генерал Линден отправил в Народный Дворец всадника, который должен был передать ее послание и просьбу о помощи. Никки знала, что Ричард поверит ее предупреждениям о генерале Утресе. Большое подкрепление, возможно, еще не прибыло, но наверняка уже в пути. Она надеялась, что Ричард хотя бы прислал ответ. Она так давно ничего о нем не слышала.

Приближаясь к гарнизону, она с облегчением увидела солдат в кольчугах и кожаных доспехах, патрулирующих улицы, и офицеров в ярких плащах. Слухи распространялись быстрее нее, и к тому времени, когда она достигла ворот в стене гарнизона, многие солдаты выстроились вдоль ее пути, желая услышать новости.

— Это колдунья!

— Никки вернулась.

— Госпожа Смерть!

Взволнованные солдаты расступились, когда Никки прошла через плац и мимо казарм устремилась к двухэтажному зданию штаба. Он был построен из свежей древесины и только недавно побелен, чтобы соответствовать общей архитектуре Танимуры.

Писари за столами у входа оторвались от записей, но она прошла мимо, не сказав ни слова. Поднимаясь по лестнице на второй этаж, Никки не сомневалась, что генерал Линден уже ждет ее.

Действительно, он сидел за своим столом, сложив руки. Линден был худощавым тридцатилетним мужчиной, молодым для своего высокого звания, но получившим повышение после того, как в предыдущей войне погибло слишком много офицеров. На его левой щеке виднелось родимое винное пятно, а кривой нос был сломан не единожды.

Он серьезно кивнул ей в знак приветствия:

— Я не ожидал, что вы вернетесь так скоро, колдунья. Мы прилагаем все усилия, чтобы укрепить оборону города. Мы построили военные корабли и переоборудовали другие суда, чтобы обезопасить гавань. Наши патрули на воде удвоены. Численность войск значительно возросла, и мы становимся сильнее с каждым днем.

— Хорошо, — сказала Никки. — Генерал Утрос движется дальше, как я и опасалась, а норукайцы опустошают прибрежные города. Серримунди не так давно подвергся нападению, как и Эффрен, и, возможно, побережье Ларрикан. Обстановка накаляется.

— Да, мы получили донесения. — Линден постучал пальцем по столу. Перед ним были разложены бумаги — он готовился к ее приходу. — Мы направили помощь в Серримунди после последнего набега норукайцев и активно рекрутируем людей среди горожан и жителей деревень. Я хочу расширить армию, чтобы в каждом крупном городе были хорошо вооруженные силы для защиты от других набегов.

Она шагнула вперед и схватилась за край стола.

— Не заблуждайтесь, генерал, это не просто набег. Древняя армия Утроста заключила союз с норукайским королем Скорбь. Вместе они захватят Древний мир. Мое сообщение доставили в Д'Хару? — задала она интересующий ее вопрос. — Лорд Рал отправил д'харианскую армию защитить нас? Если ваш посольный прибыл так быстро, как я надеюсь, войска уже должны быть в пути. Они нам скоро понадобятся.

На лбу Линдена появились тревожные морщинки. Он неосознанно потер родимое пятно большим пальцем.

— Лорд Рал прислал ответ. Он говорит, что хотел бы помочь Танимуре и другим городам, но... в настоящее время это невозможно. Ни он, ни Д'Хара не смогут нам помочь.

Глава 52

Обессиленный Натан, измазанный кровью убитых им врагов, карабкался по скалам в конце узкого бокового каньона. Он хватался за уступы, стремясь добраться до необжитого высокогорья, где можно было укрыться. Ольгия не отставала, как и десять д`харианских солдат, которые отступили вместе с ними. По указанию генерала Зиммера защитники разделились на множество отрядов, выбрав разные маршруты.

Один из раненых воинов, задиристый картежник, потерял много крови из-за глубокой раны в боку. За ним тянулся красный след, пока он с трудом поднимался все выше. Натан не был уверен, что этот человек долго продержится. У волшебника оставалось мало сил, но он мог бы исцелить эту рану, остановись они ненадолго передохнуть, но это было рискованно. Утрос бросил за ними в погоню тысячи воинов, и враг неотступно приближался.

Наконец добравшись до верха скалы, Натан обернулся и увидел, как заклинание Плачущего камня разрушает Твердыню. Каменная крыша архива обвалилась, навсегда запечатав туннели и библиотечные помещения. Стены растаяли и осели, как оползень, погребая под собой часть армии.

Даже с такого расстояния Натан чувствовал магическую структуру, которая резонировала по линиям силы. Отвесные стены начали таять, будто воск, разрушение продолжалось, а он все смотрел, не веря своим глазам. Верна планировала только завалить вход в альков и запечатать книги и свитки, а потом сразу должна была уйти. Но процесс не прекращался.

— Добрые духи, она разрушает весь каньон!

Он увидел крошечную фигурку Верны над оседающим альковым. Она пыталась забраться наверх, но сам камень под ней был нестабилен. Натан точно почувствовал момент,

когда она потеряла контроль над могущественным заклинанием. Как будто свирепая собака вдруг набросилась на хозяина.

Ольгия и солдаты рядом с ним наблюдали, как половина каньона Твердыни обратилась в жижу, и поток камня покатился вниз, поглощая бесчисленных древних воинов. Со стоном отчаяния Натан смотрел, как аббатиса Верна сползает и погружается в текучую скалу. Она отчаянно пыталась выбраться, но камень поглотил ее.

Мир погрузился в тишину, когда на него обрушился шок. Сердце защемило от нахлынувших воспоминаний. Так много в его жизни было связано с аббатисой. Натан никогда не любил Верну так, как ее предшественницу, аббатису Энн, но теперь, наблюдая, как она умирает, он ощутил сокрушительную боль. Слезы заблестели в лазурных глазах и потекли по щекам.

Эльза поступила так же. Она высвободила мощную магию, чтобы спасти их, хотя и знала, что это уничтожит ее. Теперь обе эти замечательные женщины ушли, пожертвовав своими жизнями, чтобы нанести урон армии генерала Утроса.

После смерти Верны ее заклинание исчезло, магические линии распались, поля и сети исчезли. Камень снова затвердел.

Однако пока беглецы стояли, застыв в ужасе, они забыли о преследователях. На них с криком бросился один из изможденных вражеских солдат с зазубренным мечом. Раненый картежник сидел на камне, переводя дух, но тут же вскочил и из последних сил отразил меч нападавшего и вонзил кинжал в горло врага. При этом он получил еще одну глубокую колотую рану. Умирая, картежник перевалился через край обрыва и вместе с древним солдатом покатился вниз в кровавом клубке рук и ног.

Хотя отряд Натана добрался до высокогорных пустошей, их все еще преследовали. Подавив горестные мысли, он нашел в себе силы призвать огонь волшебника, по сфере в каждую руку. Охваченный гневом из-за смерти Верны, он швырнул их в сторону преследователей. Вражеские воины вскинули руки в латных перчатках, пытаясь отразить огонь, но непреодолимое inferно превратило их в пепел.

Натан упал на колени и зарыдал. Его длинные белые волосы были спутаны, новый жилет и вышитый плащ были испачканы кровью и пеплом. Во время битвы у входа в каньон, он и его одаренные товарищи отчаянно использовали все уловки, все заклинания, которые знали. Пятерых он даже убил своим мечом, и теперь его рука болела от звонких ударов.

К нему подошла Ольгия, крепкая женщина в юбке и накидке из усиленного шелка, которые выдержали битву. Лицо ее покрывали алые брызги, одна из тугих кос была срезана ножом и свисала возле уха, будто обезглавленная змея. Выражение ее лица было напряженным, словно из нее выжали весь дар, но женщина цеплялась за жизнь и свою решимость.

— Нам больше не нужно беспокоиться о преследовании, Натан, — кивнула она в сторону черных пятен, оставшихся после огня волшебника. — Мы можем позаботиться о тех, кому удастся прорваться.

Натан вытер щеки и оглянулся на каньон. Каменный поток затвердел. Солдаты застряли в нем, словно мухи в янтаре.

— Я знаю. Аббатиса Верна сделала то, что было нужно. Ни генерал Утрос, ни кто-либо другой не заполучит опасные знания из архива. Он потерян навсегда.

— Так нужно для защиты мира, — сказала Ольгия. — Мы все с этим согласны.

— Это правда, но Верны больше нет... как и Эльзы. С каждой такой победой мы теряем часть самих себя и часть нашего наследия. Что от нас останется, когда все будет сказано и сделано? — Он отвернулся, чтобы больше не смотреть на руины некогда мирного каньона. Он даже не мог почувствовать удовлетворения от вражеских потерь. Сколько древних солдат погибло? Тысячи? Десятки тысяч?

Верна была мертва, а костяк армии Утроста все еще находился там. Даже после разрушения Твердыни он продолжит маршировать по Древнему миру.

— Давайте доберемся до места встречи, — прорычал Натан, — и посмотрим, сколько нас осталось.

* * *

Они преодолели запутанный путь по каньонам, оставив Твердыню позади, и вскоре встретились с другими группами. Торн и Лайес возглавляли отряд из шестерых солдат, Ренделла и горстки потрясенных ученых Твердыни. Отмеченную рунами кожу Морасит покрывали запекшаяся кровь, копоть и мелкие раны, но они были заряжены энергией, словно все происходящее — лишь увлекательная игра в Джа'Ла.

Торн окинула взглядом свою напарницу:

— Мы убили столько, что обе сбились со счета.

— Поэтому пока что ничья. Начнем счет заново, мне прямо не терпится, — сказала Лайес.

Другая женщина кивнула:

— И убитых будет еще больше.

Когда все отряды прибыли во временный лагерь, Орон с явным облегчением встретил Натана, Ольгию и Перри.

— Хорошо. Мы не могли позволить себе потерять еще кого-то из одаренных.

— Мы уже потеряли слишком многих, — сказал Натан.

— Кого еще нет? — спросила Ольгия, оглядываясь и считая людей по головам.

Орон рассказал, как волшебник Лео упал с края скалы, когда Рува взорвала камень. Были убиты не только д'харианские солдаты, но и двое ильдакарских стражников капитана Тревора. Перри присела на корточки и покачала головой.

— От нашего великого Ильдакара почти ничего не осталось.

— Мы остались, — сказал лорд Орон.

— От Древнего мира мало что останется после марша Утроса, — сказал Натан. — Ах, Верна... бедная Верна.

Сестер Света глубоко потрясла потеря аббатисы. Сестры Рода и Элдин присоединились к Натану у небольшого костра.

— Когда перемещение звезд уничтожило пророчество, это сильно ударило по смыслу существования ордена, — сказала Рода. — Но Верна не сдавалась. Она помогла нам найти новую цель.

— Нет, Верна не сдалась, — согласился Натан. — Она помогла всем, в том числе и мне.

К ним подошли и другие сестры, чтобы поделиться воспоминаниями об аббатисе. Натан горько рассмеялся, и когда Мэб удивленно посмотрела на него, он произнес:

— Учитывая мою обиду на сестер Света, очень иронично, что именно вы меня утешаете.

— Мы все должны утешать друг друга, потому что нам всем больно, — присоединилась Эмбер. — Но еще мы должны продолжать двигаться. — Она огляделась в поисках поддержки. — Мы собираемся идти дальше, так ведь? Генерал Утрос и его армия продолжают марш к побережью. Мой брат Норкросс сейчас в бухте Ренда. Он поможет нам сражаться.

— Да, моя дорогая, — сказал Натан. — Мы должны добраться до бухты Ренда раньше, чем это сделает армия.

Глава 53

Норукайское праздничное пиршество в честь короля Скорбь и капитана Ларса было громким, буйным и жестоким. Бэннон счел его отвратительным.

Новые рабы кухонь бастиона были покрыты засохшей кровью, синяками и ссадинами после атаки сэлок и ежедневных побоев на змеиных кораблях. Перегруженный работой боязливый старик Эммет, прихрамывая, наполнял блюда едой, пока козлятина шипела на вертеле.

Главный раб выкрикивал приказы угрюмым подручным, время от времени останавливаясь для поспешных наставлений растерявшимся новичкам.

— Возьмите жареного козла! У королевского трона есть подставка. Он сам нарежет мясо, и я молюсь, чтобы в нем не оказалось слишком много крови — если король вообще захочет сегодня есть козлятину. Я не осмелюсь сказать ему, что мясо не успело пропечься. — Эммет тяжело вздохнул. — Я видел, как Скорбь ест сырое мясо — может, сегодня у него именно такое настроение? Жаль, что у нас только козлятина и рыба...

Один из кухонных рабов, понурый мужчина со шрамом на щеке, взялся за один конец вертела. К нему подтолкнули новоприбывшего, чтобы тот взялся за другой конец, и они побрели со своей ношей в зал в сопровождении норукайского стражника. Зажаренную целиком рыбу сняли с решеток и разложили на блюда. Рабы уносили горшки с засоленной рыбой, шатаясь под их тяжестью. Когда один такой сосуд сунули в руки Бэннону, он заглянул внутрь и увидел серые

куски рыбы, пропитанные соленой водой, уксусом и щелоком. Вонь напомнила отвратительную законсервированную рыбу — основное пропитание в неурожайные годы на острове Кирия. Держа горшок на вытянутых руках, Бэннон последовал за рабами с вертелом.

Эммет вручил Лиле бронзовый кувшин с вином, и она бросила на старика яростный взгляд.

— Не желаю угождать этим мерзким тварям. — Кажется, ей было не по себе в бесформенной одежде, скрывающей стройное тело.

— Я тоже, но мое желание жить сильнее моего отвращения, и если хочешь выжить, то нужно помогать. — В голосе старика звучали умоляющие нотки. — После пиршества я смогу подробно объяснить, как все устроено в Бастионе и как прожить еще один день, месяц или год.

Когда норукайские стражники покинули кухню, сопровождая прислугу, Лила медленно и демонстративно плюнула в кувшин с вином. Другие рабы наблюдали за ней, потрясенные, но возбужденные.

Эммет пришел в ужас.

— Они разрежут тебя на куски и зажарят, если узнают!

Морасит с вызовом посмотрела на него:

— Они меня не видели, и ты ничего им не скажешь.

Бэннон, выходявший из кухни с засоленной рыбой, видел, что сделала Лила. Подражая ее непокорности, юноша набрал полный рот слюны и плюнул в горшок.

— Пресвятая Мать морей, мы должны бороться всеми доступными способами.

Коридор за кухнями вел в шумный пиршественный зал со стенами из черного камня. Потолок опирался на закопченные балки. С крюков на стропилах свисали высохшие головы — видимо, то были враги короля Скорбь.

Пиршество напоминало поле боя — норукайцы хвалились, стучали по столам кулаками, требовали еду и выкрикивали оскорбления. За шестью длинными столами расселись воины, щеголявшие множеством отвратительных шрамов на лицах, головах и плечах. Воительницы выглядели столь же уродливо, как и мужчины. Все они рычали друг на друга и обменивались ударами. Это, как понял Бэннон, было грубой формой ухаживания.

За главным столом на массивном троне, похожем на орудие пыток, сидел поникший король Скорбь. Костяные шипы, вживленные в его плечи, торчали сквозь жилет из акульей кожи, будто выпирающие зубы. Король сгорбился, угрюмый и оцетинившийся, глухой к шуму разговоров и буйству гостей. Положив на стол сжатые кулаки, он смотрел прямо перед собой. Рядом лежало перевернутое кресло. Скорбь разбил его о столешницу, чтобы никто никогда больше не мог сидеть на нем. Вероятно, это было кресло Мелка.

Здоровячка Атта сидела по другую сторону от трона, будто заявляя свои права на короля, но Скорбь почти не обращал на нее внимания. За вторым столом, точно какая-то знаменитость, восседал недавно вернувшийся капитан Ларс. Бэннон повстречал этого человека еще в Ильдакаре и возненавидел. Ларс уже успел выпить, и Бэннон задался вопросом, вспомнит ли его этот отвратительный налетчик.

Король Скорбь внезапно сел прямо и грохнул по столу кулаком.

— Я вынес тебе смертный приговор, Ларс.

Разговоры быстро перешли в неровное бормотание.

Капитан налетчиков прервался на полуслове, поставил кружку и повернулся к королю.

— Ты велел мне пойти и умереть в битве, король Скорбь. Я совершал набег за набегом и собственноручно убил по

меньшей мере сотню слабаков. Я умру, как ты и приказал, но сначала убью еще немало отбросов.

Норукайцы приветствовали браваду, но короля это не забавляло.

— На тебе все еще висит клеймо труса из-за неудачи в бухте Ренда. Ты должен искупить вину перед змеиным богом за то, что проиграл простому ходячему мясу.

Щеки Ларса вспыхнули от стыда.

— Я понимаю, мой король, и я заставлю их заплатить. Я бы не вернулся, но мне нужна провизия и пополнение команды. Здесь построили много новых змеиных кораблей. Если хочешь, чтобы я оставил все побережье в огне, мне нужно больше кораблей. — Он поднял кружку, и норукайцы взревели.

— У нас много кораблей, — сказал Скорбь, — а видения Мелка обещали, что их будет и больше. — Он уставился на пустое блюдо перед собой.

Слуги внесли дымящуюся тушу козла и положили концы вертела на раздвоенные стойки подставки. От жареного мяса исходил пикантный аромат, который наполнил зал и ненадолго перекрыл зловоние немых и покрытых кровью воинов. Скорбь поморщился.

Бэннон молча поставил горшок с рыбой прямо перед Ларсом. Норукайский капитан наклонился вперед и принялся, затем рыгнул.

— Такое блюдо мне по вкусу. — Он посмотрел на Бэннона, встретился с ним глазами и помешкал. Юноша ждал, что он узнает его и взорвется, но Ларс сказал только: — Вот же уродец.

Ларс запустил руку в горшок и зачерпнул верхние кусочки студенистой рыбы. Плевков Бэннона смешался с рассолом, и Ларс зачавкал с удовлетворенным хрюканьем.

На главный стол подали тарелки с рыбой, но король Скорбь проигнорировал их — видимо, не было аппетита. Атта жадно поглядывала на тушу козла, но все ждали, пока король отрежет первый кусок. Наконец Атта взяла его пустую тарелку и встала.

— Мне доставляет удовольствие служить тебе, Скорбь. И позже ты можешь с таким же удовольствием меня отблагодарить. — Своим кинжалом она проткнула дымящуюся ляжку, отрезала кусок полусырого мяса, положила на тарелку и поставила перед королем. Потом она отрезала такой же кусок мяса себе, села рядом и принялась за еду.

Скорбь наконец начал есть, словно не чувствуя вкуса козлятины и не испытывая от пира никакого удовольствия.

— Скоро мы отправимся на войну, — сказал он, и, судя по тону, это единственное, чего он ждал с нетерпением.

Вошла Лила с кувшином вина. В свободном шерстяном платье ее было не узнать. Она шла уверенно, будто уже победила каждого в этом зале. Чопорно подойдя к королю, она наполнила его кубок вином. Скорбь одним глотком осушил половину кубка, не обращая на нее внимания. Лила с возмущением повернулась, чтобы налить вина Атте, но Скорбь гневно оттолкнул Морасит. Казалось, охваченный горем король не понимает, что делает, но Лила покачнулась, и половина вина из кувшина вылилась на Атту.

Норукайка взорвалась. Словно атакующая гадюка, она вскочила, задев свою тарелку, и козлятина полетела на пол. Рефлексы Морасит защитили Лилу — она уронила бронзовый кувшин, тот звякнул о каменные плиты пола, и красное вино разлилось, будто кровь. Атта отвела кулак, и мышцы на ее мясистой руке заметно надулись.

Бэннон кинулся на помощь, но Лила в этом не нуждалась. Ее рука взметнулась вверх и поймала метнувшийся к ней кулак Атты. Норукайка напряглась, ее мышцы очерти-

лись, когда Лила отразила удар. Атта посмотрела сердитым взглядом, поднажала, а Лила стиснула зубы, усилив хватку, и прошептала:

— Это была случайность. — Она бросила взгляд на короля, который по-прежнему не понимал, что наделал, и снова повернулась к Атте. — Я... извиняюсь. — Это прозвучало так, будто слова вырвали из ее горла.

Пересилив себя, Атта отдернула кулак:

— Случайность!

Прежде чем Лила успела двинуться, женщина с лицом, напоминающим наковальню, ударила ее по щеке. Девушка тут же приняла боевую стойку, но заставила себя не ударить в ответ.

— Я Морасит. Прими мои извинения, но на большее не рассчитывай, — сказала она ледяным голосом.

Скорбь наконец обратил на это внимание. Он встал и ударил Лилу кулаком по голове с такой силой, что Морасит осела на пол.

Атта оглядела ее:

— Приговариваю тебя к смертной казни — как Скорбь приговорил Ларса. И мне может потребоваться много времени, чтобы убить тебя.

— Можешь попробовать, — парировала Лила.

Эммет и несколько рабов уже спешили в зал с корзинами хлеба, подносами с жареной и копченой рыбой, а также мисками маринованной лебеды.

— Следующее блюдо! — сказал старик, отвлекая их. — Впереди еще много еды и разнообразных десертов.

Эммет захромал к главному столу, пока собравшиеся налетчики ожидали вторую смену блюд. Ловко двигаясь, несмотря на хромоту, старик протиснулся между столами и схватил ошеломленную Лилу за локоть.

— Ну-ка, не стой тут без дела! На кухне полно работы.
— Он вцепился в руку Бэннона и повел обоих прочь. — Быстро! Мы не смеем заставлять ждать короля Скорбь.

Пока Атта продолжала сверлить их убийственным взглядом, Эммет уводил их по темным коридорам в относительную безопасность кухню.

* * *

В течение следующих нескольких дней, пока рабы бастиона понуро выполняли свои обязанности, Атта выбрала Лилу своим главным объектом для издевательств. Норукайка находила поводы столкнуться с ней в коридорах и прижать к стене в попытке спровоцировать.

— Давай, сразись со мной, и я убью тебя!

— Остановись! — попытался было вмешаться Бэннон. — Мы просто выполняем свою работу.

— Ее работа — умереть. — Атта приблизила лицо к Лиле. — Скорбь мой любовник. Я знаю, ты хочешь его.

— Я хочу его смерти, — сказала Лила, — но если мне придется сначала убить тебя, то так даже лучше.

— Если ты убьешь Атту, король убьет тебя сам, — быстро шепнул ей Бэннон.

— Если прикончу ее, король лишь посмеется над ее слабостью, — громко возразила Лила. — Хочешь, чтобы я сразилась с тобой? — бросила она вызов Атте. — Дай оружие, и посмотрим, кто уцелеет.

Мускулистая рука Атты впечатала ее в стену:

— Я не дам тебе ничего, даже смерти. Еще рано.

Норукайка зашагала прочь, оставив Лилу в покое. Она одернула свободное шерстяное одеяние, которое считала оскорбительным.

Она и Бэннон работали вместе всякий раз, когда могли. Эммет помогал им, давая схожие задания, но когда нору-

кайцы поняли, что эти двое близки, надсмотрщики насильно разделили их. Тем не менее, им довольно часто удавалось видаться, и тогда они искали возможность сбежать из бастиона. Но в крепости было слишком много вооруженных гневных норукайцев.

— Старый Эммет знает тут каждый угол, — сказал Бэннон. — Он мог бы помочь нам сбежать.

Лила была настроена скептически.

— После стольких лет рабства старик и думать забыл о свободе. Он помнит только о том, что нужно бояться за свою жизнь. — Она покачала головой. — Я обещала спасти тебя, и я найду способ.

— И я обещал биться на твоей стороне. Ты учила меня сражаться с боевыми медведями и песчаными пумами. Я смогу справиться с несколькими норукайцами в честном бою.

Лила улыбнулась:

— Все же у тебя есть потенциал, мальчишка.

* * *

На следующий день, когда Лила следила за котлом с кипящим рыбным рагу, на кухню ворвалась Атта, задрал нос.

— Уже полдень. Король Скорбь голоден. — Она подошла к Лиле и принялась к содержимому котла. — Что-то плохо пахнет. Я думала, у варева дурной запах. — Она снова втянула носом воздух. — А это всего лишь вонь от твоих вшей.

Под суровым взглядом Лилы она схватила железный ковш, зачерпнула его до краев и отхлебнула. Затем Атта медленно вылила горячую жидкость на плечо Лилы, где сквозь дыру в одежде виднелась обнаженная кожа. Морасит вздрогнула, но не издала ни звука, когда горячий бульон потек по руке. Она просто вызывающе смотрела на Атту.

— Пожалуйста, Атта! — хромой Эммет поспешил к ним.
— Не убивай моих людей. Король Скорбь велел тебе не убивать их.

— Но я не обещала не вредить им. — Атта посмотрела на заживающие синяки на лице Лилы и свежий красный след от ожога на плече. Удовлетворенная, она покинула кухню.

Бэннон подбежал к Лиле с тряпкой, смоченной в прохладной воде, и прижал ее к обожженной коже. Теперь, когда Атта ушла, Лила позволила себе поморщиться.

Эммет переступал с ноги на ногу, и Бэннон выплеснул на старика свое раздражение:

— Вот почему ты должен помочь нам сбежать! Мы должны найти способ.

Глава 54

Никки была ошеломлена словами генерала Линдена. Только сейчас она поняла, как сильно надеялась на Ричарда и д'харианскую армию.

— Как это он не пошлет войска? Я недостаточно четко обозначила угрозу, исходящую от древней армии и норуйского флота?

— Нет, все предельно ясно, колдунья, — сказал Линден, нервно перебирая бумаги. — Лорд Рал сообщил, что сейчас нет свободных сил, да и такая армия не успеет прибыть вовремя.

Никки отошла в сторону, пытаясь справиться с беспокойством о серьезности ситуации. Она знала Ричарда. Возможно, лучше Никки его знала только Кэлен. Ричард понимал, что она обратится с такой просьбой о помощи только в безнадежном случае. Он отказал бы, только если бы действительно не мог помочь. Теперь у нее появился новый повод

для беспокойства — что же за проблема возникла у Ричарда? Теперь ответственность за защиту Танимуры и других городов на юге целиком лежала на ее плечах. Ричард доверял ей.

Она снова повернулась к Линдену, когда ей пришла в голову идея.

— Ричард не мог просто оставить нас. Должно быть, он передал что-то еще.

Линден кивнул, с неуверенной улыбкой выдвинул ящик стола, и достал кожаный сверток.

— Да, он прислал это. — Генерал положил сверток на стол. — Он сказал, вы поймете, что с этим делать.

Никки осторожно развернула кожу, гадая, какое послание там обнаружит. К ее удивлению, вместо письма в свертке оказалась костяная шкатулка, каждая грань которой было длиною в дюйм. Повертев кубик и изучив его более детально, она поняла, что эта маленькая вещица обладает огромной важностью.

— Мы побоялись открывать шкатулку, колдунья. — Линден был сосредоточен и любопытен. — Что это?

Ногтем она нашла щель крышки и открыла шкатулку. Внутри кубика завис в воздухе вращающийся шарик света — не больше горошины. Сфера была освещена изнутри сетью тонких линий и крошечных искр света.

Она поняла, что это, и сосредоточилась сильнее.

— Это новое структурированное заклинание.

Направив дар, она ощутила, что эта горошинка света обладает той же силой, что и уникальная магия Замка Волшебника, которую мог понять только Ричард. Заклинание каким-то образом было связано с древней защитной сущностью самого Замка.

Линден смотрел на нее так, словно его распирало от вопросов.

— Что бы это ни было, оно предназначено для нашей защиты, — сказала Никки. — И я должна это использовать.

В поисках ответов она еще раз заглянула в кожаный сверток, но там не было ни послания от Ричарда, ни подсказки. Ей придется разбираться самой. Послание должно быть на самой костяной шкатулке.

Она захлопнула крышку, скрывая светящуюся жемчужину заклинания. Твердые белые грани куба были испещрены мелкой гравировкой: линиями, узорами и символами. Сначала она не могла разобрать их, но потом узнала язык Сотворения — его понимал Ричард, и он знал, что Никки тоже его понимает. Вот оно, послание!

Даже если генерал Линден или посыльный открыли сверток и осмотрели содержимое, — а она полагала, что так и было, — они не поняли, что значат эти символы. Только тот, кто знаком с древним языком Сотворения, способен прочесть эти символы и открыть шкатулку. Только Ричард мог так поступить. Он знал, что никто, кроме Никки, не сможет расшифровать символы. Пока она не могла перевести их, и лишь удивлялась древней силе, которую они защищали.

Ричард не стал бы использовать заклинания на языке Сотворения, если бы содержимое шкатулки не было крайне важным и столь же опасным. Это было личным посланием Ричарда для Никки и ни для кого другого. Когда она посмотрела на маленькую костяную шкатулку, ей пришлось сделать глубокий вдох, чтобы успокоиться — она держала в руках прямую связь с Ричардом. Он словно нашептывал ей решение. Но какое?

После долгого изучения символов она смогла их разгадать, но все еще не понимала ответа: «Жизнь для живых. Смерть для мертвых». Как это использовать?

Никки была озадачена. Раз ставки так высоки, почему Ричард не мог все нормально объяснить? Она рассказала ему о колоссальной угрозе, исходящей от пробудившейся армии. Она рассчитывала на Ричарда, нуждалась в его мудрости и силе, а теперь была расстроена тем, что он не дал ей прямого ответа.

Линден неуверенно улыбался, надеясь на хорошие известия. Отвлекаясь от головоломки, она отдала короткие распоряжения:

— Я должна запустить контрольную сеть, чтобы изучить созданное Ричардом заклинание. Мне нужно место для работы — пустая комната, где меня никто не побеспокоит.

Линден вскочил из-за стола и позвал солдат. Всего за несколько минут они повытаскивали стулья из комнаты для переговоров, расположенной чуть дальше по коридору. Никки последовала за ними в пустое помещение, поглощенная догадками.

Она знала, что для этой шкатулки мало стандартной контрольной сети. Ей нужно изучить заклинание изнутри, разобрать каждый элемент его структуры. Она собралась с духом, понимая, что для создания такой сети потребуется магия Ущерба. Но выбора не было.

Никки оглядела выбеленные стены и деревянный пол большой пустой комнаты в штабе гарнизона. Линден и солдаты нетерпеливо ждали за дверью.

— Это место подойдет, — сказала она, глядя на крошечную шкатулку. — Проследите, чтобы меня не беспокоили. Многое зависит от того, что я здесь узнаю.

Увлеченная загадкой структурированного заклинания колдунья не обращала внимания на солдат, которые отступили подальше от двери.

Одним из своих кинжалов она разрезала ладонь, не обращая внимания на боль и интересуясь лишь количеством крови. Ее понадобится много.

Стоя посреди комнаты, она при помощи капающей крови принялась рисовать на полу Благодать. Этот могущественный узор рисовали кровью только при самых редких обстоятельствах, но Никки сейчас нуждалась в этой силе. Внутренний и внешний круги, представлявшие подземный мир и мир живых, были разделены квадратом, а восьмиконечная звезда в центре символизировала свет Создателя, который расходился по всей Благодати. Весь процесс начертания сложного символа занял почти час.

Когда узор был готов, Никки встала в центре магического символа на полу. Закрыв глаза и удерживая костяную шкатулку в неповрежденной ладони, другой рукой она подняла маленькую крышку. Затем открыла себя своей силе.

Закрыв глаза и погрузившись в мысли, Никки не чувствовала ничего, кроме подобия невесомости. Она дрейфовала, исследовала и прощупывала, раскидывая контрольную сеть в поисках ответов.

Только когда Никки открыла глаза, она поняла, что парит в воздухе, медленно вращаясь в нескольких футах от пола над кровавой Благодатью. Через открытую дверь она видела Линдена и любопытствующих солдат, удивленно наблюдавших за ней, но они были неподвижны — точно статуи. Она не слышала ни движения воздуха, ни биения собственного сердца. Казалось, сама жизнь остановилась.

Вглядевшись, она увидела, что опутана светящимися зелеными линиями, которые образовывали сложную структуру. Никки была живым центром контрольной сети структурированного заклинания. Повернув голову, она также поняла, что одна из ее ног находится за внешним кругом Благодати, который представляет подземный мир.

Сама того не осознавая, Никки активировала контрольную сеть, как и планировала. Она потянулась, изучая светящиеся линии, поднимающиеся от Благодати, опутавшие ее тело и светящуюся жемчужину внутри костяной шкатулки.

Но сеть ответов не дала. Как бы Никки ни старалась, магия не отзывалась, а предназначение структурированного заклинания оставалась загадкой. Намерения Ричарда яснее не стали.

Расстроенная, она отозвала свою силу и убрала сеть, погасив световые линии. Они втянулись в мерцающую сферу внутри шкатулки. Никки осторожно опустилась на пол и почувствовала под ногами твердое дерево, но разум ее все еще казался отключенным от реальности. Она замерла на мгновение, восстанавливая равновесие.

Стоявшие в коридоре Линден и солдаты не решились предложить ей помощь. Вытерев кровотокающую ладонь о черное платье, Никки снова закрыла шкатулку и спрятала в карман. Ее глубоко печалило, что посылка Ричарда казалась бесполезной — или непостижимой. Она надеялась на чудо, но теперь придется разбираться со всем самой.

Генерал Линден прочистил горло:

— Что вы обнаружили, колдунья? Вы поняли, какое оружие прислал нам лорд Рал?

Она обратила на него свой холодный голубой взор:

— Боюсь, мы обречены.

Глава 55

Каменная волна, подобно приливу, погребла передние ряды верных бойцов Утроста, которые продолжали следовать за ним, даже потеряв все. Генерал взирал на неровную

каменную массу, покрывавшую дно каньона, и подыскивал слова.

— Наша судьба навсегда связана с камнем, — наконец произнес генерал.

Рядом бушевала Рува, едва сдерживая бурлящую внутри магию.

— Эти люди отдали жизни за тебя, возлюбленный Утрос. Они знали, что ты не дрогнешь и завоюешь мир, как и поклялся. — Она смотрела на вмурованные в камень тела. — И их жертва поможет тебе достичь цели.

— Как? — огрызнулся Утрос. — Как это мне поможет? — Он оглядывал картину разрушений и массовой бойни.

Рухнувшая стена каньона теперь походила на оползень, запекшийся на жарком солнце. Тысячи трупов казались насекомыми, попавшими в смолу. Солдаты Утроста были облачены в лучшие доспехи, их мечи были остры, подготовка превосходна, и они могли сражаться с любым врагом, — но как можно подготовиться к такому? Поднятые вверх руки все еще сжимали мечи, кое-где из камня торчали лишь латные перчатки и ноги в сапогах.

Поблизости виднелась голова солдата в съехавшем набок шлеме; на его лице застыла гримаса судорожного вдоха. Все остальное его тело находилось в камне. Он все еще мог дышать, но был сдавлен породой. Он открывал и закрывал рот, выпучив глаза и пытаясь глотнуть воздуха. Умиравший не мог произнести ни слова — в его груди не осталось места. Изможденное лицо синело, и он медленно задыхался.

Утрос склонился над ним:

— Я ничем не могу тебе помочь. — Сердце его разрывалось от печали и желания мести. — Благодарю за службу и сожалею о твоей жертве. — Он обнажил меч. — Это все, что я могу сделать. — Он отсек мужчине голову, и из обрубка на камни хлынула кровь.

Он приказал солдатам сделать то же с другими воинами, чье положение было безнадежно. Так было правильно, но Утроста мутило.

Только чудом он остался жив. Когда каньон начал плавиться, Рува и Ава спасли его, преградив путь. Защитники крепко стояли в бутылочном горлышке, а солдатам генерала приходилось пробиваться через скопище ядовитых скорпионов, ямы с шипами и маскировочную завесу, которая скрывала сам каньон. Натан и другие одаренные сражались и отступали, сражались и отступали, заманивая их все дальше.

Утрост был одурачен. Он поверил, что это последняя линия обороны. Его армия поверила в свою победу, как только они увидели альков в скале и здания архивов, а Рува зашипела в предвкушении могущественных знаний.

Армия неистово бросилась на штурм, и Утрост никак не смог бы остановить их. Они ворвались в скрытый каньон, как разнуздавший буйного скакуна всадник. Утрост хотел быть в первых рядах, но Рува вынудила его держаться позади. Голодающие солдаты набросились на фруктовые сады и поля. Они налетели на стада перепуганных овец и рвали их на куски, поедая сырое мясо. Прежде чем он смог насладиться победой, Рува почувствовала отклик невероятно могущественного заклинания... а затем скалы потекли вниз расплавленной лавиной.

К нему подлетел безумный мерцающий дух Авы:

— Прочь! Здесь небезопасно! Мощное заклинание! Я попытаюсь остановить ее, генерал!

Рува повторила движения сестры и использовала дар, чтобы отбросить Утроста к скалам бутылочного горлышка. В этот миг каменная волна с ревом обрушилась на передние ряды армии, убив огромное количество солдат.

Теперь, глядя на ужасающие последствия заклинания, генерал пытался подсчитать потери. К счастью, основная часть древней армии даже не вошла в скрытый каньон, оставшись в высокогорной пустоши — не меньше девяноста тысяч воинов.

Подъехал первый командующий Енох. Лицо его было пепельно-серым от вида бесчисленных сдавленных тел, тянущихся рук, застывших в ужасе мертвых лиц. Он прочистил горло, будто хотел выплюнуть тяжелые слова, которые собрался произнести.

— Владетель потребовал гораздо больше, сэр. Он знает о нас, и мы нужны ему все.

— Владетелю пока придется довольствоваться тем, что он уже получил, — сказал Утрос. — С нас достаточно!

Ава перед ними замерцала, на ее лице появилось смятение.

— Он тянет меня с еще большей силой. Ему нужна моя сестра. Ему нужна я!

— Благодаря нашей преданности тебе, — вмешалась Рува, — у нас есть силы противостоять ему, возлюбленный Утрос. Преданность сильнее любви. — Она прищурилась. — Преданность сильнее смерти.

— Мы забили овцу, сэр, — отвлек их Енох, — и зажарим ее, чтобы накормить всех первых командиров. Но остальные солдаты все еще страдают от голода.

— Потому что они голодны, — сказал Утрос. — Даже если они все еще двигаются и маршируют.

— Нет! Их поддерживает наше заклинание. — Рува будто оправдывалась. — Они продолжают идти, даже несмотря на снедающий их голод. Они будут жить до тех пор, пока не превратятся в ходячие скелеты!

Утрос с отвращением наблюдал, как его солдаты подобно саранче расползаются по каньону. Они срывали листья и

нежные ветви с фруктовых деревьев, пожирали любые найденные фрукты, дочиста обирали огороды, вламывались в жилища на скальных склонах, в надежде отыскать даже самые маленькие крохи пищи.

И что гораздо хуже, хотя и не удивительно при таком темном заклинании сохранения, голодные воины бегали по затвердевшему камню, выскивая мертвых или умирающих солдат, попавших в каменную ловушку. Нет, они не пытались спасти товарищей, не искали выживших. Они хватали торчавшие из скалы руки, ноги или головы и отрывали полоски плоти, сдирая мясо и поедая останки. Они ломали кости и высасывали костный мозг, лакали кровь и грызли любой кусочек кожи, мышц или сухожилий и двигались дальше в поисках большего.

Призрак Авы стоял перед Утросом и наблюдал.

— Им нужна пища. Они будут поддерживать себя любым способом. Это по-прежнему твои воины.

Рува уже объясняла, что заклинание сохранения не сможет поддерживать армию слишком долго.

— Любая пища, которую они найдут, — она сделала паузу и сказала более твердым голосом, чтобы подчеркнуть свою мысль, — любая пища даст им энергию, чтобы продолжать идти.

Думая о своей легенде, о своей чести, Утрос почувствовал тошноту.

— Что происходит с моей армией? Что происходит со мной? — Он собрал всю решимость, сосредоточился на конечной цели, на причине своего существования после всех этих столетий. — Мы заплатим любую цену. Мы приняли это решение очень давно, и сейчас слишком поздно что-то менять. — Он прошел мимо искалеченных останков солдат, чтобы посмотреть на отвесный утес, который теперь был

непреодолимым препятствием. Архив Твердыни был полностью утрачен.

— Они уничтожили все знания. — Он взглянул на дух Авы. — Можешь спасти хоть что-то? Пройти сквозь камень в призрачной форме и найти хотя бы свиток, хоть один том? Вообще что-нибудь?

Ее неосязаемый дух замерцал:

— Это невозможно. Сами книги обратились в камень. Свитки окаменели. — Когда она слилась с Рувой, оба близнеца сказали: — Они предпочли уничтожить знания, лишь бы не позволить нам получить их.

— Такое отчаяние показывает, как сильно они нас боятся, — сказал Енох.

— Это был мудрый тактический ход, — кивнул Утрос. — Хотел бы я, чтобы Рува использовала столь мощную магию для моих завоеваний, но нам это и не нужно. — Он повысил голос, чтобы солдаты могли его услышать. — Не верьте, что нам нужна такая поддержка! Моей армии достаточно.

Несколько солдат, желая отомстить, пробирались к дальнему концу каньона в надежде перехватить защитников, бежавших в горную пустошь, но Утрос знал, что Натан и остальные уже давно ушли.

— Сегодня мы пируем тем, что у нас есть, — сказал он, — но отдыхать долго мы не смеем. Армия должна двигаться дальше. Наша цель — добраться до моря, по пути завоевывать любые города. Норукайцы уже, должно быть, разоряют побережье. Король Скорбь ведет войну. — Он повернулся так, что на его золотой полумаске блеснул солнечный свет. — Мою войну.

Глава 56

На следующий день в бастионе царило оживление, и норукайцы стягивались к защищенной гавани.

— Военный флот вернулся! — разносился по залам голос стражника.

Налетчики ликовали, но рабы восприняли новость без энтузиазма.

Из открытого окна верхней башни Бэннон и Лила смотрели на десятки прибывавших змеиных кораблей. Бэннон успел досчитать до пятидесяти.

Лила поняла, что это за корабли.

— Это поврежденные суда налетчиков с реки под Ильдаром. Корабелы закончили ремонт.

Бэннон не забыл о разбитых судах. Норукайские корабли и рабы трудились день и ночь, пока не приготовили их к плаванью. Присоединившись к флоту Ларса и сотне новых змеиных кораблей, построенных в отсутствие короля, эти суда превратили флот норукайцев в неудержимую силу. Они разорят все побережье.

— Пресвятая Мать морей! Мы должны бежать отсюда! Это важно как никогда, — воскликнул Бэннон. — Мы должны предупредить людей о предстоящих нападениях. Как они смогут защитить себя?

— Это очень важно, но шансы на побег стали еще меньше, — сказала Лила. — В бастионе теперь вдвое больше норукайцев, которые будут наблюдать за нами каждое мгновение.

Бэннон смотрел, как подходят восстановленные корабли — точно стая волков к раненому оленю. Некоторые суда встали на якорю у отдаленных островов архипелага, в то время как другие пришвартовались у самого бастиона. Их команды были готовы к бурным празднествам и военным приготовлениям.

Подумав об этом, он медленно улыбнулся.

— А вот тут я с тобой не согласен, Лила. Наши шансы только возросли! Подумай о пьяных гуляниях. В бастионе воцарится полный хаос, и рабов загрузят бесконечными поручениями. Кто за всем этим проследит? А кто будет следить за мной и тобой? Может, даже Атта перестанет к тебе цепляться?

Лила поморщилась от боли в набухших синяках и заживающем ожоге.

— У нас может появиться возможность, но нет ресурсов. Куда идти?

— Если выскользнем из бастиона, то уж где-нибудь спрячемся.

Лилу это не убедило.

— И что тогда? Мы все равно находимся на острове, окруженном змеиными кораблями.

— Эммет должен нам помочь. — Бэннон знал, что это их единственный шанс.

Когда новоприбывшие ввалились в бастион, старый кухонный слуга был поражен свалившейся на него ответственностью и страхом расправы, если пирушка не выдастся на славу. Капитаны ворвались в гигантскую крепость, заполнив и приемный, и тронный зал, где Скорбь выслушивал их доклады.

Король оставался мрачным после потери Мелка, но ярость оживила его. Когда восстановленные корабли вернулись из Ильдакара, он решил, что единственный способ избавиться от печали — это опустошить Древний мир.

На кухне творилась суматоха. В разогретых печах выпекали хлеб, и буханку за буханкой складывали в деревянные тележки. Кладовые почти опустели, но, к счастью, Ларс кое-что добыл в набегах.

Эммету и его подопечным еще предстояло готовить еду. Вокруг суетились рабы, и хромающий старик еле успевал руководить. Вышколенные рабы выполняли свои обязанности, но новички часто роняли тарелки или проливали содержимое супниц.

Бэннон с Лилой зажали Эммета в углу у выхода из кухни.

— Это наш шанс. Норукайцы напьются, будут шуметь и буяннить. Помоги нам сбежать.

Ступор старика сменился удивлением, а затем ужасом.

— Вам нельзя бежать. Они убьют вас! — Он даже начал заикался. — Я-я не могу потерять двух рабов. Нужно обслуживать норукайцев. Так приказал король Скорбь.

— Король Скорбь не должен быть твоим хозяином, — сказала Лила. — Ты видел прибывшие военные корабли и знаешь, что он строит флот. Мы должны уйти, чтобы поднять тревогу по всему побережью, и это может быть наш последний шанс.

— Мы думаем не только о своем спасении, — сказал Бэннон. — Добудь нам лодку, пусть и небольшую, и мы уплывем. На материке мы оповестим города и деревни. Им следует готовиться к обороне. Люди должны знать, что надвигается война. Подумай, сколько невинных будет убито.

Эммет выглядел растерянным.

— Я знаю намерения короля Скорбь. Я здесь уже десять лет. Увы, я, возможно, единственный выживший из моей деревни.

— Как только начнутся набеги, таких деревень будет неслетное количество, — сказал Бэннон. — Некоторые мы можем спасти, но только если ты поможешь нам бежать.

— Я... но как? Если б я знал, то давно бы сам сбежал. — Его тонкий голос дрогнул.

— Уверен? — тихо спросила Ли́ла. — Хватило бы отваги сбежать?

Эммет тербил забранные в хвост волосы, наматывая седые пряди на пальцы.

— Нет... Я-я так не думаю.

— Но ты можешь помочь нам! — взмолился Бэннон, а затем снова понизил голос до шепота. — Пройдут дни, прежде чем они поймут, что нас нет, если вообще заметят. Король Скорбь не станет связывать тебя с нашим побегом. Пресвятая Мать морей, пожалуйста!

Эммет боролся с совестью, заламывая пальцы. Морщинистое лицо исказила печаль, и Бэннон, безмолвно умоляя его, увидел, как что-то внутри старика сломалось.

— Я-я знаю, как спуститься к воде. Тропа крутая и используется редко. Она ведет к небольшому скальному причалу. Полагаю, там вы найдете лодку. Иногда норукайцы ловят остройгой рыбу в узких бухтах.

— Неплохо для начала, — сказал Бэннон, не раздумывая.

— Мы справимся, — согласилась Ли́ла.

На лбу Эммета выступил пот, когда он огляделся по сторонам. Старик ссутулился и заковылял по коридору, покидая хаос кухонь.

— Пойдемте со мной! У нас не так много времени.

Они свернули в боковой коридор, затем пошли вниз по узким каменным ступеням, покрытым скользким мхом. Спуск был крутым, и они придерживались за стену, чтобы сохранить равновесие. Старый раб часто оглядывался, тоскливо смотря вверх по лестнице, словно отчаянно желая вернуться к своим обязанностям. Он морщился от боли, когда неудачно ставил ногу.

Бэннон не собирался отказываться от побега, но если они с Ли́лой сейчас уплывут на лодке, то у них не будет ни воды, ни еды, ни одежды, ни одеял, ни даже каких-либо карт.

Они могли бы сбегать на кухню, захватить кое-какие припасы... Он прогнал эти мысли прочь. Это была их первая возможность побега. Если даже они с Лилой погибнут в открытом море, то умрут почти что свободными.

Выдавшая виды лестница снова повернула и вывела их на широкую площадку, куда через маленькие зарешеченные ворота проникал дневной свет. Бэннон глубоко вдохнул свежий соленый воздух, который пришел на смену темноте. Он слышал, как снаружи бьются о скалы волны.

Он сдвинул металлический засов. Покрытые коркой соли и ржавчины петли протестующе застонали, но они с Лилой сумели распахнуть ворота к свободе.

Каменный причал выдавался в беспокойную воду. К столбам были привязаны две маленькие лодки. Одна прогнила и была наполовину заполнена водой, но другая лодка была достаточно большой, чтобы вместить двух или трех человек вместе с уловом. На ней имелась мачта, а на носу лежала свернутая серая парусина. На дне лодки нашлась пара весел.

Бэннон сдержал свое разочарование.

— Я надеялся на что-то лучшее, но и меньшего не ожидал.

— Если придется, мы пересечем океан на весельной лодке, — сказала Лила.

— Вам придется, — сказал Эммет.

— Два человека могут управиться с такой лодкой. — Бэннон цеплялся за крупички оптимизма. — У нас получится.

Эммет поежился, отчаянно желая убежать обратно, пока норукайцы не заметили его отсутствие. Бэннон посмотрел на него и подумал о долгих годах плена.

— Пойдем с нами, Эммет. Спасайся! Вместе мы выживем.

Старик был ошеломлен этим предложением.

— Н-нет, я не могу. Я не смею.

— Ты никогда не покинешь короля Скорбь, если не пойдешь с нами сейчас, — сказала Лила. С отвращением она дернула за потрепанный ворот шерстяного одеяния, разорвала его с спросила бесформенное платье. Она с гордостью носила облачение Морасит.

Старый раб колебался, но в итоге покачал головой.

— Я не могу! Остальные рабы...

— Все остальные тоже сбежали бы, если б могли. Это твой шанс! Я тебя умоляю, Эммет, — воскликнул Бэннон.

Но старик был слишком напуган.

— Уходите, — отмахнулся он. — Не упускайте возможность. Я-я давно лишился своего шанса. Я продолжу служить. — Он тяжело сглотнул. — Пока не умру.

— Пока не умрешь, — произнес Бэннон, и это прозвучало как пророчество.

— Давай в лодку, мальчишка, — нетерпеливо шикнула Лила. — Пирушка становится все громче. Норукайцы опьянели, и наступает ночь. Если у нас есть хоть какой-то шанс, то только сейчас.

Бэннон забрался в старую рыбацкую лодку, бросив последний взгляд на ворота, но Эммет уже проковылял внутрь, закрыл решетку и исчез в тенях.

— Ты умеешь ходить под парусом, мальчишка. — Лила грациозно запрыгнула в лодку. — Уводи нас отсюда.

Бэннон отвязал от столба веревку и оттолкнулся веслом от причала. Осторожно гребя, он обогнул прибрежные камни, вокруг которых плескались волны, и повел лодку в море. Оглянувшись на черный бастион, высившийся позади, юноша вздрогнул.

Глава 57

Поскольку Никки должна была остаться в Танимуре, чтобы помочь городу выстроить оборону, она временно обосновалась в главной казарме гарнизона — в маленькой комнате с узкой койкой и письменным столом. Впрочем, этого было достаточно.

Генерал Линден проводил ее в комнату и встал в дверях. Он все еще нервничал после того, как увидел ее работу с Благодатью и контрольной сетью.

— Хотел бы я предоставить более подходящую комнату, но гарнизон переполнен прибывшими солдатами и командирами, а также добровольцами из городской стражи. — Он потоптался у двери. — Завтра я поручу своему адъютанту подготовить для вас комнату побольше в одном из пансионнов.

— Мне не требуются излишества, генерал. Я провела несколько дней на борту кракенобойного судна. — Она глубоко вдохнула запах свежей древесины и чистого постельного белья. — И здесь значительно лучше.

Линден поморщил нос.

— Мне показалось, что я учуял какой-то странный запах. Теперь я понял, в чем дело.

— Я мало отдыхала еще с первого визита в Серримунди, но здесь я хорошо выплусь. — Она чувствовала себя совершенно разбитой, силы ее иссякли. Дар Никки был ее величайшим оружием, и точно так же, как солдату требовалось наточить меч перед битвой, ей нужно было восстановить силы.

Генерал Линден коротко поклонился и закрыл дверь, оставив ее в одиночестве. Только тогда Никки позволила себе немного расслабиться. Она никогда не могла расслабиться полностью, но нуждалась в отдыхе и силах.

Прежде чем провалиться в сон, в котором всю ночь ее будут мучать вопросы, Никки снова достала маленькую костяную шкатулку, присланную Ричардом. Она открыла крышку, прощупала ее своим даром, но ответы по-прежнему ускользали. Чувство разочарования усилилось. Почему Ричард отправил такое скрытое послание? Почему не дал прямой ответ? Сейчас не время для игр! Она ясно дала понять, с какой невероятной угрозой они столкнулись. Если Утрос и норукайские налетчики завоюют Древний мир, они наверняка двинутся на север, в Д'Хару.

И все же ответ Ричарда был... таким?

Она поставила открытую шкатулку на шерстяное одеяло и склонилась над вращающейся магической жемчужиной. Никки уловила слабый металлический треск. Что она должна сделать? Почему Ричард решил, что она поймет послание на языке Сотворения? После стольких лет, проведенных рядом, они с Ричардом были так тесно связаны, что Никки знала его мысли, его сердце. Она любила его, но потом смирилась с его бессмертной преданностью Кэлен и решила стать вторым по значимости человеком в его жизни. Никки верила, что добилась этого.

Ее магическая сила была мощнее, чем у любой другой колдуньи. Ей и Натану выпала миссия окончательно присоединить Древний мир к Д'Харианской империи. Но она знала Ричарда, и понимала, как работает его разум. Она часто могла предугадать его мысли и действия, и он в такой же степени понимал Никки.

Отправляя это странное послание, Ричард знал, что она, и только она, поймет его. Решение было, нужно только разгадать его...

— Этот предмет — все, что мне нужно, — напомнила она себе, все еще пребывая в растерянности. — В нем каким-то образом содержится ключ. — Ричард рассчитывал

на нее. Никки устала сидеть на кожаную шкатулку, пытаясь найти недостающую деталь, понять, как она может использовать это загадочное структурированное заклинание.

Примерно через час она сдалась. Слишком вымотанная, чтобы думать дальше, Никки решила, что после хорошего отдыха мысли прояснятся. Она закрыла и спрятала шкатулку, затем откинулась на кровать, беспокоясь, что беспорядочные мысли не дадут уснуть. Но спустя несколько мгновений, едва закрыв глаза, она погрузилась в глубокий сон.

В спокойной пустоте сна мысли Никки преодолели огромное расстояние. К своему удивлению, колдунья ощутила сестру-пуму и увидела мир зоркими кошачьими глазами. Никки против ее воли унесли с поля битвы в Ороганге, и теперь ее переполняла радость от того, что большая кошка все еще жива. В заброшенной столице хозяйничала кровавая армия, и Никки опасалась, что Мрра и Прячущиеся люди уже мертвы. Наверняка они сражались до последнего. Но ее песчаной пуме каким-то образом удалось скрыться.

Теперь, благодаря связи во сне, Никки узнала, что Мрра бежит по холмам и лесам, направляясь к ней. Из-за путешествия в сильфиде их разделяло большое расстояние. Она чувствовала усталость своей сестры-пумы, боль в подушечках огромных лап, но Мрра неотступно приближалась.

Благодаря чутью зверя она поняла, что большая кошка не одна. С ней был ее прайд, и Никки искренне обрадовалась, что многие из них выжили в Ороганге.

Никки спала в казармах Танимуры и одновременно бежала вместе с сестрой. Связь их была прочна, и Мрра следовала за этим неукротимым зовом. Да, пумы приближались! Каким бы долгим и тяжким ни было путешествие через пустоши и горы, Мрра найдет ее.

Однако Никки уловила кое-что еще и поняла, что большие кошки были не одни. К Танимуре приближались дру-

гие воины, двигавшиеся на максимальной скорости. Мрра мало обращала на них внимание, поэтому Никки не могла сказать, кто это, но знала, что они приближаются.

Армии собирались вместе...

Проснувшись на следующее утро, Никки не только чувствовала себя отдохнувшей, но и ощутила искру надежды, которая придала ей не меньше сил, чем долгий отдых.

Глава 58

Большинство беженцев из Твердыни рассеялись по пустынной местности, а Натан и уцелевшие защитники направились напрямиком на запад, стремясь добраться до побережья и подготовить крупные города к войне. Они выбивались из сил, зная, что должны опередить армию генерала Утроса.

Их группа миновала небольшие фермерские поселения отважных жителей, вернувшихся на свои земли, что когда-то были иссушены Поглотителем жизни. Сердце Натана заняло, когда однажды ночью они остановились напоить лошадей и попросить еды у семей первых поселенцев. Эти люди обосновались рядом с ручьем, возделывали землю, сеяли зерновые, успели построить несколько домов и даже школу. Когда их отряд приблизился, жители увели в загон четырех дойных коров, которые недовольно замычали. Местные вышли на улицу, с подозрением глядя на большой вооруженный отряд.

Орон выпрямился в седле и тихо произнес:

— Они думают, что мы армия.

— Они не обрадуются новостям, которые мы принесли.

— Натан погладил свой подбородок.

Семьи поселенцев собрались в сумерках, чтобы встретить всадников.

Бородатый фермер в широкополой кожаной шляпе шагнул вперед:

— У нас почти нечем поживиться, если вы собирались разорить наши земли.

Генерал Зиммер, ехавший первым, натянул поводья лошади и остановился.

— Мы не причиним вам вреда, однако предупреждаем — за нами по пятам идет вражеская армия численностью в сотню тысяч. Они заберут все, что у вас есть, и вы не сможете их остановить.

Натан наклонился в седле и добавил:

— Собирайте вещи и бегите в холмы, если вам дороги ваши жизни.

Фермеры были встревожены.

— Но мы не можем бросить наши дома! Поглотитель жизни мертв, и мы только успели отстроить деревню.

— Знаю. — Натан поправил измятый плащ. — Я видел, какой была эта долина раньше, но вы сможете отстроиться заново. Пожалуйста, прислушайтесь к нашим словам. Не оставляйте врагу ни кусочка еды. Идите и спрячьтесь в лесах на несколько дней. — Он знал, что его слова звучат жестоко. — Когда они уйдут, вы сможете начать все сначала, но, по крайней мере, вы будете живы.

Бородатый фермер выглядел сердитым.

— Кто вы такие, чтобы говорить нам это? Зачем вы заманили сюда эту армию?

— Армия придет сюда, будем мы здесь или нет, — сказал Зиммер. — Генерал Утрос на подходе.

Торн и Лайес, которые следовали за отрядом на своих двоих, сказали:

— Мы убиваем столько, сколько можем, но потребуется много времени, чтобы уничтожить их всех.

Лошади напились воды из ручья. Натан опустился на колени на мягкий песок, зачерпнул воду и поднес ее к губам. У взволнованных фермерских семей почти не было лишней еды, и отступающие защитники взяли только то, что им предложили. Генерал Зиммер повел отряд вперед, а потревоженные поселенцы уже суетились, собирая все, что могли унести.

Отряд покрывал милю за милей, и Натан испытывал странное чувство, что все вокруг знакомо: этим путем он уже проходил с Бэнноном и Никки, только в другую сторону. Оливер и Перетта ехали вместе на лошади, указывая на ориентиры, которые запомнили во время путешествия в Танимуру. Эмбер, ехавшая рядом, задумчиво смотрела вперед.

— Через неделю мы будем в бухте Ренда, да, генерал? Мой брат поможет. Уверена, он построил там внушительные укрепления.

Зиммер окинул молодую послушницу печальным взглядом:

— Я не сомневаюсь, что капитан Норкросс добился значительных успехов, но не могу себе представить, какая оборона может остановить армию генерала Утроста.

Орон фыркнул:

— Если даже Ильдакар не одолел их, на что надеяться рыбацкой деревушке?

— А нам на что надеяться? — спросила сестра Рода. — Их не остановила даже жертва аббатисы.

— Я не потерплю подобных разговоров! Надежду создаем мы сами, — сказал Натан. — Гигантские армии уже терпели поражение, как и непобедимые враги. Вспомните о Даркене Рале, об Имперском Ордене и императоре Джегане.

Подумайте о Сулакани и полчищах его полулюдей. Утрос — следующий, кого нужно одолеть, и мы сделаем это!

Приободрившись, группа двинулась дальше.

Несколько дней спустя они достигли последней гряды холмов перед спуском в долину реки, впадавшей в океан. Они остановились и оглянулись на длинный пройденный путь. Даже издали была видна пыль от многих тысяч марширующих солдат Утроста и вытоптанная ими земля.

— Они не отстают, — заметил капитан Тревор. — Как они могут двигаться так быстро?

— Как они вообще еще живы, когда должны были умереть столетия назад? — спросила сестра Мэб.

Натан поморщился, когда острая боль пронзила его грудь. Сердце колотилось так, словно стремилось прорваться через длинный шрам, и он с силой прижал ладонь к груди.

— Оставь меня в покое, — рыкнул он себе под нос, но сердце Айвена продолжало биться в нетерпеливом предвкушении насилия.

* * *

Группа шла по дороге вдоль расширяющейся реки и, наконец, достигла окраин и пастбищ бухты Ренда. Этим ясным солнечным утром казалось, что в мире все в порядке. Мальчик, пасущий овец и озорных ягнят, поприветствовал их, с удивлением оглядывая генерала Зиммера и потрепанный в боях отряд. Копна темных волос пастушка была такой же лохматой, как шерсть овец.

— Вы пришли помочь нам сразить норукайцев, если они вернуться?

Эмбер направила свою лошадь вперед:

— Они возвращались?

— Один раз. — Лицо мальчика исказилось тревогой, но в следующий миг он усмехнулся. — Но мы сражались и прогнали их!

Эмбер просияла.

— Я так и знала!

Натан склонился со своей лошади:

— Будь хорошим парнем, сбегай, найди главу поселения Таддеуса и скажи ему о нашем прибытии. У нас срочные новости.

Мальчик смущенно оглянулся на овец:

— Я не могу оставить стадо. Я за них отвечаю.

— Никуда твои овцы не денутся. Беги, ну же! Так быстро, как только сможешь.

Повелительные нотки в голосе волшебника встряхнули мальчика, и он сорвался с места, помчавшись к поселению.

Теплые воспоминания о бухте Ренда наполнили сердце Натана и на время прогнали тень Айвена. Он чувствовал привязанность к этому поселению, которое они с Никки и Бэнноном обнаружили после кораблекрушения. Жители бухты радушно встретили странников, а те помогли им отбить жуткий набег норукайцев.

Сейчас, въезжая в оживленное поселение, они устало поднимали руки в знак приветствия. Зеваки вышли им навстречу. По улицам промчался капитан Норкросс, сверкая д'харианскими доспехами, и подошел, чтобы представиться генералу Зиммеру. Голоса и радостные возгласы на главной площади переросли в громкий гул. Все было похоже на торжественное возвращение домой.

Таддеус, бородатый крепкий рыбак, говорил негромко, но уверенно. С тех пор как Натан видел его в последний раз, новый глава поселения вжился в свою роль.

— Добро пожаловать домой после долгого путешествия! Пастушок сказал, что вы выглядите усталыми и голодными,

и я распорядился, чтобы на постоялом дворе приготовили еду. — Он почесал бороду. — После всего, что вы сделали для спасения бухты Ренда, я просто обязан проявить гостеприимство. — Оглядев гостей еще раз, Таддеус заметил Натана. — Волшебник! Никак не ожидал, что вы вернетесь.

— Да, теперь я действительно волшебник. Мой дар вернулся... и он нам всем понадобится.

— Где Никки? — Глава поселения оглядел запыленную группу путешественников. — И молодой мечник Бэннон? Со своим клинком он был как вихрь. Думаю, он убил не меньше двадцати норукайцев.

Натан нахмурился:

— Нам пришлось разделиться. — Он указал на отряд: — Но с нами еще несколько одаренных, и нам есть что рассказать.

Не в силах больше сдерживаться, Эмбер бросилась обнимать брата, который колебался между желанием заключить ее в объятия и попыткой сохранить лицо перед командиром.

— Я передаю командование вам, генерал, — удалось ему выдать из себя. — Бухта Ренда ваша.

Зиммер взглянул на Норкрасса:

— И нам предстоит немало приготовлений. Я хочу посмотреть, что вы сделали, пока меня не было.

Вытянувшись по стойке смирно, молодой офицер начал доклад:

— Оборона усилена, и она уже доказала свою эффективность. Всего месяц назад мы отразили серьезную атаку норукайцев. Работоторговцы бежали, как побитые собаки. — Он позволил себе улыбнуться. — Они усвоили урок, и я сомневаюсь, что они вернутся.

— Нам и без норукайцев есть о чем беспокоиться, — сказал Натан.

Орон выехал вперед с кислым выражением лица и, не представившись, заговорил:

— У нас не так много времени — два или три дня.

— Если повезет, — добавила леди Ольгия.

— Два или три дня? — спросил Таддеус. — До чего?

Все больше жителей подходили ближе, страшась того, что предстояло услышать.

— Нам на пятки наступает гигантская армия, — сообщил Натан. — Около ста тысяч воинов, и бухта Ренда прямо на их пути.

Пока люди ахали, Зиммер оценивал осадные башни, возвышавшиеся по обе стороны бухты, высокие стены, построенные вокруг гавани, впечатляющие оборонительные сооружения, рассчитанные на защиту от нападений норукайцев. Поодаль стояли на якоре три больших парусных корабля, доставивших д'харианские экспедиционные силы.

— Вы хорошо подготовились к набегам норукайцев, — сказал он, затем понизил голос, — но мы никак не можем спасти бухту Ренда от Утроса и его армии.

Глава 59

Украденная норукайская лодка покачивалась, когда порывы ветра попадали в парус. Руки Бэннона были стерты веслами до волдырей и болели. Пока он отдыхал, Лила усердно работала веслами. Оба они получили закалку на змеиных кораблях, и теперь гребли ради собственного спасения.

Вчера они сбежали с Норукайских островов и исчезли в сгущающихся сумерках прежде, чем в бастионе заметили их отсутствие. Пьяное веселье осталось позади — как и бедня-

га Эммет, который нашел в себе храбрость помочь им бежать, но не осмелился пойти с ними.

Отплывая, Бэннон ни на что не надеялся до тех пор, пока не наступила ночь. Ни один из норукайских кораблей не смог бы преследовать их в кромешной тьме. Даже Бэннон не знал, куда они направляются. Маленькая лодка уносила их в открытый океан; у них не было карт, еды и воды. Бэннон имел лишь смутное представление о том, в каком направлении находится материк, но Лила ни на мгновение в нем не сомневалась.

Когда на следующее утро взошло солнце, они высматривали хоть какие-нибудь признаки суши и преследующих их змеиных кораблей, а после провели инвентаризацию вещей в лодке — моток веревки, сеть и копьё с костяным наконечником. В течение всего дня Лила протыкала воду копьём и после почти сотни попыток попала в рыбу и бросила улов в лодку.

— А теперь мы ужинаем. — Зазубренным наконечником копья она вспорола рыбе брюхо и осторожно удалила внутренности. — Нам они понадобятся. В них есть влага.

Бэннон поморщился от неприятных воспоминаний, но согласился.

— Мы ели и похуже. Пресвятая Мать морей, вспомни уроки, которые преподали нам норукайцы! Мы ели рыбы потроха и часами работали на веслах, а теперь это поможет нам выжить.

Лила усмехнулась, поднимая копьё:

— Я бы лично выразила королю Скорбь свою признательность, как и этой гнусной Атте.

Бэннон заставил себя усмехнуться:

— Лодку я разворачивать не буду, даже если ты настаиваешь.

Она недоуменно нахмурилась:

— Я же не серьезно.

— Как и я. Временами тебя очень трудно понять.

— Мои мысли предельно ясны. Тебе следует приложить больше усилий.

На лице Лилы красовались фиолетовые и желтые синяки, и Бэннон подозревал, что он выглядит не лучше с рассеченной губой и подбитым глазом. В бастионе у них не хватало времени, чтобы смотреться в зеркала.

Они съели сырую рыбу; после Бэннон взялся за весла, а Лила снова уселась с копьём, высматривая в воде новую добычу.

На третий день они были измучены палящим солнцем, но все еще не видели никаких признаков материка или какого-либо острова. В тот день единственной небольшой переменной в монотонности было раскинувшееся на воде темное пятно. Бэннон узнал эти водоросли и потянулся за борт, чтобы вытащить несколько пучков.

— Внутри пузырьков жидкость. — Он с силой потянул за скользкие зеленые ленточки. Округлые наросты на них служили буйками, удерживая листья растения на поверхности.

— Если будешь пить соленую воду, это в итоге убьет тебя, — предупредила Лила. — Жажда будет только усиливаться.

— Нет, вода в пузырях профильтрована водорослями. На вкус она резкая и ужасная, но ее можно пить. — Большими пальцами он надавил на мягкий шарик, вскрыл и отделил кожицу. Узелок содержал всего одну или две ложки жидкости, которую он предложил Лиле.

Она скептически нахмурилась:

— Ты уверен?

— Все рыбаки на острове Кирия знают это.

— Тогда почему ты сначала даешь это мне? Чтобы проверить, не яд ли это?

— Нет, просто из вежливости, — разочарованно ответил Бэннон.

— Спасибо. Иногда я этого не замечаю. — Она выпила, поморщилась, затем проглотила. — Такая же вкуснятина, как рыбы потроха.

— Рад, что тебе понравилось.

Бэннон провел рукой по водоросли, нащупал еще один пузырек, разорвал его и высосал жидкость. У нее был резкий привкус йода, и ему пришлось пить через силу, но рот и горло нуждались в воде. Рыболовным копьём они нарезали водорослей и загрузили в лодку двадцать клубеньков, пока дрейфовали среди морской растительности.

Водоросли служили местом обитания рыб; Лила ловко поймала шесть штук голыми руками и бросила в лодку. Бэннон наслаждался трапезой.

— Спасибо тебе, Лила, за все. Ты ведь обещала спасти мне жизнь.

— Я еще не спасла тебя, мальчишка.

— Я пока еще жив. Это уже успех.

Ветер усилился, поднимая волны, а серые облака сгустились и теперь походили на дымный пудинг. Рыбацкая лодка ускорила, но Бэннон понятия не имел, в правильном ли направлении они движутся. Он видел много океанских штормов на острове Кирия; они с матерью укрывались в их небольшом доме, а отец злился на погоду, которая мешала ему пойти в таверну.

Парус натянулся под порывами ветра. Длинные волосы Бэннона взвились. Когда из облаков хлынул дождь, они с Лилой обрадовались первым каплям. Дождь усиливался, и они подняли лица к небу, позволяя каплям омыwać их по-

крытые солью щеки, открывая рты, чтобы поймать хоть каплю влаги.

— У нас нет емкостей, — простонал он. — Весь этот дождь прольется впустую.

— Пей сколько влезет, — сказала Лила. Как птенец, выпрашивающий червяка у матери, она открыла рот и подняла лицо к небу.

Бэннон сложил ладони пригоршней, набрал несколько глотков воды и втянул ее потрескавшимися губами. Он повторял процедуру снова и снова, ему не терпелось собрать как можно больше дождевой воды. Дно лодки наполнялось лужицами, но вода эта была грязная.

— У нас нет ни горшков, ни мисок, ничего! А этот дождь льет как из ведра! Пресвятая Мать морей.

— Твоя одежда, — указала Лила. — Сними рубашку и штаны.

— Что? — Он коснулся своей уже промокшей хлопковой рубашки.

— Сейчас же раздевайся, мальчишка. — Она дернула его за одежду.

Через несколько мгновений он уже сидел в лодке в одном исподнем. Лила расстелила его рубашку и штаны, чтобы они промокли под дождем, затем свернула их в ком.

— Это удержит немного воды на день или два. — Она коснулась черных полосок кожи на своей груди и бедрах. — Я бы сделала то же самое, но моя одежда не подходит. — Она нахмурилась. — Может, мне не следовало выбрасывать тот балахон.

Когда ветер стал еще сильнее, Бэннон испугался, что порвется парус или сломается пополам их единственная мачта. Они поспешно сняли полотнище и сложили ткань так, чтобы образовались карманы для воды.

Шторм набирал силу, и Бэннон обмотал веревку вокруг себя и Лилы, привязав ее к планширу.

— Если кого-то из нас выбросит за борт, мы покойники. Это удержит нас в лодке.

— Надеюсь, она не перевернется, — сказала Лила. Ее непослушные каштановые волосы прилипли к голове, а по покрытому синяками лицу стекала дождевая вода.

— Это шанс, который мы должны использовать.

Шторм бушевал несколько часов, и хотя Бэннона мучила морская болезнь, лодка уцелела. Ближе к полуночи дождь прекратился, и ему на смену пришел густой туман, окутавший их липким одеялом и скрывший из виду горизонт. Впрочем, смотреть все равно было не на что.

Они с Лилой промокли и замерзли, а из-за обожженной солнцем кожи холод казался невыносимым. Бэннон увидел, что Лила дрожит, и его тоже затрясло.

— Не думаю, что мы когда-нибудь доберемся до земли, Бэннон Фермер, — понуро сказала она. Когда она назвала его по имени, Бэннон понял, насколько она серьезна. — Возможно, я все-таки не спасу тебя, но я пыталась.

Они блуждали в непроглядном тумане и были совсем одни среди бушующих волн.

— Я не знаю, где мы находимся и как далеко уплыли, — произнес Бэннон, — но я не сдамся, и ты тоже. Быть может, теперь моя очередь спасти тебя.

— Наша первая задача — сохранить тепло, — сказала она, обнимая его и увлекая на дно лодки. Когда вокруг зашлопала собранная дождевая вода, Бэннон тоже обнял девушку и притянул ее ближе. Лила прижалась всем телом.

— Мы можем поделиться теплом, — сказал он. — Я слышал, это помогает, когда люди страдают от переохлаждения.

Лила уткнулась лицом в его обнаженную грудь.

— Да, я верю, что это помогает.

Они лежали вместе, а шум и покачивание волн убаюкивали, как колыбельная. На какое-то время Бэннон забыл, что они потерялись, и заснул в объятиях Лилы.

На следующее утро он пробудился от странного и неожиданного звука — отдаленного шипения и рева. Он моргнул и сел, высвобождаясь из объятий Лилы. Морасит мгновенно проснулась и села рядом.

— Что это за звук? — спросила она, будто их могли атаковать.

Туман поредел, оставив лишь сероватую пелену, которая рассеивалась под первыми лучами солнца. Еще не видя суши, Бэннон узнал звук волн, разбивающихся о берег.

— Вот оно! Мы отыскали сушу. — Он встал так быстро, что лодка покачнулась. — Я не знаю как, но мы нашли берег. Это чудо.

— Это не будет чудом, если мы туда не доберемся, — сказала Лиля.

Они подняли парус и поймали бриз, который погнал их к берегу. Он вспомнил, как когда-то давно точно так же заблудился и дрейфовал в маленькой лодке вдали от Кирии, в тумане...

Он оглянулся на море в противоположной от берега стороне, заслонив глаза рукой от яркого утреннего света, и увидел мелькнувшие в волнах человекоподобные фигуры. У них были гладкие головы, змеиные зрачки и широкие рты, полные клыков. На него нахлынул страх. Если сэлки нападут сейчас, они с Лилой ни за что не смогут от них отбиться!

Но потом он понял, что сэлки не будут атаковать. Они спасли его и Лилу. Должно быть, посреди ночи морской народ подхватил лодку и пригнал к берегу.

Ли́ла была слишком сосредоточена на суше, чтобы заметить сэлок. Она села на планшир и взялась за весла, гребя изо всех сил. Когда Бэннон снова оглянулся, сэлки уже исчезли в волнах.

Когда они приблизились к берегу, Бэннон увидел устье реки, бухту и здания большого поселения, а также многочисленные рыбацкие лодки, отправлявшиеся на утренний лов рыбы. Бэннон кричал и махал руками, хотя до гавани было еще далеко.

— Мы спасены!

— Мы не знаем, где находимся, но эти люди помогут нам. — Ли́ла продолжала налегать на весла. — Мы предупредим их о флоте норукайцев, который непременно скоро появится.

Бэннон продолжал разглядывать лодки в гавани и здания на берегу. Он увидел перекинутый через реку мост, и внезапно его осенило.

— Я знаю, где мы находимся, Ли́ла.

На одной из рыбацких лодок их уже заметили, и Бэннон видел крошечные машущие им фигурки. Ли́ла налегла на весла сильнее, когда лодка направилась в их сторону.

— Это бухта Ренда, — сказал Бэннон.

Глава 60

Шумные празднества продолжались, налетчики готовились к полномасштабной войне. Но Мелок был мертв. Король Скорбь восседал на своем величественном троне, окруженный возбужденными норукайцами, но отделенный от них стеной гнева и горя.

Мелок мертв!

Ларс пировал, пил и похвалялся, будто успех его набегов означал, что он прощен, но Скорбь не был расположен его прощать. Веселье продолжалось, праздничные столы были заставлены рыбой, хлебом, выращенными на скалах растениями и даже ветчиной и сосисками, привезенными с недавних набегов, но королю кусок в горло не лез. Он сжимал и разжимал кулаки, чувствуя, как железные накладки впиваются в костяшки пальцев. Шрамы на щеках пошли рябью, когда он стиснул челюсти. Он издал протяжное шипение, словно змеиный бог, но никто не расслышал этого среди грохота кулаков, смеха и криков.

Мелок мертв! Его шаман, его советник, его друг...

Восстановленные змеиные корабли вернулись из Ильдара — от сотни кораблей осталось пятьдесят одно, но они были все также опасны. Вместе с флотом Ларса и более семи десятков новых кораблей они составляли мощный норукайский флот. Если союзник генерал Утрос выполнил обещание, и его огромная армия марширует к побережью, эти две силы будут доминировать в Древнем мире. Норукайский народ, изгнанный с материка императором Сулаканом тысячи лет назад, теперь снова завладеет миром. Люди короля Скорбь разорвут в клочья все побережье.

В других обстоятельствах он бы наслаждался мыслями о крови и насилии, но теперь Мелок был мертв.

Когда ярость достигла точки кипения, он вскочил и издал бессловесный рев, эхом разнесшийся по залу и заставивший резко стихнуть крики и веселье. Норукайцы ошеломленно воззрились на короля, затем Ларс поднял кулак и тоже издал рев; остальные налетчики подхватили его, и стены бастиона содрогнулись от воодушевления.

Но Мелок по-прежнему был мертв.

Скорбь медленно сошел по каменным ступеням трона навстречу кричащим норукайцам. Неверно истолковав его

расположение духа, некоторые хлопали его по плечам и спине, но король не обращал на них внимания. В другой раз он, возможно, нанес бы сокрушительный удар, но сейчас не желал тратить на них время и свой гнев.

Двое рабов принесли очередного жареного козленка, на этот раз тощего, поскольку большая часть стада на острове уже была забита. Скорбь все равно не любил козлятину.

Ему нужно было выместить на ком-то раздражение, но он не знал, с чего начать. Приплясывающий рядом Мелок мог бы произнести странные и загадочные слова... Почему шаман не предвидел свою смерть? Он мог бы спастись! Как он мог не предвидеть атаку сэлок, как мог не знать, что их скользкая королева разорвет его на части? Он был плохим шаманом, если не предсказал нечто столь важное!

Или он что-то видел? Скорбь вспомнил лепет Мелка за день до нападения сэлок, когда они принесли в жертву раба: «Змеиный бог спасет некоторых из нас. Но я не скажу, кого!». Неужели он что-то знал? Но почему никого не предупредил?

Королю хотелось разбить кому-нибудь лицо. Он понял, что на самом деле хотел выпустить кишки кому-то из рабов и посмотреть, как жертва корчится в агонии в луже крови — так же, как Мелок.

Подняв глаза, он увидел Эммета, покрытого морщинами старика, бывшего неотъемлемой частью бастиона еще до того, как Скорбь убил своего отца. Мелок подбил его убить короля Сурового и завладеть короной. Альбинос предвидел это и помог Скорби выбрать идеальное время.

Почему Мелок не смог избежать собственной смерти?

Топор рубит древесину. Меч рубит кости. Да что это вообще значит? Хоть кто-то в состоянии понять?

Когда Эммет принес плетеный хлеб с начинкой из дробленых орехов, Скорбь заметил, что хромой старик испуган

больше обычного — может, потому что его и рабов дразнят многочисленные норукайцы. Скорбь оглядел обеденный зал в поисках жертвы. Он не заметил ни Бэннона, ни Морасит Лилу, и вдруг понял, что не видел их уже несколько дней, занятый приготовлениями к войне.

Он был удивлен, что Атта до сих пор не убила Лилу, которую считала соперницей. Тощая Морасит не вызывала у короля желания, потому что ее хрупкое тело наверняка не выдержало бы напора его страсти. Но сейчас это казалось не такой уж плохой идеей. Да, он выпотрошит Бэннона, затем швырнет Лилу на обеденный стол и овладеет ею прямо на глазах у своих людей. Он может задушить ее, когда закончит, и это порадует Атту. Возможно, так он наконец избавится от хандры.

Он посмотрел на прислуживающих рабов, но не увидел Лилу или Бэннона.

Старый Эммет услужливо предложил ему ореховый хлеб:

— Это очень вкусно, мой король. Его испекли специально к празднованию предстоящего завоевания.

Скорбь выбил поднос из рук раба и схватил его за длинный хвост, заставив запрокинуть голову.

— Где Бэннон и Лила? Я хочу видеть их немедленно.

Старик побледнел.

— Они... Уверен, они заняты другой работой, мой король.

Атта терлась возле Ларса — наверняка, чтобы вызвать ревность короля, — но теперь оттолкнула опального капитана и подошла к королю Скорбь.

— Да, где эта костлявая сучка? Я мечтаю утопить ее в ведре с мочой всех этих мужчин. — Она громко расхохоталась.

— Приведи их, — приказал Эммету король. — Живо!

Старый раб захромал прочь, как раненый олень, спасающийся от лесного пожара. Он где-то прятался почти час, но потерявший терпение король отправил нескольких норукайцев притащить Эммета в обеденный зал.

Бэннона и Лилы нигде не было. Стражники обыскали бастион и вернулись к королю докладом, от которого он пришел в бешенство: они опросили каждого раба, но этих двоих уже давно никто не видел.

— Я... Я ничего не знаю, мой король, — прохныкал Эммет, но ужас на лице старика выдавал, что он лжет.

Скорбь швырнул покалеченного раба на стол, и тот повалился на спину среди тарелок. Борьба с Эмметом раззадорила короля норукайцев, и он стукнул головой старика о доски стола. Правой рукой он выхватил кинжал с пояса и вонзил его в плечо Эммета, пригвоздив к столу. Морщинистый старик задохнулся от боли.

— Я ничего не знаю, мой король! Не знаю.

Допрос был долгим, и Скорбь наслаждался процессом. Это доставило ему радость впервые за последние дни. К тому времени, как он отрезал Эммету левое ухо и по две фаланги на двух пальцах, в зал вошел еще один норукаец с докладом.

— С пристани пропала рыбацкая лодка, король Скорбь. Кто-то взял ее!

— Нет, нет! — скулил Эммет. Его многочисленные раны кровоточили. — Может, ее сорвал шторм и унес в море.

— Или они украли лодку и сбежали, — прорычал Скорбь. Потеряв терпение, он отрезал старику второе ухо. Держа отрезанную плоть двумя пальцами, он покачивал ее перед лицом Эммета. — Расскажи мне то, что я хочу узнать, иначе отрежу от тебя еще много кусочков. — Он снова качнул кровавым трофеем.

Наконец Эммет не выдержал и разрыдался. Скорбь выдернул кинжал из плеча старого раба, освобождая его. Эммет поднялся, дрожа и истекая кровью, а затем разразился потоком слов, объясняя, как помог Бэннону и Лиле сбежать. Признание стало для старика катарсисом. Он соскользнул со стола и упал на колени, моля короля Скорбь о пощаде.

Настроение у короля испортилось, и он созвал в обеденный зал всех напуганных рабов.

— Наш флот скоро отправится на войну! Приказываю устроить достойный пир, чтобы отпраздновать нашу неминуемую победу.

Норукайцы оглушительно завопили, ликуя. Когда Скорбь громогласно объявил распоряжения, рабы затрепетали, а Эммет разразился новым потоком бессловесных рыданий. Король вдруг понял, что проголодался.

* * *

Ларс и пять других выдающихся норукайских капитанов сидели за главным столом. Атта держалась рядом с королем, похотливо глядя на него своими коровьими глазами, но его внимание всецело занимали рабы, медленно вошедшие в обеденный зал. На плечах они несли, словно носилки с раненым воином, огромное блюдо. Напуганные рабы не осмеливались поднять взгляд, когда ставили блюдо с жареным мясом перед королем Скорбь.

Почерневшее морщинистое тело старого раба лежало в позе эмбриона. Эммета зажарили заживо в пламени печей — норукайцы знали, что ужас и боль улучшают вкус мяса.

— Он был старым и жилистым, — сказал Скорбь. — Полагаю, мясо у него жесткое и едва съедобное.

Атта кинжалом проколола хрустящую черную кожу, обнажив сочную плоть под ней.

— Я буду наслаждаться пиром так же, как и нашей победой, король Скорбь. — Она отрезала кусок мяса из бедра Эммета, наткнула его на кинжал и протянула королю.

Он взял угощение и принялся жевать.

— Да, хорошо. Старик много лет служил бастиону, а теперь мы послужим ему. — Он поднял окованный железом кулак. — Идите все сюда, ешьте! Это наш пир перед войной.

Норукайцы подошли и принялись рвать зажаренное тело старого раба.

Глава 61

Местные жители поспешили к докам, желая посмотреть на потерпевшую крушение пару, выловленную в море, и услышать их историю. Натан давно не испытывал такой радости. Бэннон жив!

Юноша и Морасит обгорели на солнце и замарались за несколько дней дрейфа, но немного восстановили силы на борту небольшой рыбацкой лодки под управлением Кеннета. «Дейзи» доставила их в бухту Ренда, и Кеннет зазвонил в колокол.

Соседший с лодки Бэннон выглядел суровым и решительным. Он разительно отличался от того наивного юноши, которого Никки когда-то давно спасла в Танимуре. Его карие глаза просияли, когда он быстро прошагал по причалу и обнял Натана.

Волшебник похлопал его по спине:

— Добрые духи, я уже и не надеялся увидеть тебя снова, мой мальчик!

Бэннон со смехом отстранился:

— Ты избавился от балахона волшебника! Снова выглядишь как искатель приключений.

— Я никогда не переставал им быть, и теперь война требует всех моих умений в обращении с мечом и магией. — Он надолго заключил Бэннона в объятия, пребывая вне себя от радости. — Ты вернулся к нам, и это самое главное! Добрые духи, как же я рад тебя видеть.

Торн и Лайес острыми локтями растолкали толпившихся на причале людей, пробираясь к Лиле.

— Мы слышали, что из моря выловили Морасит, — сказала Торн. — Хорошо, что ты здесь, Лила. Нам нужны достойные бойцы.

— Мы с Торн вели подсчет убитых врагов, — сказала Лайес. — Учитывая размер армии, которая скоро нападет на бухту Ренда, ты быстро догонишь нас.

— Я не ударю в грязь лицом, — сказала Лила.

Над головой кружили чайки, их клич напоминал крики раненых в битве.

— Что за армия? — встревожился Бэннон. — Мы пришли предупредить о норукайском флоте. Король Скорбь с более чем сотней кораблей скоро атакует побережье и опустошит его. Вам нужно подготовиться.

— Норукайский флот плывет сюда? — отпрянул Натан. — Но со дня на день сюда придет армия генерала Утроса! Бэннон побледнел:

— Норукайцы и Утрос заключили союз, но я думал, что древняя армия будет двигаться гораздо медленнее.

— Мальчишка, мы потеряли счет дням! — заметила Лила. — Я не знаю, сколько времени прошло после исчезновения Ильдакара.

Торн осмотрела побледневшие синяки на лице Морасит:

— Тебя побили. Вы двое дрались друг с другом?

— Мы побили немало норукайцев, — сказала Лила.

Из толпы жителей бухты Ренда шагнули вперед генерал Зиммер, Норкросс и Тревор.

— Хочу услышать все, что вам известно о норукайцах и их планах. Я не ожидал, что мне так скоро придется сражаться на два фронта.

Таддеус поднял руки:

— Мы все обсудим в моем кабинете в здании ратуши. Там же разработаем план.

Натан видел, что Бэннон измотан, но не мог позволить ему с Лилой заслуженный отдых. Ободряюще улыбнувшись, он шагнул вперед.

— Кое-что я могу для вас сделать прямо сейчас.

Волшебник дотронулся до синяков на лице юноши и его распухшей губы. Бэннон поморщился, когда Натан при помощи дара исцелил раны на обгоревшем веснушчатом лице. В считанные мгновения не осталось ни намека на ссадины.

Когда волшебник повернулся к Лиле, собираясь исцелить и ее, она покачала головой.

— Руны на моей коже не дадут ничего сделать. Они защищают меня от магии, в том числе и от исцеляющей. — Она вздохнула. — Ничего, я потерплю.

Когда они направились к ратуше, три Морасит зашагали в ногу. Даже после исцеления Бэннон выглядел измученным и уставшим, но его походка снова обрела упругость — он был рад вернуться к друзьям.

В кабинете Таддеус подтащил стулья к крепкому деревянному столу. Натан сел, поправив изысканный клинок у бедра и расшитый узорами плащ. Зиммер не стал садиться и теперь расхаживал вдоль стены.

Таддеус пробежался мозолистыми пальцами по корешкам гроссбухов на полке.

— В этих книгах записаны имена людей, захваченных норукайцами за последние сто лет. Мы думали, что благо-

даря капитану Норкрессу выстроили надежные укрепления. Верили, что сможем отбиться и удержать бухту Ренда. Похоже, все усилия оказались напрасны.

Бэннон и Лила по очереди рассказали о своих мытарствах в плену у норукайцев. Лила выдала четкий и сухой доклад, но юноша не сдерживал эмоций и описывал все в красках.

— Жаль, что мы всех их не убили! Не попади я в плен к королю Скорбь, все было бы совершенно иначе.

— Как бы то ни было, мы снова вместе, — с намеком на улыбку сказал Натан. — Добрые духи, я рад для разнообразия получить хорошие новости. Мы и так слишком многих потеряли.

— И продолжим нести потери, — сказал Зиммер. — Армия будет тут в считанные дни.

— Все укрепления готовы, сэр. — Раскрасневшийся Норкресс нервничал. — Сторожевые башни охраняют устье гавани от норукайцев, а жители готовы защищать свои дома. — Его глаза расширились от недоверия. — Но если у короля Скорбь больше сотни кораблей, то мы не в состоянии отбиться от такого флота. Что нам делать?

— А генерал Утрос скоро прибудет с многотысячным войском, — заметила Ольгия. — Мы окажемся между двумя вражескими силами.

Таддеус тяжело сглотнул и сказал ослабевшим голосом:

— Бухта Ренда обречена, ведь так?

— В других обстоятельствах, — заговорил генерал Зиммер, — мы могли бы противостоять норукайцам, ведь у нас есть одаренные, д`харианские солдаты и отважные местные жители. Дозорные башни крепкие, а расставленные в бухте ловушки могут потопить несколько кораблей. Катапульты тоже нанесут немалый урон. — Голос его стал мрачным. —

Но всего этого недостаточно, если нас атакуют одновременно с двух сторон.

— Меня больше беспокоит генерал Утрос, чем норукайцы, — сказал Орон, сидевший на деревянном стуле так, словно это был трон. — Норукайцы — неуправляемые звери, а Утрос представляет большую опасность для цивилизации.

— Оба они опасны, — сказал Натан, — особенно, если у них общая цель. Мы не знаем, когда прибудет флот короля Скорбь, но нам известно, что тысячи вражеских солдат маршируют вдоль реки. Скоро они будут здесь. Как нам выстоять против них?

— Если у нас достаточно крови, — сказала Ольга, — то мы можем создать новый саван и укрыть бухту Ренда от остального мира.

Бэннона замутило — он прекрасно понял, что предлагает Ольга.

— Мы не можем просто прятаться, как Ильдакар, — возразил Натан. — Остальной мир нуждается в нашей помощи.

— Мои люди вооружены и готовы сражаться, — сказал Таддеус. — Мы тренировались с тех пор, как здесь разместились солдаты под командованием капитана Норкрасса. Мы не беспомощны, но нам нужна надежда.

— В этом и загвоздка, — сказал Натан, и голос его надломился. — Мы лишились аббатисы Верны. Мы потрепали силы генерала Утроса, но недостаточно. — Подняв взгляд на Зиммера, он заметил, что командир выглядит изможденным. — Генерал, есть ли у нас шанс удержать бухту Ренда? Хоть какой-то?

Зиммер долго размышлял перед ответом.

— Я пытался представить реалистичный сценарий, который может привести нас к победе. В Твердыне мы нанесли врагу ужасный урон, аббатиса Верна вызвала огромные раз-

рушения, но все же нам пришлось отступить. Бухта Ренда меньше по размеру и ее положение уязвимо. Боюсь, мой ответ отрицательный. Чтобы выжить, мы должны быть реалистами. — На его лице отразилось расстройство. — Нужно эвакуировать население. Пусть все собирают пожитки и уходят.

— Но мы столько всего пережили! — простонал Таддеус. — Снова и снова отбивали нападения, восстанавливали дома, а теперь должны все это бросить...

— Вы никогда ни встречались с кем-то вроде генерала Утроста, — сказал Орон.

— Увы, вынужден согласиться, — сказал Натан. — Многие селяне уже укрылись в предгорьях, потому что пришли к тому же выводу. Ты сам это знаешь, Таддеус.

Глава поселения мрачно кивнул:

— Сотни домов опустели после того, как вы принесли новости. Люди знают, что грядет.

— Мы должны увести остальных жителей в безопасное место, — сказала колдунья Перри. — Нам тоже нужно уходить. Мы не можем просто ждать, пока нас разобьют.

Натан погладил подбородок:

— Нужно как можно скорее отправить на север весть об опасности. Мы должны предупредить крупные города. Никки воспользовалась сильфидой и отправилась в Серримунди и Танимуру. Надеюсь, Древний мир уже занят укреплением обороны. — Его губы изогнулись в улыбке. — Колдунья может быть весьма убедительной.

— Но это никак не поможет бухте Ренда, — сказал Таддеус.

— В гавани стоят три больших парусника и десятки рыбацких лодок, — сказал капитан Норкросс. Если мы покинем город до прихода Утроста, то эти судна смогут увезти беженцев и спасти много жизней.

Таддеус положил локти на исцарапанную столешницу.

— Как мне сказать об этом людям? Некоторые захотят остаться.

— Тогда они умрут, — сказала Лила.

Зиммер продолжал ходить вдоль стены, сцепив руки за спиной.

— Другого выбора у нас нет.

Натан вспомнил изможденных и бледных вражеских солдат, атаковавших Твердыню.

— Мы не можем оставить бухту Ренда в руках врага. Они маршируют по горам и долинами, опустошая все на своем пути, но у них жесткая нехватка провизии. Они голодают. Мы не должны оставить им ни мешка кукурузы, ни куропатки, ни засохшего яблока или зернышка риса. Нужно лишить армию ресурсов и убежища. — Он пригладил длинные белые волосы и расправил плащ. — Вы знаете, что нам придется сделать. Нужно уничтожить бухту Ренда — сжечь дотла, оставив генералу Утросу лишь выжженную землю.

Глава 62

Никки и генерал Линден провели осмотр гарнизона, а потом несколько дней работали над усилением городской стражи и привлечением рекрутов. Многие новобранцы были из числа наводнивших город беженцев, спасавшихся от норукайцев.

Сотни выживших, но потрепанных людей прибывали по прибрежной дороге с юга. Они бежали с Эффрена и побережья Ларрикан. Многие были слабы и подавлены, хотели лишь какой-то стабильности в жизни. Другие же хотели отомстить, не в силах забыть кровь, огонь и кошмарную жестокость налетчиков. Из имущества у них была лишь об-

ветшалая одежда и струпья на заживающих ранах, и все они отчаянно нуждались в помощи. Но Серримунди не мог принять так много беженцев, потому что город сильно пострадал от нападения Кора.

В Танимуре Никки выслушивала их истории, одну за другой. Глядя на возмущение выживших, она понимала, что из этих людей можно создать армию — именно в этом и нуждался Древний мир. Приняв решение, она собрала их всех на площади Танимуры.

— Скоро до нас докатится настоящая война. Вы позволите норукайцам охотиться на вас и убивать ваши семьи или возьметесь за оружие и научитесь сражаться?

Их крики чуть не оглушили ее. Она заметила, что Линден удивленно смотрит на столь неожиданное и рьяное пополнение армии. Никки протянула руки к беженцам.

— Д'харианский гарнизон обеспечит вас всем необходимым. Я намерена создать тренировочные базы и в Серримунди тоже, задействовать кузнецов в каждом городе. У нас мало времени. Все должны трудиться вместе. Случившееся в Эффрене не должно повториться!

* * *

Она хотела увидеть разрушения своими глазами. Линден выделил пятьдесят солдат, и Никки, захватив с собой еще с десяток разгневанных беженцев, на быстром военном корабле отправилась в Эффрен.

Через два дня показался выжженный дочерна город. Их корабль встал на якорь возле берега, потому что все доки были сожжены. Никки отправилась на берег в сопровождении солдат и бледных выживших, которые цеплялись за тонкие как паутина нити надежды найти что-нибудь среди руин. Некоторые хотели похоронить тела родных или хотя бы отметить место их гибели.

Никки шла по руинам города, и под ее ботинками хрустели обугленные доски и кости погибших. Пожар погас несколько недель назад, но морской воздух был пропитан запахом сажи и пепла. Никки казалось, что она слышит эхо протяжных криков. Отпечаток боли, страданий и насилия останется здесь на долгие годы.

— Пресвятая Мать морей, — пробормотал один из новобранцев из Серримунди. — Эти звери ничего не оставили! Зачем армии так поступать? — Он вытер слезу, измазав щеку сажей. — Если они хотели завоевать Эффрен, то зачем уничтожили его? Зачем всех убивать? Так войну не выиграешь.

— Норукайцы приходят грабить, а не править, — сказала Никки. — Ты видел их нападение на гавань Серримунди. Ты знаешь, что они собой представляют.

Рекрут с ужасом смотрел на безмолвные мертвые руины:

— Если мы их не остановим, Серримунди ждет та же участь? Мой город уничтожат?

— Несомненно. Вот почему мы должны расправиться с ними. Капитан Кор мертв, ни один норукаец не ушел. — В ее груди потеплело от гордости. — Но Ларс все еще жив. Нам придется сокрушать их снова и снова, пока они не усвоят урок.

Никки шла по призрачному лесу бревен, обрушившихся стен и обугленных крыш. Эффрен был процветающим городом, и она могла его представить: сообщество из нескольких тысяч рыбаков, судостроителей, фермеров, лесорубов, кузнецов, лавочников и торговцев. В городе наверняка были таверны, постоянные дворы, магазины, конюшни и рынки. Теперь от всего этого остался лишь пепел. Город превратился в темное пятно, словно ударившая с небес молния стерла его с лица земли.

Никки и солдаты медленно шли по улицам. Теплые лучи солнца пробивались через облака. Дым развеялся, но некоторые рекруты и беженцы все кашляли — возможно, чтобы скрыть тошноту и горе. Она вспомнила, как помогала защитить бухту Ренда от набега норукайцев. В тот раз поселение победило.

Вспомнила она и кладбище бухты Ренда: могилы с установленными на них камнями, а еще многочисленные деревянные столбы с именами тех, кого забрали норукайцы. Именно тогда Никки возненавидела обезображенных шрамами налетчиков. Ее мнение о них не улучшилось после встречи с Ларсом, Кором и другими норукайскими торговцами, прибывшими в Ильдакар продать несчастных рабов.

Она вошла в таверну, от которой остался только обгоревший каркас. Одна стена рухнула, а другие две, сложенные из камня, еще стояли. Никки осторожно шагала по обломкам, впитывая характер этого места и заполняя пробелы при помощи воображения. Почерневшие деревяшки, которые когда-то были столами и стульями, расколотый прилавок. Остов бочки эля, которая взорвалась, когда ее содержимое вскипело от жара. На глаза ей попались шесть черепов, и она не сомневалась, что можно найти и другие, если порыться в пепле.

— Что мы будем тут делать, колдунья? — спросил взволнованный новобранец, следовавший за ней.

— Я хотела увидеть все своими глазами. — Она двигалась медленно, и ее черное платье сливалось с выгоревшими обломками. Обугленные балки прогнулись от жара, напоминая кости давно погибшего дракона. — И я хотела, чтобы вы все запомнили, что сделают с нами норукайцы, если позволим им победить. — Она глубоко вздохнула, ощущая запах смерти и агонии.

Новобранец закивал. На второй его щеке тоже остался след сажи от попытки вытереть слезу.

— Мы восстановим город? — спросил беженец, у которого было вытянутое худое лицо. — Когда все будет позади, не следует ли нам попытаться? Может, начать прямо сейчас? — Он оглядел разрушенную таверну — словно бывал здесь раньше. — Хватит ли у нас мужества снова жить в Эффрене?

— Только после окончания войны, — ответила Никки. — Иначе вы дадите норукайцам новую цель для нападения. Пока что вам лучше стать бойцами.

Если Утрос и его армия движутся сюда, если древний генерал действительно объединится с норукайцами, то Древний мир умоется кровью. Причем скоро.

В сожженных домах они нашли несколько похожих на призраков крестьян, которые укрывались в холмах, а теперь пришли в разрушенный город. Они были потрясенными и оцепеневшими. Два военных врача занялись их ранами. Никки надеялась укрепить их дух и завербовать в создаваемое ею войско.

Она бы предпочла, чтобы Ричард привел д'харианскую армию и сокрушил Утроса и короля Скорбь. Но Ричард полагался на нее, и Никки не подведет. Он отправил ее в Древний мир проложить дорогу к новой золотой эпохе мира и процветания. Он полагал, что Никки сокрушит любого диктатора или новоявленного тирана.

Тогда она и представить не могла угрозу, с которой столкнулась сейчас: огромная армия из прошлого и многочисленный боевой флот.

Как в крошечной костяной шкатулке Ричарда могло сод держаться все, что ей необходимо? Испачканной в саже рукой она достала из кармана небольшой кубик и посмотрела на выправированные символы языка Сотворения, ощущая

покалывание в пальцах. Ричард был мастером в структурированных заклинаниях, а это заклинание было самым запутанным и сложным из всех, что ей доводилось видеть. При помощи дара она могла ощутить его потенциал, но не знала, как оно работает и для чего предназначено. Никки боялась, что это выше ее способностей. Но Ричард верил в нее, как она может не справиться?

Кого еще она могла спросить? Никто из одаренных в Танимуре не мог сравниться с ней в познаниях — разве что несколько из оставшихся в городе сестер Света. Когда Никки обратилась к ним, сестры с интересом исследовали артефакт, но ни одна не смогла ничего предложить, как бы сильно ни хотела помочь.

Значит, придется полагаться только на себя. Открыв изящную крышку, она уставилась на мерцающую белую сферу — пульсирующее ядро заклинания.

— Я могу с этим справиться, — твердила она себе. Она все поймет, когда настанет нужный момент.

Она с трудом сохраняла уверенность, глядя на пустоту на месте недавно процветавшего города.

Прежде чем война закончится, пострадает еще много городов. Люди сражались за свою жизнь, за дома и семьи. Набег норукайцев унес сотни, а то и тысячи жизней, но трагедия Эффрена была подобна острой палке, которая тыкала в свернувшуюся гремучую змею. Никки намеревалась вдохновить выживших нанести ответный удар, вонзив в норукайцев клыки.

Эффрен, Серримунди, побережье Ларрикан — все прибрежные города восстановятся и снова будут процветать.

Но сначала Никки спасет мир.

Список произведений Терри Гудкайнда

МЕЧ ИСТИНЫ

- Первая исповедница (2012)
Долги предков (1998)
Первое правило волшебника (1994)
Камень слез (1995)
Защитники паствы (1996)
Храм Ветров (1997)
Дух огня (1999)
Вера падших (2000)
Столпы Сотворения (2002)
Голая империя (2003)
Огненная цепь (2005)
Призрак (2006)
Исповедница (2007)
Машина предсказаний (2011)
Третье царство (2013)
Разлученные души (2014)
Сердце войны (2015)

ХРОНИКИ НИККИ

- Госпожа Смерть (2017)
Саван вечности (2018)
Осажденные камнем (2018)
Сердце из черного льда (2020)

ДЕТИ Д'ХАРЫ

- Угольный человек (2019)
Мерзкие твари (2019)
Пустошь (2019)
Ведьмовская клятва (2020)
Врата во тьму (2020)



ТРИЛЛЕРЫ

- Скверна (2016)
Отродье (2018)
Девочка с луны (2018)
Шальная Ванда (2018)

НОВЕЛЛЫ

- Закон девяток (2009)
Небесные люди (2019)

Оглавление

Глава 1	5	Глава 19	121
Глава 2	12	Глава 20	125
Глава 3	18	Глава 21	132
Глава 4	27	Глава 22	138
Глава 5	35	Глава 23	145
Глава 6	42	Глава 24	153
Глава 7	48	Глава 25	161
Глава 8	58	Глава 26	166
Глава 9	66	Глава 27	172
Глава 10	72	Глава 28	180
Глава 11	76	Глава 29	184
Глава 12	81	Глава 30	192
Глава 13	85	Глава 31	199
Глава 14	93	Глава 32	204
Глава 15	99	Глава 33	212
Глава 16	103	Глава 34	222
Глава 17	108	Глава 35	232
Глава 18	116	Глава 36	235

Глава 37	240	Глава 50	333
Глава 38	247	Глава 51	342
Глава 39	255	Глава 52	348
Глава 40	261	Глава 53	353
Глава 41	267	Глава 54	361
Глава 42	275	Глава 55	366
Глава 43	283	Глава 56	372
Глава 44	289	Глава 57	378
Глава 45	296	Глава 58	381
Глава 46	304	Глава 59	387
Глава 47	309	Глава 60	394
Глава 48	315	Глава 61	400
Глава 49	324	Глава 62	406